

*К 77-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ
СОВРЕМЕННЫЕ КОНТЕКСТЫ
ГУМАНИТАРНОЙ МЫСЛИ
СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ
ТЕХНОЛОГИИ В СОЦИАЛИЗАЦИИ
БУДУЩЕГО ПРОФЕССИОНАЛА*

**Социальные
и гуманитарные науки
на Дальнем Востоке**

**The Humanities
and Social Studies
in the Far East**

*TO THE 77TH ANNIVERSARY
OF THE GREAT VICTORY*

*MODERN CONTEXTS
OF HUMANITARIAN THOUGHT*

*SOCIO-PEDAGOGICAL TECHNOLOGIES
IN THE SOCIALIZATION OF THE FUTURE
PROFESSIONAL*

Vol. XIX, Issue 2, 2022

Министерство
образования и науки России

Российский Союз ректоров

Совет ректоров вузов
Дальневосточного федерального округа

Министерство
транспорта России

ФГБОУ ВО
«Дальневосточный
государственный университет
путей сообщения»

**СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ**

Научно-теоретический журнал
издается с января 2004 года
выходит один раз в три месяца

**Том XIX
Выпуск 2, 2022**

Хабаровск, 2022

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Ministry of Transportation
of the Russian Federation

The Russian Rectors' Union

Federal State Budgetary
Educational Institution
of Higher Education
«Far Eastern State
Transport University»

Council of Rectors of Higher Educational
Institutions in the Far Eastern
Federal District

**THE HUMANITIES
AND SOCIAL STUDIES
IN THE FAR EAST**

Journal of Theoretical Research
Published since January 2004
Issued quarterly

**Vol. XIX
Issue 2, 2022**

Khabarovsk, 2022

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ю.М. Сердюков, д-р филос. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Отдел философии

Ю.М. Сердюков, д-р филос. наук, проф. (редактор отдела);
А.П. Забияко, д-р филос. наук, проф.; **Кальво-Мартинез Томас Мариано**, PhD (Испания);
Р.Л. Лившиц, д-р филос. наук, проф.; **Б.В. Марков**, д-р филос. наук, проф.;
И.Б. Микиртумов, д-р филос. наук, доц.; **С.В. Пишун**, д-р филос. наук, проф.

Отдел филологии

З.Г. Прошина, д-р филол. наук, проф. (редактор отдела);
У.М. Бахтикирева, д-р филол. наук, проф.; **Е.Л. Лысенкова**, д-р филол. наук, проф.;
Нобуюки Хонна, PhD (Япония); **Е.А. Первушина**, д-р филол. наук, проф.;
Раймонд Хики, PhD (Германия); **Г.Н. Ловцевич**, д-р филол. наук, проф.

Отдел психологии

К.И. Воробьева, д-р психол. наук, проф. (редактор отдела);
Л.Г. Дикая, д-р психол. наук, проф.; **А.Н. Занковский**, д-р психол. наук, проф.;
Н.А. Кравцова, д-р психол. наук, проф.; **Лора Роджерс**, PhD (США);
Мартин Кашорке, PhD (Германия); **Т.Х. Невструева**, д-р психол. наук, проф.

Отдел «Проблемы Дальнего Востока»

Е.Н. Спасский, д-р полит. наук, проф. (зам. главного редактора, редактор отдела);
М.А. Ковальчук, д-р ист. наук, проф.; **Н.Е. Мерецкий**, д-р юрид. наук, проф.;
О.А. Рудецкий, канд. филос. наук, доц. (ответственный секретарь);
Ю.А. Тюрина, д-р социол. наук, проф.; **С.В. Филонов**, д-р ист. наук, проф.;
Ж.В. Петрунина, д-р ист. наук, проф.

РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА

Е.Н. Спасский, д-р полит. наук, проф.; **Ю.А. Тюрина**, д-р социол. наук, проф.

СОТРУДНИКИ РЕДАКЦИИ

В.В. Халиман (web-мастер); **Е.В. Листопадова** (технический секретарь); **Е.Л. Рябкова** (переводчик)

*В соответствии с распоряжением ВАК РФ от 28 декабря 2018 г. № 90-р
научно-теоретический журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке»
включен в «Перечень по научным специальностям и соответствующим им отраслям науки»
по следующим отраслям научного знания и научным специальностям:*

- 1. Философские науки: 5.7.1 (09.00.01) – Онтология и теория познания;
5.7.2 (09.00.03) – История философии; 5.7.7 (09.00.11) – Социальная и политическая философия.*
- 2. Филологические науки: 5.9.5 (10.02.01) – Русский язык. Языки народов России;
5.9.6 (10.02.04) – Языки народов зарубежных стран (романо-германские языки);
5.9.8 (10.02.20) – Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.*
- 3. Психологические науки: 5.3.3 (19.00.03) – Психология труда, инженерная психология,
когнитивная эргономика*

*Печатается по решению Совета ректоров вузов
Дальневосточного федерального округа № СР/ДФО-54а от 9 октября 2002 г.*

УЧРЕДИТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения»
(680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47).

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер
и дата принятия решения о регистрации: серия ПИ № ФС77-77529 от 25 декабря 2019 г.

Адрес редакции: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д. 47, оф. 262,
Тел./факс: (4212) 40-71-93, E-mail: journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

EDITOR-IN-CHIEF

Y.M. Serdyukov, Doctor of Science (Philosophy), Professor

EDITORIAL BOARD

Philosophy

Yury M. Serdyukov, Doctor of Science (Philosophy), Professor, Executive Editor (Philosophy), Editor-in-chief

Andrei P. Zabayko, Doctor of Science (Philosophy), Professor

Tomás Mariano Calvo-Martinez, PhD (Spain)

Rudolf L. Livshits, Doctor of Science (Philosophy), Professor

Boris V. Markov, Doctor of Science (Philosophy), Professor

Ivan B. Mikirtumov, Doctor of Science (Philosophy), Associate Professor

Sergei V. Pishun, Doctor of Science (Philosophy), Professor

Philology

Zoya G. Proshina, Doctor of Science (Philology), Professor, Executive Editor (Philology)

Uldanai M. Bakhtikireyeva, Doctor of Science (Philology), Professor

Elena L. Lysenkova, Doctor of Science (Philology), Professor

Nobuyuki Honna, PhD (Japan)

Elena A. Pervushina, Doctor of Science (Philology), Professor

Raymond Hickey, PhD (Germany)

Galina N. Lovtsevich, Doctor of Science (Philology), Professor

Psychology

Klarisa I. Vorobyova, Doctor of Science (Psychology), Professor, Executive Editor (Psychology)

Larisa G. Dikaya, Doctor of Science (Psychology), Professor

Anatoliy N. Zankovsky, Doctor of Science (Psychology), Professor

Nataliya A. Kravtsova, Doctor of Science (Psychology), Professor

Laura Rogers, PhD (USA)

Martin Koschorke, PhD (Germany)

Tamara Kh. Nevstrueva, Doctor of Science (Psychology), Professor

Problems of the Far East

Evgeniy N. Spassky, Doctor of Science (Political Science), Professor,

Executive Editor (Problems of the Far East), Deputy Editor

Mikhail A. Kovalchuk, Doctor of Science (History), Professor

Nikolai E. Meretsky, Doctor of Science (Law), Professor

Oleg A. Rudetsky, Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor (Executive Secretary)

Yulia A. Tyurina, Doctor of Science (Sociology), Professor

Sergei V. Filonov, Doctor of Science (History), Professor

Zh.V. Petrunina, Doctor of Science (History), Professor

MANAGING EDITORS

Evgeniy N. Spassky, Doctor of Science (Political Science), Professor,

Yulia A. Tyurina, Doctor of Science (Sociology), Professor

EDITORIAL STAFF

V.V. Haliman (Web Designer); **E.V. Listopadova** (Technical Secretary); **E.L. Riabkova** (Translator)

Journal of theoretical research is published in accordance with the decision of the Council of Rectors of Higher Educational Institutions in the Far Eastern Federal District № CR/FEFD-54a of October 9, 2002

FOUNDER

Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education

«Far Eastern State Transportation University»

Office 262, 47 Seryshev Str., Khabarovsk, 680021

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Registration number and date of the registration decision:

Series PI № FS77-77529 of December 25, 2019

Editorial office address: Office 262, 47 Seryshev Str., Khabarovsk, 680021

Phone/fax: (4212) 40-71-93; E-mail: journal@festu.khv.ru

Web-site: www.eastjournal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	10
------------------	----

К 77-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

<i>Дубровский Д.И.</i> Великая Отечественная война. Патриотизм и мужество народа. Вопрос о цене победы	11
---	----

СОВРЕМЕННЫЕ КОНТЕКСТЫ ГУМАНИТАРНОЙ МЫСЛИ

<i>Полюшкевич О.А., Ким А.С.</i> Социальная солидарность как социальный феномен: к разработке концептуальной схемы в рамках социологической науки	32
<i>Ковынева Л.В., Штейнберг А.Г.</i> Кризис национально-стратегических PR: опыт факторного анализа.....	40
<i>Калашишникова И.В., Сигитова М.А., Аникеева Н.С.</i> Корпоративное лидерство: обзор современных концепций	46
<i>Фещенко Н.В.</i> Политика пенсионных реформ: международный опыт.....	53
<i>Любичкая Г.С., Казаку О.В., Аникеева Н.С., Спасский Е.Н.</i> Деятельностные риски молодежи в образовательной среде	61
<i>Зангиров В.Г.</i> Субъектность и объектность в социогуманитарном познании	68
<i>Абабкова Н.Н., Рыбалова А.В.</i> Опыт заводской рационализации в годы Великой Отечественной войны.....	75
<i>Ким А.С., Довгополов Е.Ю.</i> Постсоветское развитие Дальнего Востока: к разработке вариативной модели государственной региональной политики	81
<i>Анисимов А.Л., Зинятова М.Н.</i> Полиция и налоги на Дальнем Востоке в XIX веке.....	88
<i>Киреева Н.В.</i> Деятельность литературных институций приграничных территорий Дальнего Востока по укреплению российско-китайских литературных контактов.....	98
<i>Брейтман А.В.</i> Монтажность как принцип поэтики Маяковского	105

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОЦИАЛИЗАЦИИ БУДУЩЕГО ПРОФЕССИОНАЛА

<i>Лунева Л.П.</i> Высокое предназначение профессии преподавателя – «формировать гражданина и человека»: миф или реальность?	113
<i>Залеская О.В., Ситникова А.Е.</i> Технология развития иноязычной коммуникативной компетенции обучающихся в реализации инновационных проектов	120
<i>Леонтьев Ю.А.</i> Проблема формирования ценностного сознания в условиях кризиса идеологий	128
<i>Леонтьева Э.О.</i> Концепция социального поля и её эвристический потенциал для объяснения трансформаций высшего образования в период пандемии.....	134
<i>Гареева И.А., Соколова Т.Б.</i> Роль довузовской подготовки в системе качественного повышения профессионального образования в вузе	140
<i>Дейнекина Н.А., Кравченко О.В.</i> Проектная деятельность как один из видов организации самостоятельной работы студентов.....	147

<i>Костюк Я.И., Барчуков А.В., Тюрина Ю.А.</i> Анализ российской системы высшего образования и выявление источников конфликтных ситуаций в высшем учебном заведении	154
<i>Матвеева Н.Ю.</i> Смысловое содержание Великой Победы в формировании ценностей студенческой молодежи	161
<i>Пашков М.В., Савин С.Д.</i> Интерактивность процесса обучения в условиях виртуализации: новые требования к социально-гуманитарному образованию	168
<i>Мартынович С.Ф., Орлов М.О., Ручин В.А.</i> Становление молодого поколения России в условиях развивающейся сферы туризма: социально-философский аспект.....	173
<i>Харина И.В., Гладкая Е.Ф., Резанова Н.В., Чэнь Ци.</i> Роль технологий электронного обучения в китайской и российской системах профессионального образования (на примере обучения иностранным языкам бакалавров неязыковых вузов).....	180

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

<i>Авдошкина О.В., Паршин К.М., Потапов А.А.</i> Паршин Михаил Александрович – выдающийся инженер-вагонник и общественный деятель Хабаровского края	185
<i>Гончарова С.В.</i> Быт и характер народностей в контексте проблем колонизации Дальнего Востока России	200
<i>Титорева Г.Т.</i> Оленеводство эвенов Охотского района в 1930-е годы	206
<u>Менделев Н.Г.</u> , <i>Шкуркин А.М., Луценко Е.Л.</i> Проблемы незаконной миграции и способы их преодоления.....	211
К СВЕДЕНИЮ	217

CONTENTS

PREFACE.....	10
--------------	----

TO THE 77TH ANNIVERSARY OF THE GREAT VICTORY

<i>Dubrovsky D.I.</i> The Great Patriotic War. Patriotism and Courage of the People. The Question of the Price of Victory.....	11
---	----

MODERN CONTEXTS OF HUMANITARIAN THOUGHT

<i>Polyushkevich O.A., Kim A.S.</i> Social Solidarity as a Social Phenomenon: Towards the Development of a Conceptual Scheme Within the Framework of Sociological Science	32
<i>Kovyneva L.V., Shteinberg A.G.</i> The Crisis of National Strategic PR: the Factor Analysis Experience.....	40
<i>Kalashnikova I.V., Sigitova M.A., Anikeeva N.S.</i> Corporate Leadership: a Review of Modern Concepts	46
<i>Feshchenko N.V.</i> Pension Reforms Policy: International Experience.....	53
<i>Lyubitskaya G.S., Kazaku O.V., Anikeeva N.S., Spassky E.N.</i> Youth Activity Risks in Academic Environment	61
<i>Zangiurov V.G.</i> Subjectivity and Objectivity in Sociogumanitarian Knowledge	68
<i>Ababkova N.N., Rybalova A.V.</i> Experience of Factory Rationalization During the Great Patriotic War.....	75
<i>Kim A.S., Dovgopolov E.Yu.</i> Post-Soviet Development of the Far East: Towards The Development of a Variable Model Of State Regional Policy	81
<i>Anisimov A.L., Zinyatova M.N.</i> Police and Taxes in the Far East in the XIX Century	88
<i>Kireeva N.V.</i> Activities of Literary Institutions of the Border Territories of the Far East to Strengthen Russian-Chinese Literary Contacts	98
<i>Breitman A.V.</i> Montage as a Principle of Mayakovsky's Poetics.....	105

SOCIO-PEDAGOGICAL TECHNOLOGIES IN THE SOCIALIZATION OF THE FUTURE PROFESSIONAL

<i>Luneva L.P.</i> The Lofty Objective of the Academic Ptofession is to Mould a Person and a Spirit – Myth or Reality?.....	113
<i>Zalesskaya O.V., Sitnikova A.E.</i> Technology for the Development of Foreign-Language Communicative Competence of Students in the Implementation of Innovative Projects.....	120
<i>Leontiev Y.A.</i> The Problem of the Value Consciousness Formation in the Context of the Crisis Of Ideologies	128
<i>Leontyeva E.O.</i> The Concept of the Social Field and Its Heuristic Potential for Explaining the Transformations of Higher Education During The Pandemic	134
<i>Gareeva I.A., Sokolova T.B.</i> The Role of Pre-University Training in the Higher Education System	140
<i>Deinekina N.A., Kravchenko O.V.</i> Project Activity as One of the Organization Types of Student Independent Work.....	147
<i>Kostyuk Y.I., Barchukov A.V., Tyurina Yu.A.</i> Analysis of the Russian Higher Education System and Identification of Sources of Conflict Situations in a Higher Educational Institution.....	154

<i>Matveeva N.Yu.</i> The Semantic Content of the Great Victory in the Formation of Student Youth Values	161
<i>Pashkov M.V., Savin S.D.</i> Interactivity of the Learning Process in the Context of Virtualization: New Requirements For Social and Humanitarian Education	168
<i>Martynovich S.F., Orlov M.O., Ruchin V.A.</i> Formation of the Young Generation in Russia in the Conditions of the Developing Tourism Sphere: Social and Philosophical Aspect	173
<i>Harina I.V., G.Evgenia F., Rezanova N.V., Chen Qi.</i> The Role of E-Learning Technologies in the Chinese and Russian Systems of Vocational Education (On the Example of Teaching Foreign Languages to Bachelors of Non-Linguistic Universities)	180

PROBLEMS OF THE FAR EAST

<i>Avdoshkina O.V., Parshin K.M., Potapov A.A.</i> Parshin Mikhail Alexandrovich – An Outstanding Wagon Engineer and a Public Character of the Khabarovsk Territory	185
<i>Goncharova S.V.</i> Life and Character of Nationalities in the Context of the Colonization Problems of the Russian Far East	200
<i>Titoreva G.F.</i> Reindeer Herding of the Evens of the Okhotsk Region in the 1930s	206
<i>Mendelev N.G.</i> , <i>Shkurkin A.M., Lutsenko E.L.</i> Problems of Illegal Migration and Ways to Overcome Them	211
GUIDELINES	217

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемый читатель!

Этот номер нашего журнала открывает рубрика, посвященная 77-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. В ней только одна статья, но эта статья особая, поскольку принадлежит перу фронтовика, выдающегося отечественного философа Давида Израилевича Дубровского, который совсем мальчишкой ушел на фронт, воевал, был ранен, награжден боевыми орденами и медалями и многие послевоенные годы посвятил осмыслению этого поистине судьбоносного периода нашей истории.

Второй раздел – «Современные контексты гуманитарной мысли» – состоит из работ, посвящённых актуальным проблемам социальных и гуманитарных наук как теоретического, так и эмпирико-прикладного характера. Научно-отраслевая палитра статей весьма разнообразна, содержит работы социологической, философской, политологической, исторической, культурологической направленности. Речь, в частности, идёт о концептуализации феномена социальной солидарности (Полюшкевич О.А., Ким А.С.), аналитическом обзоре современных концепций корпоративного лидерства (Калашникова И.В., Сигитова М.А., Анисеева Н.С.), опыте факторного анализа национально-стратегических PR-кампаний (Ковынева Л.В., Штейнберг А.Г.), разработке вариативной модели государственной политики (Ким А.С., Довгополов А.Ю.), международном опыте проведения пенсионных реформ (Фещенко Н.В.), рискологических аспектах поведения студенческой молодёжи (Любицкая Г.С., Казаку О.В., Анисеева Н.С., Спасский Е.Н.), вопросах борьбы с незаконной миграцией (Менделев Н.Г., Шкуркин А.М., Луценко Е.Л.). Философско-гносеологическая проблематика представлена в статье В.Г. Зангирова (субъективность и объективность в гуманитарном познании), историческая тематика – в работах Абабковой Н.Н. и Рыбаловой А.В. (опыт заводской рационализации в

годы Великой Отечественной войны), Анисимова А.Л. и Зинятовой М.Н. (деятельность полиции и организация налогообложения на Дальнем Востоке в XIX в.). Культурологическая специализация раздела отражена в статьях Киреевой Н.В. (российско-китайские литературные контакты на приграничных дальневосточных территориях) и Брейтман А.В. (особенности поэтики В.В. Маяковского).

Третий тематический блок выпуска посвящён рассмотрению социально-педагогических технологий в процессе социализации будущих профессионалов. В разделе эксплицированы вопросы адаптации студентов к жизнедеятельности в университете, привития ценностей и норм корпоративной культуры вуза; мотивации студентов к активной и успешной деятельности, формирования надпрофессиональных навыков специалистов будущего; формирования патриотического сознания и гражданственности в личностно-профессиональном становлении молодежи, высоких духовно-нравственных качеств и норм поведения, ценностей семейной культуры молодежи; популяризации культуры безопасности в молодежной среде; формирования единой информационной среды институтского и университетского сообщества.

Четвёртый, традиционный раздел выпуска включает статьи по дальневосточной тематике. В нём представлены две этнографические работы. Первая затрагивает вопросы быта и характера народностей Дальнего Востока России в контексте колонизационных процессов (Гончарова С.В.), вторая исследует оленеводство эвенов Охотского района в 1930-е гг. (Титорева Г.Т.). В раздел также вошла публикация, посвящённая известному инженеру-вагоннику и общественному деятелю Хабаровского края М.А. Паршину (статья Авдошкиной О.В., Паршина К.М., Потапова А.А.).

Редакторы выпуска

К 77-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Научная статья

УДК 94(470)"1941/1945"

doi: 10.31079/1992-2868-2022-19-2-11-31

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА. ПАТРИОТИЗМ И МУЖЕСТВО НАРОДА. ВОПРОС О ЦЕНЕ ПОБЕДЫ

Давид Израилевич Дубровский

Институт философии РАН, Москва, Россия, ddi29@mail.ru

Аннотация. В статье критически рассматриваются факты и обстоятельства недостаточно правдивого освещения событий Великой Отечественной войны, особенно первых ее двух лет. Выясняются причины наших тяжелейших поражений в этот период, среди которых наряду со стратегическими просчетами руководства страны первостепенное значение имели сталинские репрессии, уничтожившие более 90 % высшего командного состава Красной армии. Показано, кто пришел им на смену, кто несет ответственность за неумелое руководство фронтами и армиями, каким числом жизней это было оплачено. Но вопреки всему именно благодаря мужеству, самоотверженности, героизму многих тысяч бойцов, народному патриотизму был сорван намеченный Гитлером блицкриг и немцы потерпели сокрушительное поражение под Москвой. На этот счет в статье приводятся многочисленные документальные свидетельства. Подробно анализируется Ржевская битва и роль в ней маршала Жукова, который руководил всеми тремя стратегическими наступлениями на Ржевском выступе, потерпевшими полное поражение, и несет прямую ответственность за колоссальные понесенные потери (около миллиона убитых). Указаны и другие военные операции, руководимые Жуковым, которые также сопровождалась огромными потерями. В этой связи отмечается непомерное превознесение его как «Маршала Победы», многолетняя подпитка мифологии вокруг его имени. Подчеркивается необходимость тщательного учета опыта Великой Отечественной войны в нынешней ситуации военных действий с нашими непримиримыми противниками.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, военные потери, блицкриг, Ржевская битва, патриотизм, И.В. Сталин, Г.К. Жуков

Д.И. Дубровский. Август 1944 г.

TO THE 77TH ANNIVERSARY OF THE GREAT VICTORY

Original article

THE GREAT PATRIOTIC WAR. PATRIOTISM AND COURAGE OF THE PEOPLE. THE QUESTION OF THE PRICE OF VICTORY

David I. Dubrovsky

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, ddi29@mail.ru

Abstract. The article critically examines the facts and circumstances of insufficiently truthful coverage of the events of the Great Patriotic War, especially its first two years. The reasons for our heaviest defeats during this period are being clarified, among which, along with the strategic miscalculations of the country's leadership, Stalin's repressions were of paramount importance, which destroyed more than 90% of the top command staff of the Red Army. It shows who replaced them, who is responsible for the inept leadership of the fronts and armies, how many lives it was paid for. But despite everything, it was thanks to the courage, dedication, heroism of many thousands of fighters, and national patriotism that the blitzkrieg planned by Hitler was thwarted and the Germans suffered a crushing defeat near Moscow. In this regard, the article provides numerous documentary evidence. The Battle of Rzhev is analyzed in

Д.И. Дубровский в день 70-летия Победы в Великой Отечественной войне с женой Ольгой Васильевной Дубровской и сыном Александром

detail and the role of Marshal Zhukov in it, who led all three strategic offensives on the Rzhev salient, which were completely defeated, and is directly responsible for the colossal losses incurred (about a million killed). Other military operations led by Zhukov are also indicated, which were also accompanied by huge losses. In this regard, the excessive exaltation of him as the "Marshal of Victory" is noted, the long-term feeding of the mythology around his name. The necessity of careful consideration of the experience of the Great Patriotic War in the current situation of military operations with our irreconcilable opponents is emphasized.

Keywords: Great Patriotic War; military losses; blitzkrieg; Battle of Rzhev; patriotism; I.V. Stalin; G.K. Zhukov

В защиту правды о войне

Хотя со дня Победы прошло 77 лет, до сих пор остается немало острых вопросов, недоговоренностей, умолчаний, а то и прямых искажений существенных фактов и событий. В значительной мере все это связано с чрезвычайной сложностью анализа доступных материалов, трудностями восстановления реальной картины в силу утраченных документов, закрытостью до сих пор некоторых архивов, уходу из жизни свидетелей наших побед и поражений, старанию ряда крупных военачальников изобразить себя в лучшем свете.

Особо надо сказать о тех официальных историях и разного сорта «идеологах», которые в угоду начальству намеренно, а иногда и по убеждению пытаются притупить острые углы правды о Великой Отечественной войне. Они обвиняют в очернении истории войны, в антипатриотизме тех, кто подробно пишет об ужасающих поражениях 1941–1942 гг. Но нам нужна правда! Война – суровое испытание, от которого зависит судьба народа. Она требует напряжения всех его сил, мобилизации всех жизненных ресурсов, сохранения веры и воли в тяжелейших ситуациях, способности во что бы то ни стало переломить неблагоприятный ход событий и добиться победы над непримиримым врагом. Правда, достоверное знание исторического опыта Великой Отечественной войны особенно нужно нам сегодня, в условиях наступившего перелома в развитии земной цивилизации, краха монополярного мира под эгидой США. Необходимо отдавать себе полный отчет, что специальная операция на Украине – ясное выражение предельного обострения противоречий между США с их европейскими союзниками, входящими в НАТО, и Россией, а в ряде существенных отношений также и с ведущими восточными странами, что в конечном итоге является результатом неуклонного нарастания глобального кризиса нашей потребительской цивилизации. Ее главный вектор, ее суть состоит в том, чтобы еще больше производить, чтобы еще больше потреблять, чтобы еще больше производить и т.д. Из этого замкнутого параноидального круга нет выхода, а это ведет к ожесточенной борьбе стран западного блока во главе с США за ресурсы и за политическое доминирование.

Дело дошло до того, что назревшие до предела противоречия уже не могут быть решены мирным путем. Но прямая война между НАТО и Россией

сейчас невозможна, ибо это была бы самоубийственная термоядерная война. Наши противники, однако, нашли выход. Они тщательно готовили и развязали против нас бескомпромиссную войну по всем направлениям: информационную войну в виде профессионально организованной кампании чудовищной русофобии, длящейся уже несколько лет; экономическую войну путем небывалых по масштабу санкций, стремясь сокрушить нашу экономику, и, наконец, настоящую войну с помощью вооруженных сил Украины. Специалисты из НАТО многие годы обучали и тренировали украинскую армию, готовили ударные отряды нацистов типа батальона «Азов», восемь лет поощряли войну в Донбассе, всячески стимулировали многолетний процесс зомбирования украинских граждан в духе националистической антироссийской идеологии, создавая образ России как главного, ненавистного врага. С Запада на Украину идут потоки новейшего оружия, ей на войну выделяют десятки миллиардов долларов. НАТО продолжает не только обучать украинских солдат, но и помогает в организации и проведении военных операций, более того, снабжает разведанными, используя свои космические и другие средства наблюдения, дает целеуказания для открытия эффективного огня. Страны НАТО во главе с США демонстрируют твердую решимость разгромить Россию, поставить ее на колени. Нет ни малейших сомнений, что в действительности это война между Россией и США с ее сателлитами, между Россией и НАТО, как бы это не затуманивалось теми, кто боится нашего ядерного оружия. Надо ясно понимать, что это решающая война для обеих сторон, война, которая носит **экзистенциальный** характер. Для нас и для них! В ней немыслима **ничья**, подобно тому, как это было немыслимо в войне с фашистской Германией. Пора осознать, что это в полном смысле слова **Отечественная война!**

Наша Родина сейчас в сложном положении, ей предстоит преодоление больших трудностей, прежде всего экономического характера, решение многих острых проблем. Нужна максимальная концентрация сил во всех сферах социальной жизнедеятельности. Но Россия обладает неопределимым историческим опытом борьбы и побед в тяжелейших условиях. Вот почему сейчас крайне важно осмысление опыта Великой Отечественной войны. Но для этого необходимо ее правдивое освещение, исключая замалчивание грубых ошибок, просче-

тов командования, тяжелых, часто неоправданных потерь, той дорогой цены, которую наш народ заплатил за победу.

Несмотря на катастрофические поражения первых двух лет войны, несмотря ни на что, народ выстоял и победил! И в этом несомненное свидетельство подлинного величия Победы, подлинного патриотизма и силы духа нашего народа. Записные «ура-патриоты» как будто не понимают, что, выстраивая свои мифологемы, они тем самым принижают подвиг народа, *Его* Великую Победу!

Цена Победы – это в первую очередь вопрос о потерях, о гибели миллионов людей. Всем нам важно знать: почему эти потери оказались такими большими? На то было, конечно, много причин. Но среди них, безусловно, на первом плане – сталинские репрессии в Красной армии, некомпетентность, грубейшие просчеты и ошибки руководства страны и военного командования. Под таким углом зрения я хочу кратко остановиться на некоторых важных событиях войны и затронуть ряд персоналий, что, возможно, будет полезным для анализа и понимания нынешней экстремальной ситуации и гражданского долга каждого истинного патриота нашей Родины.

1. Накануне войны

Всем понятно, кто виновен в кровавых репрессиях в Красной армии (1936–1941). Ведь накануне войны было уничтожено более 90 % ее руководящего состава [1; 22]. Нарком обороны К.Е. Ворошилов 29 ноября 1938 г. на заседании Главного военного совета Красной армии заявил: «В ходе чистки Красной армии в 1937–1938 гг. мы вычистили **более четырех десятков тысяч человек**». Кто остался? Какой чудовищный ущерб был нанесён всей армейской системе! Здесь важно вспомнить также о Финской кампании 1940 г., позиции и действиях Сталина, Наркомата обороны во главе с Тимошенко, Генштаба во главе с Жуковым и ещё раз о том, почему нападение фашистской Германии, как нам говорили, оказалось «внезапным»?

Все это имеет решающее значение для ответа на вопрос о цене Победы. Ведь армия по существу оказалась обезглавленной. Были расстреляны все (!) командующие военными округами и их заместители. Более того, за ними уничтожались их недолговременные сменщики. Вот яркий пример: в Забайкальском военном округе в 1937–1938 гг. сменилось пять командующих. Подобный конвейер с пулей в затылок захватил остальные армейские структуры. Было уничтожено всё (!) высшее командование Военно-морского флота, а потом расстреляны те, кто пришел им на смену (и так – пока продолжалась вся эта кровавая вакханалия). Расстрелян весь руководящий состав Политуправления Красной армии. Его руководитель Гамарник за-

стрелился сам. Арестованы и расстреляны ведущие военные специалисты – профессора военных академий. Разгромлена военная разведка, создававшаяся с таким трудом два десятилетия и отличавшаяся исключительно высокой эффективностью. Это касалось вначале ее руководящего звена, а затем самых ценных агентов, которых вызывали в Москву и ставили к стенке. Рихард Зорге, узнав об этом, отказался приехать, но продолжал самоотверженно действовать и снабжать Сталина ценнейшей информацией, которой, на беду, тот не доверял.

Уже после разгрома разведуправления начальником его политотдела был назначен Ильичев. Он доносил новому начальнику Политуправления РККА Мехлису: «Вам известно о том, что по существу разведки у нас нет. Нет военных атташе в Америке, Японии, Англии, Франции, Италии, Чехословакии, Германии, Финляндии, Иране, Турции, т.е. почти во всех главнейших странах». Вряд ли надо доказывать, что означает для страны, стоящей на пороге войны, паралич военной разведки. Правда, кое-кто из глубоко законспирированных агентов, внедренных в самые высокие правительственные и военные структуры Рейха, остался (вспомним хотя бы «Красную капеллу»), и они настойчиво слали в Москву ценнейшую информацию о сроках начала войны, плане «Барбаросса» и даже о его деталях.

В это время Сталин назначает начальником Разведуправления РККА свое доверенное лицо Ф.И. Голикова, человека совершенно некомпетентного в этой области, но зато хорошо знавшего, что от него ожидает вождь. Именно Голиков 20 марта 1941 г. докладывал Сталину: «Наиболее возможным сроком начала военных действий против СССР являться будет момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, быть может, германской разведки». И это за три месяца до начала войны! А ведь у Голикова была многочисленная, разнообразная и высоко достоверная информация, в том числе о самом плане «Барбаросса».

Говоря о репрессиях в армии, важно учитывать, что они начались еще в 1936 г., достигли апогея в 37–38 гг., когда «**вычистили более четырех десятков тысяч человек**», но репрессии активно продолжались в 39-м, затем в 40-м и даже в 41-м, когда в октябре, в самый разгар Московской битвы, были расстреляны *после жестоких пыток* генерал-полковник Локтионов, генерал-полковник, Герой Советского Союза Штерн, выдающиеся советские летчики генерал-лейтенант авиации, дважды Герой Советского Союза Смушкевич и 18 генералов-авиаторов, среди которых было 8 Героев Со-

ветского Союза. Вместе с ними расстреляны еще ряд армейских генералов и крупных деятелей военной промышленности, в том числе изобретатель гранатомета Таубин.

Но на этом массовые расстрелы не закончились. В конце января 1942 г. Берия представил Сталину список из 46 человек, в котором были фамилии 17 генералов, бывшего наркома боеприпасов Сергеева, ряда крупных руководителей военной промышленности. На нем Сталин синим карандашом наискось во весь лист наложил резолюцию: «Всех расстрелять».

Когда речь идет о наших огромных неоправданных потерях, то надо прежде всего помнить и об ужасающих безвозвратных потерях такого рода, вызванных сталинскими репрессиями.

2. Кто занял возникшие «вакансии» после репрессий? Кто командовал войсками в начале войны?

В результате репрессий почти целиком обновлись Наркомат обороны и Генштаб, все структуры управления в Красной армии. С начала войны командующие фронтами – Ворошилов, Павлов, Кирпонос, Будённый, Тимошенко, Кулик, Черевиченко, Голиков, Костенко и др. – в большинстве своем с трёх-четырёхклассным образованием, бывшие кавалеристы Первой конной, вознесенные на вершины власти, ясно обнаружили свое полное неумение руководить в новых условиях крупными воинскими соединениями.

Под статью им были очень многие командующие армиями, командиры корпусов, дивизий, бригад, полков (по этим вопросам можно было бы привести точные документальные данные). Вчерашний капитан становился командиром дивизии, а командир пехотного училища – даже командующим фронтом. Приведу лишь два показательных примера. Старший лейтенант-летчик Копец, воевавший в Испании и получивший звание Героя Советского Союза, по возвращении сразу стал полковником. В 1941-м он был уже командующим авиацией Западного фронта. Вечером 22 июня, облетая военные аэродромы, он увидел жуткую картину сотен уничтоженных на земле самолетов и застрелился.

Командующий Юго-Западным фронтом Кирпонос, по образованию фельдшер, прошедший обучение на ряде курсов для комсостава, был в 1940 г. лишь **полковником**, командиром пехотного училища, а к 1941 г., всего за 9 месяцев, прошел ступени генерал-майора, генерал-лейтенанта и стал **генерал-полковником**, командующим крупнейшим Юго-Западным фронтом. Примерно такое же образование и такая же стремительная карьера были у командующего Западным фронтом Павлова. Хорошо известны печальные, мягко выражаясь, результаты командования фронтами не

только Павлова и Кирпоноса, но и наших самых «главных» маршалов – Ворошилова, Буденного и Тимошенко.

3. Катастрофические поражения 1941 г. Масштабы потерь. Кто несёт ответственность?

С первого дня войны – цепь тягчайших поражений. Гибель в первые часы на аэродромах многих сотен не успевших взлететь самолетов (более 700 только на Западном фронте). Потеря за какие-то две недели большей части из 18 тысяч (!) танков, которыми располагала действующая армия. Сокрушительный разгром в течение считанных дней Западного фронта (командующий Павлов), сотни тысяч погибших и пленных. Окружения в *июне–июле* под Белостоком и Минском. Бои и окружения под Смоленском (*июль–август*). Сотни тысяч убитых, пленных, пропавших без вести. Окружение и разгром Юго-Западного фронта (*сентябрь*), командующий Кирпонос, более 600 тысяч пленных [3]. В *октябре* – Вяземский «котёл»: небывалое по масштабам в истории войн окружение и полный разгром сразу трёх фронтов – Западного, Резервного и Брянского (командующие Конев, Будённый, Еременко) [4]*. Неисчислимы потери в людях и технике. Москва в смертельной опасности, перед ней 500 км практически открытого, незащищенного фронта. 8 армий героически сражаются в окружении, отвлекая от наступления на Москву 28 дивизий противника, что помогло укрепить и удержать на время Можайскую линию обороны (самое опасное направление), подтянуть к Москве резервы из тыла и с других участков фронта.

В войсках трёх окружённых фронтов насчитывалось 1 250 000 человек. Из окружения (по самым щедрым подсчетам) вышло не более 250 тысяч. Следовательно, наши безвозвратные потери (убитые, взятые в плен, пропавшие без вести) составили порядка одного миллиона человек. В 1941 г., за 5 месяцев войны, немцы взяли в плен **3 миллиона 800 тысяч человек** (официальные данные). Таков был результат грубейших ошибок и просчетов командования фронтов, Генштаба под начальством Жукова и в первую очередь Сталина как полновластного правителя и Верховного главнокомандующего.

В ноябре вермахт подошёл к Москве. Жестокие сражения за Москву, массовый героизм, необыкновенная стойкость, самоотверженность, вплоть до самопожертвования многих тысяч ее защитников –

* В этой книге, по моему убеждению, дан наиболее полный, основательный и объективный анализ причин, фактов и последствий окружения в октябре 1941 г. трёх фронтов. Автор книги полковник Л.Н. Лопуховский, сын полковника Николая Ильича Лопуховского – командира 120-го гаубичного артиллерийского полка Резерва Главного командования, отличившегося во многих боях первых месяцев войны, попавшего в указанное окружение и героически погибшего при попытке выхода из него.

таков знакомый особенно в первые два года войны способ компенсации ошибок и просчетов командования. Здесь особенно ярко проявился патриотизм народа, его воля к победе. Любой ценой, во что бы то ни стало! И враг не прошел, вермахт под Москвой потерпел впервые сокрушительное поражение. Запланированный Гитлером блицкриг с треском провалился. Об этом следует сказать особо, ибо то, что произошло в начале декабря 41-го под Москвой, имело свои глубокие основания в предшествующие самые тяжкие месяцы войны.

4. Провал блицкрига

Несмотря на тягчайшие поражения первых месяцев войны, наша армия мужественно сражалась, наносила противнику невосполнимые потери. Под Москвой блицкриг ярко обнаружил на весь мир полный провал, но он с каждым месяцем, с каждым днем войны все более назревал, благодаря мужеству, отваге, героизму огромного числа воинов, их организованных групп, которые в немыслимо тяжелых условиях окружений, отступлений, поражений, местами панической неразберихи, растерянности командования, подавляющего превосходства противника, вопреки всему, били врага, стояли насмерть, существенно сокращая силу немецкой армии.

И это надо сказать не только об отдельных бойцах и их группах, но и о крупных воинских объединениях, отличившихся в первые месяцы войны. Их трудно перечислить. Это и героическая оборона Бреста, Могилева, Тулы, многих других городов и селений. Это подвиг 1-й Московской пролетарской дивизии, вставшей на пути танков Гудериана (ее командир Я.Г. Крейзер уже в первый месяц войны стал Героем Советского Союза, первым среди всех пехотных военачальников Красной армии). Это отважный 63-й корпус под командованием Л.Г. Петровского, который в июле, на фоне общего отступления, форсировал ночью Днепр, атаковал противника, прорвал его оборону и взял город Жлобин (что произвело сильное впечатление на самого Гудериана, немцы прозвали 63-й корпус «черным»). Это героические бойцы сибирских дивизий, закрывшие своей грудью Москву, это танковая бригада Катукова, громившая танки Гудериана, множество других воинских частей, которые нанесли вермахту непоправимый урон. Подробно первые месяцы войны, действия крупных соединений Красной армии описаны в книге А.В. Исаева [5], которая имеет подзаголовок «Остановленный блицкриг», что подчеркивает время, когда он явно назревал.

Но масштаб потерь, которые были нанесены немцам до их подхода к стенам Москвы, хорошо виден, когда речь идет о действиях именно крупных воинских подразделений. Весьма показательны в этом отношении и оценки самих немецких генералов высшего командного ранга, когда они

пишут о Советской армии и о собственных потерях *в первые месяцы войны*. Я решил привести некоторые материалы на этот счет.

Вот слова генерала Курта фон Типпельскирха, автора известного трехтомника о Второй мировой войне, весьма информированного человека, который ведал разведывательным отделением Генерального штаба, а затем командовал дивизией, корпусом и армией на восточном фронте: «Русские держались с неожиданной твердостью и упорством, даже когда их обходили и окружали. Этим они выигрывали время и стягивали для контрударов из глубины страны всё новые резервы, которые к тому же были сильнее, чем это предполагалось» [6: с. 336].

Но особенно интересны факты и оценки, приводимые командующим армией группы «Центр», главного фронта немецкой армии, нацеленного на Москву, фельдмаршала Фёдора фон Бока, взятые из его дневника, который он вел почти каждый день, и предназначенные не для прессы, а, так сказать, для внутреннего пользования [7].

По занимаемой должности он знал и мог достоверно оценивать лучше, чем кто-нибудь другой, общую картину сражений первых месяцев войны, — ведь именно он руководил этими сражениями и, как не раз повторял с горечью, «стоял у ворот Москвы». Обратите внимание, что я беру слова из его дневника, датированные определенными днями в каждом из пяти тяжелейших для нас месяцев с начала войны, причем привожу их без каких-либо комментариев, ибо они весьма красноречиво говорят сами за себя.

23.06.41. «Русские упорно сопротивляются. Замечено, что в боях часто принимают участие женщины» [7: с. 48].

26.06.41. «Оказывается, кое-какие бункеры цитадели Бреста всё ещё продолжают держаться, и наши потери там высокие» [7: с. 54].

27.06.41. «Поздно вечером пришло известие, что положение XXXXIII корпуса ещё более тяжелое, нежели мы полагали. Контакт между этим корпусом и IX корпусом потерян в районе Беловежской пуши — противник контратакует крупными силами у реки Зельвянка» [7: с. 56].

28.06.41. «Танковая группа Гота вошла в Минск; там продолжаются тяжёлые бои. Правый фланг группы подвергается непрерывным атакам со стороны котла ... Наши потери нельзя назвать незначительными ... За сто километров от линии фронта, в Семятичах, 293-я дивизия продолжает сражаться за несколько сильно укрепленных дотов, которые ей приходится брать штурмом один за другим. Несмотря на сильнейший артиллерийский огонь и использование всех имеющихся в нашем распоряжении современных средств нападения, гарнизоны этих дотов упорно отказываются сдаваться» [7: с. 57–58].

02.07.41. «Мои опасения относительно того, что впереди нас ждут тяжелые бои, похоже, оправдываются» [7: с. 62]. Фон Бок не раз повторяет, что успехи достаются вермахту «немалой кровью» [7: с. 63].

05.07.41. «Потери в личном составе серьезные. Материальная часть тоже сильно пострадала – в результате непрекращающихся боев и езды по ужасным дорогам» [7: с. 66].

08.07.41. «Русские, примкнув штыки, контратакуют позиции корпуса волнами, которые следуют одна за другой» [7: с. 73]. Русские войска «часто сражаются до последнего человека» [7: с. 74].

14.07.41. 17-й танковой дивизии «позавчера основательно дали по носу» [7: с. 81].

24.07.41. «Могилёв, который сейчас подвергается атакам трёх дивизий и сильному артиллерийскому обстрелу, находится на грани коллапса, но тем не менее всё ещё продолжает огрызаться. Всё-таки русские невероятно упрямы!» [7: с. 99].

29.07.41. «Продолжаются мощные атаки русских почти по всему фронту 9-й армии. На одном участке фронта мы насчитали до сорока батарей, которые вели огонь по нашим позициям... На некоторых участках, к примеру, в районе Белого, русским удалось вклиниться в наши боевые порядки... Но факты свидетельствуют лишь о том, что наши войска устали, а из-за больших потерь в офицерском составе далеко не всегда в состоянии демонстрировать необходимую стойкость» [7: с. 106–107].

31.07.41. «Котёл у Смоленска всё ещё не очищен от противника, хотя его атаковали бок о бок по всему фронту сразу четыре дивизии. Всё это чрезвычайно огорчительно, так как атаки противника на восточном фронте группы армий становятся всё более ожесточёнными, по причине чего мне пришлось снять с фронта вокруг "котла" часть войск, чтобы облегчить положение 3-й танковой группы (Гот)» [7: с. 109].

12.08.41. «Позавчера Русские прорвали оборону в секторе 5-й дивизии и даже добрались до места расквартирования дивизионной артиллерии. Я постоянно ломаю голову над тем, где и как раздобыть хоть какие-нибудь резервы. Противник, несмотря на огромные потери в людях и технике, ежедневно атакует меня в нескольких пунктах, так что говорить о перегруппировании или каком-либо манёвре войсками по фронту пока не приходится» [7: с. 126].

16.08.41. «Вклинивание русских в боевые порядки группы армий "Север" вызвало настоящий переполох» [7: с. 130].

19.08.41. «9-я армия докладывает, что противник ворвался в расположение наших войск на левом крыле VIII корпуса. 161-я дивизия истекает кровью и находится на пределе возможностей» [7: с. 134].

31.08.41. «Танковую группу Гудериана атакуют на обоих флангах, и она находится в тяжелом положении» [7: с. 150].

08.09.41. «Русские продолжают испытывать на прочность мою оборону посредством атак с различных направлений и различной силы» [7: с. 162].

01.10.41. «Пытаясь отогнать противника от южного крыла группы Гудериана, 25-я (моторизованная) дивизия была атакована русскими танками и поспешно отступила, бросив застрявшую в грязи технику, которой хватило бы, чтобы вооружить и снарядить целый полк» [7: с. 180].

31.10.41. «Наши потери растут. В зоне ответственности группы армий более двадцати батальонов находятся под командой лейтенантов» [7: с. 219].

21.11.41. «Поехал из Гжатска в расположение XII корпуса. Командир корпуса явно находится под впечатлением от имевших место ожесточенных сражений и самыми мрачными красками описывает состояние своих дивизий, чьи возможности, по его словам, полностью исчерпаны. Потери, в особенности в офицерском составе, дают о себе знать. Многие лейтенанты командуют батальонами, один обер-лейтенант возглавляет полк. Численность некоторых полков сократилась до 250 человек. Личный состав страдает от холода и неадекватных условий размещения. Короче говоря, корпус, по мнению его командира, как боевая единица больше функционировать не в состоянии» [7: с. 247].

07.12.41. Фон Бок заявляет, что «численность германских дивизий сократилась более чем наполовину в результате непрерывных боев и связанных с зимними холодами бедствий. Боеспособность бронетанковых войск и того ниже. Потери среди офицерского и унтер-офицерского состава просто шокируют. В процентном отношении они много выше, нежели потери среди рядового состава» [7: с. 275].

08.12.41. «Ситуация на фронте 2-й армии резко обострилась, когда противник прорвал оборону в секторе 95-й дивизии и вклинился в наши позиции, имея на острие наступления крупные силы кавалерии и пехотную дивизию. У армии не осталось резервов, а все её соединения измотаны непрерывными боями» [7: с. 281].

13.12.41. «В Почепе, откуда я снял дивизию сил безопасности, чтобы усилить 2-ю армию, партизаны взорвали железнодорожный мост» [7: с. 285].

И вот финал: «К сожалению, моё физическое состояние за последнее время настолько ухудшилось, что я был вынужден просить Браухича подыскать мне замену, так как не знаю, сколько ещё времени смогу оставаться на ногах...» [7: с. 286].

Но давайте потратим пару минут и послушаем еще генерала Гудериана, командующего 2-й танковой группой, самой грозной ударной силы вермахта

при наступления на Москву (цитаты приводятся из его книги [8]);

22 июня. «Внезапность нападения на противника была достигнута на всем фронте танковой группы... Однако вскоре противник оправился от первоначальной растерянности и начал оказывать упорное сопротивление» [8: с. 209].

25 июня. «Особенно ожесточенно оборонялся гарнизон имеющей важное значение крепости Брест, который держался несколько дней, преградив железнодорожный путь и шоссе, ведущие через Западный Буг в Мухавец» [8: с. 210].

1 июля... противник, как всегда, оказывал упорное сопротивление» [8: с. 218].

14 июля... 10-я танковая дивизия достигла населённых пунктов Горки и Мстиславль, понесла в тяжелых боях большие потери, особенно в артиллерии...» [8: с. 235].

15 июля. «В 17 часов я был у генерала Неринга, командира 18-й танковой дивизии, которая вела тяжелые бои у Гусино. Он доложил мне о значительных потерях, которые понесли его тылы под Добрынь (24 км юго-восточнее Орши)» [8: с. 236].

23 июля Гудериан приехал в 10-ю танковую дивизию. Ее командир генерал Шааль доложил, что в тяжелых боях войска «были остановлены у хорошо оборудованных позиций русских. Он считал, что дивизия потеряла не менее одной трети всех своих танков» [8: с. 243].

К 31 августа... 10-я мотодивизия достигла пункта севернее Короп, но в результате стремительной контратаки русских была отброшена обратно на противоположный берег; крупные силы противника наступали также и на её правый фланг. Введением в бой последних сил личного состава хлебопекарной роты с большим трудом удалось избежать катастрофы на правом фланге» [8: с. 281].

18 сентября сложилась критическая обстановка в районе Ромны» [8: с. 298].

20 сентября... Особенно отважно воевали на стороне русских курсанты Харьковского военного училища под командованием своих преподавателей» [8: с. 300].

6 октября наш командный пункт был перемещён в Севск. Южнее Мценска 4-я танковая дивизия была атакована русскими танками, и ей пришлось пережить тяжелый момент. Впервые проявилось в резкой форме превосходство русских танков Т-34. Дивизия понесла значительные потери. Намеченное быстрое наступление на Тулу пришлось пока отложить» [8: с. 315].

8 октября. «Тяжесть боев постепенно оказывала своё влияние на наших офицеров и солдат... На поле боя командир (4-й танковой дивизии) показал мне результаты боев 6 и 7 октября, в которых его боевая группа выполняла ответственные задачи.

Подбитые с обеих сторон танки ещё оставались на своих местах. Потери русских были значительно меньше наших потерь... Впервые со времени начала этой напряженной кампании у Эбербаха был усталый вид, причём чувствовалось, что это не физическая усталость, а душевное потрясение. Приводил в смущение тот факт, что последние бои подействовали на наших лучших офицеров» [8: с. 318].

27 ноября. «Утром я прибыл в Епифань, где генерал Лемельзен доложил мне, что ночью 29-я мотодивизия очутилась в критическом положении... не смогла сдержать прорвавшихся русских и понесла большие потери» [8: с. 343].

6 декабря Гудериан пишет, что ночью впервые с начала войны он решил прекратить наступление. «В ту же ночь с 5 на 6 декабря вынуждены были прекратить своё наступление также 4-я танковая армия Гепнера и 3-я танковая армия Рейнгардта, вышедшая с севера к пункту, находившемуся в 35 км от Кремля, так как у них не было сил, необходимых для достижения Великой цели, уже видневшейся перед ними... Наступление на Москву провалилось. Все жертвы и усилия наших доблестных войск оказались напрасными...» [8: с. 351].

Можно заключить, что эти слова ярко знаменуют крах блицкрига. Наше общее наступление успешно началось. Немецкий фронт прорван во многих местах. Захвачены большие трофеи. Немцы местами панически бегут. Гитлер принимает чрезвычайные меры, чтобы остановить отступление. Он издает приказ: немедленно расстреливать всех, кто оставил позиции без приказа, создает заградительные отряды СС. И надо признать, что в январе ему удастся стабилизировать фронт. Формируется знаменитый Ржевско-Вяземский выступ со многими извилинами, весьма удобными для ударов по флангам еще не устоявшейся, слабой немецкой обороны и окружения 9-й армии вермахта. Но эти возможности не были использованы из-за грубых ошибок Верховного главнокомандования и лично Жукова.

После разгрома под Москвой у Сталина возникла эйфория победителя, он уверовал, что вот сейчас создались условия для полного разгрома немецкой армии. И он приказал начать наступления на многих участках советско-германского фронта, распылив тем самым свои силы и не достигнув существенных результатов, а лишь умножив потери. Аналогично Жуков, командующий Западным фронтом, тоже вместо того, чтобы собрать силы в единый кулак, предпринял одновременно атаки на многих участках Ржевско-Вяземского выступа. Но немцы отбили эти атаки с большими для нас потерями, укрепили оборону и 15 месяцев смогли сохранять свои позиции, не столь далекие от Москвы. Все это время здесь шли кровавые бои, получившие название Ржевской битвы.

5. Ржевская битва. Поражения и потери

Ржевская битва была одной из самых крупных по масштабу и длительности, одной из самых кровопролитных за всю историю войны, важнейшие события и результаты которой замалчивались, затушевывались, скрывались в архивах многие десятилетия [9; 10]. Причиной этого было и проявляется до сих пор стремление скрыть неблагоприятную роль некоторых наших главных военачальников, прежде всего «Маршала Победы» Жукова, в тех поражениях и страшных потерях, которые принесла Ржевская битва. Ведь именно Г.К. Жуков стоял во главе Западного фронта и Западного направления во всех решающих этапах сражения за Ржевско-Вяземский выступ. Ржевская битва длилась 15 месяцев. В ней выделяют четыре основных этапа, которые мы попытаемся кратко рассмотреть.

1. Ржевско-Вяземская наступательная операция (8 января – 20 апреля 1942 г., командующий Жуков). После начала успешного наступления под Москвой – окружение и гибель героической 33-й армии генерала Ефремова по прямой вине Жукова [11; 12], окружение 39-й армии и 11-го кавалерийского корпуса, частичное окружение 22-й и 41-й армий. За период кровопролитных безрезультатных боев в январе–феврале 22-я армия дважды (!) полностью теряла свой состав. План взятия Западным фронтом Вязьмы, Сычёвки, Ржева провалился. Огромные потери, по официальным данным 776 889 человек. Опять многие десятки тысяч пленных. Историк С.Н. Михалёв, исследователь этой операции, приводит цифру потерь 948 тыс. человек [13]. И это при условии героических действий отдельных воинских частей, которые надо помнить. Среди них выделяется не только героическая 33-я армия генерала Ефремова, но и 1-й кавалерийский корпус генерала Белова. В течение пяти месяцев он отважно сражался в тылу врага, громил немецкие гарнизоны и коммуникации, освободил обширную территорию в районе Дорогобужа.

Располагая намного превосходящими силами, немцы стремились во что бы то ни стало уничтожить поредевший корпус Белова, начали планомерное наступление, окружили его и тесно сжимали кольцо. Шли тяжелейшие бои. Был случай, когда немецкие танки прорвались к штабу. Но атака была отбита, и Белову, в который уже раз, удалось вырваться из кольца. Вот кто проявил блестящие образцы тактического и оперативного искусства, находя неожиданные для противника варианты действий, ускользая от расставленных ловушек и нанося в то же время врагу чувствительные удары. А ведь для уничтожения группы Белова были задействованы 7 полнокровных дивизий и более двух сотен танков. У него же было всего 17 тыс. человек, включая многих раненых. Он нашел един-

ственно правильное решение: вопреки приказу Жукова выбрал другое направление и вывел свои войска из окружения. Начальник Генерального штаба вермахта Гальдер записал в своем дневнике: «На фронте группы армий "Центр" войска русского генерала Белова снова прорвались в направлении Кирова. Нам это не делает чести!» [14: с. 295].

2. Первая Ржевско-Сычевская (Гжатская) наступательная операция (30 июля – 30 сентября 1942 г.). Командующий Жуков стал к тому времени заместителем Верховного главнокомандующего и обладал неограниченной властью. Наши войска: около 500 тыс. личного состава, 1800 танков, более 1000 самолетов. Достигнут большой перевес сил над немецкой армией. В жесточайших боях наши войска немного продвинулись, захватили Зубцов и посёлок Карманово. Но поставленная задача не была решена. Снова грубейшие ошибки командования, непрерывное повторение атак в лоб, снова тяжелейшие потери. 30-я армия, штурмовавшая непосредственно Ржев, уже только в августовских боях потеряла 80 тыс., практически весь свой первоначальный состав. Но она снова получила 74 тыс. человек и продолжала безрезультатные бои за Ржев. Широко известной стала деревня Полунино около Ржева, которую штурмовали в лоб почти двадцать дней. Там братская могила, в которой похоронено 13 тыс. воинов.

Чтобы представить себе реальную картину боев за Ржев, послушаем воспоминания их участников. Они называли эти бои «Ржевской мясорубкой». Вот слова Петра Михина, бывшего командира взвода 1028-го артполка: «Наша 52-я дивизия наступала на Ржев с севера, через Полунино, в самый "лоб" противника. За 6 месяцев боев мы продвинулись на 6 километров. Освободили четыре пепелища и оставили после себя две братские могилы по 13 тысяч человек в каждой» [15]. Две полные дивизии! Сейчас эти братские могилы ухожены, установлены памятники; они постоянно пополняются в результате поисков захороненных солдат, проводимых отрядами волонтеров.

Приведу еще несколько свидетельств. Бывший командир минометного взвода Л.М. Вольпе вспоминал: «Мне пришлось пройти всю войну, но такого количества убитых наших бойцов не довелось увидеть никогда. Вся поляна (4 км в глубину и 6 км в ширину) была усеяна трупами убитых». Другой очевидец А. Цветков в своих фронтовых заметках писал, что когда их танковую бригаду перебросили в район деревни Дешевка (севернее Ржева и деревни Полунино), то, выйдя из машины и оглядевшись, танкисты пришли в ужас: вся местность была покрыта трупами солдат. Трупов было так много, что как будто их кто-то скопил и свез сюда как траву. «Нашим саперам досталось всех больше. Командир

взвода Тараканов, тяжело вздыхая, рассказывает: "Тысячи их тут, трупов-то... Бились без пощады, насмерть... Жуткая картина, отродясь такого не видывал"» (воспроизведено по книге: [9: с. 138]).

В довершение картины приведу еще одно место из воспоминаний Петра Михина: «Умирать никому не хотелось, но бежали вперед – наступали и умирали. Сколько "долин смерти", "роц смерти", "болот смерти" мы нарекли и оставили после себя! Но всё же метрами продвигались вперед». В некоторых таких «долинах смерти» трупы лежали в три слоя. Михин продолжает, рассказывая о том, как ему пришлось ползти по такой «долине», чтобы восстановить связь (это не для слабонервных!): «Июльские дожди сменились августовской жарой. Трупы никто не убирал, было не до них. Они быстро разлагались, вздувались, кишели червями. Над полем стоял неимоверный смрад. Рвущиеся мины и снаряды беспрестанно потрошат их, перебрасывают с места на место... Тебя наизнанку выворачивает от приступа рвоты, а ты должен ползти между этими трупами, прятаться за ними от огня противника. Снаряд разорвется и опрокинет на тебя пару вздувшихся трупов...» [15: с. 148–157].

Пусть вам не покажется, что я слишком нагнетаю ужасающие картины. Это надо знать! Это надо повторять! Чтобы не забывали, какой ценой часто доставалась победа. Чтобы помнили, как солдаты выполняли свой долг перед Родиной, несмотря ни на что – ни на страх смерти, ни на безрассудные приказы (об этом в боях под Ржевом можно прочесть у многих; сильное впечатление оставляют воспоминания Горбачевского [16], участвовавшего в Ржевской битве от начала до конца.

Три недели шли безрезультатные кровопролитные бои. Лишь в двадцатых числах августа наметились некоторые частные успехи. 30-я армия взяла, наконец, деревню Полунино и вышла к окраинам Ржева. В сентябре 30-я армия предприняла еще ряд мощных штурмов, но Ржев так и не был взят; почти полгода он оставался еще в руках немцев. Не было существенных продвижений и на других участках Ржевско-Вяземского выступа.

Немцы тоже понесли очень большие потери. 16 немецких дивизий лишились около 50 % личного состава. Но немцы выстояли. Ржев, Гжатск, Сычевка, Вязьма, Белый остались в их руках. Главная задача, поставленная Верховным командованием, опять не была выполнена. Причины неудач все те же: лобовые атаки, скученность войск при наступлении, неумелое использование танков, отсутствие их должного взаимодействия с пехотой. Но главное – ошибки командования при планировании операции, отсутствие информации о структуре немецкой обороны, неумелое управление войсками, распыление сил и средств, когда войска одновременно дей-

ствовали на трех разных направлениях – ржевском, сычевском, гжатском, в лоб против мощной, глубоко эшелонированной обороны противника.

Говоря о причинах неудачи этой операции, Жуков, назначенный Сталиным 26 августа заместителем Верховного главнокомандующего, считал, что если бы у него еще «были одна-две армии», то он смог бы добиться окружения и разгрома противника [17: с. 375]. Но это вряд ли смогло бы ему помочь при такой организации и таком проведении боевых действий.

Общие наши потери составили более 300 тыс. человек, 1200 танков. Положительное значение этой операции, как и предыдущей, было все же в том, что они не позволяли немцам перебрасывать с этого фронта войска под Сталинград, где в это время шли тяжелейшие бои.

3. Вторая Ржевско-Сычевская операция под кодовым названием «Марс» (25 ноября – 20 декабря 1942 г.). Это была крупнейшая по масштабам операция, инициированная, организованная и проводимая Жуковым под его личным руководством. Она ставила самостоятельную стратегическую цель – окружение и уничтожение 9-й армии вермахта.

Важно отметить, что операция «Марс» разрабатывалась и проводилась почти в одно и то же время, что и операция «Уран» (наступление советских войск под Сталинградом); началась она, когда наши войска уже замкнули кольцо окружения немецких войск в Сталинграде. «Марс» был той частью Ржевской битвы, которая в наибольшей степени замалчивалась многие десятилетия, скрывалась в тени великой Сталинградской победы. До сих пор не опубликованы важные документы Ставки, касающиеся организации и проведения операции «Марс».

Между тем по масштабу привлечения сил и средств «Марс», как это ни покажется на первый взгляд странным, существенно превосходил операцию «Уран». По официальным данным перед началом операции «Марс» в составе Западного и Калининского фронтов было 702 924 человека и 1718 танков. Перед началом операции «Уран» в составе проводивших ее Сталинградского, Юго-Западного и Донского фронтов было 667 478 человек и 1318 танков; по другим позициям превосходство также было на стороне «Марса».

Что касается соотношения наших сил перед операцией «Марс» и сил противника, то у нас было на направлениях главных ударов подавляющее превосходство: по личному составу 4:1, по артиллерии 2:1, по танкам 10:1. Вскоре, правда, немцы усилили 9-ю армию тремя танковыми, кавалерийской и моторизованной дивизиями. Но наше превосходство всё равно оставалось весьма значительным.

25 ноября наступательные бои сразу начались в трех направлениях: на восточной, северной и западной стороне ржевского выступа. Операция с самого начала не заладилась, шел снег, метель, нарушилось взаимодействие и управление войсками. На направлении главного удара 20-й армии не удалось прорвать немецкую оборону. Она лишь немного потеснила противника. Надо было срочно вводить в бой второй эшелон – 8-й гвардейский стрелковый корпус, 6-й танковый и 2-й гвардейский кавалерийский корпус.

Но как это происходило у переднего края? Об этом сообщал военный прокурор 2-го гвардейского кавалерийского корпуса военному прокурору Западного фронта: «Незначительная по размерам площадь была наводнена войсками, обозами, транспортом, боеприпасами, артиллерией, кавалерией и другими родами войск. Причем местность открытая, лесов нет. Вследствие чего части, обозы, транспорт, артиллерия, кавалерия смешались между собой, столпились в лощину. Противник простреливает наши боевые соединения в глубину справа и слева артиллерийским, минометным огнем, кроме того, бомбит с воздуха. Наши части укрытия не имеют и, скопившись сплошными толпами в лощинах и на полях, несут колоссальные потери в людях, лошадях и технике. Балки в отдельных местах покрыты тысячами трупов людей, лошадей, ряд полков являются почти не боеспособными в силу колоссальных потерь в людском и конском составе. На мой взгляд, единого централизованного командования частями и соединениями, расположенными на указанном участке, нет...» [9: с. 159].

Кто планировал такое «сосредоточение» второго эшелона? Кто виноват в этой преступной неразберихе, в гибели тысяч бойцов до самого наступления? Где было командование фронтом? Где был Г.К. Жуков?

27 ноября части 6-го танкового и 2-го гвардейского кавалерийского корпусов с большими потерями, но всё же прорвали немецкую оборону, пересекли железную дорогу Ржев–Сычевка – и оказались в окружении. Соседняя 31-я армия в результате трехдневных боев так и не смогла прорвать немецкую оборону. В ночь на 30 ноября остатки 6-го танкового корпуса при поддержке извне вырвались из окружения, потеряв при этом все танки и большую часть личного состава. Героические кавалеристы, которые разрушили участок железной дороги Вязьма–Ржев и взорвали на ней мост, не смогли пробиться из окружения и ушли на запад в леса. Они успешно сражались в тяжелейших условиях, нанося удары по немецким гарнизонам и коммуникациям, и вышли к своим в западной части выступа только в январе 1943 г.

В начале декабря у Ржева шли ожесточенные, кровопролитные бои. Пополненной 20-й армии удалось прорвать первую линию обороны и продвинуться на 6 километров. 30-я армия захватила небольшой плацдарм на южном берегу Волги. Но дальнейшего продвижения добиться не удалось. Немцы неоднократно контратаковали и сохранили основные оборонительные позиции.

На западном направлении Ржевского выступа главный удар должен был нанести 6-й Сталинский добровольческий стрелковый корпус, состоявший из добровольцев-сибиряков. Но ему с самого начала сильно не повезло (опять по прямой вине командования). Он добирался до передовой 170 километров пешком по безлюдному заснеженному лесному бездорожью, причем впроголодь. Его *«забыли»* поставить на довольствие. Голодные, истощенные бойцы почти 20 суток продирались по метровым сугробам, сквозь лесные чащобы, тащили на себе вооружение, падая от усталости, ночуя на морозе. Много больных и обмороженных, встречались случаи смерти от истощения. Да, это были сибиряки, но есть предел человеческим силам.

На месте корпус подкормили, дали немного отдохнуть и – вперед, в атаку. Удивительно, место для наступления было выбрано командованием крайне неудачно, а точнее говоря, преступно-небрежно. Узкая долина шириной чуть больше километра, вокруг господствующие высоты, занятые немецкими войсками, которые вели фронтальный и перекрестный огонь. Колоссальные потери. Сибиряки неуклонно шли вперед волна за волной, по трупам своих товарищей. И они прорвали немецкую оборону. Но оставили после себя очередную «долину смерти». Там похоронено более 12 500 бойцов! Очередная дивизия мертвых! Сейчас на этом месте создан Мемориал Славы воинам-сибирякам.

Вслед за остатками 6-го Сталинского добровольческого корпуса в прорыв был сразу введен 1-й мехкорпус. Вместе с сибиряками он продвинулся на 25 километров и перерезал шоссе Белый–Владимирское, по которому шло снабжение немецких войск. Но тут начались контратаки и наступление остановилось. А дальше, как это повторялось множество раз, наши войска были окружены. Почти десять дней они героически сражались в окружении под командованием умного и отважного генерала М.Д. Соломатина. Наконец, 15 декабря Жуков разрешил прорыв из окружения, приказал, уничтожив технику, пробиваться к своим. Генерал Соломатин умело выполнил эту трудную задачу.

Упорные кровопролитные бои продолжались на всех участках Ржевского выступа, но безрезультатно. Жуков заменил некоторых командующих армиями и командиров соединений. Но это ни к чему не привело. Наступление выдохлось, резервов уже не было.

Об ужасающих потерях свидетельствуют такие официальные данные. 20-я армия потеряла 58 524 человека, 8-й гвардейский стрелковый корпус за пять дней боев – 6508 человек, 6-й Сталинский стрелковый корпус (о котором подробно говорилось) – 25 400 человек, 5-й танковый корпус за три дня боев потерял полную штатную численность танков, 6-й танковый корпус потерял фактически два своих полных штатных состава людей и танков, 41-я армия потеряла 50 636 человек, 39-я армия – 36 158 человек, 1-й мехкорпус – 8180 человек. По официальным данным, общие потери составили 215,7 тыс. человек и 1366 танков. Но эти данные, по убеждению серьезных исследователей Ржевской битвы, далеко не полны. По их расчетам, наши потери в операции «Марс» составили более 300 тыс. человек и 1600 танков. Разумеется, немцы тоже понесли очень большие потери, но не сравнимые с нашими. Мы опять не решили главной задачи. Под Сталинградом наши войска торжествовали Победу. А операция «Марс» провалилась. Вот что значат ошибки, самонадеянность, некомпетентность и безответственность высшего командования. И это при героических, самоотверженных действиях многих воинских подразделений (под руководством генералов Каткуова, Соломатина и др.).

Причины столь тяжелой неудачи анализировались многими исследователями. Наиболее полно, пожалуй, все аспекты и события операции «Марс» были отображены в книге американского военного историка Дэвида Гланца [18]. Так считают, несмотря на ряд критических замечаний, большинство российских историков-специалистов по исследованию Ржевской битвы, они высоко оценивают эту книгу (см. Предисловие к ней А. Исаева). Д. Гланц приходит к однозначному выводу, что вина за неудачу операции и, главное, за страшные людские потери лежит на командовании фронтов и лично на Г.К. Жукове.

Сам Жуков писал: «Разбираясь в причинах неудавшегося наступления войск Западного фронта, мы пришли к выводу, что основной из них явилась недооценка трудностей рельефа местности, которая была выбрана командованием фронта для нанесения главного удара» [17: с. 415]. «Другой причиной неудачи был недостаток танковых, артиллерийских, минометных и авиационных средств для прорыва обороны противника» [17: с. 416].

Но как же так?! Ведь именно Жуков фактически руководил двумя предыдущими наступательными операциями в тех же местах и обязан был досконально знать особенности «рельефа местности», знать наизусть карту театра военных действий, не повторять прошлых ошибок. Что касается «недостатка средств», то если вспомнить, какими средствами он располагал в начале операции, насколько

они превосходили силы противника, то можно только развести руками.

На самом деле причины провала операции «Марс», как это подтверждал анализ, проведенный по указанию Генерального штаба, в точности повторял ошибки и недостатки прошлых операций: просчеты и грубейшие ошибки в планировании наступления, непрерывные атаки в лоб глубоко эшелонированной обороны противника без знания того, что находится у него за передним краем, неправильное использование танковых и механизированных корпусов, что не давало ожидаемого результата и вело к огромным потерям.

Интересно, что в книге «Воспоминания и размышления» операции «Марс» Жуков уделяет две с половиной страницы. Из них целую страницу занимает цитирование Директивы Ставки Главного командования от 29.11.1942 г., а на остальных полтора страницах бегло, в самых общих чертах излагаются сами события, как вполне заурядные, ни в коей мере не претендующие на стратегическое значение. Нет ни слова о масштабах операции «Марс» и самого названия этой операции, а говорится только о Сталинградской операции «Сатурн», проводимой после окружения немецких войск. Из чтения текста создается впечатление, что он не руководил повседневно операцией «Марс», и лишь однажды по приказанию Сталина прибыл в штаб Западного фронта, когда этот фронт не смог прорвать немецкую оборону, и он должен был принять меры, а все остальное время находился под Сталинградом, решал там главные вопросы (см. там же: с. 410–422, на которых Жуков описывает свою деятельность в период с 23 ноября по 28 декабря, т.е. во время проведения операции «Марс»). Следует сказать и о том, что он не выделяет основные этапы Ржевской битвы, говорит о них скопом, всего в нескольких абзацах, причем в позитивной, даже победной тональности, не упоминая об огромных потерях и своей личной ответственности (в двух-трех местах обвиняет в ошибках Главное командование, не посчитавшееся с его мнениями). Все это производит впечатление предвзятости, недостоверности и самовосхваления.

4. Ржевско-Вяземская наступательная операция (2–31 марта 1943 г.). Немецкий «Бюффель». После поражения в Сталинградской битве и осложнений на других участках фронта гитлеровское командование приняло решение оставить Ржевско-Вяземский выступ, планомерно отвести из него войска на основе тщательно разработанной операции под названием «Бюффель». Они специально построили дороги, создали ряд последовательных хорошо укрепленных рубежей, на каждом из которых арьергарды держали оборону до тех пор, пока главные силы организованно не отойдут на следующий ру-

беж, а ночью отходили и закреплялись на очередной подготовленной позиции. При этом были вывезены не только все военные материалы, все склады, большое количество промышленного оборудования, но все мыслимые материальные ценности, вплоть до сотен километров снятых железнодорожных рельсов, выведены тысячи голов крупного рогатого скота. Все это тщательно маскировалось.

Наше командование готовило очередную стратегическую операцию по уничтожению 9-й армии вермахта, но оно «проспало» операцию «Бюффель», несмотря на многочисленные сообщения разведки. В ночь на 3 марта из Ржева, Оленино и других пунктов незаметно были выведены войска, и началось планомерное отступление по рубежам.

Вместо окружения отступающего противника нашим войскам пришлось пробивать с боем каждый рубеж. На пути только 30-й армии их было 13. Несмотря на то, что эта операция носила характер преследования и открывала возможности окружения и расчленения войск противника, этого не произошло. Наши потери опять оказались большими – 138 527 человек (по официальным данным).

Жуков в этом завершающем Ржевском наступлении не участвовал. Он уехал на Северо-Западный фронт (командующий Тимошенко) руководить ликвидацией Демьянского выступа. В нем более года находилась вначале в окружении, а затем в полуокружении упорно сопротивлявшаяся группа немецких войск. Жуков и Тимошенко разработали план их уничтожения. Начались упорные бои. Но знаменитый Рамушевский коридор, шириной всего около 10 км и длиной 30 км, не удалось перекрыть, немцы смогли избежать окружения и организованно вывести из Демьянского выступа свои войска без существенных потерь (как это, кстати, произошло и под Ельней). Поставленная задача не была решена. Наши потери составили почти 35 тыс. человек. Очередная неудача Жукова. Провалилась и попытка взять Старую Руссу, а вместе с этим и вся проводимая под его руководством операция «Полярная звезда».

6. Разгром Крымского (Керченского) фронта и Харьковский «котёл»

Первые 9 месяцев 1942 г. оказались для нас опять чрезвычайно тяжкими. Наряду с Ржевской битвой – сплошная череда неудач и поражений на Южном направлении. 8-го мая армия Манштейна атаковала Керченский фронт, который в течение трёх дней рухнул, несмотря на то, что по своим силам почти вдвое превосходил войска противника. Опять некомпетентность, грубейшие ошибки, преступная неосмотрительность, бездарность и пассивность командования (командующий фронтом генерал Д.Т. Козлов, представитель Ставки Главного командования Л.З. Мехлис). Огромные напрас-

ные потери – 170 тыс. человек, уничтожены три армии, что фактически предопределило падение Севастополя, который под руководством генерала И.Е. Петрова 240 дней героически противостоял намного превосходящим войскам Манштейна.

Но если бы только Крымский фронт! Буквально в эти же дни, когда Манштейн уничтожал его остатки, когда ещё самоотверженно сражались последние бойцы, скрывавшиеся в Аджимушкайских каменоломнях, наступили критические дни для Юго-Западного направления, которым командовал маршал Тимошенко. 17 мая 1-я танковая группа Клейста атаковала и прорвала фронт в Барвенковском выступе, где была сосредоточена большая группа войск, которая вела наступление на Харьков. Войска Клейста оказались у них в тылу, быстро развивали наступление навстречу 6-й армии Паулюса в районе Балаклеи. Назревала опасность окружения. Вечером этого дня исполняющий обязанности начальника Генерального штаба Василевский обратился к Сталину с просьбой разрешить отвод войск из Барвенковского выступа. Сталин решительно запретил это. 18 мая положение резко ухудшилось, и Василевский снова обратился к Сталину с той же просьбой. Но Тимошенко и Хрущев (член Военного Совета фронта) заявили Сталину, что опасность преувеличена, и тот снова запретил отступление.

В результате войска Клейста и Паулюса соединились, замкнув кольцо окружения. В нем оказались войска четырёх армий, двух танковых корпусов и пяти танковых бригад. Наступление на Харьков, к которому в результате ожесточенных и вначале успешных боев наши войска подошли совсем близко, завершилось ужасающей катастрофой. Наши потери составили 240 тыс. пленных, многие десятки тысяч погибших, около 1000 танков. В окружении погибли и попали в плен 13 генералов.

Особо трагический характер ситуации состоял в том, что мы были близки к победе, к прорыву фронта 6-й армии Паулюса и взятию Харькова, но по причине вопиющих ошибок командования Юго-Западного направления и лично маршала Тимошенко потерпели тягчайшее поражение. Ведь он располагал двумя танковыми корпусами и пятью танковыми бригадами, которые можно было повернуть навстречу танковой группе Клейста и не допустить ее продвижения к Балакее. Наконец, можно было повременить со взятием Харькова и успеть вывести войска с Барвенковского выступа, сохранить их для дальнейших сражений. Но приказ об отступлении Тимошенко издал лишь тогда, когда немцы уже добивали наши окружённые армии.

Катастрофа под Харьковом повлекла тяжелейшие последствия для всего Юго-Западного направления [19]. Немцы прорвались к Воронежу и Ростову, открыли себе путь к Сталинграду и на Се-

верный Кавказ. Надо прямо сказать, что за сложившуюся летом 1942 г. грозную ситуацию на юге прямую ответственность несёт и Сталин, который помимо ряда частных ошибочных решений допустил ошибку стратегического масштаба. Несмотря на основательные данные разведки и факты концентрации немецких танковых соединений на Юге, Сталин был убеждён, что генеральное летнее наступление 1942 г. будет направлено Гитлером на Москву. В действительности главной задачей летней кампании Гитлер считал захват Северного Кавказа и Баку – источников нефти, без которой будет парализована вся советская военная техника. Сталин понял это слишком поздно. Но его ошибочное убеждение определило планирование летних операций, распределение большей части сил на московском направлении, в то время как у немцев они были сосредоточены на Юге. В итоге немцы прорвались к Воронежу и Сталинграду, дошли до Грозного и Майкопа, были близки к захвату Баку. Сколько десятков тысяч людей заплатили своими жизнями за эту ошибку!

7. Некоторые критические соображения о «Маршале Победы»

Многолетние обещания Института военной истории создать книгу, систематически анализирующую все операции, руководимые Жуковым, начиная с Халхин-Гола и кончая взятием Берлина, до сих пор не выполнены. Весьма важно основательное рассмотрение его деятельности в качестве начальника Генштаба, затем командующего Резервным фронтом при освобождении Ельни, командующего Ленинградским фронтом и командующего Западным фронтом под Москвой, особенно командующего войсками в период Ржевской битвы как ответственного за ее трагические результаты, за колоссальные потери, которые исчисляются в два миллиона человек (по более уточненным данным исследователи называют еще большую цифру – 2 300 000 (см. подробно об этом: [9: с. 234–235]). Требуется внимания роль Жукова в ликвидации Демьянского выступа и в операции «Искра», в Сталинградской и Курской битвах, при форсировании Днепра, в операции «Багратион» и особенно его командования на Зееловских высотах и при штурме Берлина, где под руководством «Маршала Победы» за несколько дней до Победы полегло более 100 тыс. человек. Вперёд! Неважно, какой ценой взять Берлин, лишь бы к 1 мая отпартовать товарищу Сталину.

Безусловно, деятельность Жукова, имевшая в Великой Отечественной войне большое значение (в разных отношениях), нуждается в глубоком систематическом анализе, и хотелось бы надеяться, что такая важная работа будет, наконец, проведена нашими историками.

Жуков является одним из самых значимых представителей высшего командования, который, несмотря на действительные заслуги, имеет, вместе с тем, прямое отношение к вопросу о цене Победы. Здесь, конечно, предметом внимания могут стать и особенности его личности, нравственные качества. Почти все, кто служил под началом Жукова, говорят о его грубости, жестокости и, временами, явном самодурстве. Появляясь в воинской части, он был обычно замкнут, насуплен, суров, одним своим видом внушал страх и трепет. Будучи чем-то недоволен или в плохом настроении, срывался на брань и угрозы. Все знали его крутой нрав, боялись попасть под горячую руку, схлопотать снятие с должности, а то и трибунал. За невыполнение в срок приказа – самые суровые кары, вплоть до расстрела. Неважно, что приказ принципиально не мог быть выполнен в сложившихся обстоятельствах. Все хорошо помнили случаи, когда он, не вникая в конкретные условия, не слушая никаких объяснений, приказывал расстрелять командира перед строем его части, как это было, например, с командиром дивизии полковником Козловым в октябре 41-го. Беда в том, что немало генералов более низкого ранга брали с него пример. Некоторые же из них принадлежали к его окружению.

Хочу привести только один факт. В январе 41-го командующий Западным фронтом Жуков приказал командиру 1-го гвардейского кавалерийского корпуса Белову прорваться через сильно укрепленное Варшавское шоссе и наступать на Вязьму. Спешенные конники несколько раз по метровым сугробам смело ходили в атаку, но под сильным артиллерийским и минометным огнем с большими потерями вынуждены были отползть обратно. Стало ясно, что атаковать в лоб бессмысленно. Белов стал искать обходные пути. Но в это время от Жукова прибыл его заместитель Г.В. Захаров. Белов и начальник штаба были в войсках. Захаров сразу с ругательствами обрушился на начальника разведки корпуса Кононенко, который на карте пытался объяснить трудности обстановки: у немцев танки, а в корпусе нет ни танков, ни артиллерии, бойцы идут в атаку с одним карабином. Захаров рассвирепел, выхватил пистолет и заорал, что это уход от выполнения приказа и в ярости грозил его расстрелять. Приехавший Белов начал объяснять ему, что разведка ищет путь там, где шоссе близко подходит к лесу. Но Захаров в угрожающей форме приказал прорываться именно тут, где сейчас находится корпус, фактически в лоб. Белову с болью в сердце пришлось выполнять приказ. Каждый день больше недели бойцы поднимались в атаку. Безрезультатно. Несколько сот погибших и раненых. Однажды десятке отважных удалось прорваться, но их добились сразу за шоссе.

Захаров все больше свирепел, он по очереди вызывал к телефону командиров полков и дивизий, атаковавших шоссе, и, оскорбляя их самыми отборными матерными ругательствами, кричал: «Не прорвешься сегодня через шоссе – расстреляю, мерзавец!» Он приказал судить и немедленно расстрелять пять человек командиров, бойцы которых не смогли прорваться через шоссе. Среди расстрелянных были: командир 160-го кавполка 1-й гвардейской кавдивизии подполковник Юшин, инструктор по комсомолу политотдела той же дивизии старший лейтенант Голиков, командир одного лыжного батальона и еще два командира. Несчастные умоляли лишь об одном, – не сообщать их семьям о том, что они расстреляны, пусть думают, что просто погибли в бою.

На третий день из штаба фронта пришло помилование. Но поскольку Захаров отдал приказ о немедленном расстреле, помиловали уже мертвых. Для корпуса это была трагедия – ведь расстреляли ни в чем не повинных замечательных командиров.

А генерал Г.В. Захаров успешно продолжал свою карьеру под покровительством Жукова, командовал армией и одно время даже 2-м Белорусским фронтом. Такими вот были наши некоторые военачальники, биография которых представляет интерес при обсуждении вопроса о цене Победы.

Приведенный выше вопиющий факт подробно описан известным военным историком полковником Федором Свердловым в его книге [20] на основе архивных документов и рукописи воспоминаний начальника разведки 1-го гвардейского кавкорпуса полковника А.К. Кононенко, которую его вдова передала Свердлову, так как по цензурным соображениям не могла нигде ее опубликовать. Кстати, в книге Свердлова цитируется взятый им из архива показательный документ от февраля 1942 г., касающийся Западного фронта под командованием Жукова. Это выдержка из приказа Ставки Верховного главнокомандования: «Ставка за последнее время Западному фронту дает пополнение больше других фронтов в 2–3 раза, но это пополнение при халатном отношении командиров частей к сбережению жизни и здоровья людей недопустимо быстро теряется, и части вновь остаются в большом некомплекте. Особенно плохо отношение к сбережению людей в 50-й и 10-й армиях Западного фронта, где ввиду недопустимо плохой и безответственной организации боя, неумения организовать обеспечение войск не прошло ни одного боя, чтобы не побывал полк и целые дивизии в окружении, и, как правило, кончавшиеся большими потерями людей и материальной части. В Ставку Верховного Главного командования, в Военный Совет фронта поступили многочисленные письма красноармей-

цев, командиров и политработников, свидетельствующие о преступно-халатном отношении командования всех степеней к сбережению жизни красноармейцев пехоты. В письмах и рассказах приводятся сотни примеров, когда командиры частей и соединений губят сотни и тысячи красноармейцев при атаках на не уничтоженную оборону противника, на не уничтоженные пулеметы, на не уничтоженные опорные пункты и при плохо подготовленном наступлении».

Очень важный документ, имеющий прямое отношение к нашей теме!

Нужно прямо сказать, что чрезмерные превознесения заслуг Жукова, непрестанные дифирамбы в его адрес как «Маршала Победы» ведут к недооценке роли других наших маршалов и многих выдающихся полководцев, таких как Василевский, Рокоссовский, Малиновский, И.Е. Петров, Толбухин, Черняховский, Конев, Катуков, Рыбалко, Баграмян и других, которые, по моему убеждению, вносили не меньший, а нередко больший вклад в Победу, чем Жуков. А это в известной мере деформирует правду о войне.

Такого рода деформация находится в одном ряду с натужным официозным пиаром Великой Победы, в котором она вовсе не нуждается, с многочисленными мифологическими клише в лакированной обертке, столь частыми в книгах и публицистике о Великой Отечественной войне.

Примером может служить книга нашего бывшего министра культуры В.Р. Мединского [21], широко разрекламированная и повторно выпущенная накануне 70-летия Победы в роскошном подарочном издании. В.Р. Мединский, как известно, ведущий наш специалист по пиару и рекламе, бывший владелец крупной пиар-компании (такого рода специалист призван был олицетворять российскую культуру). Он ставит своей задачей разоблачение «плохих», «вредных» мифов о войне и защиту «хороших» мифов, которые нужны народу. При этом трактовка мифов и их социальных функций весьма поверхностна и часто сомнительна, как и описание тех событий, с которыми они связаны.

Хочу подробно остановиться на опровержении Мединским, по его словам, одного «очень плохого» и «вредного» мифа, касающегося «Маршала Победы» Г.К. Жукова. Оценивая сравнительно давний фильм «Ржев. Неизвестная битва Жукова» (НТВ, 2009 г.), в котором много места уделялось гибели 33-й армии и генерала Ефремова, а также роли в этом Жукова, Мединский пишет: «Странное ощущение, будто главная его идея: доказать, что маршал Жуков – крайне жестокий человек и неумелый полководец» [21: с. 45]. Перечислив трагические события, связанные с 33-й армией, автор заявляет:

«Так это было или не совсем так? Судить не берусь – пусть спорят военные историки. Скажу одно – с точки зрения национального духа (или "моднее" национального пиара) фильм плохой. Ибо будит ощущение безнадежности, люди гибнут ни за что, бесцельно... Надо не рассуждать о том, какой жестокий, не жестокий был известный всем Жуков, а рассказывать, каким отважным был забытый к нашему стыду Ефремов, перед которым даже фашисты склоняли головы» [21: с. 46].

У меня тоже возникает «странное ощущение», когда автор «не берется судить» о несомненных фактах, отображенных даже в официальных документах, в многочисленных исторических исследованиях и воспоминаниях очевидцев. Под предлогом, что тут надо еще спорить, он сразу уходит от «неудобной» правды, которая вредит «национальному пиару». Опытный пиарщик Мединский, как видим, не стесняется говорить словами советского агитпропа.

Приведу еще пару откровений автора: «Говорят, что на совести маршала Жукова много крови и бессмысленных жертв. Мы должны знать, это – ложь. Это был полководец, который стабильно обеспечивал на своих участках фронта низкий – самый низкий из возможных (!!) – уровень потерь» [21: с. 123]. «...Он был эффективным, талантливым, может быть, гениальным полководцем. Частью его таланта было особое отношение к жизни солдат, их *сбережение* становилось непременной частью стратегии его военных операций» [21: с. 79]. О том, какой «непременной частью стратегии его военных операций» было «сбережение» солдат и офицеров, мы видели на Ржевском выступе, где Жуков командовал целый год. О методах и результатах этого этапа полководческой деятельности Жукова у нашего автора – ни слова. Он вообще обходит конкретные факты, касающиеся проведенных Жуковым операций.

Лишь в одном случае он говорит о наступлении на Зееловских высотах. Но ведь здесь опять был лобовой штурм, правда, с иллюминацией из 140 зенитных прожекторов. Опять грубейшая, недопустимая ошибка – Жуков, оказывается, не знал, что на Зееловских высотах немцы соорудили глубоко эшелонированную оборону, и во время грандиозной, небывалой по своей мощи артподготовки они успели отвести вглубь обороны свои войска и технику. Более часа более 15 тысяч орудий (!!!) долбили покинутые позиции. Немцы сохранили почти все свои огневые средства, и когда наши войска и танки пошли в атаку, их встретил губительный огонь. Опять колоссальные, неоправданные потери.

Мединский пишет: «Это был смелый, но очень страшный штурм, polegли тысячи наших солдат. Тем не менее, он был оправдан» [21: с. 80]. «Потеряв тысячи бойцов на Зееловских высотах, Жуков спас сот-

ни тысяч в многодневных боях за Берлин» [21: с. 80]. Совершенно безосновательное утверждение! Оно вопиюще противоречит хорошо известным фактам и обстоятельствам сражений за Берлин (см., например, их подробный анализ в несколько тенденциозной, но хорошо документированной книге В.В. Бешанова [22: с. 80]). Вот что говорит, например, по этому поводу генерал А.В. Горбатов: «Я держусь того мнения, что с военной точки зрения Берлин не надо было штурмовать. Конечно, были и политические соображения, соперничество с союзниками, да и торопились салютовать. Но город достаточно было взять в кольцо, и он сам бы сдался через неделю-другую. А на штурме в самый канун Победы, в уличных боях мы положили не меньше ста тысяч солдат» [22: с. 491]. А вот слова знаменитого командующего 1-й танковой армией генерала М.Е. Катюкова, слова с болью в сердце: «Там ведь у меня погибло 8 тысяч танкистов, 4 командира бригад, 22 комбата, несколько командиров полков, две сотни танков» [22: с. 494].

Вместо точных фактов и проверенных данных о потерях Мединский предпочитает общие суждения и лозунги, бьет в фанфары: «Для нас важно то, что там, где Жуков, – там победа!» [21: с. 123]. «Жуков – наше всё! Как Пушкин» [21: с. 123].

Мединский заявляет, что миф о жестокости и бездарности Жукова, о том, что он умел побеждать только навалом, при огромном превосходстве своих войск и чрезмерных потерях, раздували многие его завистники и обиженные им из числа армейского руководства. Но на самом деле главная причина нападков на Жукова – в стремлении принизить нашу Победу. «Просто наш великий полководец XX века – ее символ» [21: с. 80]. Странная логика: критика в адрес Жукова – это принижение Великой Победы. Почему Мединским устанавливается такая жесткая связь? Ведь подобная логика позволяет легко умалять, принижать Победу, замалчивать роль десятков выдающихся полководцев, принижать истинных творцов Победы – миллионы бойцов, советский народ. Кто сделал Жукова «Символом Победы», «Маршалом Победы»? Опытнейший пиарщик Мединский отвечает: народ!

Он, который вбивает в сознание масс этот миф, делает вид, будто не понимает, что такой продукт многие годы фабриковал советский агитпроп при активном участии, кстати, самого «Символа». И ведь было из чего – на виду у народа были все многочисленные парадные регалии Жукова, он был командующим фронтами, заместителем Сталина, получил от него великое множество наград, подписывал Акт о капитуляции, командовал Парадом Победы. Во время длительной опалы Жукова при Хрущеве в массовом сознании, по закону «от про-

тивного», этот миф усиливался, а затем уже при Брежневе в пику Хрущеву, в условиях закрытых архивов, снова всячески подогревался. Во времена перестройки он несколько поблек, а потом снова бурно тиражировался уже, так сказать, российским агитпропом, в том числе, как мы видели, при активном участии представителя власти, министра культуры Мединского. Так удобнее – просто и понятно для массы. Надо же ведь какое-то *олицетворение* Победы; не раздувать же лозунг «Сталин – маршал Победы», «Генералиссимус Победы». А тут подходящий эквивалент, пусть не Сталин, но его правая рука. А ему нужна была именно такая тяжелая, грозная, жестокая, беспощадная рука!

Опытный специалист по пиару, утверждая «хорошие» мифы, конечно, сам себе противоречит на каждом шагу. Но для пиарщика это не опасно, он манипулирует полуправдой, и ему неважно, что припудривать, что разукрашивать и рекламировать – лишь бы «*купили*».

Несколько впечатлений о книге Мединского в целом. Манера автора – клипообразность, мелькают краткие описания важных событий, персонажи, цитаты, вердикты, фотографии, обязательно забавные «приколы» и т.п., но при этом воспроизводится почти весь набор клише советского агитпропа. Сплошь и рядом хитроумная полуправда, передержки, умолчания, натяжки, искажения несомненных фактов. Чтобы все это показать, надо было бы написать целую книгу. Я приведу лишь несколько примеров.

Объясняя причины тягчайших поражений первых месяцев войны, он ни слова не говорит о сталинских репрессиях, обезглавивших армию, «сглаживает» грубейшие ошибки, некомпетентность Верховного командования. На прямой вопрос: «Кто виноват?», он отвечает: «Одно простое объяснение: немцы были сильнее. Все» [21: с. 25]. Желая как бы уравновесить негатив позитивом, автор говорит о героизме наших воинов, которые действительно стояли насмерть, как в Брестской крепости, и заявляет об огромных потерях врага: «В первый же день войны – 22 июня 1941 г. – немцы потеряли 300 самолетов. Больше, чем в любой из других ее дней» [21: с. 77]. При этом автор ссылается на книгу Г. Корнюхина [23]. Я специально внимательно перечитал его книгу, в ней ничего этого нет. Там приводятся наиболее вероятные данные, что немцы потеряли в этот день на всех фронтах 81 самолет. Далее Мединский утверждает, что к началу сентября 1941 г. немцы потеряли уже «все свои ВВС, с которыми вступили в войну» [21: с. 77]. Ничего общего с действительностью! Искажая факты, Мединский умалчивает о том, что уже в первый день войны, в первые ее часы мы потеряли 1100 самолетов. 9-я авиадивизия, стоявшая недалеко от

границы, в первые же часы из 409 своих самолетов потеряла 347. Ее командир С.А. Черных был за это 27 июня расстрелян. Эти и другие данные приведены в указанной книге Г. Корнюхина [23: с. 7–9], на которую ссылается Мединский.

Нечто подобное мы видим у автора и при описаниях им не только первых, но и последних дней войны. Он воспроизводит миф о водружении Знамени победы над Рейхстагом Егоровым и Кантария, хотя сейчас хорошо известно, что это были бойцы взвода разведки лейтенанта Сорокина из 674-го полка подполковника А.Д. Плеходанова. Именно они прорвались в Рейхстаг, когда там было еще полно немцев, пробились на крышу и водрузили на скульптурной группе с конями свое большое самодельное знамя. С плеч сержанта Правоторова на шею коня влез Григорий Булатов и закрепил там знамя.

Это произошло **30 апреля 1945 г. в 14 ч 25 мин.** Именно это время зафиксировано во всех приказах (дивизии, корпуса, армии и фронта) о водружении Знамени Победы. Эта дата стоит и в «Воспоминаниях и размышлениях» маршала Жукова. Но Рейхстаг еще не был взят. Он был захвачен лишь в результате очередной атаки 30 апреля после 18 часов. Егоров и Кантария пришли в Рейхстаг только поздней ночью, перед рассветом первого мая, когда Рейхстаг давно был в наших руках. Они в окружении группы автоматчиков несли знамя Военного совета 3-й ударной армии, которое им помогли укрепить на крыше бойцы группы Сорокина. В итоге Егоров и Кантария – русский и грузин – были назначены героями, они водрузили, вместо самодельного, «настоящее» знамя – Военного совета 3-й ударной армии. Мединский же повторяет фальсификат из книги полковника Зинченко, командира 756-го полка, как его бойцы Егоров и Кантария пробиваются сквозь стену огня на крышу, сметая на своем пути десятки фашистов [11]. Ведь идея водружения знамени на Рейхстаге принадлежала самому Сталину.

Интересно, что на с. 119 своей книги Мединский помещает фотографию под названием «Победители у Рейхстага», не ведая о том, что это именно те бойцы лейтенанта Сорокина, которые 30 апреля в 14:25 водрузили над Рейхстагом Знамя Победы. Эта фотография, кстати, была и в «Воспоминаниях и размышлениях» Г.К. Жукова, где также указывалось, что Знамя Победы было водружено 30 апреля в 14:25, и он сам видел его. Около этой фотографии в книге стояла надпись: «Рейхстаг взят!» После смерти Жукова в последующих изданиях его книги эта фотография была удалена, чтобы не вызывать противоречий, не нарушать миф. Ведь подлинными героями и их начальник, командир полка подполковник Плеходанов, много лет напрасно добивались восстановления справедливости.

Рейхстаг взят!

Привожу эту фотографию, на ней слева направо крупным планом: сержант Правоторов, лейтенант Сорокин, рядовой Булатов – главные герои водружения Знамени, так и не получившие звания Героя Советского Союза (хотя вначале все они были представлены к этому высокому званию).

По убеждению Мединского, «наивно считать, что факты в истории главное», главное их интерпретация, и она должна быть «в интересах народа» – народу ни к чему горькая правда, ему нужны «хорошие» мифы. Однако благая цель – стремление показать величие Победы – ни в коем случае не может быть достигнута негодными средствами, искажением правды.

Недавно мы отпраздновали 75-летие Победы. Наше правительство сделало все, чтобы, несмотря на пандемию коронавируса, достойно, щедро, от всего сердца отдать должное участникам Великой Отечественной войны и Трудового фронта. Были проведены широкие юбилейные мероприятия, транслировавшиеся по телевидению. Но когда эта тема оказывалась в руках наших «великих» шоуменов, вездесущего Галкина и его компании (включая Лолиту и др.), сразу «возглавивших» освещение юбилейных мероприятий, когда они в грандиозном представлении на Первом канале вещали о событиях войны и тужились что-то изображать, напяливши на себя солдатскую форму тех времен, то, думаю, не только я, но и многие другие участники Великой

Отечественной войны остро испытали фальшь, чувство формальности произносимых высоких слов, искажения правды, некое во многом надуманного пошловатого шоу. Да и что могли нам предложить эти записные шоумены, – достойные последователи бывшего министра культуры Мединского, – давно привыкшие «за бабки» изображать, декламировать, рекламировать что угодно. Можно было бы привести немало других примеров подобной *шоувизации* и опошления темы Великой Отечественной войны. Очень не хотелось бы видеть это дальше.

Заключение

Всем понятно, что большие потери в такой войне неизбежны. Но они оказались чрезмерными, в первую очередь, именно по причине недостаточной компетентности, подготовленности, ответственности командования высшего уровня, что влекло соответствующие следствия и на нижестоящих уровнях. Это можно подробно показать на примере каждого крупного поражения в первые два года войны. Я говорил о них в самых общих чертах, но существует достаточно исследований, позволяющих доказать это конкретно, в каждом отдельном случае.

Здесь особо и прямо надо сказать о Сталине. Несмотря ни на какие справедливые рассуждения о сложности мировой ситуации 30-х гг., о больших трудностях в развитии нашей страны, о положительных сторонах его деятельности, организован-

ные им массовые репрессии не имеют ни малейшего оправдания, которые до сих пор встречаются. Они требуют однозначной оценки: Сталин – кровавый палач собственного народа! Кровавый палач руководящего состава армии! Давайте отбросим, наконец, высокоумные «политические» рассуждения и представим себе, как зверски пытаются в застенках НКВД тысячи и тысячи безвинных, преданных Родине людей, приписывая им шпионаж, измену, вредительство, как их ведут на расстрел, как потом обращаются с их женами, детьми, родственниками. Поставьте себя мысленно, хоть на минуту, на их место!

У меня перед глазами образ Александра Васильевича Горбатова, честного, благородного, мужественного человека, выходца из бедной крестьянской семьи, ставшего командиром дивизии, истинного патриота своей страны. Он провел в застенках Лубянки несколько месяцев. Все это время его допрашивали и пытали, требуя подписать «признание». Он решительно отказывался. Следовательно шипел: «Ты у меня, гад, подпишешь. Еще не было случая, чтобы у меня кто-то не подписал». Горбатов вынес 16 зверских пыток, каждая длилась часами, с «новаторскими» приемами избиений и мучений, и каждый раз его обессиленного, окровавленного, изуродованного относили на носилках в камеру и швыряли на каменный пол. Сокамерники, уже успевшие все «подписать» и ждавшие своей участи, говорили ему: подпиши, ты же видишь, что происходит, они добьют тебя все равно. Но он повторил: «Умру, но не подпишу!». И не подписал! И, наверное, этим спас свою жизнь. Ему дали 15 лет и отправили в Магадан, в колымские лагеря. Там на каторжных работах он провел более двух лет, чудом выжил, стал весь распухшим, уже не мог стоять на ногах. Его спас дружественно настроенный к нему фельдшер, положивший его в лазарет. Обо всем этом написано в его книге [24]. Она есть в Интернете, прочтите это яркое и правдивое свидетельство о том времени, и вы сможете прочувствовать на его примере деяния Сталина.

Аналогичная судьба, кстати, была и у маршала Рокоссовского. Он тоже провел более двух лет в застенках НКВД, тоже перенес зверские пытки, ему выбили девять зубов, сломали три ребра и били молотком по пальцам ног, требуя признаний, что он польский шпион. И он тоже ничего не подписал и никого не оговорил.

В конце 1940 – начале 1941 г. десятка два оставшихся в живых военачальников высокого ранга освободили, и, успев подлечиться, они приняли участие в боях с первых же дней войны. Важно подчеркнуть, что не только Рокоссовский и Горбатов, но и другие освобожденные – Галицкий, Цветаев,

Ворожейкин, Юшкевич, Трубников, Лизюков, ставшие командующими армиями, и ряд других, занявших высокие командные посты, показали себя успешными, отважными, замечательными полководцами, внесшими весомый вклад в Победу.

В этой связи возникает вопрос: как сложилась бы война, если бы Сталин не уничтожил тысячи способных, опытных, образованных, преданных своему делу военачальников? Здесь очень важно вспомнить слова маршала Василевского, одного из высших авторитетов в Советской армии: «Без тридцать седьмого года, возможно, не было бы вообще войны в сорок первом году. В том, что Гитлер решил начать войну в сорок первом году, большую роль сыграла оценка той степени разгрома военных кадров, который у нас произошел» [25: с. 88].

Обо всем этом много раз писали. Стоит ли повторять? Но ведь в последние годы явно возросли проявления махрового сталинизма. Ряд «официальных» историков и журналистов пытаются оправдывать сталинские репрессии, некоторые даже «доказывают», что они были не преступлением, а благом для страны. У меня в руках толстая книга [26]. Автор прямо заявляет, что репрессии военных были благом потому, что они имели целью – слушайте внимательно! – «подавить инициативу быстрой сдачи в плен наших генералов, которую так активно годом ранее проявляли французские генералы» [26: с. 31]. «Отсюда, – продолжает он, – вывод может быть вполне однозначным: политические репрессии 1937–1938 годов в отношении военных кадров (как и тем более других предвоенных лет) не оказали существенного негативного влияния на обороноспособность СССР и силу Красной Армии. Скорее наоборот, как бы это ни казалось циничным, они способствовали ее внутреннему укреплению, предотвратили вполне вероятное – на что надеялся А. Гитлер со товарищи – массовое морально-политическое разложение командных кадров после первых же крупных поражений» (там же). Автор подводит под свои примитивные суждения даже «философский базис» («системный подход» и пересказы из старого учебника по историческому материализму). Вся эта чушь, конечно, не нуждается в комментариях, но она отражает уровень и направленность мышления некоторых наших весьма активных «идеологов».

Сталинские репрессии создали в стране и особенно в армии атмосферу страха, произвола и безнаказанности карательных органов. Эта атмосфера играла зловещую роль накануне войны и особенно в первые ее годы, ибо порождала боязнь принятия командирами самостоятельных решений, ожидание приказа свыше, парализовала творческую инициативу и открывала широкие двери угодливой, лъстивой, энергичной посредственности, быстро продвигавшейся в

чинах и званиях. Сколько бед принесли такие командиры во время войны, сколько напрасных жертв на их совести! (Многие примеры такого рода приведены в книге Горбатова [24] и, что особенно важно, в воспоминаниях командиров низшего звена – взвода, роты, батальона (см., например: [27; 28 и др.]).

Сталин несет всю полноту ответственности за катастрофическое начало войны. Разговоры о «внезапности» нападения просто смешны. Какая «внезапность», когда на границе сконцентрированы полчища вермахта, а разведка доносит не только о решении Гитлера начать войну, но день и час ее начала и даже детали операции «Барбаросса». Но немалое значение для принятия срочных мер имела вера Сталина, что Гитлер не решится воевать на два фронта, с Англией и Советским Союзом. Эффект «внезапности» для войск, стоявших у границы, был во многом создан самим Сталиным, по указанию которого за 7 дней до начала войны было опубликовано знаменитое Заявление ТАСС о том, что Германия «неуклонно соблюдает условия советско-германского пакта о ненападении» и «слухи о намерении Германии порвать пакт и предпринять нападение на СССР лишены всякой основы». Это привело к тому, что командованию армий, расположенных у границы, видевшему явные признаки близкой агрессии, запретили проводить прямые подготовительные мероприятия, чтобы «не спровоцировать» немцев. Этого требовал Сталин, и все боялись делать что-либо связанное с повышением боевой готовности. Они верили вождю, он не мог ошибаться. Поэтому для многих стоявших у границы войск нападение, действительно, оказалось внезапным (см. об этом, например, воспоминания генерала Л.М. Сандалова, который был тогда начальником штаба 4-й армии, стоявшего в Бресте [29: с. 76–79 и др.]).

Разумеется, нет сомнений, что в условиях войны жесткая централизация управления обязательна. Абсолютная власть Сталина и его авторитет имели, конечно, первостепенное значение для сплочения сил народа, решения сложнейших экономических, внешнеполитических и военных проблем. Главную роль в реализации всех жизненно важных задач военного времени на фронте и в тылу играли партия и комсомол. Но ведь партия и комсомол – это миллионы людей, наиболее активная часть народа-победителя. В тех сложившихся исторических условиях войны, когда стоял вопрос о порабощении советского народа фашистской Германией и народ осознал эту смертельную опасность, поднялся на защиту Родины, Сталин как всевластный диктатор и Верховный главнокомандующий сыграл свою руководящую и организующую роль. Но победителем фашистской Германии был не Сталин, а советский народ, оплативший неисчислимыми жертвами Победу, в том числе стратегические и тактические ошибки Сталина. Всевластие порождает чувство всеведения и всемогущества – характерный источник самоуверенности и самообмана диктатора. Весьма полезно под таким углом зрения проанализировать ошибки в деятельности Сталина как Верховного главнокомандующего и его реальное отношение к собственному народу. Здесь историкам предстоит еще большая работа. Это прямо касается и вопроса о цене Победы, который приобретает ключевое значение при оценке проведения и результатов всякой военной операции. Этот вопрос должен постоянно стоять в центре внимания и сейчас, когда наша страна вступила в бескомпромиссную борьбу со своим экзистенциальным противником.

Список источников

1. Сувениров О.Ф. Трагедия РККА. 1937–1938. Москва : ТЕРРА, 1998. 528 с.
2. Черушев Н.С. 1937 год: элита Красной Армии на Голгофе. Москва : Вече, 2003. 544 с.
3. Зинченко Ф.М. Герои штурма Рейхстага. Москва : Воениздат, 1983. 192 с.
4. Лопуховский Л.Н. Вяземская катастрофа 41-го года. Москва : Яуза : Эксмо, 2007. 640 с.
5. Исаев А.В. Неизвестный 1941. Остановленный блицкриг. Москва : Яуза : Эксмо, 2010. 480 с.
6. Типпельскирх К. История Второй мировой войны. Блицкриг. Москва : Вече, 2011. 448 с.
7. Бок фон Ф. «Я стоял у ворот Москвы»: Дневник командующего группой армий «Центр». Москва : Яуза : Эксмо, 2009. 512 с.
8. Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск : Русич, 2003. 656 с.
9. Герасимова С.А. Ржевская бойня. Потерянная победа Жукова. Москва : Яуза : Эксмо, 2014. 320 с.
10. Кондратьев О.А. Ржевская битва: полвека умолчания. Ржев : Ржев. произв. полигр. Предприятие : Нелидов. тип., 1998. 64 с.
11. Мельников В.М. Трагедия и бессмертие 33-й армии. Москва : Патриот, 2006.
12. Михеенков С.Е. Армия, которую предали. Трагедия 33-й армии генерала М.Г. Ефремова. Москва : Центрополиграф, 2010. 351 с.
13. Михалев С.Н. Стратегические решения: Противоборство двух стратегий на Восточном (советско-германском) фронте в 1941–1945 гг. Кн. 2. Красноярск : Красноярский государственный педагогический ун-т, 1998.
14. Гальдер Ф. Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск. Смоленск : Русич, 2004. 400 с.
15. Михин П. Наступали и умирали // Ржевская битва (Сражение за Полунино). Тверь : Русская провинция, 2001.

16. Горбачевский Б.С. Ржевская мясорубка. Время отваги. Задача – выжить! Москва : Яуза : Эксмо, 2007. 446 с.
17. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. Москва : Издание Агентства печати «Новости», 1971.
18. Гланц Д. Крупнейшее поражение Жукова. Москва : АСТ-Астрель, 2006. 666 с.
19. Быков К. В. Харьковский «котёл». 1942 год. Крушение надежд. Москва : Яуза : Эксмо, 2007. 480 с.
20. Сverdlov Ф.Д. Ошибки Г.К. Жукова. Москва : Монолит, 2002. 159 с.
21. Мединский В.Р. Война. Мифы СССР. 1939–1945. Москва : ОлмаМедиаГрупп/Просвещение, 2011.
22. Бешанов В.В. Горькая правда о победе. Москва : Яуза, 2013. 540 с.
23. Корнюхин Г. Воздушная война над СССР. 1941. Москва : Вече, 2008. 391 с.
24. Горбатов А.В. Годы и войны. Москва : Военное изд-во, 1965. 381 с.
25. Коммунист. 1988. № 9.
26. Русаков А.П. Вся правда о войне. Причины, итоги, потери. Москва : Вече, 2012. 432 с.
27. Михеенков С.Е. Взвод, приготовиться к атаке! Лейтенанты Великой Отечественной. 1941–1945. Москва : Центрполиграф, 2010. 351 с.
28. Шелков М.Н. Записки командира стрелкового батальона. От Ржева до Восточной Пруссии. 1942–1945. Москва : Центрполиграф, 2010. 255 с.
29. Сандалов Л.М. 1941. На московском направлении. Москва : Вече, 2019. 576 с.

References

1. Suvenirov O.F. *Tragedija RKKK* [The Tragedy of the Red Army]. 1937–1938. Moscow : TERRA, 1998. 528 p. (In Russ.).
2. Cherushev N.S. *1937 god: jelita Krasnoj Armii na Golgofe* [1937: the Elite of the Red Army on Golgotha]. Moscow : Veche, 2003. 544 p. (In Russ.).
3. Zinchenko F.M. *Geroi shturma Rejhstaga* [Heroes of the Storming of the Reichstag]. Moscow : Voenizdat, 1983. 192 p. (In Russ.).
4. Lopukhovskiy L.N. *Vjazemskaja katastrofa 41-go goda* [The Vyazma Catastrophe of the 41st Year]. Moscow : Yauza : Eksmo, 2007. 640 p. (In Russ.).
5. Isaev A.V. *Unknown 1941. Neizvestnyj 1941. Ostanovlennyj blickrig* [Stopped Blitzkrieg]. Moscow : Yauza : Eksmo, 2010. 480 p. (In Russ.).
6. Tippelskirch K. *Istorija Vtoroj mirovoj vojny. Blickrig* [History of the Second World War. Blitzkrieg]. Moscow : Veche, 2011. 448 p. (In Russ.).
7. Bok von F. *«Ja stojal u vorot Moskvy»: Dnevnik komandujushhego gruppoy armij «Centr»* ["I Was Standing at the Gates of Moscow": Diary of the Commander of the Army Group "Center"]. Moscow : Yauza : Eksmo, 2009. 512 p. (In Russ.).
8. Guderian G. *Vospominanija soldata* [Memoirs of a Soldier]. Smolensk : Rusich, 2003. 656 p. (In Russ.).
9. Gerasimova S.A. *Rzhevskaja bojnja. Poterjannaja pobeda Zhukova* [Rzhevskaya Slaughterhouse. Zhukov's Lost Victory]. Moscow : Yauza : Eksmo, 2014. 320 p. (In Russ.).
10. Kondratiev O.A. *Rzhevskaja bitva: polveka umolchanija* [The Battle of Rzhev: Half a Century of Silence]. Rzhev : Rzhev. proc. polygr. enterprise : Nelidov. type., 1998. 64 p. (In Russ.).
11. Melnikov V.M. *Tragedija i bessmertie 33-j armii* [Tragedy and Immortality of the 33rd Army]. Moscow : Patriot, 2006. (In Russ.).
12. Mikheenkov S.E. *Armija, kotoruju predali. Tragedija 33-j armii generala M.G. Efremova* [The Army that was Betrayed. The Tragedy of the 33rd Army of General M.G. Efremov]. Moscow : Centropoligraf, 2010. 351 p. (In Russ.).
13. Mikhalev S.N. *Strategicheskie reshenija: Protivoborstvo dvuh strategij na Vostochnom (sovetsko-germanskom) fronte v 1941–1945 gg. Kn. 2.* [Strategic Decisions: The Confrontation of Two Strategies on the Eastern (Soviet-German) Front in 1941–1945. Book 2]. Krasnoyarsk : Krasnoyarsk State Pedagogical University, 1998. (In Russ.).
14. Halder F. *Voennyj dnevnik. Ezhednevnye zapisi nachal'nika general'nogo shtaba suhoputnyh vojsk* [War Diary. Daily Records of the Chief of the General Staff of the Army]. Smolensk : Rusich, 2004. 400 p. (In Russ.).
15. Mikhin P. *Nastupali i umirali* [Advancing and Dying] // Battle of Rzhev (Battle of Polunino). Tver : Russian Province, 2001. (In Russ.).
16. Gorbachevsky B.S. *Rzhevskaja mjasorubka. Vremja otvagi. Zadacha – vyzhit!* [Rzhevskaya Meat Grinder. A Time of Courage. The Task is to Survive!]. Moscow : Yauza : Eksmo, 2007. 446 p. (In Russ.).
17. Zhukov G.K. *Vospominanija i razmyshlenija* [Memories and Reflections]. Moscow : Publication of the Press Agency "Novosti", 1971. (In Russ.).
18. Glants D. *Krupnejshee porazhenie Zhukova* [Zhukov's Biggest Defeat]. Moscow : AST-Astrel, 2006. 666 p.
19. Bykov K.V. *Har'kovskij "kotjol". 1942 god. Krushenie nadezhd* [Kharkov "Boiler". 1942. The Collapse of Hopes]. Moscow : Yauza : Eksmo, 2007. 480 p. (In Russ.).
20. Sverdlov F.D. *Oshibki G. K. Zhukova* [Mistakes of G. K. Zhukov]. Moscow : Monolith, 2002. 159 p. (In Russ.).
21. Medinsky V.R. *Vojna. Mify SSSR. 1939–1945* [War. Myths of the USSR. 1939–1945]. Moscow : OlmaMediaGroup/Enlightenment, 2011. (In Russ.).
22. Beshanov V.V. *Gor'kaja pravda o pobede* [The Bitter Truth about Victory]. Moscow : Yauza, 2013. 540 p.
23. Kornjukhin G. *Vozdushnaja vojna nad SSSR* [The Air War over the USSR. 1941]. Moscow : Veche, 2008. 391 p. (In Russ.).
24. Gorbatov A.V. *Gody i vojny* [Years and Wars]. Moscow : Military Publishing House, 1965. 381 p. (In Russ.).
25. Communist. 1988. No. 9. (In Russ.).
26. Rusakov A.P. *Vsja pravda o vojne. Prichiny, itogi, poteri* [The Whole Truth about the War. Reasons, Results, Losses]. Moscow : Veche, 2012. 432 p. (In Russ.).
27. Mikheenkov S.E. *Vzvod, prigotovit'sja k atake! Lejtenanty Velikoj Otechestvennoj. 1941–1945* [Platoon, Get Ready to Attack! Lieutenants of the Great Patriotic War. 1941–1945]. Moscow : Centropoligraf, 2010. 351 p. (In Russ.).

28. Shelkov M.N. *Zapiski komandira strelkovogo batal'ona. Ot Rzheva do Vostochnoj Prussii. 1942–1945* [Notes of the Commander of the Rifle Battalion. From Rzhev to East Prussia. 1942–1945]. Moscow : Centropolygraf, 2010. 255 p. (In Russ.).
29. Sandalov L.M. 1941. *Na moskovskom napravleniju* [1941. On the Moscow Direction]. Moscow : Veche, 2019. 576 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Д.И. Дубровский* – участник Великой Отечественной войны, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН, профессор философского факультета МГУ, заместитель председателя Научного Совета при Президиуме РАН по методологии искусственного интеллекта и когнитивных исследований, главный редактор журнала «Философские науки».

Information about the author

D.I. Dubrovsky – participant of the Great Patriotic War, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Faculty of Philosophy of Moscow State University, Deputy Chairman of the Scientific Council at the Presidium of the Russian Academy of Sciences on the methodology of Artificial Intelligence and Cognitive research, Editor-in-Chief of the journal "Philosophical Sciences".

Статья поступила в редакцию 22.02.2022; одобрена после рецензирования 01.03.2022; принята к публикации 07.03.2022.
The article was submitted 22.02.2022; approved after reviewing 01.03.2022; accepted for publication 07.03.2022.

---

* *Биографическая справка:* Дубровский Давид Израилевич родился в 1929 г. в г. Орехове Запорожской области, участник Великой Отечественной войны с декабря 1943 г. С июня 1944 г. участвовал в знаменитой операции «Багратион», в ходе которой была освобождена Белоруссия, а затем в боях в Восточной Пруссии (3-й Белорусский фронт, 11-я гвардейская армия). После войны работал токарем на заводе в г. Мелитополе и учился в вечерней школе. В 1952 г. окончил философский факультет Киевского государственного университета и был направлен в г. Донецк, где работал преподавателем в средней школе, а с 1957 г. – преподавателем философии в Донецком медицинском институте. В 1962 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1969 г. – докторскую. С 1971 г. профессор философского факультета МГУ и заведующий отделом диалектического материализма, логики и философских проблем естествознания журнала «Философские науки». С 1986 г. ведущий, а затем главный научный сотрудник Института философии РАН. Специалист в области проблемы сознания, эпистемологии, методологии науки. Автор 10 книг и большого числа научных статей. Награжден орденом Отечественной войны, многими медалями и серебряным знаком «За вклад в развитие философии».

СОВРЕМЕННЫЕ КОНТЕКСТЫ ГУМАНИТАРНОЙ МЫСЛИ

Научная статья

УДК 304.4

doi: 10.31079/1992-2868-2022-19-2-32-39

СОЦИАЛЬНАЯ СОЛИДАРНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН: К РАЗРАБОТКЕ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ СХЕМЫ В РАМКАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Оксана Александровна Полюшкевич¹, Александр Сергеевич Ким²

¹Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия, okwook@mail.ru, <https://ORCID: 0000-0002-7924-9305>

²Хабаровский государственный университет экономики и права, Хабаровск, Россия, stosorok2005@yandex.ru, <https://ORCID: 0000-0002-0533-8786>

Аннотация. Статья посвящена проблеме выстраивания концептуальной схемы социологического исследования феномена социальной солидарности. Авторами в рамках социологической науки выявляются сферы междисциплинарного пересечения основных областей изучения социальной солидарности и анализируются уникальные фокусы исследовательского внимания. Также предлагаются гипотезы перспективного исследования социальной солидарности в ракурсе методологически обоснованных авторами социологических подходов.

Ключевые слова: социальная солидарность, социальный феномен, социология, интеграция, концептуальная схема

MODERN CONTEXTS OF HUMANITARIAN THOUGHT

Original article

SOCIAL SOLIDARITY AS A SOCIAL PHENOMENON: TOWARDS THE DEVELOPMENT OF A CONCEPTUAL SCHEME WITHIN THE FRAMEWORK OF SOCIOLOGICAL SCIENCE

Oksana A. Polyushkevich¹, Alexander S. Kim²

¹Irkutsk State University, Irkutsk, Russia, okwook@mail.ru, <https://ORCID: 0000-0002-7924-9305>

²Khabarovsk State University of Economics and Law, Khabarovsk, Russia, stosorok2005@yandex.ru, <https://ORCID: 0000-0002-0533-8786>

Abstract. The article is devoted to the problem of building a conceptual scheme for a sociological study of the phenomenon of social solidarity. Within the framework of sociological science, the authors identify areas of interdisciplinary intersection of the main areas of study of social solidarity and analyze unique focuses of research attention. Hypotheses for a prospective study of social solidarity are also proposed from the perspective of sociological approaches methodologically substantiated by the authors.

Keywords: social solidarity, social phenomenon, sociology, integration, conceptual scheme

Проблемы достижения общественного согласия и солидарности, равно как и проблемы дезинтеграции и конфликта, издавна были предметом научного познания социальной действительности. Как показывает постмодернистская реальность, социальная солидарность – это не рудимент традиционного общества, а неотъемлемая составляющая современных социальных трансформаций. Так, актуальность этого социального явления обусловлена транзитивным состоянием посттоталитарного (посткоммунистического) пространства современного мира, в рамках которого различные формы солидарности (нередко механической) становятся практически единственными способами социально-психологической адаптации. С точки зрения исследова-

ния предпосылок появления новых форм и структур властных отношений вне действующей структуры власти весьма актуально изучение структуры и динамики социальной солидарности как фактора «мягкой трансформации» социального порядка, способствующего изменениям социальной системы. Именно поэтому необходима разработка концептуальной схемы в рамках социологического изучения солидарности как социального феномена. Выстраивание такой схемы следует начать прежде всего с характеристики междисциплинарности сложившейся исследовательской традиции.

В рамках философии вопросы основ солидарного поведения рассматривались еще с античности. Платон поднимал вопрос актуальности дружбы как

инструмента сплочения общества, Аристотель развил его идеи и обосновал необходимость общения и дружбы для развития политики и общества как такового, Цицерон ставил единственным условием солидарности общества социальную идентичность граждан и др. Вопросами морали и религии как инструментов контроля и консолидации индивидов и социальных групп занимался А. Бергсон [12], теория дара раскрыта в работах М. Мосса [45], вопросы альтруизма и добродетели рассмотрены в исследовании М. Ридли [52], тему философии культуры можно проследить в работах Г. Зиммеля [25].

С позиции социологии актуальность вопроса о том, как возможно общество и что связывает людей между собой, поддерживалась О. Контом [34] и его учителями А. Сен-Симоном, Ж.-Б. Сеем, А. Смитом. Э. Дюркгейм говорил о коллективных представлениях, ритуалах и практиках, способных консолидировать членов группы; Р. Коллинз обосновал важность ритуалов интеракций; Г. Зиммель [25] доказывал социокультурные основы социальной сплоченности общества; К. Маркс указывал на социально-экономические основы интеграции общества; М. Вебер доказал эффективность рациональных типов, способствующих консолидации общества, и возможность применения понимающей социологии к анализу социальных действий; структурно-функциональный подход Т. Парсонса позволил выделить формальные прикладные условия возникновения солидарности внутри и между группами. Критический подход к социальному взаимодействию раскрывается в работах Дж. Александера [68], П. Бурдьё [17], Ю. Хабермаса [59].

Из более поздних работ можно выделить, например, труды отечественных ученых, занимающихся изучением различных моделей и механизмов просоциального поведения, реализующихся через социальные практики и ритуалы, способствующие сплочению общества. В исследованиях В.П. Бабинцева [4], О.А. Кармадонова и Г.Д. Ковригиной [30], Н.П. Копцевой [35], В.А. Ядова [65] и др. рассматриваются модели социальной солидарности, строящиеся на морально-ценностных основах социальной среды. В работах А.В. Быкова [17], А.Ю. Долгова [24], О.А. Симоновой [56], А. Эткинды [64] и др. анализируются моральные эмоции, способствующие интеграции общества и выработке социозащитных стратегий поведения.

В исследованиях Е.В. Богдановой [13], М.А. Боровик [14], И.А. Халий и О.В. Аксеновой [60] анализируются социальные практики, реализуемые в рамках общественных движений добровольчества и волонтерства, актуализации деятельности социальных активистов, строящиеся на идеалах и принципах гражданского общества, социальной активности и эмпатии граждан. Просоциальные аспекты

волонтерского движения раскрыты в работах А.С. Аносова [2], П.А. Трескина [58] и др.

В работах Е.В. Лебедевой [38], А.М. Хохловой [61], О.А. Полюшкевич [50] и др. рассматриваются условия публичного пространства, способствующие просоциальному поведению его жителей.

Особенностями социальной идентичности и групповой принадлежности и доверия занимались такие ученые, как И.Ф. Ярулин [67], особенностям групповых интеракций посвящены работы Ю.А. Прозоровой [51], Э. Эриксона [69].

Вопросы солидарности в меняющихся условиях рассматривались У. Бекком (общество риска), С.А. Кравченко (нелинейное развитие общества), З. Бауманом (текущая современность), П. Штомпкой (социология социальных изменений), П.А. Сорокиным (социальная динамика) [57], М.Ю. Лотманом (знаковая трансформация реальности) [41], О.Н. Яницким (риск-солидарность) [66] и др.

Социальное конструирование реальности через призму коллективных действий мы находим у П. Бергера [11], формы и нормы социального развития – у А.Б. Гофмана [20], вопросы поколенческих разрывов – в исследованиях А.Б. Шатилова [63]. Вопросами просоциального поведения в социологии через фокус изучения альтруизма и эгоизма занимались М. Барбалет, М. Ридли [52]. Социальным функциям эмоций посвящены труды М.Ю. Горбуновой [19], М. Деевой [23], Е.Н. Каляевой [29] и др. О нормах морали в современных условиях развития общества приводятся рассуждения в работах И.Ф. Девятко [22].

В психологическом подходе рассматривались вопросы конструирования просоциального поведения и коллективных эмоций в работах таких ученых, как Т.М. Бреслав [15], Е.П. Ильин [27], К. Изард [26], Дж. Палмер, Л. Палмер [48], А.А. Панкратова [59], В.Д. Шадриков [62]. Психологией масс занимались Г. Лебон [39], С. Московичи [71] и др. Этнопсихологические и этнополитические особенности формирования идентичности и коллективных эмоций находят отражение в работах Е.Н. Даниловой [21], А.С. Кима и Е.Ю. Довгополова [31] и проч.

В культурологии, антропологии и лингвистике вопросы ритуальных практик, коллективных представлений и эмоций исследовались Л. Леви-Строссом [70], Л.М. Баскиным [7], М.Ю. Лотманом [41], А. Лефевром [40], У.Г. Самнер [53]. Психологические особенности различных культур рассматривались Р. Бенедикт [10], К. Клакхоном [32]. Теории коллективной памяти как связующего элемента поколений представлены в подходах таких авторов, как Я. Асман [3], В. Г. Виноградский [18], П. Нора [46], К. Свасьян [54].

В рамках взаимодействия социологии и экономики в аспектах социальных эмоций и коллективных практик можно выделить работы С.Ю. Барсуковой [6], Н.Л. Русиновой, Л.В. Пановой [52]. В интеграции социологических и политологических подходов можно отметить исследования И.А. Исаева [28], Н.П. Копцевой [35], Г.Б. Кошарной [36], О.Б. Молодова [43], Л.Б. Москвина [44] и др.

Логика вышеприведенных исследований нередко строилась в рамках социального моделирования с применением прикладных методов, что во многом способствует выделению социологической предметной области изучения социальной солидарности, составляющими которой являются следующие теоретико-методологические положения (социологические гипотезы).

1. Просоциальные практики способствуют развитию коллективных эмоций и ритуалов, формирующих социальную солидарность (массовые скопления людей усиливают позитивные аффекты, социальную интеграцию и коллективные чувства участников): а) микроуровень социальных практик выражается в конструировании «семейной истории», способствующей воссозданию поведения, нацеленного на других членов семьи (предки, потомки или современники), коллективных эмоций семьи и внутрисемейной (внутригрупповой) сплоченности; б) макроуровень социальных практик, влияющих на социальную солидарность, проявляется во включенности индивидов и социальных групп в публичное пространство города, а также в участии в социальных движениях через коллективные эмоции и ритуалы.

2. Альтруизм, являясь формой просоциальной практики, связывает людей между собой и формирует социальную солидарность со средой и гибкие стратегии поведения; эгоизм нацелен на личные интересы, жесткие стратегии поведения и направлен на дезинтеграцию с группой. В современном обществе альтруизм развивается не только как форма личных убеждений, но и как рациональная стратегия эгоистической направленности, прикрываемая объективными аргументами необходимости альтруистического поведения.

3. Участие в социальных движениях усиливает позитивные аффекты, коллективные представления и эмоции, социальную интеграцию с группой и в целом с обществом. Социальные практики микро- и макроуровней влияют на появление коллективных эмоций, способствующих социальному сплочению и совместным действиям. Сплочение группы происходит в рамках актуализации идентичности, происходящей благодаря социальной функции эмоций (чем выше уровень эмоциональной интенсивности, вовлеченности членов группы в процессы, тем выше эмоциональное заражение и социаль-

ная оценка – это влияет на уровень солидарности). Рассматриваемые социальные практики вписываются в мягкие стратегии трансформации социального порядка через изменение социокультурных принципов солидарности (на основе альтруизма, морали и эмпатии).

Социологическое изучение в рамках указанного предметного поля обуславливает, на наш взгляд, целесообразность применения следующих подходов и теоретических моделей:

- сетевой теории, объясняющей поведение индивидов и социальных групп, их внутреннюю динамику под влиянием коллективных эмоций, которые выполняют роль фиксатора (того, что есть) и двигателя (стремление к изменениям) к участию в публичном пространстве и социальных практиках и ритуалах;

- системной теории (Н. Луман), позволяющей показать, как коммуникации в социальной структуре укрепляются социальными практиками и коллективными эмоциями, благодаря коммуникации реализуется просоциальная практика, так как само общество воспроизводит эту систему;

- символического интеракционизма, позволяющего объяснить появление норм и практик просоциального поведения через такие направления, как теория социального контроля (Ч. Кули, Дж.Г. Мид, С. Шотт), теория идентичности (Ш. Страйкер, Дж. Маккол и Дж. Симмонс, П. Берк), теория контроля над аффектами (Д. Хейз);

- теорий взаимодействия Э. Дюркгейма, Р. Коллинза, С. Московичи, способствующих пониманию системы интеракций, возникающих в процессе подтверждения (традиционный уклад) или разрушения (точки бифуркации и изменения условий жизни) представлений и социальных практик;

- теории структурной ритуализации (Д. Кноттнерус), благодаря которой объясняется роль и значение ритуализированной символической практики (эмоционально нагруженный набор действий, управляемый социальной ролью и контекстом ритуала или действия) в социальных взаимодействиях;

- концепции «оптимального переживания» (М. Чиксентмихайи), объясняющей коллективное возбуждение, возникающее в границах социальных ситуаций, обусловленных нормами и ритуалами;

- социальных теорий возникновения эмоций: 1) ритуальных теорий эмоций Э. Дюркгейма и И. Гофмана (ритуалы и эмоции в повседневных взаимодействиях), Р. Коллинза, Э. Саммерс-Эфлер (концепции эмоциональной энергии); 2) социокультурных теорий эмоций: И. Гофман, С. Гордон (теория эмоциональной культуры), Дж. Аверилл (теория соответствия эмоциональной культуре), Р. Коллинз (концепция «эмоциональной энергии»), А. Хохшильд (теория управления эмоциями),

М. Розенберг (теория эмоциональной рефлексивности), П. Туа (теория эмоциональной девиации) и К. Кларк (теория симпатии как основы общества); 3) структурных теорий эмоций: теории властного статуса Т. Кемпера, теории статуса и власти Р. Тамма, теории сетей Б. Марковски и Э. Лоулера, теории структуры ожиданий, концепции аффективного ожидания Дж. Бергера, теории социально-эмоционального поведения и статуса С. Риджвей, теории социально-эмоционального мира, рассматривающей причины и последствия эмоций для социального взаимодействия (Т. Шеффер), теории статусной совместимости М. Ловалия и Дж. Хаузера, теории чувств и ожиданий Р. Шелли, а также макроструктурной теории эмоций Дж. Барбалета;

– теорий обмена: теории социально-эмоционального обмена (Дж. Хоманс и П. Блау), теории обмена и власти (Р. Эмерсона, К. Кук и Л. Молм), теории эмоциональной сплоченности (Э. Лоулер и Дж. Юн), аффективной теории социального обмена (Э. Лоулер), теории легитимности, обмена и зависимости (К. Джонсон и Р. Форд), теории дара (М. Мосс), теории «эффективной максимизации» (М. Хаммонд) и др.;

– теории потоковой модели социальной консолидации, разработанной О.А. Кармадоновым и развитой в работах М.К. Зверева и Г.Д. Ковригиной.

В построении концептуальной схемы социологического исследования социальной солидарности было бы конструктивным использовать работы, посвященные анализу влияния психологии городского пространства на поведение людей (А. Лэфевр, П. Бурдьё, Э. Сейи, Д. Харви), что позволило бы актуализировать формат изучения социальных практик и ритуалов в городах.

Методологическое и эвристическое значение такой схемы заключается в возможности осуществления ряда научно-исследовательских операций.

1. Анализ и эмпирическое исследование условий и механизмов формирования просоциальных практик, являющихся основным компонентом социальной солидарности. Представляется возможным изучить, каким образом в процессах социального взаимодействия и социализации происходит закрепление как ранее принятых в культуре норм, эмоциональных реакций, так и формирование новых. В обоих случаях данные феномены выступают

способами объяснения социальной реальности и общественных трансформаций. Именно поэтому появляются основания для выявления взаимосвязи индивидуальных и коллективных эмоций с динамикой социальной системы.

2. Выявление и социологическое исследование эволюционного характера индивидуальных и коллективных эмоций. Сложные эмоции возникают как результат социального взаимодействия и укрепления социальных связей, опираются на нормы и ценности и способствуют социальной интеграции сообществ. Даже те разделяемые эмоциональные состояния, которые разрушают социальные связи, участвуют в создании новых. Следовательно, эмоции – один из основополагающих факторов динамики социальной системы. Исходя из такой логики, целесообразно обосновать и эмпирически апробировать представление о механизмах формирования социальной солидарности на основе коллективных эмоций и институционального взаимодействия. К составляющим этого механизма относятся: самовосприятие и идентичность, социальные сети взаимодействия, коллективные эмоции в рамках просоциальной практики и включенности в социальную структуру общества.

3. Исследование формирования различных типов просоциальных практик и коллективных интеракций, а следовательно, и типов просоциального поведения. Это, в свою очередь, позволит рассмотреть, каким образом активизация каждого из этих типов приводит к различным стратегиям эгоизма и альтруизма, способствующим разным формам развития социальной солидарности. В научно-практическом плане становится вполне реальной разработка модели латентных индикаторов коммуникативных стратегий индивидов, на основе которой можно выстроить мониторинг воздействия данных стратегий на их социальную активность.

Таким образом, на основе представленных компонентов концептуальной схемы изучения социальной солидарности возможно как дальнейшее формирование дискурсивного поля социологического анализа проблем общественной интеграции и дезинтеграции, так и разработка последующих прикладных исследований в рамках социологии и других смежных дисциплин.

Список источников

1. Абрамов Р.Н. Время и пространство ностальгии // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 5–23.
2. Аносов С.С. Философия волонтерского движения или новые формы социального служения // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 2. С. 6–13.
3. Асман Я. Культурная память: Письмо памяти о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. Москва : Язык славянской культуры, 2004. 368 с.
4. Бабинцев В.П., Ушамирская Г.Ф. Стратегия формирования солидарного общества в регионе // Дискуссия. 2013. № 5–6. С. 120–127.

5. Баррет Ф.Л. Как рождаются эмоции: революция в понимании мозга и управлении эмоциями. Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2018. 427 с.
6. Барсукова С.Ю. Солидарность участников неформальной экономики (на примере стратегий мигрантов и предпринимателей) // Социологические исследования. 2002. № 4. С. 3–12.
7. Баскин Л.М. Вожаки в группах животных и человека // Социологический ежегодник. Москва : ИНИОН РАН, 2011. С. 52–69.
8. Бауман З. Текучая современность. Санкт-Петербург : Питер, 2008. 240 с.
9. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну : пер. с нем. Москва : Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.
10. Бенедикт Р. Психологические типы в культурах Юго-Запада США // Антология исследований культуры. Москва : Университетская книга, 1997. Т. 1. С. 271–285.
11. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Москва : Медиум, 1995. 323 с.
12. Бергсон А. Два источника морали и религии. Москва : Канон, 1994. 384 с.
13. Богданова Е.В. Профессиональная субъектность личности в волонтерской деятельности (социально-философский анализ) // Философия образования. 2010. № 3 (32). С. 263–270.
14. Боровик М.А., Михель Д.В. Движения по защите животных: история, политика, практика // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 8, № 2. С. 227–252.
15. Бреслав Г.М. Психология эмоций. Москва : Смысл : Академия, 2004. 544 с.
16. Бурдьё П. Начала (= Pierre Bourdieu. Choses dites. Paris, Minuit, 1987). Москва : Socio-Logos, 1994. 288 с.
17. Быков А.В. Социология морали и эволюционная теория: история и перспективы взаимодействия // Социологические исследования. 2017. № 1 (393). С. 127–136.
18. Виноградский В.Г. Крестьянский мир в дискурсе поколенческой печали // Социологические исследования. 2015. № 12. С. 82–91.
19. Горбунова М.Ю. Социальные функции эмоций // Научный журнал КубГАУ. 2011. № 3. URL: <http://ej.kubagro.ru/2011/03/pdf/08.pdf> (дата обращения: 20.01.2022).
20. Гофман А.Б. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социологический ежегодник 2012 : сб. науч. тр. / ред. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко. Москва : ИНИОН РАН, 2013. С. 97–167.
21. Данилова Е.Н. Изменения в социальных идентификациях россиян // Социологический журнал. 2000. № 3/4. С. 76–86.
22. Девятко И.Ф. Теории эволюции первобытных и традиционных обществ: некоторые новые идеи и подходы // Новое и старое в теоретической социологии. Москва : Институт социологии РАН, 2006. Кн. 4. С. 48–62.
23. Деева М.И. От индивидуального к разделяемому аффекту: Постдюркгеймианская традиция в социологии эмоций // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9, № 2. С. 134–154.
24. Долгов А.Ю. Теория альтруизма Питирима Сорокина: глобальная перспектива // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. Т. 18, № 2. С. 32–44.
25. Зиммель Г. Избранное. В 2 т. Т. 1. Философия культуры. Москва : Юрист, 1996. 671 с.
26. Изард К.Э. Психология эмоций. Санкт-Петербург : Питер, 2003. 464 с.
27. Ильин Е.П. Эмоции и чувства. Санкт-Петербург : Питер, 2007. 752 с.
28. Исаев И.А. Солидарность как воображаемое политико-правовое состояние. Москва : Проспект, 2013. 176 с.
29. Каляева Е.Н. Контуры социологии эмоций в концепции социальной солидарности: теоретические истоки в работе Э. Дюркгейма «о разделении общественного труда» // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 84–93.
30. Кармадонов О.А., Ковригина Г.Д. Ресурсы социальной консолидации российского общества : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2017. 184 с.
31. Ким А.С., Довгополов Е.Ю. Институционализация этнической политики в современной России (на примере Дальневосточного региона). Москва : Этносоциум, 2016. 166 с.
32. Клакхон К. Зеркало для человека. Введение в антропологию : пер. с англ. Санкт-Петербург : Евразия, 1998. 352 с.
33. Коллинз Р. Программа теории ритуала интеракции // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. 7, № 1. С. 34–41.
34. Конт О. Дух позитивной философии. Санкт-Петербург : Адель, 2007. 338 с.
35. Копцева Н.П. К вопросу о концептуальных основаниях строительства общенационального российского государства // Социодинамика. 2014. № 1. С. 1–14.
36. Кошарна Г.Б. Гражданское общество как фактор реализации консолидационных процессов российского общества // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 2 (34). С. 154–162.
37. Кравченко С.А. Нелинейная социальная динамика: игральная динамика : монография. Москва : МГИМО-Университет, 2006. 172 с.
38. Лебедева Е.В. Трансформация публичного пространства постсоветских городов // Социология. 2016. № 4. С. 107–115.
39. Лебон Г. Психология народов и масс. Санкт-Петербург : Макет, 1995. 311 с.
40. Лефевр А. Производство пространства. Москва : StrelkaPress, 2015. 432 с.
41. Лотман Ю. М. Семiosфера. Санкт-Петербург : Искусство-СПБ, 2000. 704 с.
42. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений // Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. В 3 т. Т. 1. Москва : Политиздат, 1985. 637 с.
43. Молодов О.Б. Социальная консолидация в условиях новой реальности: проблема общественной активности и идентичности населения региона // Проблемы развития территории. 2016. Вып. 2 (82). С. 82–97.
44. Москвин Л.Б. Доверие как важнейшая предпосылка согласия в обществе // Согласие в обществе как условие развития современной России (политические и социальные аспекты). Москва : ИС РАН, 2011. С. 67–78.

45. Мосс М. Обязательное выражение чувств (австралийские погребальные словесные ритуалы) // *Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии* : пер. с фр. А.Б. Гофмана. Москва : Наука, 1996. С. 74–82.
46. Нора П. Поколение как место памяти // *Новое литературное обозрение*. 1998. № 2(30). С. 120–127.
47. Палмер Дж., Палмер Л. Эволюционная психология: Секреты поведения Homo sapiens. Санкт-Петербург : Прайм-Еврознак, 2003. 215 с.
48. Панкратова А.А. Подход Дж. Гросса к изучению эмоциональной регуляции: примеры кросскультурных исследований // *Вопросы психологии*. 2014. № 1. С. 147–155.
49. Полюшкевич О.А. Солидарность поколений : монография. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2014. 144 с.
50. Прозорова Ю.А. Теория интерактивных ритуалов Р. Коллинза: От микроинтеграции к макроструктуре // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2007. Т. 10, № 1. С. 57–73.
51. Ридли М. Происхождение альтруизма и добродетели: от инстинктов к сотрудничеству. Москва : Эксмо, 2014. 336 с.
52. Русинова Н.Л., Панова Л.В. Социальные неравенства и ограниченность ресурсов социального капитала как препятствия консолидации российского общества // Условия и возможности консолидации российского общества : сборник научных трудов СИ РАН / отв. ред.: А.В. Дука, И.И. Елисева. Санкт-Петербург : Нестор-История, 2010. С. 164–218.
53. Самнер У.Г. Народные обычаи. Исследование социологического значения обычаев, манер, привычек, нравов и этики. URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/data/238/114/1217/RUBEV12x20-x200010-32.pdf> (дата обращения: 26.01.2022).
54. Свасьян К. Политика памяти и голем «коллективной вины» // *Русский журнал*. – URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-rovostka/Politika-pamyati-i-golem-kollektivnoj-viny> (дата обращения: 26.01.2022).
55. Симонова О.А. Социология эмоций и социология морали: моральные эмоции в современном обществе // *Социологический ежегодник 2013–2014 : сборник научных трудов* / ред. Н.Е. Покровский, Д.В. Ефременко. Москва : ИНИОН РАН; Кафедра общей социологии НИУ ВШЭ, 2014. С. 148–187.
56. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. Москва : Политиздат, 1992. 393 с.
57. Трескин П.А. Общественные организации как социальный капитал региона // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2017. № 64. С. 263–277.
58. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. Санкт-Петербург : Наука, 2000. 384 с.
59. Халий И.А., Аксенова О.В. Активность структур гражданского общества: ориентация на взаимодействие социальных субъектов // *Социальные факторы консолидации российского общества: социологическое измерение*. Москва : Новый хронограф, 2010. С. 222–249.
60. Хохлова А.М. Городские публичные места как площадки культурного производства и потребления // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2011. № 14(5). С. 182–191.
61. Шадриков В.Д. Введение в психологию: эмоции и чувства. Москва : Логос, 2002. 156 с.
62. Шатилов А.Б. Поколенческие разрывы как фактор роста конфликтности в современном российском обществе // *Власть*. 2019. Т. 27, № 4. С. 26–32.
63. Эткинд А. Кривое горе: память о непогребенных. Москва : Новое литературное обозрение, 2016. 328 с.
64. Ядов В.А. Солидарности россиян в повседневной жизни и в общегосударственном масштабе // *Общество и экономика*. 2002. № 12. С. 90–94.
65. Яницкий О.Н. Риск-солидарности: российская версия // *ИНТЕР*. 2004. № 2–3. С. 52–62.
66. Ярулин И.Ф. Концепт «доверие» в анализе этнических миграций // *Регионалистика*. 2015. № 5–6. С. 85–95.
67. Alexander J.C. Morality as a cultural system: On solidarity civil and uncivil // *The Palgrave handbook of altruism, morality and social solidarity: Formulating a field of study* / ed. by V. Jeffries. New York : Palgrave Macmillan, 2014. P. 303–310.
68. Erikson E.H. Gandhi's truth: On the origins of militant nonviolence. New York : Norton, 1969. 476 p.
69. Lévi-Strauss C. The principle of reciprocity // *The gift: An interdisciplinary perspective*. Amsterdam : Amsterdam university press, 1996. 360 p.
70. Moscovici S. La machine à faire des dieux. Paris : Fayard, 1988. 485 p.
71. Turner J.H., Stets J. Moral emotions // *Handbook of the sociology of emotions*. New York : Springer, 2007. P. 544–566.

References

1. Abramov R.N. Time and space of nostalgia // *Sotsiologicheskij zhurnal [Sociological journal]*. 2012. No. 4. P. 5–23. (in Russ.).
2. Anosov S.S. Philosophy of the volunteer movement or new forms of social service // *Gumanitarnyy vektor [Humanitarian vector]*. 2018. V. 13, no. 2. P. 6–13. (in Russ.).
3. Asman Ya. Cultural memory: Letter memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity. Moscow : Language of Slavic culture, 2004. 368 p. (in Russ.).
4. Babintsev V.P., Ushamirskaya G.F. Strategy for the formation of a solidary society in the region // *Diskussiya [Discussion]*. 2013. No. 5–6. P. 120–127. (in Russ.).
5. Barret F.L. How emotions are born: a revolution in understanding the brain and managing emotions. Moscow : Mann, Ivanov and Ferber, 2018. 427 p. (in Russ.).
6. Barsukov S.Yu. Solidarity of participants in the informal economy (on the example of strategies of migrants and entrepreneurs) // *Sotsiologicheskije issledovaniya [Sociological research]*. 2002. No. 4. P. 3–12. (in Russ.).
7. Baskin L.M. Leaders in groups of animals and humans // *Sotsiologicheskij yezhegodnik. [Sociological Yearbook]*. Moscow : INION RAN, 2011. P. 52–69. (in Russ.).
8. Beck W. Risk society. On the way to another modernity: per. from German. Moscow : Progress-Tradition, 2000. 384 p. (in Russ.).
9. Bauman Z. Fluid modernity. St. Petersburg : Piter, 2008. 240 p. (in Russ.).
10. Benedict R. Psychological types in the cultures of the US Southwest // *Antologiya issledovaniy kul'tury [Anthology of Cultural Studies]*. Moscow : Universitetskaya kniga, 1997. T. 1. P. 271–285. (in Russ.).

11. Berger P., Lukman T. Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge. Moscow : Medium, 1995. 323 p. (in Russ.).
12. Bergson A. Two sources of morality and religion. Moscow : Kanon, 1994. 384 p. (in Russ.).
13. Bogdanova E.V. Professional subjectivity of the individual in volunteer activities (social and philosophical analysis) // *Filosofiya obrazovaniya [Philosophy of Education]*. 2010. No. 3 (32). P. 263–270. (in Russ.).
14. Borovik M.A., Mikhel D.V. Animal protection movements: history, politics, practice // *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki [Journal of Social Policy Research]*. 2010. V. 8, no. 2. P. 227–252. (in Russ.).
15. Breslav G.M. Psychology of emotions. Moscow : Meaning: Academy, 2004. 544 p. (in Russ.).
16. Izard K.E. Psychology of emotions. St. Petersburg : Piter, 2003. 464 p. (in Russ.).
17. Bourdieu P. Beginnings (= Pierre Bourdieu. Choses dites. Paris, Minuit, 1987). Moscow : Socio-Logos, 1994. 288 p. (in Russ.).
18. Byko A.V. Sociology of morality and evolutionary theory: history and perspectives of interaction // *Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological research]*. 2017. No. 1 (393). P. 127–136. (in Russ.).
19. Vinogradsky V.G. Peasant world in the discourse of generational sadness // *Sotsiologicheskiye issledovaniya [Sociological research]*. 2015. No. 12. P. 82–91. (in Russ.).
20. Gorbunova M.Yu. Social functions of emotions // *Nauchnyy zhurnal KubGAU [Scientific journal of KubSAU]*. 2011. No. 3. URL: <http://ej.kubagro.ru/2011/03/pdf/08.pdf> (accessed: 01.20.2022) (in Russ.).
21. Hoffman A.B. Solidarity or rules, Durkheim or Hayek? On two forms of social integration // *Sotsiologicheskiy yezhegodnik [Sociological Yearbook 2012]: Sat. scientific tr. / Ed.: N. E. Pokrovsky, D. V. Efremenko*. Moscow : INION RAN, 2013. P. 97–167. (in Russ.).
22. Danilova E.N. Changes in the social identifications of Russians // *Sotsiologicheskiy zhurnal [Sociological journal]*. 2000. No. 3/4. P. 76–86. (in Russ.).
23. Devyatko I.F. Theories of evolution of primitive and traditional societies: some new ideas and approaches // *Novoye i staroye v teoreticheskoy sotsiologii [New and old in theoretical sociology]*. Moscow : Publishing House of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2006. Book. 4. P. 48–62. (in Russ.).
24. Deeva M.I. From individual to shared affect: Post-Durkheimian tradition in the sociology of emotions // *Sotsiologicheskoye obozreniye [Sociological Review]*. 2010. V. 9, no. 2. S. 134–154. (in Russ.).
25. Dolgov A.Yu. Pitirim Sorokin's theory of altruism: a global perspective // *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii [Journal of Sociology and Social Anthropology]*. 2015. V. 18, no. 2. S. 32–44. (in Russ.).
25. Simmel G. Favorites. In 2 vols. T. 1. Philosophy of culture. Moscow : Lawyer, 1996. 671 p. (in Russ.).
26. Ilyin E.P. Emotions and feelings. St. Petersburg : Piter, 2007. 752 p. (in Russ.).
27. Palmer J., Palmer L. Evolutionary psychology: Secrets of the behavior of Homo sapiens. St. Petersburg : Prime-Eurosign, 2003. 215 p. (in Russ.).
28. Isaev I.A. Solidarity as an imaginary political and legal state. Moscow : Prospekt, 2013. 176 p. (in Russ.).
29. Kalyaeva E.N. Contours of the sociology of emotions in the concept of social solidarity: theoretical origins in the work of E. Durkheim “on the division of social labor” // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Bulletin]*. 2018. No. 435. P. 84–93. (in Russ.).
30. Karmadonov O.A., Kovrigina G.D. Resources for the social consolidation of Russian society : monograph. Irkutsk : IGU Publishing House, 2017. 184 p. (in Russ.).
31. Kim A.S., Dovgoplov E.Yu. Institutionalization of ethnic policy in modern Russia (on the example of the Far East region). Moscow : Ethnosocium, 2016. 166 p. (in Russ.).
32. Klakhohn K. A mirror for a person. Introduction to Anthropology : Per. from English. St. Petersburg : Eurasia, 1998. 352 p. (in Russ.).
33. Collins R. Interaction Ritual Theory Program // *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii [Journal of Sociology and Social Anthropology]*. 2004. V. 7, no. 1. P. 34–41. (in Russ.).
34. Comte O. Spirit of positive philosophy. St. Petersburg : Adel, 2007. 338 p. (in Russ.).
35. Koptseva N.P. To the question of the conceptual foundations of the construction of a nationwide Russian state // *Sotsiodinamika [Sociodynamics]*. 2014. No. 1. P. 1–14. (in Russ.).
36. Kosharna G.B. Civil society as a factor in the implementation of the consolidation processes of the Russian society // *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki. [News of higher educational institutions. Volga region. Social Sciences]*. 2015. No. 2 (34). P. 154–162. (in Russ.).
37. Kravchenko S.A. Nonlinear social dynamics: gamelization approach : monograph. Moscow : MGIMO-Universitet, 2006. 172 p. (in Russ.).
38. Lebedeva E.V. Transformation of the public space of post-Soviet cities // *Sotsiologiya [Sociology]*. 2016. No. 4. P. 107–115. (in Russ.).
39. Lebon G. Psychology of peoples and masses. St. Petersburg : Maket, 1995. 311 p. (in Russ.).
40. Lefebvre A. Production of space. Moscow : StrelkaPress, 2015. 432 p. (in Russ.).
41. Lotma, Yu.M. Semiosphere. St. Petersburg : Art-SPB, 2000. 704 p. (in Russ.).
42. Marx K., Engels F. Feuerbach. The opposite of materialistic and idealistic views // Marx K., Engels F. Selected works. In 3 volumes. T. 1. Moscow : Politizdat, 1985. 637 p. (in Russ.).
43. Molodov O.B. Social consolidation in a new reality: the problem of social activity and identity of the population of the region // *Problemy razvitiya territorii [Problems of territory development]*. 2016. Issue. 2 (82). P. 82–97. (in Russ.).
44. Moskvina L.B. Trust as the most important prerequisite for consent in society // *Soglasie v obshchestve kak usloviye razvitiya sovremennoy Rossii (politicheskiye i sotsial'nyye aspekty) [Consent in society as a condition for the development of modern Russia (political and social aspects)]*. Moscow : IS RAN, 2011. P. 67–78. (in Russ.).

45. Moss M. Mandatory expression of feelings (Australian funerary verbal rituals) // *Obshchestva. Obmen. Lichnost': Trudy po sotsial'noy antropologii [Societies. Exchange. Personality: Works on social anthropology]* : trans. from fr. A. B. Hoffman. Moscow : Nauka, 1996. S. 74–82. (in Russ.).
46. Nora P. Generation as a place of memory // *Novoye literaturnoye obozreniye. [New Literary Review]*. 1998. No. 2(30). P. 120–127. (in Russ.).
47. Pankratova A.A. J. Gross's approach to the study of emotional regulation: examples of cross-cultural studies // *Voprosy psikhologii [Questions of Psychology]*. 2014. No. 1. P. 147–155. (in Russ.).
48. Polyushkevich O.A. Solidarity of generations: monograph. Irkutsk : IGU Publishing House, 2014. 144 p. (in Russ.).
49. Prozorova Yu.A. Theory of interactive rituals by R. Collins: From microintegration to macrostructure // *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii [Journal of Sociology and Social Anthropology]*. 2007. V. 10, no. 1. P. 57–73. (in Russ.).
50. Ridley M. The origin of altruism and virtue: from instincts to cooperation. Moscow : Eksmo, 2014. 336 p. (in Russ.).
51. Rusinova N.L., Panova L.V. Social inequalities and limited resources of social capital as obstacles to the consolidation of Russian society / Ed.: A.V. Duka, I.I. Eliseeva. St. Petersburg : Nestor-Istoriya, 2010. P. 164–218. (in Russ.).
52. Sumner W.G. Folk customs. A study of the sociological significance of customs, manners, habits, mores and ethics. URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/data/238/114/1217/RUBEV12x20-x200010-32.pdf> (accessed: 26.01.2022). (in Russ.).
53. Svasya K. The politics of memory and the golem of "collective guilt" // *Russian Journal*. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Politika-pamyati-i-golem-kollektivnoj-viny> (accessed: 01.26.2022). (in Russ.).
54. Simonova O.A. Sociology of emotions and sociology of morality: moral emotions in modern society // *Sotsiologicheskii yezhegodnik 2013–2014 [Sociological Yearbook 2013–2014]*: collection of scientific papers. Moscow : INION RAN; Department of General Sociology, National Research University Higher School of Economics, 2014. P. 148–187. (in Russ.).
55. Sorokin P. Man. Civilization. Society. Moscow : Politizdat, 1992. 393 p. (in Russ.).
56. Lotman Yu.M. Semiosphere. St. Petersburg : Art-SPB, 2000. 704 p.
57. Treskin P.A. Public organizations as the social capital of the region // *Gosudarstvennoye upravleniye. Elektronnyy vestnik [Public administration. Electronic Bulletin]*. 2017. No. 64. P. 263–277. (in Russ.).
58. Habermas Y. Moral consciousness and communicative action. St. Petersburg : Nauka, 2000. 384 p. (in Russ.).
59. Khaliy I.A., Aksenova O.V. Activity of civil society structures: orientation towards the interaction of social actors // *Sotsial'nyye faktory konsolidatsii Rossiyskogo obshchestva: sotsiologicheskoye izmereniye [Social factors of consolidation of Russian society: a sociological dimension]*. Moscow : New Chronograph, 2010. P. 222–249. (in Russ.).
60. Khokhlova A.M. Urban public places as platforms for cultural production and consumption // *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii [Journal of Sociology and Social Anthropology]*. 2011. No. 14(5). P. 182–191. (in Russ.).
61. Shadrikov V.D. Introduction to psychology: emotions and feelings. Moscow : Logos, 2002. 156 p. (in Russ.).
62. Shatilov A.B. Generation gaps as a factor in the growth of conflict in modern Russian society // *Vlast' [Power]*. 2019. V. 27, no. 4. S. 26–32. (in Russ.).
63. Etkind A. Crooked grief: the memory of the unburied. Moscow : New Literary Review, 2016. 328 p. (in Russ.).
64. Yadov V.A. Solidarity of Russians in everyday life and on a national scale // *Obshchestvo i ekonomika [Society and Economics]*. 2002. No. 12. S. 90–94. (in Russ.).
65. Yanitsky O.N. Risk-solidarity: Russian version // *INTER [INTER]*. 2004. No. 2–3. P. 52–62. (in Russ.).
66. Yarulin I.F. The concept of "trust" in the analysis of ethnic migration // *Regionalistika. [Regionalistics]*. 2015. No. 5–6. P. 85–95. (in Russ.).
67. Alexander J.C. Morality as a cultural system: On solidarity civil and uncivil // *The Palgrave handbook of altruism, morality and social solidarity: Formulating a field of study* / Ed. by V. Jeffries. New York : Palgrave Macmillan, 2014. P. 303–310.
68. Erikson E.H. Gandhi's truth: On the origins of militant nonviolence. New York : Norton, 1969. 476 p.
69. Lévi-Strauss C. The principle of reciprocity // *The gift: An interdisciplinary perspective*. Amsterdam : Amsterdam university press, 1996. 360 p.
70. Moscovici S. La machine à faire des dieux. Paris : Fayard, 1988. 485 p.
71. Turner J.H., Stets J. Moral emotions // *Handbook of the sociology of emotions*. New York : Springer, 2007. P. 544–566.

Информация об авторах

А.С. Ким – доктор политических наук;
О.А. Полюшкевич – кандидат философских наук, доцент.

Information about the authors

A.S. Kim – Doctor of Science (Politics);
O.A. Polyushkevich – Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 27.01.2022; одобрена после рецензирования 14.02.2022; принята к публикации 07.03.2022.
The article was submitted 27.01.2022; approved after reviewing 14.02.2022; accepted for publication 07.03.2022.

Научная статья
УДК 659.4:339.9
doi: 10.31079/1992-2868-2022-19-2-40-45

КРИЗИС НАЦИОНАЛЬНО-СТРАТЕГИЧЕСКИХ PR: ОПЫТ ФАКТОРНОГО АНАЛИЗА

Лариса Валерьевна Ковынева¹, Алексей Генрихович Штейнберг²

^{1,2}Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия

¹lorikov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6045-1255>

²shtein1966@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1518-659>

Аннотация. Статья посвящена организации стратегических связей с общественностью в международных отношениях в условиях глобальных вызовов. Целью исследования является анализ кризисной ситуации в практике связей с общественностью, основанный на рассмотрении инфраструктурных компонентов (факторов), определяющих стратегию, характер и методику PR на национально-государственном уровне. Задача исследования – выявление и обобщение основных компонентов (факторов) национально-стратегических связей с общественностью, таких как: политическая система страны, уровень экономического развития государства и уровень социальной активности граждан.

Ключевые слова: государство, связи с общественностью, международные отношения, политическая система, экономическое развитие, активизм, национально-стратегические PR

Original article

THE CRISIS OF NATIONAL STRATEGIC PR: THE FACTOR ANALYSIS EXPERIENCE

Larisa V. Kovyneva¹, Alexey G. Shteinberg²

^{1,2}Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia

¹lorikov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6045-1255>

²shtein1966@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1518-659>

Abstract. The article is devoted to the organization of strategic relations with the public in international relations in the face of global challenges. The aim of the study is to analyze the crisis in the practice of public relations, based on considering the infrastructure components (factors) that determine the strategy, nature, and methodology of PR at the national-state level. The objective of the study is to identify and generalize the main components (factors) of “national-strategic public relations”, such as: the political system of the country, the level of economic development of the state and the level of social activity of citizens.

Keywords: state, public relations, international relations, political system, economic development, activism, national strategic PR

Введение

Современные связи с общественностью сталкиваются сегодня с небывалыми глобальными вызовами, грозящими серьезно сказаться на самой стратегической направленности PR. Особенно данный «кризис PR» заметен на межгосударственном, международном уровне, когда все более очевидным становится забвение и игнорирование принципов международной этики, дипломатии, протокола в нарушение основных «императивных» правил общественных связей.

Целью нашего исследования является анализ кризисной ситуации в практике связей с общественностью, основанный на рассмотрении инфраструктурных компонентов (факторов), определяющих стратегию, характер и методику PR на национально-государственном уровне. Для удобства ана-

лиза предлагаем назвать изучаемые нами связи с общественностью национально-стратегическими PR.

Цель исследования – выявление и обобщение основных компонентов (факторов) национально-стратегических связей с общественностью.

Итак, публик рилейшнз, практикуемые в стране, их стратегия и тактика опосредованы следующими факторами:

- национальной политической системой;
- уровнем экономического развития государства;
- уровнем социальной активности.

Каждый из этих факторов диалектически связан с историей и культурой государства, решающего на международном уровне свои задачи во взаимодействии с другими политическими субъектами. До недавнего времени фундаментальные основы свя-

зей с общественностью, политическая дипломатия, этика и протокол позволяли продуктивно сглаживать межгосударственные противоречия, достигать взаимопонимания и избегать крайностей в решении политических вопросов. Последние несколько лет мировое сообщество оказывается втянуто в затяжной кризис отнюдь не невозможностью договориться! Вызов глобальной стабильности «брошен» нежеланием договариваться, целенаправленным отказом от многолетних правил и норм международных отношений.

Политическая система

Вряд ли можно сомневаться в том, что практика социально-политических отношений опирается на общественное мнение, из чего можно сделать вывод, что только плюралистические общества предлагают среду, способствующую осуществлению стратегических связей с общественностью. Мировая практика PR, в свою очередь, располагает доступными доказательствами того, что в обществах, политические системы которых не ценят общественное мнение, природа связей с общественностью примитивна и имеет тенденцию к одностороннему влиянию (носит пропагандистский характер). Однако демократия проявляется во многих формах, о чем свидетельствует тот факт, что почти каждое из 193 нынешних государств-членов ООН так или иначе утверждает, что оно построено на демократических принципах. Такая ситуация сложилась во многом потому, что сегодня почти у каждого социального субъекта есть свои собственные определения того, что есть демократия, какой она должна быть, а также представления о том, как ее развивать, особенно в других странах. В подтверждение этому можно привести исчерпывающие отчеты, такие, например, как Freedom House под редакцией А. Каратнуска, которые указывают на изменчивость определения и практики демократии во всем мире [1]. Такие иллюстрации, несомненно, полезны, поскольку дают основу для размышлений профессионалам-практикам и ученым-теоретикам в области международных связей с общественностью.

Итак, с начала 1990-х гг. мир развивается довольно динамично, многие страны переживают период драматических политических, экономических и социальных изменений. В частности, страны бывшего советского блока (страны Варшавского договора) встали на путь либерализации и рыночных реформ, став «странами с переходной экономикой». Эти государства в настоящее время находятся на разных этапах демократизации и экономических трансформаций, во многом ориентированных на США и страны НАТО, что порождает массу вариантов и ставит множество задач перед специалистами по связям с общественностью. Для многих

государств – бывших членов СЭВ переходный период не был ни плавным, ни последовательным. Потому что политическая «окружающая среда» определяет характер общественных отношений, в которых приходится «практиковать», а они, в свою очередь, нуждаются в крупном эмпирическом сравнительном исследовании диалектики политических идеологий и PR. Политическая идеология, в свою очередь, тесно связана с экономическим развитием, которое пока далеко от ожиданий начала переходного периода: политические условия влияют на принятие экономических решений, и наоборот. Более того, динамика отношений между политической и экономической системами часто определяет стабильность нации и дальнейшее экономическое развитие. Существует множество примеров того, как отсутствие экономического развития приводит к тому, что общество стагнирует в условиях неграмотности, бедности и абсентеизма населения, препятствующих, в свою очередь, как развитию экономики, так и укоренению демократических политических институтов.

В «классической» политологии и социологии XX в. пользовались аналитической матрицей «трех типов политических систем»: западные индустриальные демократии; социалистические (коммунистические) государства и преимущественно незападные развивающиеся страны. Изменения глобальной структуры власти, совпавшие с распадом СССР, среди прочего изменили социально-политическую конфигурацию: возникают индустриальные страны, которые больше не соответствуют определению «развивающихся», при этом к ним трудно применить понятие «демократические» (в современном западном «понимании»). Сегодня крайне сложно и, наверное, даже невозможно повторить попытку таких теоретиков, как Ф.Л. Вилсон или М.В. Саймон, провести различие между политическими конфигурациями в континууме от демократического до авторитарного. Фактически XX в. был периодом попытки демократизации мира, хотя в начале столетия даже США и Великобритания не были таковыми из-за проблем с избирательным правом [2; 4].

А вот что пишет по этому поводу известный теоретик политического менеджмента Генри Минцберг в своей работе «Изменение социального баланса: радикальное обновление по ту сторону левых, правых и центра» [3]. Автор считает, что в 1989 г. капитализм восторжествовал, по крайней мере, так думали «ученые мужи на Западе», когда коммунистические режимы в Восточной Европе начали рушиться. Так вот, Минцберг заключает: эти ученые мужи были совершенно неправы! Более того, последствия их ошибки теперь оказываются роковыми, вызвав пугающие, по мнению автора,

тенденции: «...деградация окружающей среды, упадок наших демократий и очернение самих себя, когда жадность была возведена до уровня своего рода высокого призвания». Уже тогда, в 2014 г. он призывал заменить эту «искажающую догму» новым «освобождающим мировоззрением», которое помогло бы добиться конструктивных изменений, «начиная с низового уровня» и далее по всей политической системе.

Отталкиваясь от упомянутого выше исследования Freedom House, можно привести типологию политических систем XX в.

1. «Страны демократии». Здесь идет соревнование политических субъектов на открытых выборах. В таких странах у оппозиционных партий есть высокие шансы на власть как в роли правящей партии, так в качестве членов политических коалиций.

2. «Ограниченная демократия», при которой одна партия контролирует политические институты, СМИ и избирательный процесс государства, причем иногда в условиях отсутствия права голоса на основании гендера, расы и экономического статуса.

3. «Монархии». Как конституционные, так и абсолютные.

4. «Авторитарные режимы». Это чаще всего тоталитарные государства или военные диктатуры, где уже нарушаются многие права человека.

5. Колонии и протектораты, где государства управляются извне по их просьбе или даже без неё (насиленная колонизация, протекторат могущественного «соседа» или мирового сообщества).

По нашему мнению, XX в. имел хороший шанс на построение политического плюрализма в мире. Пережитые потрясения, войны и прогрессивные изменения создавали условия для дальнейшего сближения народов и государств на основе культурных ценностей человечества, отражением которых во многом являлись принципы и нормы связей с общественностью. Как упоминалось выше, 100 лет назад в мире не было фактически ни одной истинно демократической страны, при этом сам идеал представительского волеизъявления народа стимулировал появление государственных политических демократических институтов. В XXI в. средства достижения политической власти варьируется, как нам представляется, следующим образом:

– власть может передаваться по праву рождения (как в монархиях, политических династиях, клановых, тейповых культурах);

– власть достигается через ассоциацию с другой правящей элитой;

– власть определяется по результатам выборов, которые, как стало ясно после электоральных «ритуалов» 20-х гг. XXI в. даже в высокоразвитых, либеральных государствах могут иметь разные уровни открытости и справедливости;

– все чаще проявляется тенденция к теократическим формам организации власти;

– в результате в основном внешнеполитического вмешательства в ряде государств Азии и Африки к власти приходят откровенно экстремистские, ультранационалистские политические субъекты.

Концепция социальных отношений предполагала до недавних пор в основном демократическую политическую структуру, в которой конкурирующие политические «силы» стремились к легитимности своей власти через общественное мнение. Поскольку все властные объединения имеют определенную степень влияния на международной арене и должны «как-то договариваться», вышеперечисленные тенденции ставят перед организацией международных связей с общественностью новые задачи. При этом как легитимные, так и альтернативные демократические институты могут поощряться в теории, но не на практике. Это приводит к различным формам социальной активности граждан, к различным скрытым элементам самоуправления, и, наконец, к цензуре и «охоте на ведьм». Из истории PR мы знаем, что их развитие и повышение «изошренности» практики связей с общественностью связано с увеличением уровня демократизации общества (например, США). До недавнего времени не было сомнений, что стратегические общественные связи процветают в плюралистических, демократических обществах. Однако именно в русле исторической преемственности PR тезис о том, что демократизация стимулировала развитие связей с общественностью, сегодня представляется спорным, как и спорны сами «демократические» методы построения международных отношений. Пришло время эмпирически проанализировать, как другие, «недемократические» типы политических систем влияют на практику связей с общественностью.

Уровень экономического развития

Второй фактор, влияющий на становление и развитие государственных связей с общественностью, – это уровень экономического развития. Как известно из марксистской концепции общественно-экономической формации, экономический базис во многом определяет надстроечные процессы, к которым можно отнести и рассмотренную ранее политическую систему государства. В русле экономических отношений, тесно связанных с политической системой страны, находятся серьезные возможности для развития PR и там же скрываются проблемы для специалистов по связям с общественностью. Как мы помним, в эпоху Ренессанса и Нового времени именно новое мировоззрение, выводящее человека из темноты и невежества к свету разума, из положения раба Господа и Церкви – к роли творца и Господина своей судьбы, и позволило построить новую капиталистическую этику, вы-

звать «дух» предпринимательства, частной инициативы и либерального индивидуализма.

Не вдаваясь в дискуссию о позитивности таких реформаций для человечества, следует признать, что фактически нет сомнений в том, что более плюралистическая политическая философия выступает за большую экономическую свободу. В контексте нашего разговора: развитые (рыночные) страны склонны отдавать предпочтение стратегическим связям с общественностью, стимулирующим производство и прогресс за счет достижения маркетинговых целей экономических организаций, нежели развивающиеся. Тем не менее даже в странах с развитой экономикой нельзя сегодня констатировать, что связи с общественностью стали широко рассматриваться как основная функция менеджмента или равноправная составляющая в комплексе маркетинга (например, концепция 5 P). Вместо этого PR оказывается в ситуации «пятой ноги» организационного «механизма» в большинстве экономических и политических субъектов по всему миру, в том числе в развитых странах. Содействуя реализации стратегических целей организации (чаще всего, это получение прибыли), связи с общественностью оказываются на правах «слуги двух господ», в отношении которого работает установка, что ресурсы (скудные или нет) необходимо тратить на более неотложные потребности, которые являются стратегическими для деятельности организации и приносят ощутимую отдачу. В лучшем случае это реклама.

Практики производственной сферы, стремясь найти место для такого вида деятельности, как связи с общественностью, справедливо полагают, что практика эта с необходимостью должна содействовать процветанию организации как в смысле продвижения продукта и услуги на рынке, так и в отношении повышения эффективности планирования, координации, коммуникации, мотивации и контроля. Ситуация осложняется следующим: теория и практика PR возникли все же несколько позже классического менеджмента и маркетинга и имеют еще совсем скромную собственную историю и непроработанную философию. По определению PR занимают положение подчиненное, содействующее, «сопутствующее» цели рыночного процветания, получения прибыли, повышения эффективности управления и т.д.

К тому же, когда мы говорим о России, где традиции связей с общественностью крайне слабы в историко-культурном, религиозном, политическом, и экономическом контексте, выясняется, что общественная психология во многом основана на исторической «нелюбви» к гордецам и выскочкам, а политическая культура традиционно ориентирована на авторитарный, самодержавный характер вла-

сти. Современный характер экономических отношений в нашей стране по-прежнему находится на «переходном этапе», когда до цивилизованных механизмов организации отношений далеко еще всем целевым группам PR. Связями с общественностью на современном этапе считаются технологии «политических маргиналов», ведущих нередко безнравственную борьбу с конкурентами за власть на местах. PR же граждане тесно увязывают с поведением так называемых «звезд» на страницах, экранах и каналах Интернета. На наш взгляд, связи с общественностью в экономической сфере можно трактовать как особый вид управленческой деятельности, имеющий целью создание адекватного социальным усилиям государства или организации имиджа, благоприятного настолько, чтобы этим содействовать повышению эффективности функционирования, т.е. экономическому процветанию.

Итак, чем более развита экономика, тем больше игроков на рынке и выше уровень конкуренции между организациями, поставляющими товары и услуги, которые вынуждены бороться за потребителя через общественное внимание, одобрение и поддержку. Кроме того, не стоит забывать про философию и этику самой политической системы, определяющей качество частной жизни, поощряя предпринимательство и личный успех. Тот же алгоритм работает на «политической сцене» государства.

До появления Всемирной торговой организации (ВТО) большинство развивающихся стран, включая тех, что «строили» демократию, делали ставку на управляемую экономику, построенную в основном на предприятиях государственной собственности и подчиненности, которые часто действовали как монополии. Не будем и здесь дискутировать о роли ВТО в развитии современного мирового хозяйства, а также преимуществах и недостатках государственной плановой экономики. Нам здесь интересно то, что в странах с централизованной экономикой фактически единственной значимой целевой группой общественности становится государство. В такой ситуации сложно рассуждать о каких-либо конструктивных разнообразных подходах к развитию стратегических PR.

И еще одно: уровень экономического развития страны тесно связан с такими переменными, как бедность и безграмотность, которые оказывают прямое влияние на стратегии и методы, используемые в публич рилэйшнз. Развивающиеся страны, а также страны с серьезным процентом государственного капитала в экономике рискуют серьезными трансформациями в государственной политике и идеологии. Диалог с гражданами и плюрализм мнений серьезно ограничены. Отсутствие адекватной коммуникационной инфраструктуры бросает еще один серьезный вызов специалисту по

международным связям с общественностью, который пытается проводить интернациональные информационные кампании. Как отмечалось выше, последнее время мы наблюдаем общемировой «кризис классических PR», в сути которого лежит глобальное изменение мировой стратегии самих связей с общественностью. Даже в странах с развитой экономикой мы наблюдаем политику двойных стандартов, ужесточение цензуры, преследование политических оппонентов и откровенные манипуляции общественным сознанием. Политика и ее цели начинают, очевидно, «брать верх» над экономическими (вопреки постулатам марксизма-ленинизма и заверениям либералов одновременно). Усиливается роль государства, проводящего свою политику в ущерб свободам и законности. Международные же отношения как отражение экономики и политики начинают все больше походить на фарс.

Уровень социальной активности (активизм)

Для характеристики третьего фактора, определяющего становление государственных PR, мы использовали подход Л. Грунига с его остроумным термином «активизм» для обозначения всего спектра социальных движений в государственном и глобальном масштабе. Л.А. Груниг отмечает, что группы социально активных субъектов («активистов») мотивированы «улучшать функционирование социальной организации извне» [5: с. 504]. Современные организации всех уровней и направлений, озабоченные отношениями с общественностью, продолжают сталкиваться с серьезным воздействием со стороны «социально активных сообществ», занимающих часто весь спектр гражданской динамики от групп влияния, объединений по особым интересам до общественных движений вплоть до экстремистского толка.

Сами активисты, подобно современным антиглобалистам, например, часто считают, что они заставляют организации (особенно транснациональные корпорации) быть социально ответственными, бросая им различные «вызовы». Корпорации же или даже государственные органы стремятся сегодня «обрести автономию» (иными словами, держаться подальше, избегать контактов) в решении многих общественных проблем, которые истощают ресурсы корпорации (чистую прибыль) или государства (социальные программы и проекты). Само же противостояние государственных структур и «активистов» сегодня далеко не только от принципов демократии и норм международных отношений, но и от общечеловеческих основ гуманизма.

Синтезируя социальную активность граждан с политической системой и уровнем экономического развития, можно получить следующие варианты взаимосвязи:

– политическая система государства напрямую связана со степенью активности в стране, потому что только плюралистические либеральные сообщества терпят сегодня активность граждан фактически любого рода;

– высокий уровень экономического развития страны обычно сопряжен с высоким же уровнем социальной активности. В большинстве же развивающихся стран люди заняты заработком «хлеба насущного», элементарно: еды для своей семьи, что, естественно, оставляет мало времени и желания для участия в различного рода акциях. Исключение составляют, пожалуй, только разного рода «марши пустых кастрюль» реально голодных людей;

– население развивающихся стран могло проявлять активность преимущественно в профсоюзном движении, и то лишь в той степени, в которой их средства к существованию находились под угрозой;

– массовые социальные движения развивающихся стран приобретали в XX в. национально-освободительный характер в стремлении народов обрести независимость от колониального господства. При этом, как отмечают специалисты, после обретения независимости уровень социальной динамичности обычно снижался по причине либо отсутствия демократических традиций, либо из-за экономической отсталости и зависимости экономики.

Приметой эпохи является наличие специалистов по связям с общественностью, по обеим сторонам процесса активизма, т.е. представляющих как официальные (корпоративные), государственные органы, так и различного рода движения. Например, международная деятельность неправительственных организаций в качестве активистов, выдвигающих требования правительствам и корпорациям [6].

Социальные движения (активизм), завоевав свободу наций от колониального гнета во второй половине XX в., главным образом в Африке и Азии, сегодня сходят «на нет», теряя влияние и перерождаясь в экстремистские.

Социальные движения теократического толка серьезно влияют на политические и социальные структуры стран, становясь мощным фактором государственности; движения национально-освободительного и теократического толка «подняли» мощную волну терроризма в мире, сделав упор на экстремистские методы общественных отношений.

Социальные движения лейбористской направленности породили рабочее движение, игравшее и продолжающее играть заметную роль в системе государственных и межгосударственных отношений, правда, ныне в форме «антиглобализма», например.

Активизм все больше приобретает маргинальный, охлократический характер, сопряженный с неадекватными требованиями и насильственными

асоциальными акциями, и, что характерно, в развитых передовых странах мира.

Социальная подвижность граждан находит аргументы для привлечения массы сторонников через организованные PR кампании, несмотря на то даже, что они часто имеют антигуманистический характер и явную оппозицию интересам большинства. Поэтому очень важно сегодня оценить характер активизма, определить, как он влияет на национально-стратегические PR в той или иной стране, и, самое главное, на международные отношения.

Таким образом, анализируя современный кризис национально-стратегических связей с общественностью, мы определили основные компоненты последних, оказывающие влияние на процесс, их современное состояние. Здесь стоит подчеркнуть, что мы находимся в начале пути изучения диалектики активизма, экономического развития и политической системы именно как кризисных факторов трансформации общественных связей и отношений.

Список источников

1. Freedom in the World: 2001–2002. The Annual Survey of Political Rights and Civil Liberties / Ed. Adrian Karatnycky. 2002. 740 p.
2. Wilson F.L. Teaching comparative politics in the 1990s // Political Science & Politics. 1995. No 28(1). P. 79-80.
3. Rebalancing Society: Radical Renewal Beyond Left, Right, and Center. URL: mintzberg.org/sites/default/files/rebalancing_society_pamphlet.pdf (accessed on November 26, 2021)
4. Simon M.W., Gartzke E. Political system similarity and the choice of allies // Journal of Conflict Resolution. 1996. No 40(4). P. 617-635.
5. Grunig L.A. Activism: How it limits the effectiveness of organization // Excellence in public relations and communication management, Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1992. P.503-530.
6. Mintzberg H. Power in and Around Organizations. N.J.: Prentice-Hall, 1983.700 p.

References

1. Freedom in the World: 2001–2002. The Annual Survey of Political Rights and Civil Liberties / Ed. Adrian Karatnycky. 2002. 740 p.
2. Wilson F.L. Teaching comparative politics in the 1990s. Political Science & Politics. 1995, no 28(1), pp. 79-80.
3. Rebalancing Society: Radical Renewal Beyond Left, Right, and Center. URL: mintzberg.org/sites/default/files/rebalancing_society_pamphlet.pdf (accessed on November 26, 2021)
4. Simon M.W., Gartzke E. Political system similarity and the choice of allies. Journal of Conflict Resolution. 1996, no 40(4), pp. 617-635.
5. Grunig L.A. Activism: How it limits the effectiveness of organization. In: Excellence in public relations and communication management. Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum Associates, 1992. P. 503-530.
6. Mintzberg H. Power in and Around Organizations. N.J.: Prentice-Hall, 1983.700 p.

Информация об авторах

Л.В. Ковынева – кандидат экономических наук, доцент;
А.Г. Штейнберг – кандидат социологических наук, доцент.

Information about the authors

L.V. Kovyneva – Candidate of Science (Economic), Associate Professor;
A.G. Shteinberg – Candidate of Science (Sociology), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 31.01.2022; одобрена после рецензирования 21.02.2022; принята к публикации 07.03.2022.
The article was submitted 31.01.2022; approved after reviewing 21.02.2022; accepted for publication 07.03.2022.

Научная статья
УДК 316.46:005.322
doi: 10.31079/1992-2868-2022-19-2-46-52

КОРПОРАТИВНОЕ ЛИДЕРСТВО: ОБЗОР СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЙ

Ирина Владимировна Калашникова¹, Марина Анатольевна Сигитова², Нина Семеновна Аникеева³

^{1, 2}Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия

¹006013@pnu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5312-6649>

²003829@pnu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4950-5862>

³Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия, srs@festu.khv.ru

Аннотация. Статья посвящена обзору современных корпоративных теорий лидерства, появившихся как результат исследований и обобщения зарубежных практик управления ведущими гуру в области менеджмента. Главный, но не общепризнанный актив российских компаний – лидер, не обязательно занимающий руководящую должность, обладающий высоким эмоциональным интеллектом и навыками выстраивать внутренние и внешние деловые коммуникации. Он принимает решение, в каком направлении развивать бизнес, что предпринимать в сложившейся ситуации, как управлять ресурсами, каким образом организовать и сплотить команду, задает правила поведения, формирует внутреннюю атмосферу в коллективе. Это не входит в систему показателей эффективности, не отображается в корпоративных стандартах и регламентах, но существенно влияет на результативность деятельности компании.

Среди сотрудников организаций, к сожалению, распространен мем, что больше шансов на успех имеют руководители, демонстрирующие авторитарную модель поведения, умеющие устанавливать деловые коммуникации (в том числе неформальные), обладающие административным ресурсом или доступом к нему. В действительности авторитарный стиль менеджмента часто является скрытым, неявным барьером для развития компании. Вот почему важно осознание лидерами и управленческим персоналом, что есть иные модели поведения, реализация которых может обеспечить процветание компании. Это совсем не означает, что классические концепции лидерства сегодня не востребованы. Особенно в сфере малого предпринимательства. Но чем крупнее предприятие, тем уместнее руководствоваться организационными (корпоративными) концепциями лидерства, каждая из которых имеет свое проблемное поле.

Ключевые слова: лидерство, менеджмент, проблемное поле, эмоциональный интеллект, распределенное лидерство, ролевая концепция Адизеса

Original article

CORPORATE LEADERSHIP: A REVIEW OF MODERN CONCEPTS

Irina V. Kalashnikova¹, Marina A. Sigitova², Nina S. Anikeeva³

^{1, 2}Pacific National University, Khabarovsk, Russia

¹006013@pnu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5312-6649>

²003829@pnu.edu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4950-5862>

³Far-Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia, srs@festu.khv.ru

Abstract. The article is devoted to an overview of modern corporate leadership theories that emerged as a result of research and generalization of foreign management practices by leading gurus in the field of management. The main, but not universally recognized asset of Russian companies is a leader who does not necessarily occupy a managerial position, who has high emotional intelligence and skills in building internal and external business communications. He decides in which direction to develop the business, what to do in the current situation, how to manage resources, how to organize and rally the team, sets the rules of conduct, and forms the internal atmosphere in the team. This is not included in the system of performance indicators, is not reflected in corporate standards and regulations, but significantly affects the performance of the company.

Unfortunately, there is a widespread meme among employees of organizations that managers who demonstrate an authoritarian behavior model, who are able to establish business communications (including informal ones), who have administrative resources or access to them, are more likely to succeed. In fact, the authoritarian style of management is often a hidden, implicit barrier to the development of the company. That is why it is important for leaders and management staff to realize that there are other behaviors, the implementation of which can ensure the prosperity of the company. This does not mean at all that the classical leadership concepts are not in demand today, especially in the field of small business. But the larger the enterprise, the more appropriate it is to be guided by organizational (corporate) leadership concepts, each of which has its own problem field.

Keywords: leadership, management, problem field, emotional intelligence, distributed leadership, Adizes role concept

Введение

Новая реальность XXI в. столкнулась с кризисом лидерства, который охватил все сферы жизни общества. Возможно, в меньшей степени он поразила сферу бизнеса. Однако и здесь есть проблема поиска менеджера, принимающего эффективные решения. Компания «устойчива, если лидеры есть на всех уровнях управления» [1]. Сегодня возможность самореализации, ответственность, клиентоориентированность персонала, умение организовать коллектив становятся одним из ключевых факторов конкурентоспособности любой организации независимо от вида деятельности. Теперь эффективное лидерство, подкрепленное эмоциональным интеллектом, – нематериальный актив, определяющий перспективы любой компании. Именно сотрудники, обладающие лидерскими качествами, обеспечивающие инициацию процесса добровольного объединения работников во имя достижения общей цели, представляют наивысшую ценность для менеджмента организации.

В самом общем виде лидерство представляет собой механизм интеграции и координации групповой деятельности, именно благодаря ему члены коллектива объединяются для достижения поставленных целей. Однако нельзя забывать о том, что существует принципиальная разница между статусом лидера и статусом руководителя. Критериев несколько. Во-первых, предназначение лидера – координация деятельности группы, а руководителя – выполнение обязанностей, предусмотренных должностной инструкцией. Во-вторых, лидер возглавляет, как правило, неформальную группу и имеет последователей, а руководитель – формальную, отдавая распоряжения подчиненным. В-третьих, основой лидерства является авторитет, а его выбор есть результат стихийных процессов в группе. Что касается руководителя, то его базисом являются должностные полномочия, власть, которые он приобретает формализованным образом через процедуру назначения или избрания. И еще одно существенное отличие: критерий эффективности лидера – степень влияния на членов группы, а руководителя – достижение поставленных целей и задач. Если говорить об идеальном варианте, то роль лидера и руководителя совпадают в одном лице. Особенно это характерно для первичного (низшего) уровня управления, поскольку и лидерство, и управление неразрывно связаны с взаимодействием руководителя со всеми членами группы (коллектива, команды). Именно такого подхода придерживаются ученые и практики за рубежом, отождествляя лидерство с формальными обязанностями менеджера (руководителя), понимая под ним один из важнейших организационных процессов, что придает проблематике лидерства более широкий социальный

контекст [2]. При этом они трактуют группу как «социальную единицу любого размера, включая организации и их подразделения» [3].

Современные парадигмы корпоративного лидерства

В классическом менеджменте широкую известность получили три концепции лидерства: личностная, поведенческая и ситуационная. Достижениями последних лет в этой области корпоративного управления, заслуживающими внимания, являются подходы американских исследователей. С наступлением нового тысячелетия появились концепции так называемого организационного (корпоративного) лидерства, имеющие непосредственное отношение к корпоративному управлению (менеджменту). В данном случае мы имеем в виду модели эмоционального и распределенного лидерства.

Эмоциональный интеллект, как считает С. Филонович, является зоной проблемного поля лидерства. По результатам исследований международных компаний, 80–90 % в способностях, отличающих выдающихся руководителей, составляют навыки эмоционального интеллекта. На важность эмоционального интеллекта у лидера указывает эмпирическая статистика. Несмотря на ценность знаковой компоненты, успешность в профессии лишь на 33 % обусловлена знаниями, навыками и интеллектуальными способностями. Около 67 % управленческих компетенций, по утверждению А.М. Салогуб, имеют непосредственное отношение к эмоциональному интеллекту. Такого же мнения придерживаются эксперты за рубежом. Согласно их исследованиям 85 % профессиональных успехов лидера зависит от способностей управлять своими эмоциями и эмоциями других [4].

Основоположниками концепции эмоционального интеллекта являются Дж. Мейер, П. Сэловей, Д. Гоулман и др. На наш взгляд, она стала результатом эволюционного развития личностной теории, встроенной в корпоративный менеджмент и опирающейся на подход Э. Торндайка, который впервые рассмотрел социальное взаимодействие как разновидность интеллекта, «способность понимать людей, ... умение общаться с людьми и разумно действовать в отношениях с людьми» [5]. По своей сути это есть не что иное, как способность воспринимать свои внутренние состояния и состояния других и оптимально действовать на этой основе. Можно утверждать что конструкт эмоционального интеллекта в интерпретации Дж. Мейера и П. Сэловея близок к понятию «социальный интеллект». Они определяют его как часть социального интеллекта, включающего способность контролировать собственные чувства и эмоции и чувства и эмоции других, различать их и использовать эту информацию, чтобы контролировать мышление и действия. Что

это означает? Эмоциональный интеллект предполагает наличие таких способностей, как: оценка и выражение эмоций; регулирование эмоций; использование эмоций в мышлении и профессиональной деятельности. В формализованном виде модель эмоционального интеллекта представлена на рис. 1 [6].

В ранней модели эмоционального интеллекта Мэйера–Сэловея очевидны две направленности: управление собой и управление другими. В дальнейшем авторы теории эмоционального лидерства расширили понимание эмоционального интеллекта, акцентируя внимание на когнитивной составляющей, связанной с переработкой информации об эмоциях. В рассматриваемой концепции появился компонент, связанный с личностным и эмоциональным ростом, важный для формирования социально-психологического климата в коллективе (рис. 2).

Конечная модель эмоционального интеллекта Дж. Мэйера и П. Сэловея представляет собой иерархию четырех последовательно развивающихся составляющих:

- 1) восприятие, оценку и выражение эмоций или же идентификацию эмоций;
- 2) использование эмоций для повышения эффективности мышления и деятельности;
- 3) понимание и анализ эмоций;

4) сознательное управление эмоциями для личностного роста и улучшения межличностных отношений [7].

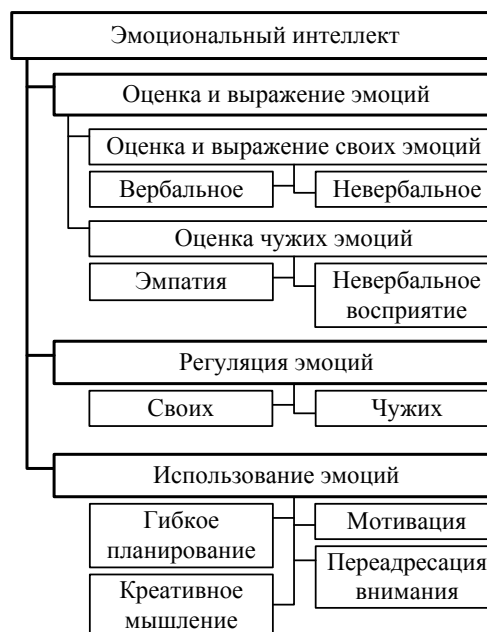

Рис. 1. Первая интерпретация эмоционального интеллекта Дж. Мэйера и П. Сэловея

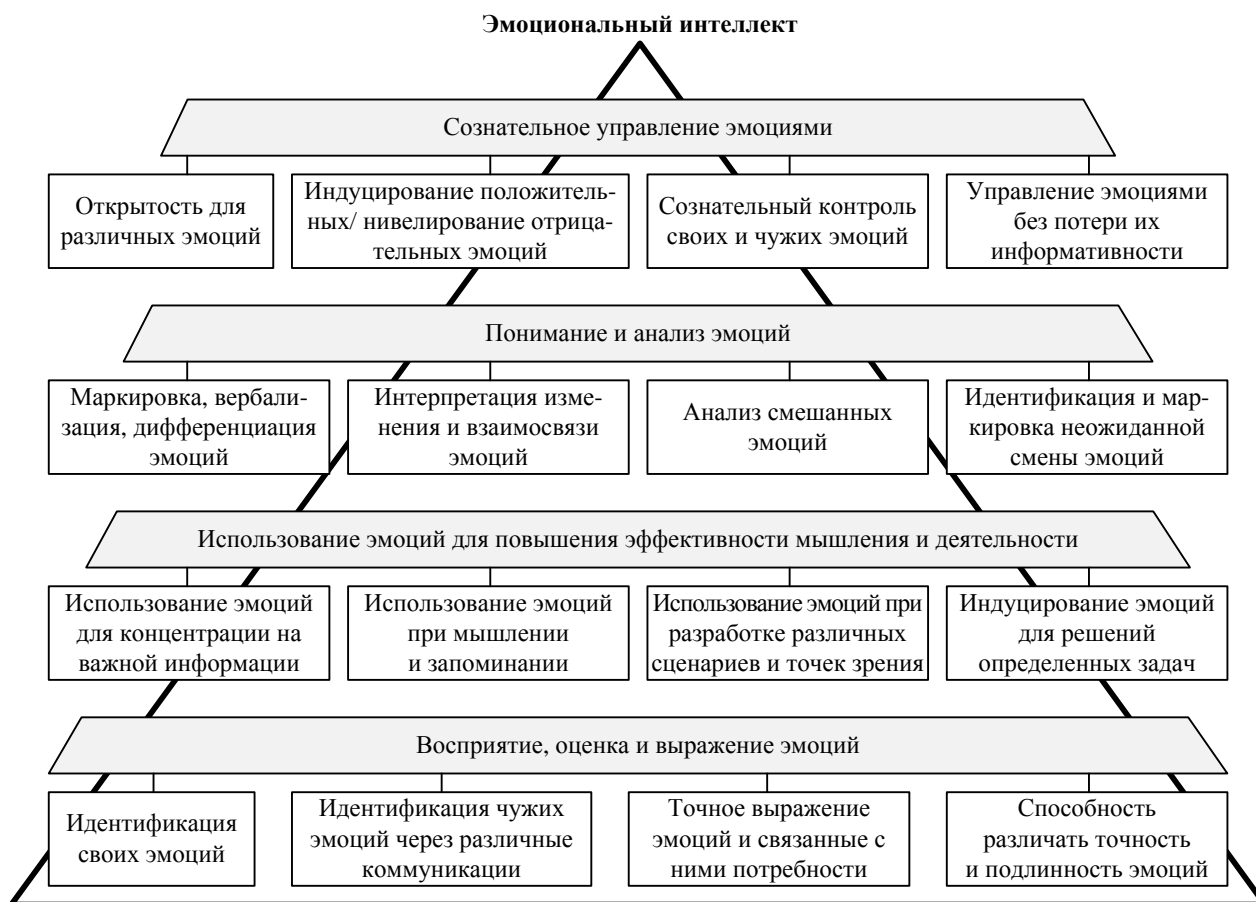

Рис. 2. Иерархичная модель эмоционального интеллекта лидера Мэйера–Сэловея (составлено по [7])

Р. Бар-Он разработал оригинальную модель эмоционального интеллекта, выделив пять групп способностей: внутриличностные, межличностные, адаптивные, управление стрессом, общее настроение [8]. Для концепций корпоративного лидерства актуальны ассертивность, самоуважение и самооценка, независимость, самоактуализация, эмпатия, гибкость, контроль импульсов и др. (таблица).

Развивая идеи эмоционального интеллекта, Д. Гоулман встроил данный концепт в теорию лидерства, систематизировав пять общеизвестных навыков руководителя, которыми важно не только обладать, но и развивать (см. таблицу).

Достаточно продолжительное время проявление эмоций считалось недостатком стиля руководства. Теперь на эту проблему с позиции теории организационного лидерства есть иной ответ. Менеджеру, имеющему высокий эмоциональный интеллект, удастся создать в коллективе (команде) социально-психологический климат, способствующий творчеству, креативности, высокой производительности труда, лояльности и клиентоориентированности персонала. Не случайно в дальнейшем появилась теория «первичного» лидерства (Д. Гоулман, Р. Бояцис), основанная на установленной зависимости между эмоциональным состоянием руководителя и эффективностью деятельности подчиненных.

Эмоциональное состояние лидера легко считается сотрудниками посредством исходящих от него распоряжений, приказов, звонков, сообщений, и они непроизвольно адаптируются к нему. Способы нейтрализации возможных негативных сценариев – одно из проблемных полей корпоративного лидерства. Формальные и неформальные лидеры, культивирующие плохое настроение, не способствуют успеху дела. Усугубляет ситуацию нежелание (а отчасти и отсутствие такой возможности) подчиненных высказать правдивое мнение, потому что любая критика может быть воспринята как в некоторой степени унижение, покушение на власть и статус.

В том же ключе эмоционального интеллекта выстроена клиническая парадигма Манфреда Кетса де Вриса, использующего понятия из психоанализа и когнитивной психологии для того, чтобы разобраться в поведении сотрудников компаний. Если в организации эмоциональный интеллект является ценностью (причем не только для лидеров), то она «чувствительнее» к инновациям и генерации нестандартных идей, а лидеру удастся избежать токсичного (дисфункционального) поведения, которое приводит к неудачам.

Таблица

Модели эмоционального интеллекта

Наименование	Определение	Составляющие эмоционального интеллекта
Модель Дж. Майера и П. Сэловея	Эмоциональный интеллект – набор способностей, которые объясняют, насколько точно осуществляется эмоциональное восприятие и понимание других людей. Иными словами, эмоциональный интеллект представляет собой способность осознавать и выражать эмоции, связывать эмоции и мысли, понимать причины возникновения эмоций, регулировать эмоции в себе и других	Перцепция, оценка и выражение эмоций (идентификация своих и чужих эмоций, выражение эмоций, способность различать подлинность эмоций); повышение результативности за счет использования эмоций (концентрация на важной информации, улучшение запоминания, разработка различных точек зрения); анализ эмоций (маркировка и дифференциация эмоций, интерпретация их изменения и взаимосвязи, идентификация резкой смены эмоций); рефлексивное управление эмоциями (открытость для эмоций, вызывание положительных и нивелирование отрицательных эмоций, рефлексивный контроль, эмоциональный рост)
Модель Р. Бар-Она	Эмоциональный интеллект – множество некогнитивных способностей, которые влияют на способность справиться с требованиями и влиянием среды и преуспеть	Внутриличностная (ассертивность, самооценка, независимость, самоактуализация, эмоциональная осознанность); межличностная (эмпатия, социальная ответственность, конструктивное общение); адаптивная (умение решать проблемы, гибкость, оценка действительности); управление стрессом (стрессоустойчивость, контроль над импульсивностью); общее настроение (оптимизм, благополучие)
Модель Д. Гоулмана	Эмоциональный интеллект составляют способности, включающие самообладание, рвение, постоянство, способность мотивировать себя	Осознание эмоций (распознавание и понимание своих эмоций, их воздействия на других, самоирония); саморегуляция (контроль над эмоциями, нивелирование тревожности и негативного настроения, открытость); самомотивация (использование эмоций для достижения целей, настойчивость, индукция эмоций, повышающих заинтересованность в работе); эмпатия (понимание эмоционального состояния других, предвидение эмоциональных реакций); управление отношениями (убедительность, разрешение конфликтов, работа в команде)

Источник: составлено с использованием [1; 4; 6].

Как это ни странно, считает де Врис, руководители стремятся избегать конфликтов. Они нуждаются в одобрении сотрудников и придерживаются «нарциссической» модели поведения, что само по себе и не хорошо, и не плохо. Но бывают ситуации, когда прагматичнее проявить жесткость. Альтернативной моделью поведения является «третирование» подчиненных, что тоже свойственно многим российским руководителям. Неосознанно подчиненные копируют стиль лидера-«агрессора», нанося непоправимый вред социально-психологическому климату в коллективе. Руководитель-«микромеджер», придерживаясь «пошагового» управления, не доверяет исполнителям, не делегирует полномочия, что негативно сказывается на эффективности команды. «Маниакальные» лидеры очень работоспособны, но излишне сосредоточены на внутренней среде компании, забывая о клиентах и партнерах. Деловые коммуникации «недоступных» руководителей ориентированы на коммуникации высокого уровня, что разрывает связь с командой [9]. Еще один вариант токсичного поведения лидеров – когда они не содействуют развитию подчиненных, используют достижения других для собственного карьерного продвижения, что приводит к социальному загрязнению внутрикорпоративного пространства [10]. Таким образом, в теории организационного лидерства де Вриса прослеживается связь эмоционального интеллекта и характера руководителя, его стиля с успешностью деятельности компании.

Разновидностью организационного лидерства является модель «двигателя лидерства» Н. Тичи, где особое внимание уделяется воспитанию менеджерами более высокого уровня лидеров на более низких уровнях управления с использованием в качестве инструментария «передаваемой точки зрения». Последняя представляет собой согласованные и увязанные три элемента: систему бизнес-идей, систему ценностей, эмоциональную энергию и решительность. Таким образом, лидер должен не только сам

обладать набором качеств и умений, необходимых для управления организацией, но и воспитывать последователей и преемников, способных стать самостоятельно мыслящими лидерами. Основная функция лидера – саморазвитие и обучение других.

Популярность проектного менеджмента, распространение идей командообразования способствовали рождению концепции «распределенного» или «разделяемого» лидерства. Суть теории заключается в том, что любой проект имеет несколько этапов, на каждом из которых востребована та или иная компетенция. Следовательно, именно носитель востребованной компетенции становится лидером на определенный период времени. Смена конкретного этапа проекта приводит к смене лидера. Сменившийся лидер переходит в статус последователя.

Чтобы реализовать «распределенное» лидерство, необходимо соблюдение определенных условий. Прежде всего, команда должна состоять из людей, относительно равных по своей должности, образованию, интеллекту, уровню развития и достижений. Любое превосходство будет иметь негативные последствия. Во-вторых, члены команды должны обладать навыками деловых коммуникаций, опытом исполнения ролей лидера и исполнителя [11]. Вместе с тем отметим, что теория «распределенного» лидерства нуждается в дальнейшем развитии, проработке отдельных положений с учетом практики применения на основе причинно-следственного подхода.

Модель РАЕИ, предложенная И. Адизесом, представляет собой «ролевую» модель управления и является продолжением парадигмы распределенного лидерства. Для эффективного управления организацией требуется выполнение четырех ролей в зависимости от этапа (стадии) жизненного цикла организации: роль производителя результата (Р), роль администратора (А), роль предпринимателя (Е), роль интегратора (I) (рис. 3) [12; 13].

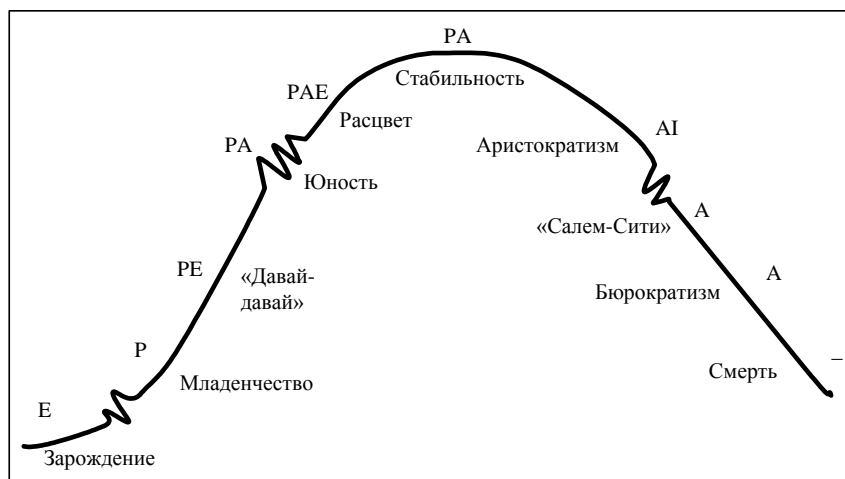

Рис. 3. Последовательность доминирования управленческих ролей в зависимости от стадии жизненного цикла

Роль Р обеспечивает достижение результатов, не уступающих или превосходящих конкурентов. Для выполнения этой роли руководитель должен хорошо знать профессиональную область, владеть инструментами маркетинга, организовывать производственные процессы.

Роль А направлена на создание структуры и поддержание ее работоспособности. Менеджер в данной роли осуществляет планирование, организацию и регламентирование всех процессов компании, обеспечивая стандартизацию процедур и контроль за их исполнением. Эти две роли позволяют организации быть результативной и эффективной в краткосрочной перспективе.

Роль Е требует от руководителя предпринимательского начала, высокой степени самостоятельности, поиска новых подходов и умения принимать риски. Данная роль подразумевает не адаптацию к условиям внешней среды, а прогнозирование и проектирование будущего организации.

Роль I обеспечивает командообразование и создание корпоративной культуры, способствующей преобразованию механистической организации в органическую, формирующей чувство общности и взаимосвязи. При эффективной интеграции члены группы взаимозависимы, но не являются незаменимыми. Роли Е и I обуславливают долгосрочную эффективность и результативность компании.

Выполнение всех ролей является необходимым условием развития организации. Но ни один человек не может выполнять все роли на должном уровне, поскольку они плохо совместимы. Личностные характеристики и ситуация определяют, какая из ролей для менеджера будет преобладающей. Этот факт позволил выделить разнообразные стили лидерства с наличием доминирующих и рецессивных управленческих ролей, каждый из которых предпочтителен для конкретной стадии жизненного цикла или управленческой задачи.

Заключение

Лидерство многогранно. Отсюда и множество различных подходов к его трактовке, разнообразие концепций. Классические теории лидерства не ушли в забвение и наполняются новым содержанием. Так, теория опосредованного лидерства (Р. Фишер,

А. Шарп) – это современный вклад в поведенческую и личностную концепции. По мнению авторов, чтобы управлять, не обязательно занимать должность руководителя. Для этого, возможно, достаточно иметь авторитет среди последователей, а также обладать такими навыками лидеров, как умение формулировать желаемые результаты; разрабатывать перспективы; устанавливать отношения сотрудничества; способность к научению. Вкладом в личностную концепцию лидерства можно считать теорию «внутреннего стимулирования» К. Кэшмана, утверждающего, что лидерские навыки можно развивать через коучинг при условии достижений в семи областях: целеполагании, самопознании, управлении изменениями, межличностных отношениях, нахождении равновесия, бытии, умении действовать.

В контексте менеджмента организации корпоративные концепции лидерства более перспективны и востребованы по сравнению с традиционными теориями. Как утверждает де Врис, компании могут располагать всевозможными ресурсами, иметь достойное положение на рынке, но если их руководство терпит неудачу, все эти достоинства растворяются.

Модель лидерства Адизеса – это новый подход в теории управления, основанный на том, что не существует человека, который одинаково успешно может исполнять все управленческие роли. Каждая предполагает особый стиль, особое поведение. Особый интерес представляет прослеживаемая закономерность жизненного цикла организации и востребованность той или иной роли лидера.

Проблемное поле организационных парадигм лидерства формируется вокруг эмоционального интеллекта и смещается в сторону понимания эффективного руководителя, условий применения им той или иной управленческой роли, модели поведения, стиля руководства, способов развития навыков эффективного лидера. Но уже сейчас очевидно: обладающие эмоциональным интеллектом с большей вероятностью могут стать эффективными лидерами. Чем выше находится он на карьерной лестнице компании, тем более важным становится для него эмоциональный интеллект, обеспечивающий принятие более адекватных решений и гармонизацию взаимодействий с подчиненными.

Список источников

1. Филюнович С.Р. Теории лидерства в менеджменте: история и перспективы // Российский журнал менеджмента. 2003. № 2. С. 3–24.
2. Занковский А.Н. Психология лидерства: от поведенческой модели к культурно-ценностной парадигме : монография. Москва : Институт психологии РАН, 2011. 296 с.
3. Шейн Э. Организационная культура и лидерство. Москва : Дело, 2000.
4. Салогуб А.М., Демина Н.В. Диагностика креативного управления // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. № 2 (26). С. 145–152.
5. Гоулман Д., Бояцис Р., Макки Э. Эмоциональное лидерство: Искусство управления людьми на основе эмоционального интеллекта : пер. с англ. 6-е изд. Москва : Альпина Паблишер, 2016. 301 с.
6. Сергиенко Е.А., Ветрова И.И. Эмоциональный интеллект: русскоязычная адаптация теста Мэйера–Сэловея–Карузо (MSCEIT V2.0) // Психологические исследования : электрон. науч. журн. 2009. № 6(8). URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 26.02.2022).

7. Mayer J.D., Salovey P. What is emotional intelligence? // P. Salovey, D. Sluyter (Eds.). *Emotional development and emotional intelligence: educational implications*. New York : Perseus Books Group, 1997. P. 3–31.
8. Модель социального и эмоционального интеллекта Рувена Бар-Она (ESI). URL: <https://hr-portal.ru/varticle/model-socialnogo-i-emocionalnogo-intellekta-ruvena-bar-ona-esi> (дата обращения: 02.02.2022).
9. Манфред Кетс де Врис. Мистика лидерства. Развитие эмоционального интеллекта. Москва : Альпина Паблишер, 2017.
10. Калашникова И.В., Козырская И.Е., Аникеева Н.С. Социальное загрязнение корпоративного пространства как феномен деструктивного менеджмента // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2021. № 3(62). С. 69–78.
11. Малоун Томас У. Ключевые способности для распределенного лидерства. URL: http://www.elitarium.ru/raspredelennoje_liderstvo (дата обращения: 02.02.2022).
12. Адизес И.К. *Стили менеджмента – эффективные и неэффективные*. Москва : Альпина Паблишер, 2012.
13. Адизес И.К. *Управление жизненным циклом корпорации*. Санкт-Петербург : Питер, 2013.

References

1. Filonovich S.R. *Teorii liderstva v menedzhmente: istoriya i perspektivy* [Theories of leadership in management: history and prospects] // Russian Journal of Management] // Rossijskij zhurnal menedzhmenta. 2003. No. 2. P. 3–24. (In Russ.).
2. Zankovskij A.N. *Psichologiya liderstva: ot povedencheskoj modeli k kul'turno-cennostnoj paradigme* [Psychology of Leadership: from a behavioral model to a cultural-value paradigm] : monograph. Moscow : Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 2011. 296 p. (In Russ.).
3. Shejn E. *Organizacionnaya kul'tura i liderstvo* [Organizational culture and leadership]. Moscow : Delo, 2000. (In Russ.).
4. Salogub A.M., Demina N.V. *Diagnostika kreativnogo upravleniya* [Diagnostics of creative management] // Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology. 2016. No. 2 (26). P. 145–152. (In Russ.).
5. Goulman D., Boyacis R., Makki E. *Emocional'noe liderstvo: Iskusstvo upravleniya lyud'mi na osnove emocional'nogo intellekta* [Emotional Leadership: The Art of Managing People Based on Emotional Intelligence] : Per. s angl. 6th izd. Moscow : Al'pina Publisher, 2016. 301 p. (In Russ.).
6. Sergienko E.A., Vetrova I.I. *Emocional'nyj intellekt: russkoyazychnaya adaptaciya testa Mejera-Seloveya-Karuzo (MSCEIT V2.0)* [Emotional intelligence: the Russian-language adaptation of the Meyer-Salovey-Caruso test (MSCEIT V2.0)] // Psychological Research : electron. scientific journal. 2009. No. 6(8). URL: <http://psystudy.ru> (accessed: 26.02.2022). (In Russ.).
7. Mayer J.D., Salovey P. What is emotional intelligence? // P. Salovey, D. Sluyter (Eds.). *Emotional development and emotional intelligence: educational implications*. New York : Perseus Books Group, 1997. P. 3–31.
8. *Model' social'nogo i emocional'nogo intellekta Ruvena Bar-Ona (ESI)* [Reuven Bar-On's Model of Social and Emotional Intelligence]. URL: <https://hr-portal.ru/varticle/model-socialnogo-i-emocionalnogo-intellekta-ruvena-bar-ona-esi> (accessed: 02.02.2022). (In Russ.).
9. *Manfred Kets de Vris. Mistika liderstva. Razvitie emocional'nogo intellekta* [The mystique of leadership. Development of emotional intelligence]. Moscow : Al'pina Publisher, 2017. (In Russ.).
10. Kalashnikova I.V., Kozyrskaya I.E., Anikeeva N.S. *Social'noe zagryaznenie korporativnogo prostranstva kak fenomen destruktivnogo menedzhmenta* [Social pollution of corporate Space as a phenomenon of destructive management] // Bulletin of the Pacific State University. 2021. No. 3(62). P. 69–78. (In Russ.).
11. Maloun Tomas U. *Klyucheveye sposobnosti dlya raspredelennogo liderstva* [Key Abilities for Distributed Leadership]. URL: http://www.elitarium.ru/raspredelennoje_liderstvo (accessed: 02.02.2022). (In Russ.).
12. Adizes I.K. *Stili menedzhmenta – effektivnye i neeffektivnye* [Management styles – effective and ineffective]. Moscow : Al'pina Publishir, 2012. (In Russ.).
13. Adizes I.K. *Upravlenie zhiznennym ciklom korporacii* [Corporate Lifecycle Management]. Saint Petersburg : Piter, 2013. (In Russ.).

Информация об авторах

И.В. Калашникова – доктор экономических наук, профессор;
 М.А. Сигитова – кандидат экономических наук, доцент;
 Н.С. Аникеева – кандидат социологических наук, доцент.

Information about the authors

I.V. Kalashnikova – Doctor of Science (Economics), Professor;
 M.A. Sigitova – Candidate of Science (Economics), Associate Professor;
 N.S. Anikeeva – Candidate of Science (Sociology), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 10.02.2022; одобрена после рецензирования 27.02.2022; принята к публикации 07.03.2022.
 The article was submitted 10.02.2022; approved after reviewing 27.02.2022; accepted for publication 07.03.2022.

Научная статья
УДК 35.087.431.3
doi: 10.31079/1992-2868-2022-19-2-53-60

ПОЛИТИКА ПЕНСИОННЫХ РЕФОРМ: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Николай Васильевич Фещенко

Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия, NV4217@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы реформирования как важного политического приоритета стран OECD. Пенсионные программы этих государств характеризуются как частично совпадающие, но в деталях все же несколько отличающиеся друг от друга. Последние несколько десятилетий были периодом социально-экономических преобразований, в это же время пенсионная реформа заняла центральное место в повестке дня OECD.

Ключевые слова: модели пенсионной политики, пенсионные программы, пенсионные активы, старение населения, пенсионные выплаты, демографическое давление, рефинансирование

Original article

PENSION REFORMS POLICY: INTERNATIONAL EXPERIENCE

Nikolay V. Feshchenko

Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia, FNV4217@yandex.ru

Abstract. This paper reviews the issues of reform as an important political priority of the OECD countries. The pension schemes of these countries are characterized as partly matching, but still different in some details. The last decades have been a period of socio-economic transformation, at the same time pension reform has taken a central place on the OECD agenda.

Keywords: pension policy models, pension schemes, pension assets, population ageing, pension payments, demographic pressure, refinancing

В настоящее время вопросы пенсионного обеспечения стали важным политическим приоритетом для многих западных юрисдикций, а также одной из серьезных статей государственных расходов. На этом фоне они значительно изменили свои пенсионные схемы, и лишь немногие предполагают возможность их пересмотра в ближайшие годы. Пенсионная реформа заняла центральное место в западных программах социальной политики, сначала с точки зрения построения, а затем и ее расширения. Высокие ставки пенсионных расходов и прогнозируемое их повышение стали проблемой финансово-кредитной политики, политики занятости, благосостояния и экономического роста. В последние годы пенсионные системы испытывают ряд серьезных затруднений, связанных с падением экономической активности, старением населения, повышенной смертностью и т.д. В связи с этим вопросы пенсионного обеспечения и его реформирования вызвали беспокойство среди политиков, экономистов и общественных деятелей большинства зарубежных стран.

У политико-экономической элиты есть не много вариантов реагирования. Во-первых, они могут сократить финансирование пенсионных программ,

что вызовет уменьшение пособий и права на их получение. Этот вариант ведет к повышению пенсионного возраста, сокращению индексации и целенаправленному снижению пособий для их получателей. Во-вторых, реализовать возможность рефинансировать свои пенсионные программы, увеличив ставки и расширив базу взносов, провести отчисления выше уровня, по которому не начисляются пенсионные выплаты, изыскать дополнительные средства для финансирования пенсионных схем, направить специальные налоги на поддержку этих мероприятий. В-третьих, они могут реструктуризировать свои пенсионные программы, т.е. частично отказаться от универсальной пенсии, финансируемой за счет общих доходов, или добавить иную схему, при которой для каждого индивида окончательные выплаты будут зависеть от взносов, внесенных на его персональный счет в течение всей трудовой деятельности, и доходов от инвестиций, накопленных от средств этого счета.

Существующие пенсионные программы характеризуются как во многом совпадающие, но в деталях все же отличающиеся друг от друга. Отдельные варианты, такие как изменение пенсионного возраста и форм пособий, рассматривались почти все-

ми, в то время как увеличение налоговой нагрузки на заработную плату, частичный переход на систему индивидуальных счетов с «установленными взносами» учитывались в одних странах и не рассматривались в других.

Современные модели пенсионной политики демонстрируют несколько специфических особенностей. Во-первых, есть общие черты: большинство стран начали реагировать на давление мер жесткой экономии, полагаясь в первую очередь на комбинацию мероприятий по сокращению и рефинансированию, и только затем переходили к более фундаментальной реструктуризации. Во-вторых, между странами были и различия, особенно в количестве изменений: одни за последние десятилетия довольно существенно реструктурировали свои пенсионные системы, в то время как другие внесли незначительные поправки, а третьи не сделали практически ничего. В-третьих, в одних странах при внесении изменений основывались на уже существующих схемах, в то время как другие отказывались от своих систем и начинали все заново с новым набором вариантов. В-четвертых, во многих странах набирает силу движение к увеличению роли индивидуальных счетов, основанных на принципах установленных взносов. Это движение принимало множество форм, начиная с увеличения налоговых льгот для добровольных взносов и заканчивая несколькими типами обязательных счетов.

Результатом всех этих реализованных мероприятий явилось то, что пенсионные активы стран OECD (Organisation for Economic Co-operation and Development) на конец 2020 г. превысили 56 трлн долл., что на 11 % больше, чем в 2019 г., когда они составляли 50,6 трлн долл. США. Однако необходимо уточнить, что сумма активов в пенсионных накопительных планах варьируется в зависимости от страны. В абсолютном выражении самые большие суммы были отмечены в США, Канаде, Нидерландах, Швейцарии, Великобритании, Японии и Австралии, где активы превысили 1 трлн долларов США. Меньшие суммы были накоплены в остальном мире, менее 0,2 трлн долл. в 70 из 90 юрисдикций, заявивших об этом.

Следует отметить, что семь из 38 стран OECD владеют более 90 % всех пенсионных активов. Соединенные Штаты Америки имеют крупнейший пенсионный рынок с активами в размере 35,5 трлн долл., что составляет 65,6 % от общей площади OECD. Великобритания зафиксировала вторую по величине сумму в 3,6 трлн долл., т.е. 6,6 % пенсионных активов стран OECD, за ней следует Канада – 3,1 трлн долл. (5,7 %), Нидерланды – 2,1 трлн долл. (3,9 %), Австралия – 1,8 трлн долл. (3,3 %), Япония – 1,6 трлн долл. (2,9 %), Швейцария – 1,3 трлн долл. (2,5 %). Остальные страны в количестве 31

совместно владеют 9,5 % пенсионных активов в зоне OECD [8].

В 2020 г. пенсионные активы вопреки общеизвестным проблемам, с которыми столкнулось мировое сообщество, росли даже несколько быстрее, чем в среднем за последнее десятилетие. Например, Канада (7,8 % в 2020 г. по сравнению с 6,8 % в среднем за последнее десятилетие), Япония (1,5 % по сравнению с 1,2 %), Швейцария (5,8 % по сравнению с 5,5 %), Великобритания (11,8 % по сравнению с 8,9 %) и США (10,7 % по сравнению с 7,1 %). Напротив, активы сократились в Чили (-5,2 %) и Перу (-5,7 %), где участники могли безоговорочно снимать свои сбережения, а также в Австралии (-1 %) и Ямайке (-5,7 %), где внутренние финансовые рынки испытывают серьезные затруднения [8].

Истоки современной пенсионной политики можно проследить практически до последних десятилетий девятнадцатого века, когда были созданы первые пенсионные схемы, которые стали двумя ключевыми моделями в зависимости от заработка: это немецкая, реализованная в 1889 г., и датская модель 1891 г. «универсальная фиксированная ставка». Следуя этим тенденциям, в первой половине двадцатого века во всех европейских странах были созданы национальные пенсионные системы. Ранние схемы следовали разным моделям, но все они предусматривали низкие пособия при довольно высоком пенсионном возрасте. Концепция выхода на пенсию только начинала формироваться, и пенсии часто воспринимались скорее как пособия по инвалидности, чем как пенсионные пособия как таковые. Поэтому пенсионный возраст составлял около 70 лет, при этом продолжительность жизни была довольно низкой, а период получения пособия относительно коротким.

Широкое распространение пенсионных систем произошло после Второй мировой войны. В странах, где пенсии были ограничены конкретными профессиональными кластерами, охват был расширен на все работающее население. Страны с защитой только базового дохода (единая ставка или пособия, основанные на проверке нуждаемости) также расширили охват, иногда отменяя проверку нуждаемости, а в отдельных случаях добавляя в государственную программу новые категории граждан.

В последующем право на участие в пенсионных отношениях стало более широким, пенсионный возраст был снижен, и во многих странах были введены варианты досрочного выхода на пенсию. В отдельных случаях упрощенные правила применялись к некоторым профессиональным группам, отражая опасный или вредный для здоровья характер деятельности, либо к имеющим определенный политический статус или власть. С расширением

охвата нуждающихся и ростом пособий пенсии превратились в некую комплексную систему защиты доходов граждан. Их роль в государственной политике значительно повысилась, поскольку они всё более становились инструментом реструктуризации промышленного производства, управления трудом и занятостью.

Таким образом, пенсионная политика как всеобщая социально ориентированная система полностью институционализировалась ко второй половине XX в. Ее стимулировал и поддерживал экономический рост середины пятидесятых годов, когда многие страны начали предоставлять пенсии на уровне замещения заработной платы через государственные распределительные схемы либо через профессиональные выплаты, что позволило отказаться от работников в более раннем возрасте. Эволюция пенсионных выплат была относительно необычной, что можно продемонстрировать на примере Германии, которая в 1889 г. ввела первую государственную пенсионную систему, доступную для значительной части своих граждан. В последующий период доля мужчин, доживших до 60 лет, увеличилась с 33,5 до 87,8 %, а средняя ожидаемая продолжительность жизни в возрасте после 60 лет выросла с 12,4 до 20,1 года. Уровень участия в общественно полезном труде мужчин в возрасте 60 лет и старше снизился с 67,9 % в 1895 г. до 14,4 % в 2004 г. Другими словами, выход на пенсию стал своеобразным этапом жизни, который ожидается большинством граждан, имеет определенную продолжительность, а главное, психологически, структурно и финансово отделен от профессиональной деятельности, приносящей доход.

Долгие годы созревания новых пенсионных правил, введенных после Второй мировой войны, означали, что во многих странах их полное финансовое воздействие будет наблюдаться не сразу, а только через несколько десятилетий, когда целые поколения по этим программам начнут уходить в отставку. Возрастная структура по-прежнему представляла собой растущее население с широкой базой молодых и узкой верхушкой старшего возраста. В результате пенсионные расходы в 60–70-х гг. прошлого века были все еще довольно низкими. В 1960 г. они составляли 1,2 % ВВП в Испании, 2,6 % во Франции, 3,1 % в Великобритании, 3,3 % в Италии, 3,6 % в Швеции, 3,7 % в Нидерландах, 5,9 % в ФРГ. К 1980 г. они более чем удвоились, достигнув 5,5 % в Великобритании, 5,7 % в Испании, 6,9 % в Италии, 7,6 % во Франции, 9,6 % в Швеции, 9,6 % в ФРГ и 11,4 % ВВП в Нидерландах. В последующем пенсионные расходы продолжали расти и к 1990 г. достигли более 9 % ВВП во Франции, Германии и Греции и более 11 % в Швеции, Италии и Нидерландах [8].

В середине двадцатого века влияние пенсионных расходов на государственную финансово-кредитную систему было менее болезненно, чем сегодня. Правительственные структуры выделяли значительную долю своих бюджетных средств на повышение благосостояния своих граждан, тогда государственные расходы на социальные программы рассматривались как главные составляющие стратегии экономического роста. Однако по объективным причинам в середине 70-х гг. ситуация стала значительно меняться: темпы экономического роста снизились, старение населения выглядело более заметным, а пенсионные программы приняли более конкретные формы. Социально-экономическая концепция западных стран стала смещаться к новой политической парадигме, которая предполагала значительное повышение производительности труда, международную конкурентоспособность национальной экономики и строгое государственное финансирование целевых программ. Существующие отчисления на заработную плату, необходимые для финансирования растущего уровня пенсионных расходов, не соответствовали этим идеям. Возросший уровень будущих пенсионных обязательств также рассматривался как серьезный риск. В связи с этим государственные структуры вынуждены были переключить свое внимание на пенсионную реформу как в социально-экономическом, так и в социально-политическом контексте. И ключевым вопросом стало то, как сделать существующие пенсионные схемы финансово устойчивыми в настоящем, а главное, в будущем, при этом сохранив их эффективность.

В новых социально-демографических реалиях решить финансовые вопросы пенсионного обеспечения было несколько затруднительно. Дело в том, что доля населения в возрасте 65 лет, которая в 1950 г. составляла 9,1 %, к 1990 г. достигла 14,3 %, в 2020 г. – 20 % и, по прогнозам, возрастет до 27,6 % к 2050 г. [9].

С конца 80-х гг. прошлого века было принято и реализовано значительное множество пенсионных планов. Только за четыре года, в период 1986–1990 гг. в странах Европейского союза было проведено около 25 пенсионных реформ, охватывающих отдельные группы и категории населения либо всю пенсионную систему. В последующие пять лет эта цифра возросла до 36, а в период с 1996 по 2002 г. уже говорилось о 55.

Следует признать, что количество реформ не является качественным, а главное, убедительным показателем происходящих изменений, однако дает достаточно наглядное представление о серьезности пенсионного вопроса в политической повестке конкретной страны. Основное направление реформ чаще всего было ориентировано на сокращение

будущих расходов, и с течением времени это прослеживалось все более явно. Более половины мероприятий в этой области, проведенных в период 1986–1990 гг., имели тенденцию к уменьшению расходов, и более трех четвертей в 1991–1995 гг., уже были жестко ориентированы в этом направлении. Это было время «сдерживания затрат», когда были значительно изменены правила индексации, ограничен доступ к схемам досрочного выхода на пенсию, повышен пенсионный возраст и введен целый пакет других параметрических корректировок с целью ограничения льготных условий. В последующий период программное реформирование имело дальнейшее продолжение с инновационными на тот момент функциями. Одна из которых, например, предполагала создание обязательных либо добровольных индивидуальных пенсионных счетов, поощряемых за счет налоговых льгот, с целью частично компенсировать прогнозируемое сокращение выплат.

Активизация рыночных отношений и особенно на рынке труда стала характерной чертой западной социальной политики, предполагающей использование специфической модели, т.е. некой совокупности мотивов и стимулов к труду и занятости, к более позднему выходу на пенсию и т.д. Относительно ранний выход из состава рабочей силы, некогда поощряемый специальными программами и согласованной стратегией всех участников рынка, стал считаться одной из серьезных проблем, стоящих перед пенсионными финансами. В то время как повышение пенсионного возраста выше традиционного порога в 65 лет остается весьма дискуссионным вопросом, уровень участия в общественном производстве ниже этого порога является распространенной практикой. Например, в Лиссабонской и Стокгольмской повестке дня Европейского союза рекомендуется государствам-членам достичь уровня участия своих граждан в возрасте 55–64 лет в трудовой общественно полезной деятельности не менее 50 %. Все институциональные стимулы, заложенные в новые правила и пенсионные схемы, направлены на то, чтобы максимально отодвинуть индивидуальное решение о выходе на пенсию на более поздние сроки. Дискуссионным здесь является вопрос о том, в какой степени оно рекомендуется административными структурами, реальным состоянием здоровья сотрудника, его профессиональными компетенциями, условиями рынка и т.д.

Все эти мероприятия определили новую роль рынка пенсионного обеспечения на территории Европейского союза и всей OECD. Управляемые накопительные пенсии, инвестирующие взносы работников в финансовые операции, не были европейским нововведением. Еще в 1980 г. в Чили была создана первая крупномасштабная частная система

индивидуальных пенсионных счетов. В 1994 г. в отчете Всемирного банка «Предотвращение кризиса старости» эти программы выступали в качестве одного из столпов «трехкомпонентной модели», которая сначала широко применялась в Латинской Америке, а затем и в Центральной и Восточной Европе. Хотя предписания Всемирного банка не оказали прямого влияния на формирование политики в Западной Европе, политика пенсионного финансирования привлекла к себе большое внимание как новый инструмент обеспечения устойчивости государственных пенсионных финансов. Постепенно европейские страны стали вводить добровольные и обязательные накопительные схемы, которые в большинстве случаев находятся в частном ведении, но с разной степенью государственного регулирования. Это произошло как в странах с долгой историей частного предоставления услуг (Великобритания), так и в тех, где доминировала государственная однокомпонентная система оплаты (Италия и Германия). Идея финансирования не ограничивалась пенсиями частного сектора. Некоторые страны ввели или доработали существующие «буферные фонды», т.е. систему накопления активов для государственных пенсий, направленную на обеспечение финансовой устойчивости в течение демографического перехода. В результате прогнозируется, что совокупные пенсионные активы заметно вырастут во многих странах до 2050 г., примерно с 39 до 61 % в Швеции и с 52 до 73 % в Финляндии. Аналогичный рост прогнозируется и для стран Центральной и Восточной Европы, где переход на накопительные пенсии был обязательным.

Многие страны OECD имеют относительно одобряемую обществом политику досрочного выхода на пенсию. Некоторые даже имеют более льготные положения по безработице для пожилых работников. В двенадцати странах OECD в 1995 г. можно было получать пособие по безработице с 55 лет до периода стандартного пенсионного возраста. В США и Канаде 10 % мужчин в возрасте 55–64 лет получали пенсию по инвалидности по сравнению с 27 % в Нидерландах, 40 % в Финляндии и 58 % в Австрии. Сохраняющийся определенный уровень безработицы в странах Западной Европы заставляет правительственные структуры искать варианты организации новых рабочих мест и возможности трудовой реализации для относительно пожилых людей. Противодействие сокращению досрочного выхода на пенсию со стороны профсоюзов и работодателей несколько препятствует реформированию пенсионной системы. С другой стороны, бюджетный дефицит и проблемы с конкурентоспособностью заставляют правительственные структуры пытаться урезать социальные обязательства и поощрять увеличение предложения труда среди работников старших возрастных групп.

Следует признать, что в последние десятилетия практически во всем мире наблюдается значительное старение населения. Обычный возраст выхода на пенсию, т.е. возраст, в котором индивиды имеют право на получение пособий, в разных странах несколько отличается. Для мужчин, вышедших на пенсию в 2020 г., «нормальный пенсионный возраст» составил 62 года в Колумбии, Коста-Рике, Греции, Италии, Корею, Люксембурге и Словении, тогда как в Исландии и Норвегии 67 лет. В Турции этот показатель составил 52 года. С учетом действующего законодательства будущий возраст выхода на пенсию, т.е. при выходе на рынок труда в 2020 г. и, следовательно, выхода на пенсию примерно после 2060 г., будет варьироваться от 62 лет в Колумбии, Люксембурге и Словении, 64 года в Словацкой Республике и до 74 лет в Дании. По оценкам экспертов, в среднем он увеличится примерно на два года с 64,2 в 2020 г. до 66,1 в будущем [9].

В ближайший десятилетний период «нормальный» возраст выхода на пенсию в связи с ожидаемой продолжительностью жизни должен увеличиться более чем на пять лет в Дании, Эстонии и Италии. Однако только 17 стран ОЭСР не приняли никаких законов, повышающих «обычный» для них пенсионный возраст. В Люксембурге, Словацкой Республике и Словении, где будущий возраст выхода на пенсию сравнительно низок, пенсионные расходы, по прогнозам, увеличатся более чем на 5 % ВВП в период с 2019 по 2070 г., что является самым высоким ростом в Европейском союзе. Более того, во всех странах G20, не входящих в ОЭСР, пенсионный возраст будет составлять 65 лет или меньше, а в Индии и Саудовской Аравии даже меньше 60 лет.

Растущее демографическое давление побудило ряд стран рассмотреть как вопросы увеличения ставок взносов пенсионных налогов, так и альтернативы к ним. Увеличение налогов на заработную плату и/или ускорение ранее запланированного повышения ставок включены в пакет реформ системы социального обеспечения.

Варианты досрочного выхода на пенсию были расширены в Дании, Ирландии, Италии и Литве. В Дании с января 2022 г. те, кто был застрахован не менее 4 лет до достижения возраста 61 года, смогут получать пособие, равное базовой сумме пенсии, за три года до обычного пенсионного возраста в 67 лет. В других странах (Австрия, Франция, Германия, Греция, Люксембург, Португалия, Словения и Испания) разрешен ранний выход на пенсию для лиц с большим трудовым стажем. В Дании был введен новый вариант досрочного выхода на пенсию: он позволяет лицам, имеющим не менее 20–25 лет трудового стажа и не способным работать более 15 часов в неделю (18 часов с 2024 г.) на

последнем месте работы, получать пенсию за шесть лет до наступления обычного пенсионного возраста. Эти новые правила досрочного выхода на пенсию были введены в контексте ранее установленного в Дании повышения пенсионного возраста с 65 до 67 лет в период с 2019 по 2022 г. и до 68 лет в 2030 г. Ирландия ввела пособие в сумме 203 евро в неделю для тех, кто старше 65 лет, т.е. за год до установленного законом пенсионного возраста прекратили постоянную работу и соответствуют условиям получения пособия по безработице.

Италия продлила некоторые варианты досрочного выхода на пенсию, которые должны были быть временными и истекать в 2020 г. Так называемые правила для женщин, первоначально введенные на год в 2017 г., были продлены до конца 2021 г., что позволяет женщинам выйти на пенсию в 58 лет (или 59 лет, если работа не по найму) после 35-летней трудовой карьеры. Кроме того, правительство продлило возможность выхода на пенсию в 63 года при 30-летней уплате взносов безработным, инвалидам и лицам, осуществляющим уход. Аналогичное продление срока выхода на пенсию до семи лет до установленного законом возраста в 67 лет было предоставлено работникам компаний, проходящих реструктуризацию. Все эти продления предоставляются в дополнение к так называемой квоте 100, которая применяется с 2019 г. и позволяет всем работникам частного сектора выходить на пенсию в 62 года при 38-летней уплате взносов. Согласно планам правительства, объявленным в октябре 2021 г., квота 100 будет заменена квотой 102, которая повысит минимальный возраст выхода на пенсию с 62 до 64 лет.

В 2021 г. Литва изменила схему досрочного выхода на пенсию, при которой досрочный выход считается возможным за пять лет до достижения установленного законом пенсионного возраста в 64 года и 2 месяца для мужчин и 63 года и 4 месяца для женщин.

Дискуссионным остается вопрос пенсионных выплат. Дело в том, что они предполагают некоторый отток средств из планов пенсионных накоплений и уменьшение активов. Эта сумма в значительной степени зависит от стажа, системы и количества индивидов, имеющих право на пособия.

Выплаты имеют несколько форм. Это может быть единовременная выплата, регулярный доход при выходе на пенсию или различные их комбинации. Они выплачиваются в виде полной либо частичной единовременной выплаты при определенных условиях. В Швейцарии, например, участники пенсионных правоотношений могут требовать выплаты четверти своих пенсионных активов до полной суммы в зависимости от правил. В некоторых странах разрешены полные единовременные вы-

платы, когда накопленные активы ниже определенного порога, например ниже 12 900 евро (Австрия), когда активы могут обеспечить доход ниже определенной суммы, например минимальной заработной платы (Колумбия), или когда вносились взносы в течение более короткого периода, чем установлены законом. В Мексике, например, период 1250 недель снижен до 750 недель в 2021 г., затем постепенно увеличивающийся на 25 недель в год до достижения 1000 недель в 2031 г. [6]. Однако часть единовременных выплат может быть реинвестирована в альтернативные сберегательные активы после того, как единовременные выплаты будут изъяты.

Физические лица имеют возможность получать пенсионный доход от организации, управляющей их активами, или от другой финансово-кредитной структуры. Они могут приобрести аннуитет в компании по страхованию, как это происходит в Чили. В этом случае активы передаются от организации, отвечающей за этап накопления активов, той, которая будет реализовывать выплату пособий.

Финансовая структура, отвечающая за выплаты, по факту является государственным субъектом, например, в Латвии и Литве (с июля 2020 г.) или в Польше. Физические лица в Латвии могут передавать свои активы Государственному агентству социального страхования, которое затем объединяет их с активами, накопленными на счете из распределительной системы, для выплаты общих пособий. В Литве активы выходящих на пенсию лиц, имеющих право на пожизненную ренту, переводятся из частных пенсионных фондов, отвечающих за этап накопления, в специализированное подразделение Совета государственного фонда социального страхования, который отвечает за осуществление аннуитетных платежей. В Польше после пенсионной реформы в 2014 г. открытые пенсионные фонды превратились в накопительные структуры. Накопительные активы участников, которым до выхода на пенсию осталось десять и менее лет, постепенно переводятся в реестр Управления социального страхования для выплаты пособий.

Самые крупные выплаты нуждающимся в 2020 г. осуществлялись в Австралии, Дании, Исландии и Швейцарии, которые имеют современные пенсионные системы и в которых накоплены значительные суммы пенсионных активов. Эти выплаты составили 7,4 % ВВП в Исландии, 7,3 % в Австралии, 6,9 % в Швейцарии и 5,8 % в Дании. В некоторых странах, где планы пенсионных накоплений были введены недавно, размер выплат оставался относительно ограниченным, например 1,9 % ВВП в Латвии, 0,6 % в Чили [9].

Также существует и несколько иной механизм предоставления выплат. Например, Австралия предоставила до четырех дополнительных выплат

правомочным получателям пенсий в размере 750 и 250 австралийских долларов, что в сумме составляет около 5 % годового пособия по возрастной пенсии.

Бельгия временно на 2020–2021 гг. увеличила минимальную сумму социального пособия примерно на 6 %, или 50 евро в месяц. При том что социальное пособие для одиноких лиц в январе 2020 г. составляло 1131,78 евро [6].

Канада предоставляет единовременное пособие в размере 300 канадских долларов пенсионерам, получающим пенсию по старости, и дополнительное пособие в размере 200 долларов лицам с низким доходом, тем самым обеспечивая надбавку к гарантированному доходу. Также в 2021 г. была предоставлена дополнительная единовременная выплата в размере 500 канадских долларов всем пенсионерам в возрасте 75 лет и старше, независимо от того, получали ли они надбавку к гарантированному доходу или нет. Пенсионное пособие по возрасту было увеличено на 87 % в ответ на пандемию в 2020 г., и ожидается, что это увеличение останется постоянным [9].

В Дании сумма для получателей государственных пособий, включая пенсионеров, составила 1000 датских крон (0,5 % от среднегодового располагаемого дохода среди людей в возрасте старше 65 лет, не облагаемого подоходным налогом).

Израиль предоставил 4000 шекелей лицам в возрасте старше 67 лет, потерявшим работу из-за пандемии, сверх государственной пенсии.

Новая Зеландия удвоила пособие по оплате электроэнергии, выплачиваемое всем пенсионерам в период с мая по октябрь 2020 г., до 20,45 новозеландских долларов в неделю, что составляет 4 % от базовой пенсии.

Словения ввела так называемую премию солидарности для временного повышения самых низких пенсий.

По оценке экспертов, расходы на пенсионную систему Германии вырастут с 11,8 % ВВП в 2000 г. до 16,9 % ВВП к 2050 г. В то время как пенсионная система Италии, как ожидается, достигнет пика в 15,7 % ВВП примерно к 2040 г., а затем станет незначительно снижаться [8].

Еще один аспект дополняет вышеназванные тенденции. Он связан с движением ряда стран в направлении либерализации доходов и реализации программ минимального пенсионного обеспечения с учетом более эффективной их адаптации к потребностям малообеспеченных граждан. В Швеции, например, преобразование бывшей фиксированной пенсии в пособие, зависящее от уровня дохода, позволит обеспечить более достойные выплаты тем, кто имеет недостаточные права на их получение. Германия в рамках своей недавней реформы также ввела минимальную пенсию, независимую от

социальной помощи. Великобритания преобразовала свою гарантию минимального дохода людей в пенсионный кредит, который одновременно и увеличивает минимальную гарантию, и поддерживает пенсионные сбережения пожилых граждан.

На фоне других стран в США дополнительный социальный доход не был модернизирован, чтобы сделать его более доступным. Уровень пособий остается относительно небольшим. Преобразование дополнительного социального дохода в более адекватный источник сдерживается тем фактором, что программа обслуживает две непопулярные группы нуждающихся: малообеспеченных инвалидов и пожилых иммигрантов. За последние тридцать лет эта страна по различным причинам не проводила каких-либо фундаментальных реформ своих пенсионных программ. Последним крупным нововведением была федерализация дополнительного социального дохода (1972), зависящего от нуждаемости. Граждане этой страны в значительной степени полагаются на программу, связанную с заработком (страхование по старости и в связи с потерей кормильца), а также на определенные налоговые льготы для работодателей, отдельных категорий лиц и т.п.

Ко всему сказанному выше следует добавить и некоторые специфические переменные, вроде бы

не имеющие отношения к пенсионным проблемам, но которые прямо или косвенно влияют на эти процессы. Во-первых, это идеология и национальные институты, которые в разной степени несут смысловую и содержательную нагрузку в различных странах. Во-вторых, это процессы, стимулы и обратная связь, которые опосредуют пенсионные реформы. В-третьих, культурно-интеллектуальный и ценностный потенциал общества, особенно в тех странах, где политическая элита считает допустимым предложить либо использовать передовой зарубежный опыт для решения вопросов пенсионного обеспечения.

Таким образом, пенсионная политика в западных юрисдикциях за последнее десятилетие демонстрирует общие черты, сохраняющиеся в некоторых вариантах, но с явно возрастающим разнообразием. Общие характеристики проистекают из аналогичных социально-экономических факторов: демографических проблем, вызванных старением населения, снижением рождаемости и т.д.; фискального давления, отчасти вызванного замедлением экономического роста и другими потерями, которые уменьшают финансирование государственных программ социального обеспечения, снижают эффективность реализуемых мероприятий.

Список источников

1. Дегтярь Л.С. Выводы из мирового опыта реформирования пенсионных систем. URL: <http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2002/vestniksf16913/vestniksf169-13100.htm> (дата обращения: 20.05.2017).
2. Заболотский Е.Д. Опыт реформирования пенсионных систем стран Европейского союза и возможности его использования в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2017. Т. 5, № 3. С. 472–497.
3. Новиков А. Особенности эволюции зарубежных пенсионных систем // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 5. С. 62–70.
4. Arza C., Johnson P. The development of public pensions from 1889 to the 1990 // Clark G., Munnell A. and Orszag M. (eds). Oxford Handbook of Pensions and Retirement Income. Oxford: Oxford university Press, 2005.
5. Barr N. Reforming pensions: myths, truth, and policy choices // International Social Security Review. 2002. Vol. 55, № 2. P. 3–36.
6. ЕС. Отчет о достаточности пенсий за 2021 год: текущий и будущий уровень достаточности доходов в пожилом возрасте в ЕС. Т. 1 // Европейская комиссия. 2021. URL: <http://dx.doi.org/10.2767/013455> (дата обращения: 20.05.2017).
7. OECD Economic Outlook, Interim Report September 2021: Keeping the Recovery on Track, OECD Publishing, Paris, 2021. URL: <https://dx.doi.org/10.1787/490d4832-en> (accessed: 20.08.2021).
8. ОЭСР. Пенсионные рынки в центре внимания. Париж: Изд-во ОЭСР, 2021. URL: <https://www.oecd.org/pensions/private-pensions/pensionmarketsinfocus.htm> (дата обращения: 20.05.2017).
9. OECD. Pensions at a Glance 2021: OECD and G20 Indicators, OECD Publishing, Paris, 2021. URL: <https://doi.org/10.1787/ca401ebd-en> (accessed: 20.08.2021).
10. Pensions at a Glance: Public Policies across OECD Countries. Paris: OECD, 2005.
11. Palacios R.J., Whitehouse E.R.. Civil-Service Pension Schemes Around the World // Pension Reform Series, Social Protection Discussion Paper. 2006. № 0602. World Bank, Washington, DC.
12. Queisser M., Whitehouse E.R. Comparing the Pension Promises of 30 OECD Countries // International Social Security Review. 2006. № 59 (3). P. 49–77.
13. Pension Systems in 15 Countries Compared: The Value of Entitlements // Discussion Paper 02/04, Centre for Pensions and Superannuation, University of New South Wales, Sydney.

References

1. Degtyar L.S. *Vivodi iz mirovogo opita reformirovaniya pensionnih sistem* [Conclusions from the world experience of reforming pension systems]. URL: <http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2002/vestniksf16913/vestniksf169-13100.htm> (accessed: 20.05.2017). (In Russ.).
2. Zabolotskii E.D. *Opit reformirovaniya pensionnih sistem stran Evropeiskogo soyuza i vozmozhnosti ego ispolzovaniya v Rossii* [The experience of reforming pension systems of the European Union countries and the possibility of its use in Russia] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2017. Vol. 5, no. 3. P. 472–497. (In Russ.).

3. Novikov A. *Osobennosti evolyucii zarubejnih pensionnih sistem* [Features of the evolution of foreign pension systems] // *Mirovaya eko_nomika i mejdunarodnie otnosheniya*. 2006. No. 5. P. 62–70. (In Russ.).
4. Arza C., Johnson P. The development of public pensions from 1889 t.l. o the 1990 // Clark G., Munnell A. and Orszag M. (eds). *Oxford Handbook of Pensions and Retirement Income*. Oxford : Oxford university Press, 2005.
5. Barr N. Reforming pensions: myths, truth, and policy choices // *International Social Security Review*. 2002. Vol. 55, no. 2. P. 3–36.
6. EU. *Otchet o dostatochnosti pensij za 2021 god: tekushchij i budushchij uroven' dostatochnosti dohodov v pozhilom vozraste v ES. T. 1* [Report on pension sufficiency for 2021: current and future level of income sufficiency in old age in the EU. Vol. 1] // European Commission. URL: <http://dx.doi.org/10.2767/013455> (accessed: 20.05.2017). (In Russ.).
7. OECD Economic Outlook, Interim Report September 2021: Keeping the Recovery on Track, OECD Publishing. Paris, 2021. URL: <https://dx.doi.org/10.1787/490d4832-en> (accessed: 20.08.2021).
8. *OESR. Pensionnye rynki v centre vnimaniya* [OECD. Pension Markets in Focus]. Paris, OECD Publishing, 2021. URL: <https://www.oecd.org/pensions/private-pensions/pensionmarketsinfocus.htm> (accessed: 20.05.2017). (In Russ.).
9. OECD. Pensions at a Glance 2021: OECD and G20 Indicators, OECD Publishing, Paris, 2021. URL: <https://doi.org/10.1787/ca401ebd-en> (accessed: 20.08.2021).
10. *Pensions at a Glance: Public Policies across OECD Countries*. Paris : OECD, 2005.
11. Palacios R.J., Whitehouse E.R.. *Civil-Service Pension Schemes Around the World* // Pension Reform Series, Social Protection Discussion Paper. 2006. No. 0602. World Bank, Washington, DC.
12. Queisser M., Whitehouse E.R. Comparing the Pension Promises of 30 OECD Countries // *International Social Security Review*. 2006. No. 59 (3). P. 49–77.
13. *Pension Systems in 15 Countries Compared: The Value of Entitlements* // Discussion Paper 02/04, Centre for Pensions and Superannuation, University of New South Wales, Sydney.

Информация об авторе

Н.В. Фешенко – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Философия, социология и право».

Information about the author

N.V. Feshchenko – Candidate of Science (Economic), Associate Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Law.

Статья поступила в редакцию 03.02.2022; одобрена после рецензирования 22.02.2022; принята к публикации 07.03.2022.
The article was submitted 03.02.2022; approved after reviewing 22.02.2022; accepted for publication 07.03.2022.

Научная статья
УДК 378.016:374.3
doi: 10.31079/1992-2868-2022-19-2-61-67

ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЕ РИСКИ МОЛОДЕЖИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

Галина Степановна Любичкая¹, Олеся Викторовна Казаку²,
Нина Семеновна Аникеева³, Евгений Новомирович Спасский⁴
^{1,2,3,4}Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия
¹agafia@mail.ru
²kazaku-13@ya.ru
³ninanikeeva@yandex.ru
⁴srs2@festu.khv.ru, ORCID iD 0000-0003-3280-2844

Аннотация. В статье на основе проведенных в ДВГУПС социологических исследований рассматриваются деятельностные риски системы высшего образования. Показаны особенности обучения студентов технического вуза, пересечение их учебных и трудовых практик, оказывающих влияние как на процесс обучения, так и на включение в образовательную среду.

Ключевые слова: образовательная среда, высшее образование, социальные риски, образовательные практики, необучаемые студенты

Original article

YOUTH ACTIVITY RISKS IN ACADEMIC ENVIRONMENT

Galina S. Lyubitskaya¹, Olesya V. Kazaku², Nina S. Anikeeva³, Evgeny N. Spassky⁴
^{1,2,3,4}Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia
¹agafia@mail.ru
²kazaku-13@ya.ru
³ninanikeeva@yandex.ru
⁴srs2@festu.khv.ru, ORCID iD 0000-0003-3280-2844

Abstract. The article considers the activity risks of the higher education system based on the sociological research conducted at Far Eastern State Transport University. It shows the peculiarities of teaching students of technical university, the intersection of their educational and work placements, which influence both the learning process and their educational mainstreaming.

Keywords: academic environment, higher education, social risks, educational practices, ineducable students

Трансформирующееся общество сегодня определяется как общество риска. Неопределенность превращает риск в явление, которое постоянно сопутствует нашей жизни. Развитие современной молодежи отражает эти особенности: формирует новые социальные взаимодействия и модели поведения, изменяет социальные практики. Динамизм современного общества усиливает социальную неопределенность, выдвигает новые цели и способы включения молодых людей во взрослую жизнь.

Институт образования, выступающий в качестве значимого фактора развития молодежи, выполняет важные функции. Реализация функции социального воспроизводства, предполагающая формирование будущих общественных отношений, обеспечивает уровень профессионального потенциала молодежи, который определяется качеством полученных знаний. Функция культурного воспроизводства, вы-

ступающая в качестве фактора социального развития молодежи, связана с усвоением традиций, обеспечивающих устойчивое развитие общества. Инновационная составляющая (функция) межпоколенного взаимодействия обеспечивает социальную мобильность молодежи, развитие её творческих резервов, которые реализуются в их экономических и профессиональных инициативах.

Однако современные образовательные практики свидетельствуют и о негативных тенденциях в образовании: растёт доля студентов, не справляющихся с учёбой в вузе (неуспешные студенты), что провоцирует появление новых рисков, укорененных в образовательном процессе, которые создают академическую напряженность и ставят под сомнение его эффективность.

Цель данной статьи – показать «лицо» социальных рисков, сопутствующих образовательному

процессу и создающих ситуационную напряженность в процессе обучения студентов, эксплицировать протекание неуспешности образовательной социализации личности.

Предметным полем исследования выступают проблемы образования, способствующие академической неуспешности большого количества студентов, их «отсеву» из высших учебных заведений. Авторы предполагают, что образование из фактора, который должен способствовать социальному развитию молодежи, обеспечивать формирование ее социальной зрелости и успешной интеграции в общественные структуры, превращается в средство социальной депривации и дисфункциональности. В статье рассматриваются деятельностные риски системы высшего образования, даётся анализ неуспешности образовательного поведения студентов. Показаны особенности обучения студентов технического вуза, пересечение их образовательных и трудовых практик, оказывающих влияние как на учебный процесс, так и на включение в образовательную среду.

Теоретико-методологическую базу исследования составили научные подходы У. Бека, Э. Гидденса, Н. Лумана, рискологическая концепция молодежи Ю.А. Зубок и Н.Л. Смакотиной. Вопросы дисфункциональности института образования в России рассматриваются в работах Г.Е. Зборовского, П.А. Абрамовой, Е.Д. Шмелевой, И.Д. Фрумкина. В трудах Н.А. Сельвестровой, Ю.В. Латова, Г.А. Ключарева обращается внимание на распространение имитационных практик в высшей школе основными участниками образовательного процесса.

Эмпирическую основу исследования составили результаты социологических исследований студенческого контингента ДВГУПС, проведенных преподавателями кафедры философии, социологии и права в 2016–2018 гг.

Современное общество производит риски, ставшие естественным фоном нашей жизни, которые носят глобальный характер. По мнению У. Бека, модернизация общества содержит потенциальную возможность рисков как угрозы действиям акторов, переоценку ценностей классического рационализма, способствует активизации социальных действий. Появляется возможность компенсации рисков в инновационных формах поведения. Особенно это характерно для молодежи. Риски способствуют постоянной рефлексии, обуславливают субъективные решения, нацеленные на ликвидацию негативных последствий.

Э. Гидденс пишет о появлении общества риска, связанного с переходом от индустриального к постиндустриальному обществу, который содержит в себе опасность наложения одного социума на другой. Сегодняшние риски российского общества связаны как с научно-техническим прогрессом, из-

менившим инфраструктуру и структуру производства, так и с неопределенностью ориентиров экономического развития. Они создают объективные препятствия включения молодых людей во взрослую жизнь, обуславливая трудности интеграции в профессиональную структуру.

Ю.А. Зубок рассматривает социальное развитие молодежи с точки зрения рискологической концепции, выявляя особенности ее интеграции: включение и невключение в социальную структуру. Риск, будучи социально обусловленным, возникает в связи с маргинальным состоянием молодежи как фазы жизненного пути и реализуется в ее вариативной деятельности от конформистского до деструктивного поведения [3]. В молодежной среде риски проявляются в двух формах: объективной (средовой) и субъективной (деятельностной). Объективные риски выступают частью социальной реальности, существуют как условия жизнедеятельности молодежи. Субъективные риски реализуются и проявляются в результате выбора молодежи в инновационной деятельности или избегании ее [9: с. 192–193].

Закон РФ «Об образовании» устанавливает право на получение полноценного качественного образования. Но современная государственная политика, определяемая образовательными реформами, утвердившими трехуровневое высшее образование, введение ЕГЭ, создала проблемы функционирования высшей школы. Профориентационная деятельность в школе не обеспечивает условий оптации школьников, что рождает трудности с выбором дальнейших образовательных планов, она подменяется поиском рациональных (менее затратных) путей дальнейшего обучения. К этому следует добавить снижение качества получаемых в школе знаний, что является значимым фактором риска системы образования. Сегодня общее среднее образование не справляется с целями, поставленными перед школой обществом: она не формирует образовательных потребностей и потребностей развития общей культуры молодых людей. Приходится констатировать, что современный институт среднего образования в России не выступает в качестве эффективного агента социализации.

О негативных тенденциях в школе свидетельствует недостаточная подготовка абитуриентов к обучению в вузе. На это указывают результаты социологических исследований, полученные кафедрой «Философия, социология и право» ДВГУПС. Занимаясь профориентационной работой, кафедра на протяжении ряда лет изучала жизненные планы школьников г. Хабаровска*. Данные 2017 г. свиде-

* Исследования проводились с 2012 по 2018 г. В ходе исследований методом анкетного опроса было опрошено более 400 человек. В выборку попали выпускники, уже определившиеся с выбором вуза.

тельствуют о том, что только 76,8 % респондентов сделали выбор образовательного учреждения, 20 % не знали, куда будут поступать, 13,2 % опрошенных затруднились ответить на этот вопрос. Опрос 2018 г. выявил ещё менее утешительные данные: с выбором конкретного вуза определились 65 % респондентов, 35 % затруднились с ответом. Сомневающиеся отмечали, что документы будут поданы в несколько вузов и выбор достанется тому вузу, где есть шанс получить бюджетное место. На вопрос: «Если вы не пройдёте по конкурсу при поступлении в вуз на специальность, о которой мечтали» – большинство (69,6 %) ответили, что поступят, куда получится. Приведённые данные говорят о том, что абитуриенты не испытывают потребности в приобретении знания, но их привлекает приобретение статуса, связанного с получением высшего образования.

С каждым годом увеличивается количество тех школьников, для кого учеба не представляет интереса: с 32,4 % в 2013 г. до 43,4 % в 2018 г. Но при этом, получив аттестат, 92 % собирались поступать в вуз, соответственно в средние и начальные профессиональные учебные заведения намеривались поступать 3,75 и 4,25 % опрошенных. Это свидетельствует об утрате вузами селективной функции, что подтверждает общероссийскую тенденцию, выявленную в отечественных социологических исследованиях.

Социальный риск в современном трансформирующемся российском обществе определяется как «специфический способ организации связей, взаимодействий и отношений людей в условиях переходного состояния от определенности к неопределенности, когда воспроизводство условий жизни и сил человека приобретает не социально направленный, а преимущественно случайный, вероятностный характер, вытесняясь производством самого риска» [9: с. 208; 3: с. 162].

Формируются риски на старте жизненного пути: планы выпускников не включают выбор конкретной профессии, но ориентируются на получение высшего образования. Содержание данных рисков носит институциональную природу и связано с деятельностью основных социальных институтов, формируя неопределенность жизненных позиций молодежи.

Образование как социальный институт выступает коридором, по которому осуществляется переход от определенности положения молодого человека в его прошлой жизни под контролем агентов первичной социализации к будущему жизненному пути. Вуз превращается в подобие инкубатора, в котором ограничивается влияние рисков, обеспечивается определенность и устойчивость положения молодежи. Включение в образовательные структуры сни-

мает на время страх перед взрослой жизнью, общается к общественно значимой деятельности. Но модернизация системы образования порождает новые риски: сокращается государственное финансирование вузов, усиливается коммерциализация высшего образования, что приводит к появлению на рынке образовательных услуг таких направлений подготовки студентов, которые нередко слабо связаны с потребностями реальной экономики.

Высшие учебные заведения, пытаясь ценой снижения качества обучения сохранить контингент студентов, вносят свой вклад в дисфункциональность системы образования как социального института. В научно-академической среде сегодня активно исследуется и обсуждается проблема «неуспешных», «необучаемых» студентов. Рассматривается влияние рисков образовательной неуспешности, связанной с академической неуспеваемостью, на все сферы жизни общества [1; 4–6].

Как уже было отмечено, ситуации риска связаны с тем, что потребность в получении знаний как базовая потребность у школьников не сформирована. Социальная среда вуза представляется будущим абитуриентам местом, обеспечивающим комфортное существование, дающее на финише заветный диплом о высшем образовании. Желающие непременно поступить в вуз часто подают заявления на несколько специальностей. Этот стихийный выбор связан с неопределенностью представлений о своей будущей профессии. Поэтому в этих условиях рождаются стратегии, предполагающие стремление избегать рисков в течение процесса пребывания в вузе. В условиях аномического характера общества адекватная рефлексия молодежи при выборе профессии затруднена. Выбирая вуз, молодой человек избавляется от своих страхов перед будущим, переходит от состояния неопределенности к состоянию определенности. Появляется институциональная возможность на несколько лет отсрочить вступление во взрослую жизнь. В этих условиях несформированный выбор будущей профессии и вуза приводит к воспроизводству жизненных средств и сил студента, приобретающих не социально направленный, а случайный, вероятностный характер. Это сдерживает процесс социального развития молодого человека, обеспечивающий его успешность: вместо взросления, связанного с активностью личности в достижении будущего благополучия, профессиональная социализация и интеграция в социальную структуру замедляется.

Образовательная социализация включает как контролируемые процессы воздействия на личность, так и стихийные. В вузе социализация молодежи регулируется комплексом формальных и неформальных ценностей и норм, определяющих систему статусов и ролей и обеспечивающих ее инте-

грацию в социальную структуру. Целью этих процессов является формирование свойств молодого поколения, обеспечивающих устойчивость его связей и отношений. Результатом успешной социализации выступает приобретение статусов, стабилизирующих положение молодежи, обеспечение ее последующей мобильности. В ходе институционализации процесса образования молодых людей, связанной с социальным контролем за освоением знаний, одновременно протекают процессы, обусловленные необходимостью обеспечения максимального коэффициента выпуска обучаемых. Возникающее противоречие между данными поведенческими практиками в вузе приводит к формированию новых рисков, сопровождающих включение студентов в общественные структуры.

В современном социуме социализация протекает в условиях неустойчивости нормативно-ценностных образцов, регулирующих поведение молодежи. Неопределенность окружающего мира способствует выбору моделей поведения, удобных для комфортного существования, определяемых в социологии в качестве конформистских. С такими моделями мы имеем дело, когда студенты выбирают вуз случайным образом. В условиях неопределенности это позитивный способ рационализации конфликтов, когда выбираются общественно значимые цели и социально одобряемые средства (Р. Мертон). Данные кафедральных социологических опросов указывают на увеличение доли студентов с подобной позицией среди обучающихся (в 2016 г. – 17 %, 2018 г. – 25 %).

Подобный выбор молодых людей свидетельствует об использовании ими традиционных форм включения в общественные структуры, которые не являются эффективными в современном обществе. Конформизм не может рассматриваться как успешная модель поведения: без осознанности выбора и новаторства не могут сформироваться успешные адаптационные механизмы, обеспечивающие устойчивое положение во взрослой жизни.

Риск сопровождает и выбор образования, когда поступление в вуз обусловлено целью избежать службы в армии либо пространственным его расположением (удобная логистика). Молодой человек идет в вуз, купирова такие значимые цели, как успешная профессиональная социализация, повышение своего благосостояния, неосознанно выбором образовательной траектории. В данном случае будущий риск связан с выбором ритуалистской модели поведения (Р. Мертон), когда учеба выбирается не как цель, а как средство адаптации.

Сознательный выбор вуза, высокая оценка образования в качестве базовой ценности включает молодого человека в образовательную деятельность, которую он рассматривает как труд, требующий

значительных усилий. Анализ полученных данных в ходе социологических исследований в ДВГУПС в 2016 г. показал, что сознательный выбор вуза (индикаторы: заинтересовала профессия, образование – важная ценность, дает возможность быстро достичь высокого заработка) характерен для 62 % опрошенных. Но исследование, проведенное в 2018 г., показало снижение сознательного выбора вуза (с 29 до 18 %). Увеличилась доля тех студентов (с 18 до 30 %), которые понимают необходимость наличия высшего образования в современном обществе. Но это не значит, что увеличивается количество молодых людей, понимающих значимость образования как терминальной ценности (знание рассматривается как самооценочность и цель образования). Характер вхождения молодежи в социальные структуры сегодня требует гибкости, адаптивности к изменяющимся социокультурным образцам, новых рациональных форм поведения, что повышает значимость знаний, обеспечивающих профессионализм в условиях информационного общества.

Представления студенческой молодежи о возможностях продвижения в обществе, предоставляемых образованием, закрепляются в мотивационной структуре, которая включает потребности в получении знаний, ориентации на образовательную деятельность, сопряженную с усилиями, ценность знания, развивающего способности и повышающего культуру. Формируется отношение к образованию как объекту социальной реальности, в котором выделяются базовый и социально-ситуационный аспекты. Базовый аспект предполагает отношение к образованию как к ценности, на социально-ситуационном уровне оно воспринимается как смыслообразующая (терминальная) или инструментальная ценность. В зависимости от этого формируются установки, готовность к реализации знаний. Восприятие образования с точки зрения его инструментальной функции способствует сознательному отношению к учебному процессу, целью которого является получение диплома о высшем образовании. Духовная зрелость молодежи связана с осмыслением значимости получаемых знаний, когда образование воспринимается как терминальная ценность, формируются образовательные потребности и устойчивые интересы, связанные с осмыслением образовательного поведения.

Различное отношение к образованию определяет особенности интеграции студентов в образовательный процесс. Она предполагает реализацию способности субъекта структурировать образовательное поведение в соответствии с ценностно-нормативными ожиданиями вуза и собственными жизненными планами.

В качестве индикаторов (показателей свойств объекта), интерпретирующих образовательные

стратегии, выступают цели образовательного поведения, потребности и интересы, его мотивы, образовательные траектории. Освоение нового статуса (поступление в вуз) предполагает активное приспособление индивида к условиям новой для него социальной среды. Сказанное относится как к отдельным видам деятельности, формальным правилам, поведению, так и к системам ценностных ориентаций, культурных норм, идеалов, характеризующих новую среду.

В основе социальной адаптации лежит процесс конвергенции целей, ценностных ориентаций индивида и той группы, в которую он входит: проходит фаза неопределённости новой среды, формируется активное образовательное поведение. Адаптация, являясь механизмом социализации личности, отражает процесс признания ценностей образовательной среды вуза, норм, определяющих рамки должного поведения обучаемого. Критерием успешности социальной адаптации является приобретение навыков обучения, обеспечивающих организованность и дисциплину, столь необходимых в условиях непрерывного образования. Благополучно протекающая адаптация обеспечивает уверенность в своих силах и успешную образовательную деятельность. Терминальная ценность образования в мотивационной структуре студентов стимулирует стремление к саморазвитию, способствует обновлению знаний, необходимых для освоения новых профессиональных компетенций в условиях современного общества. Это основа инновационного поведения студентов, востребованного современным рынком труда.

Возможен и другой вариант приспособления, когда индивид имитирует учебную деятельность, стремясь не к усвоению новых знаний, а к получению оценок, о чём свидетельствуют данные наших исследований.

Активное образовательное поведение студентов способствует формированию когнитивной структуры личности: продуцирует образовательные потребности и интересы, создаёт смыслообразующие ценности, определяющие процесс приобретения новых знаний. В условиях общества, одной из главных тенденций которого становится непрерывность образования, формирование таких потребностей и интересов обеспечивает адаптивность, способность к формированию рациональных форм поведения. Сформировавшиеся навыки и умения студентов являются важным фактором их жизнестойкости. Вместе с тем умение быстро и легко осваивать новые условия формирует гибкость сознания человека как субъекта практики, стремление к жизнедеятельности с учетом внешних требований.

Человек с развитыми адаптационными способностями легче осваивает новое, часто выступая

проводником разного рода инноваций. Его не страшат культурные дистанции, аккультурации и процессы современной культурной интеграции глобального характера. Он самодостаточен, у него хорошо развиты творческие способности. Как правило, для такого человека характерна демонстрация своей субъектности вследствие успешного социального развития и осознание себя хозяином своей судьбы. Анализ результатов исследования образовательного поведения студентов показал, что для определенной их части формирование образовательных потребностей связано с активной направленностью на осмысленную образовательную деятельность – получение новых знаний, повышение культурного уровня важным считают 18 % опрошенных.

Существенным риском, с которым сталкиваются студенты, выступают «парниковые» условия на первом курсе. Противоречия, существующие между требованиями школы и вуза к знаниям, рождают снисходительность и терпимость со стороны преподавателей в отношении студентов в начале обучения. Требования к студентам младших курсов стараются приблизить к содержанию школьной программы, что замедляет вхождение студента в вузовский образовательный процесс. Это способствует тому, что обучаемые не в полной мере интегрируются в статусно-ролевую структуру вузовского пространства. Два года студента «доучивают» после школы, а последующие два-три академических периода остаются на профессиональное освоение. В этих условиях социализация утрачивает свою контролирующую функцию: оказывается не реализованной основная цель образования – формирование знаний, необходимых для будущей профессии. Учебный процесс не выступает для студентов как трудовая деятельность, требующая значительных усилий. Большинство студентов (55 % от общего количества ответов) считают, что их не отчислят, так как они добросовестно относятся к учебе. При этом 72,4 % респондентов имеют задолженности. Это свидетельствует о том, что время пребывания в вузе рассматривается молодыми людьми как затягивание времени вступления во взрослую жизнь, а не в качестве освоения статусно-ролевой системы, которая обеспечивает профессиональную самореализацию.

Анализ данных опроса 2018 г. свидетельствует о том, что многие студенты снижают успеваемость, так как перестают бояться быть отчисленными за задания, не сданные вовремя (16 %). Появились студенты, считающие, что преподавателя можно взять измором, приходя на отработку с неподготовленными заданиями (11 %). Почти пятая часть (18 %) опрошенных уверены, что из вуза трудно «вылететь», так как все заинтересованы в сохранении контингента студентов. По мнению опреде-

лённой части студентов, образовательный труд не должен ограничивать возможности их свободного времяпрепровождения: они предлагают не проводить консультации в дни, свободные от занятий.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что для значительной доли студентов процесс адаптации на первом курсе был положительным: они не пропускали занятий (71 % от общего количества ответов), старались получить любую оценку (14 %). При этом у многих возникали проблемы в процессе обучения: не успевали записывать лекции (11 %), не могли получить хорошую оценку, хотя много готовились (8 %), не хватало времени для подготовки к практике (5 %). Как правило, это ребята, приехавшие из поселков и маленьких городов и уступающие по уровню своим сокурсникам – уроженцам крупных городских агломераций, они использовали все возможности, предоставляемые вузом, для включения в его статусно-ролевую структуру: не пропускали занятий, использовали все возможные контакты с преподавателями, консультации, собеседования. Благодаря этому они оказались более успешно включенными в процесс обучения на втором курсе.

Иерархическое содержание учебного процесса видится со стороны студентов следующим образом: подробное объяснение, интересный рассказ преподавателя – 38 %, наличие хороших учебников, пособий – 17 %, высокие требования на экзаменах, зачетах – 14 %, возможность что-то самому сделать практически – 13 %, тщательная проверка выполненных работ – 8 %. При этом негативными факторами обучения является: отсутствие достаточного времени на самостоятельную подготовку (31 %), неинтересное содержание и изложение некоторых преподаваемых дисциплин (23 %), отсутствие личной усидчивости и трудолюбия (25 %), трудности в освоении учебного материала (20 %).

Большинство студентов выбирают прагматичную стратегию в отношении учебы на первом курсе: не пропускать занятий, чтобы не было «хвостов»; стараться быть активными на занятиях, стремясь получить любую оценку, что свидетельствует о пассивном характере адаптации. Целью образования в данном случае выступает получение диплома, но отсутствует интерес к его когнитивной составляющей. В то время как непрерывность образования, являясь определяющей тенденцией развития современного общества, делает востребованным знаниевый потенциал обучаемых, необходимый в условиях высокой динамичности рынка труда.

Сложившиеся в последнее время практики совмещение учебы и трудовой деятельности представляют собой достаточно противоречивое явление: с одной стороны, работающие студенты (как правило, с третьего курса) выпадают из учебного процес-

са, пропускают занятия. На старших курсах учеба занимает больше времени, и работающие студенты вынуждены приспосабливаться к этому, часто уделяя меньше внимания учебе. Результатом становится академическая неуспеваемость, сопровождающая молодых людей до последнего курса обучения. Вместе с тем процесс включения в трудовую среду проходит в условиях защищенности образовательным статусом. Положительным фактом можно считать то, что студент может изменить модель профессиональной социализации с конформной (выбрал вуз и специальность по совету родителей, неосознанно) на инновационную: сделать сознательный выбор новой профессии, сменив направление подготовки (специальность). Для значительной части работающих студентов становится привлекательным организация собственного бизнеса после завершения обучения.

Но и здесь студентов подстерегают риски: они сталкиваются с теневыми проявлениями трудовых практик, характерных для развития современного рынка. И в этом особенность инновационных механизмов адаптации, связанных с собственным выбором. Сегодня общество все меньше способно поддержать систему жизнеобеспечения, а жизненная среда из нейтрализатора риска превращается в его генератор [9: с. 197].

Инновационные механизмы адаптации, связанные с сознательным выбором вуза, профессии, рациональным освоением нового статуса через процесс социализации в вузе, зависят от субъективного определения собственной модели поведения. Но выбор может идентифицировать молодого человека с моделью потребителя образовательных ценностей без напряженного включения в учебную деятельность. Игнорируя терминальную функцию образования, проводя впустую время в вузе, молодые люди сталкиваются с трудностями социальной интеграции в условиях постоянных изменений и рисков. Имитация образования превращает процесс обучения в симулякры для значительного количества студентов.

Выводы

Современное трансформирующееся общество производит риски, ставшие естественным фоном, сопровождающим нашу жизнь. В значительной степени это касается молодёжных когорт, не в полной мере владеющих защитными механизмами в реализации и выборе своих поведенческих практик. Данное обстоятельство типично и для образовательных практик молодёжи, которые содержат высокий рискогенный потенциал в процессе поступления и обучения в вузе.

Образование выступает коридором, по которому осуществляется переход от устойчивого положения молодого человека в его прошлой жизни к неопре-

деленному будущему. Желание избежать рисков часто приводит к поступлению в вуз через случайное, неосознанное решение. Стихийный выбор учебного заведения, профессии порождает отсутствие интереса к учёбе, способствует тому, что об-

разовательная социализация не приводит к освоению статусов, обеспечивающих успешное включение в систему общественных отношений, продуцируя новые риски, связанные с неопределенностью будущего положения в обществе.

Список источников

1. Зборовский Г.Е., Амбарова П.А. Образовательная неуспешность российского студенчества: социологическая интерпретация проблемы // Социс. 2021. № 3. С.17–27.
2. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи // Мониторинг. 2008. № 2 (86). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-regulyatsiya-v-usloviyah-neopredelennosti-teoreticheskie-i-prikladnye-problemy-v-issledovanii-molodezhi> (дата обращения: 28.03.2022).
3. Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии: опыт исследования молодежи : монография. Москва : ЮрНорма : НИЦ ИНФРА-М, 2015. 288 с.
4. Ключарев Г.А. О подготовке инженерных кадров для наукоемких производств (взгляд работодателей) // Социологические исследования. 2020. № 3. С. 51–59.
5. Латов Ю.В., Ключарев Г.А. Неформальные «правила игры» в образовательной системе: симуляция образования, симулякры и брокеры знаний // Общественные науки и современность. 2015. № 2. С. 31–42.
6. Селиверстова Н.А. Имитация образовательных практик в сфере высшего образования // Социологические исследования. 2020. № 3. С. 71–77.
7. Шмелева Е.Д., Фрумин И.Д. Факторы отсева студентов инженерно-технического профиля в российских вузах // Вопросы образования. 2020. № 3. С. 110–136.
8. Смакотина Н.Л. Социальное развитие молодежи в России: концептуальная модель анализа : монография. Москва : Изд-во Московского университета. 2006. 256 с.
9. Чупров В.И., Зубок Ю.А. Социология молодежи. Москва : ЮрНорма : НИЦ ИНФРА-М, 2016. 336 с.

References

1. Zborovskij G.E., Ambarova P.A. *Obrazovatel'naya neuspeshnost' rossijskogo studenchestva: sociologicheskaya interpretaciya problemy* [Educational failure of Russian students: a sociological interpretation of the problem] // Socis. 2021. № 3. P. 17–27. (In Russ.).
2. Zubok Yu.A., Chuprov V.I. *Sotsial'naya reguljaciya v usloviyah neopredelennosti. Teoreticheskie i prikladnye problemy v issledovanii molodezhi* [Social regulation in conditions of uncertainty. Theoretical and applied problems in the study of youth] // Monitoring. 2008. № 2 (86). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-regulyatsiya-v-usloviyah-neopredelennosti-teoreticheskie-i-prikladnye-problemy-v-issledovanii-molodezhi> (accessed: 28.03.2022). (In Russ.).
3. Zubok Yu. A. *Fenomen riska v sociologii: opyt issledovaniya molodezhi* [The phenomenon of risk in sociology: the experience of youth research] : monograph. Moscow : Yur.Norma : NIC INFRA-M, 2015. 288 s. (In Russ.).
4. Klyucharev G.A. *O podgotovke inzhenernyh kadrov dlya naukoemkih proizvodstv (vzglyad rabotodatelej)* [On the training of engineering personnel for high-tech industries (employers' view)] // Sociological research. 2020. № 3. P. 51–59. (In Russ.).
5. Latov YU.V., Klyucharev G.A. *Neformal'nye «pravila igry» v obrazovatel'noj sisteme: simulyaciya obrazovaniya, simulyakry i brokery znaniy* [Informal "rules of the game" in the educational system: simulation of education, simulacra and brokers of knowledge] // Social Sciences and Modernity. 2015. № 2. P. 31–42. (In Russ.).
6. Seliverstova N.A. *Imitaciya obrazovatel'nyh praktik v sfere vysshego obrazovaniya* [Imitation of educational practices in the field of higher education] // Sociological research. 2020. № 3. P. 71–77. (In Russ.).
7. Shmeleva E.D., Frumin I.D. *Faktory otseva studentov inzhenerno-tehnicheskogo profilya v rossijskih vuzah* [Factors of dropout of engineering and technical students in Russian universities] // Questions of education. 2020. № 3. P. 110–136. (In Russ.).
8. Smakotina N.L. *Sotsial'noe razvitie molodezhi v Rossii: konceptual'naya model' analiza* [Social development of youth in Russia: a conceptual model of analysis] : monograph. Moscow : Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 2006. 256 s. (In Russ.).
9. Chuprov V.I., Zubok Yu.A. *Sociologiya molodezhi* [Sociology of youth]. Moscow : Yur.Norma : NIC INFRA-M, 2016. 336 s. (In Russ.).

Информация об авторах

Г.С. Любичкая – кандидат социологических наук, доцент;
 О.В. Казаку – кандидат социологических наук, доцент;
 Н.С. Аникеева – кандидат социологических наук, доцент;
 Е.Н. Спасский – доктор политических наук, профессор.

Information about the authors

G.S. Lyubitskaya – Candidate of Science (Sociology), Associate Professor;
 O.V. Kazaku – Candidate of Science (Sociology), Associate Professor;
 N.S. Anikeeva – Candidate of Science (Sociology), Associate Professor;
 E.N. Spassky – Doctor of Science (Political), Professor.

Статья поступила в редакцию 10.01.2022; одобрена после рецензирования 31.01.2022; принята к публикации 07.02.2022.
 The article was submitted 10.01.2022; approved after reviewing 31.01.2022; accepted for publication 07.02.2022.

Научная статья

УДК 165.12

doi: 10.31079/1992-2868-2022-19-2-68-74

СУБЪЕКТНОСТЬ И ОБЪЕКТНОСТЬ В СОЦИОГУМАНИТАРНОМ ПОЗНАНИИ

Владимир Гайфулович Зангиров

Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия, zangirov@gmail.com

Аннотация. В статье проводится идея о том, что предметом социогуманитарного познания выступает человеческая реальность в полноте всех своих отношений с миром. основополагающая форма этих отношений – диалектика субъектности и объектности, наиболее ярко проявляющаяся себя в освоении человеком своего жизненного мира.

Ключевые слова: субъект, объект, жизненный мир, субъектность, объектность, жизнеутверждение, интерсубъективность, общение

Original article

SUBJECTIVITY AND OBJECTIVITY IN SOCIOHUMANITARIAN KNOWLEDGE

Vladimir G. Zangirov

Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia, zangirov@gmail.com

Abstract. The article presents the idea that the subject of socio-humanitarian cognition is human reality in the fullness of all its relations with the world. The fundamental form of these relations is the dialectic of subjectivity and objectivity, which manifests itself most vividly in the development of a person's life world.

Keyword: subject, object, life world, subjectivity, objectivity, life affirmation, intersubjectivity, communication

Социогуманитарное познание обращено к человеческой реальности как к своему предмету. Оно самым тесным образом связано с человеческим бытием в мире. Мы не просто пребываем в мире, но строим разумные отношения с ним, исследуя как его, так и самих себя. Мы должны все время отвечать на вопрос о том, каков мир, каковы мы сами, какие формы нашего жизнеутверждения в мире отвечают нашей человеческой сущности. В человеческой онтологии изначально заложено требование социальной коммуникации как условия достижения всеобщего блага. Человеческая реальность не замкнута в сфере изолированного индивидуального существования, но, напротив, разомкнута в обширную структуру социальных связей. Для отдельного человека быть внутри этой структуры означает отдавать себе отчет в том, на каких основаниях она построена. Социогуманитарное познание инициировано необходимостью социального понимания, сутью которого является способность человека воспринять и истолковать многообразие интерсубъективных форм, конституирующих живой процесс социального общения.

Субъект социогуманитарного познания – индивидуальная личность. Ее эпистемологическая биография начинается с первого акта самосознания рефлексии еще в простой форме уяснения принципиальной обособленности своей самости. В дальнейшем всеобщая человеческая реальность будет

восприниматься и истолковываться в многообразных рефлексивных формах, но позиция «от первого лица» будет неизменно сохраняться как изначальное отношение индивидуальной личности ко всем объектам познания человеческой реальности. неизбежно возникает вопрос о том, что является объектом социогуманитарного познания. Сказать, что таким объектом является человек, – значит, ничего не сказать. Глубоким эмпирическим основанием социогуманитарного познания служит первичный экзистенциально-личностный опыт открытия феномена человека. Это путь, который проходит каждый человек. Рефлексивная работа нашего внутреннего Я начинается с того, что мы обнаруживаем факт обращения нашего человеческого окружения к нашей индивидуальной самости. Тех, кто окружает меня, делаю объектом познания не я, а они сами. Их появление вокруг меня создает мою экзистенциальную ситуацию, которую я переживаю в качестве непосредственного опыта общения. Наши отношения неравнозначны: поначалу я являюсь для своего окружения преимущественно объектом. Это объясняется тем, что я еще ничего не могу совершить в смысле заботы о себе. Но мое окружение заботится о том, чтобы я осознал свою субъектность, начал относиться к себе как к субъекту.

Что это значит – относиться к себе как к субъекту? Прежде всего это означает осознать себя в ка-

честве обособленной личности, говорящей о себе с позиции первого лица. В современной философии правомерно ставится вопрос о реальности существования Я как самостоятельного феномена. Это влечет за собой постановку вопроса о сближении понятий субъекта и Я. Сама проблема субъекта получает более широкое толкование. В.А. Лекторский посвятил проблеме субъекта ряд своих значительных работ. Один отрывок из них заслуживает быть приведенным полностью. «Для современной философии субъект – это прежде всего конкретный телесный индивид, существующий в пространстве и времени, включенный в определенную культуру, имеющий биографию, находящийся в коммуникативных и иных отношениях с другими людьми. Непосредственно внутренне по отношению к индивиду субъект выступает как Я. По отношению к иным людям он выступает как Другой. По отношению к физическим вещам и предметам культуры субъект выступает как источник познания и преобразования. Субъект существует только в единстве Я, межчеловеческих (межсубъектных) взаимоотношений и познавательной и реальной (практической) активности» [3: с. 5–6].

Требуется прояснения вопрос о связи понятий субъекта и Я. Отход от традиционного классического понимания Я означает, что оно больше не рассматривается как самоочевидная субстанция в своей несомненности. Теперь Я рассматривается в связи с понятием субъекта со всеми вытекающими отсюда следствиями. Привязав трактовку Я к понятию субъекта, мы получаем возможность применить к Я все ресурсы деятельностного подхода. В таком случае Я получает основные характеристики субъектности и субъективности, рассматривается как активный агент реального жизнеутверждения в мире. При таком подходе Я как бы покидает свою «солипсическую пещеру» и выходит на широкий простор жизненной активности. Здесь Я уже соотносится с объектностью, понимается в контексте активно-преобразующего отношения человека к своему жизненному миру как объекта своего жизнеутверждения.

Такая современная постановка вопроса о связи понятий субъекта и Я проявляется в тенденции выделять в проблеме субъекта два основных аспекта – эпистемологический и социополитический. Эту точку зрения развивает Е.О. Труфанова [7: с. 100–112], подчеркивая, что классическая концепция Я больше не работает. Надо либо отбросить понятие «Я», либо отыскать ресурсы новой трактовки. Отказ от понятия «Я» фактически произошел в постмодернистских концепциях, выдвинувших идею «смерти субъекта». Критического анализа требует и точка зрения на Я как на социальную и лингвистическую конструкцию. Слово «я» необходимо в целях коммуникации, но оно выражает и определенную реальность, которая связана с переживаниями мира

внутри и вокруг человека. В понятии «Я» отражаются реальные феномены сознания и самосознания. Оно необходимо для реализации любой деятельности субъекта – как познавательной, так и социальной. Е.О. Труфанова подчеркивает, что, говоря о Я, мы неизбежно говорим о субъекте. В эпистемологии проблема субъекта вообще является главной. Сам вопрос о познании ставится как вопрос о субъекте, способном познавать мир и рефлексировать над процессами своего познания. Человеку вообще свойственна проблематизация своего процесса познания, выражающаяся в том, что он вопрошает о себе познающем, о предметах и способах познания, о принципиальных границах своего познания. Усматривая в человеке субъектность и субъективность, надо признать, что квинтэссенция субъективности выражена в понятии «Я», которое можно полагать и как центр субъекта, связующий воедино все его проявления, и как трансцендентальную основу субъекта. При таком обоснованном подходе понятия субъекта и Я становятся взаимозаменяемыми.

Е.О. Труфанова анализирует версии, ведущие к концептуальному отказу от понятия «Я». В качестве первой указана тенденция, идущая от работ Д. Юма и Э. Маха, которая сводит Я к комплексу ощущений, отказывая Я в независимом постоянном существовании. Попробуем разобраться, к чему ведет эта версия. Э. Мах настаивал на том, что любой комплекс ощущений нейтрален – его можно трактовать и как физический, и как психологический феномен. При таком подходе понятие «Я» в самом деле становится излишним. Зачем нам нужна внутренняя инстанция удостоверения соответствия субъективных психологических образов внешним физическим реальностям, если физическое и психологическое неразличимы? Для махизма несущественно значение рефлексивности, без которой процесс познания утрачивает критичность. Достаточно иметь в качестве данности вереницу комплексов ощущений, и вовсе не обязательно разбираться в том, что находится по ту сторону ощущений, то есть вне нашего Я, вне нашей познающей субъектности, вне субъективности наших знаний. Тогда можно спокойно снять вопрос об истинности познания, об объективности знания. Сможем ли мы без рефлексивного проникновения нашего познающего Я вовне и вовнутрь себя ответить на вопрос, что такое наши ощущения – субъективная психологическая иллюзия или воспринятый нами след объективности внешних вещей? Д. Юм оставил этот вопрос без ответа. Последовательная эпистемология должна прежде всего дать ответ именно на этот вопрос, в котором рассматривается отношение между объектами познания и познающим Я-субъектом. Если все референциальное содержание объекта растворилось в нейтральности физического и психического, то становится излиш-

ним не только понятие «Я», но и сама категория объекта. Далеко идущие последствия вызывает юмистско-махистская версия отказа от понятия «Я».

Вторая версия отказа от понятия «Я», указанная Е.О. Труфановой, состоит в следующем. Здесь Я растворено в совокупности социальных связей и информационных потоков, в которые индивид вовлечен. Человек как бы утрачивает свое Я, теряя свою автономию перед лицом различных социальных дискурсов, которые им управляют. Так понятие Я лишается своей независимости, теряя ответственность за свои слова и поступки. Подобная точка зрения стимулируется постмодернизмом и социальным конструкционизмом, так или иначе провозглашающими «смерть субъекта». Посмотрим, что же «умирает» вслед за Я-субъектом. Индивид лишается прежде всего способности противостоять растущей лавине разнородных дискурсов, которые «растаскивают» его Я по своим ведомствам. Сегодня в мире англосаксонского доминирования под напором оголтелой русофобии куда-то пропала некогда излюбленная идея межчеловеческой толерантности. На смену привычному дискурсу пришло нечто совершенно противоположное. Внутреннему Я растерянного индивида предлагается сменить дискурсивную ориентацию, потому что теперь социальные связи строятся на другом основании. Завтра политическая конъюнктура предложит новый дискурс, не спрашивая о том, какова личная субъектная и субъективная позиция конкретных личностей, чье Я лишено права занять в этом дискурсе автономную позицию. При таком подходе «умирает» не только Я-субъект – утрачивается возможность свободного выбора форм включения в систему социальных действий. Вместе с утратой свободы выбора теряет смысл вопрос о ценностных ориентациях, моральной ответственности, социальной солидарности, веками фундированных на экзистенциальной автономии субъектного Я. Зачем после этого спрашивать, куда делись конститутивы человеческой субъективности, если она попала на конвейер информационного манипулирования? Теперь в социальные связи надо вступать не в соответствии со своей Я-концепцией, а руководствуясь требованиями очередной социальной конструкции, когда на смену биоэтике приходит биотерроризм, гуманизм отступает перед расчеловечиванием, а фашизм предстает как легитимная социальная технология. Конвейерное мелькание информационных дискурсов фактически обесценивает саму идею социогуманитарного познания. Субъектное Я больше не может быть центром познания – оно становится пассивным объектом конструирования, направленного на ликвидацию рефлексивного отношения человека к миру. Самостоятельные решения больше не принимаются. Им на смену приходит информационная легитимация навязанной социальной конструкции. Если нет автономного Я-субъекта, совершающего самостоя-

тельные социальные действия на основе объективного знания, то исчезает и объект познания. Он больше не нужен – на его место приходит отчужденная социальная конструкция.

Е.О. Труфанова указывает еще на одну версию отказа от понятия «Я», согласно которой Я есть не более чем нарратив, история, связывающая прошлое, настоящее и будущее субъекта. Что из этого следует? Наше Я существует не изначально, а лишь создается и воссоздается нарративом. Оно уже определяется характером нарратива, став продуктом нашего рассказа. Это Я надо искать в структуре повествования о себе, а не в тайниках нашей субъективности. Представим себе, что наш нарратив основан на механизмах самообмана, когда на место человеческой сущности внедряется кажимость. Тогда можно вокруг Я («центра нарративной гравитации», по Д. Деннету) собрать не только массу случайных переживаний, но и фантастические истории. В таком образом рассказанном можно верить не только других, но и самого себя. Здесь все поменялось местами – не из единства Я и идентичности личности вытекает рассказ о себе, а Я-субъектность подстраивается под рассказ. Умение рассказать свою историю имеет важное значение для Я-субъекта, но при условии, что нарратив выстраивается над фундаментом идентичности личностного профиля. Увидеть себя в своем рассказе есть закономерное следствие нашей подлинности. Побудить других увидеть нас в нашем нарративе есть столь же закономерное следствие нашей искренности. И в «Исповеди» Руссо, и в «Исповеди» Августина Аврелия мы можем уверенно найти подлинное Я обоих, потому что оба в своем рассказе о себе сохранили незыблемое единство своей субъективности.

Проблема субъекта получает новое звучание благодаря преобразованиям, происходящим в современной эпистемологии в связи с развитием так называемых когнитивных наук, представляющих собой широкое междисциплинарное движение. В.А. Лекторский указывает на две наиболее значимые дискуссии в этом теоретическом движении – о «телесно воплощенном» и «энактивированном» познании. Идея «телесно воплощенного» познания уходит от представления о том, что познавательная деятельность человека связана с деятельностью мозга и органов чувств. На самом деле в процесс познания включено тело, без участия которого не было бы реального взаимодействия субъекта познания с окружающим миром. «Это взаимодействие осуществляется через активные действия познающего. А эти действия и их характер определяются телесной конституцией познающего существа» [4: с. 43]. На развитие «телесного подхода» повлияли работы американского психолога Дж. Гибсона, полагавшего, что восприятие – не пассивный процесс получения информации из окружающего мира, а активный процесс ее извле-

чения, возможный только посредством реальных действий субъекта познания. Есть мир, изучаемый физикой, но есть и мир, соотношенный с нашей телесностью, ведущий к другой онтологии. Характер телесного бытия определяет параметры этого мира, формы которого не повторяют особенности картины мира современной физики, но и не противоречат ей. Если пойти дальше, то обнаружится, что традиционные основания концепции эмпиризма могут быть пересмотрены в направлении более широкого применения принципа телесности при обрисовке методического инструментария эмпиризма. Например, физические понятия массы и веса были бы невозможными без анализа телесных ощущений человека. Они не просто связаны с ощущениями, а буквально выводятся из них. Понятие веса привязано к структуре телесного контакта человека с вещами, а понятие массы является отвлеченной категорией связи вещей друг с другом.

В.А. Лекторский подчеркивает, что идея «энaktivированности» познания тесно связана с «телесным подходом», ибо речь идет о неразрывности познания и деятельности. В познавательной деятельности мозг, тело и окружающий мир составляют единую систему, в которой нет процессов «чисто внутренних» и «чисто внешних». Здесь нет отказа от реалистического понимания познания, но речь идет о более тонком понимании реализма [4: с. 44]. Определенные трансформации коснулись и методологии феноменологического подхода. Если следовать методу гуссерлевского «эпохэ», то выявление феноменов сознания ведет к их отъединению от мира и тела субъекта. Для Гуссерля было важно избавиться от закрепощения сознания естественной установкой субъекта, чтобы прийти к чистому трансцендентальному субъекту. Только на поздней стадии своего творчества Гуссерль начал интенсивно разрабатывать проблематику телесности и «жизненного мира» человека. В.А. Лекторский обращает внимание на то, что в работах М. Мерло-Понти и Ф. Варелы феноменология получает дальнейшую разработку, связанную с новым подходом к анализу субъективности [4: с. 47]. Сам собой возникает вопрос: какова структура интенциональности без естественной установки сознания? Откуда сознание извлекает свои предметности, если «эпохэ» предварительно растворило все относящееся к эмпирическому субъекту? Интересно, что сказал бы Гуссерль в ответ на замысел Ф. Варелы обосновать идею так называемой нейрофеноменологии? Смог бы Гуссерль согласиться с тенденцией сегодняшней эпистемологии распространить понятие субъектности не только на телесное воплощение субъекта, но и на его нейрофизиологические механизмы? Ведь для этого пришлось бы отказаться от редукции субъектности до чистого трансцендентального Я как центрального ядра гуссерлевского замысла феноменологии.

Тенденция к синтезу методологических оснований социогуманитарного познания дает о себе знать и в изменении статуса концепта жизненного мира в современной эпистемологии. Н.М. Смирнова указывает на трудность выявления смыслового ядра понятия «жизненный мир» в силу его многозначной контекстуальности. Это понятие играло важную роль в феноменологии Э. Гуссерля в контексте критики физикалистского объективизма с позиций трансцендентального субъективизма. Начиная с размышлений о конкретных жизненных мирах, Гуссерль последовательно пришел к всеобъемлющей, философской концепции жизненного мира «как мира в аспекте его данности человеку – явления бытия. Жизненный мир предстает как конечная область значений естественного языка и культурной символики. Ментальные конструкции жизненного мира, по Э. Гуссерлю, первичны в отношении теоретических репрезентаций природы и культуры. Последние даны человеку не иначе, как в формах и содержаниях жизненного мира» [7: с. 161]. Если наука оперирует абстракциями, элиминирующими смысловые коннотации человеческого бытия в мире, то понятие жизненного мира возвращает фигуру человека в универсум бытия, в конкретную полноту всего сущего, в бытийное основание всех возможных абстракций. Жизненный мир в такой интерпретации выступает как сфера изначальной очевидности, как локус всех потенциальных данностей, представленных в своих культурно-антропологических формах. «Это не мир сам по себе, но то, каким он является биографически и социально обусловленному сознанию» [7: с. 162].

Н.М. Смирнова обращает внимание на то, что жизненный мир имеет свои границы, выявляемые на фоне мира как целого, данного человеку не иначе, как в формах и содержаниях жизненного мира. Любой аспект жизненного мира – это реальность, проживаемая человеком, наделенная смысловыми значениями. Как форма социокультурной презентации мировой реальности, жизненный мир интересобъективен, включая в свои структуры различные сообщества, основанные на интеграции интересобъективного опыта и культурных значений. Когнитивная тематизация жизненного мира позволяет свести все формы знания к изначальным очевидностям жизненного мира. В классической методологии научное знание монополизировало весь ареал человеческого знания, абстрагируясь от вне-научного, повседневного социального знания. Эпистемология жизненного мира рассматривает повседневное знание как систему типизированных смысловых конфигураций, через которые постигается любой объект жизненного мира. Постигается не в своей конкретности, а именно как тип, в котором синтезированы все эмпирические свойства объекта. «Элементы повседневного знания проникают в

науку не в последнюю очередь благодаря "онтологическим обязательствам естественного языка", который невозможно полностью элиминировать из языка науки. С позиций эпистемологии жизненного мира ученому следует стремиться не к недостижимой стерильности научного языка, но теоретически осознать факт нагруженности научных суждений закодированными в естественном языке типизациями здравого смысла» [7: с. 175].

Надо отдавать отчет в том, что эпистемология жизненного мира в отношении социогуманитарного познания ориентирована иначе, чем к задачам теоретического естествознания. Объекты естествознания не наделены изначальным человеческим смыслом. Научное мышление открывает смыслы, нейтральные к человеческим интересам и потребностям. В исследовании атомов и молекул принципиально исключается субъективность интерпретации. Здесь нет того, что Г. Риккерт называл отношением к ценности. Объект социогуманитарного познания пронизан смыслом до того, как к нему обратится теоретическая мысль. Ученый не вносит смыслы в изучаемый им социальный мир, потому что обыденное мышление предварительно интерпретировало и структурировало его до того, как он стал предметом теоретического исследования. «Объект социальных наук – в отличие от объектов естествознания – уже наделен смыслом до и независимо от того смысла, который придан ему сообществом ученых» [7: с. 176].

Ярким примером такой предварительной типизирующей структуризации жизненного мира может служить историческая наука. Историк, до того, как он стал ученым, является субъектом индивидуального опыта той социальной реальности, в которую он изначально погружен. В его личном опыте присутствуют те типические конфигурации, на которых основаны intersubjective представления его сообщества. Например, историк как эмпирический индивид осведомлен о формах трудового общения в своей стране. Формы производства типизированы в существовании отраслей экономики, в структуре предприятий, в институциональном регулировании производственной деятельности. Обыденный опыт подсказывает, что разделение труда основано на дифференциации видов труда, подчиненных их родовому единству. Это разделение никогда не бывает произвольным и случайным. Оно характеризует социокультурное единство того сообщества, к которому принадлежит. Интуитивное схватывание связи разделения труда с социокультурной интеграцией определенного сообщества людей становится путеводной нитью интерпретации той исторической реальности, в которую призвана погрузиться теоретическая мысль историка. Если в наблюдаемой мной трудовой когорте местных обывателей трудятся представители раз-

ных этносов, то это означает, что в основе разделения труда лежат принципы, нейтральные по отношению к этнической дифференциации. Значит, надо искать какую-то другую структурную закономерность разделения труда. Теоретическая мысль историка все время отталкивается от найденных в индивидуальном опыте представлений о структурных конфигурациях жизненного мира его сообщества. Наблюдая конкретные феномены профессионального труда, историк в своем теоретическом сознании должен допускать мысль о том, что профессии были не всегда, в отличие от феномена разделения труда, сопровождавшего всю историю цивилизации. Над теоретическим мышлением историка довлеет его личный экзистенциальный опыт, из которого он извлекает первичные смысловые конфигурации, характеризующие бытийственные основания его научного мышления. Историк мыслит не иначе, как с онтологической позиции своего времени, интерпретируемой как «настоящее», чтобы реконструировать смысловые конфигурации «прошлого». Гарантией объективности исторического исследования может быть стремление максимально отрешиться от аксиологически нагруженных интерпретаций событийной фактичности. Это можно трактовать как реализацию методологического движения от понимания к объяснению.

Современная эпистемология переосмысливает категорию субъектности, преодолевая ограниченность ее трактовки в традициях классической рациональности. На этом пути приходится заново ставить старый вопрос: что считать знанием? В.А. Лекторский указывает, что главное в проблеме знания – это вопрос о его обосновании [2: с. 75]. Ответы на этот вопрос не могут быть однозначными – в структуре знания могут быть разные степени обоснованности. Принципы обоснованности знания во многом зависят от того, как мы трактуем понятие субъектности. На это обстоятельство обращает внимание Д.А. Леонтьев, усматривающий большой объяснительный потенциал в психологическом понятии субъектности как индивидуальной характеристики личности. Понятие субъектности значимо тем, что оно подчеркивает активный, а не реактивный характер человеческой жизнедеятельности, являющейся порождением не столько частных механизмов, сколько активности человека в целом. Д.А. Леонтьев считает проблему субъектности в современной психологии более важной и корректно поставленной, чем проблема субъекта [5: с. 138].

Философское понятие субъекта обозначает один из полюсов отношения «субъект–объект», характеризующего деятельность, сознание и познание. По мнению Д.А. Леонтьева, слово «субъект» нуждается в логическом дополнении «субъект чего». Особенно это относится к выделению субъект-субъектных отношений: логично спросить, субъектами чего являются участники субъект-субъектного

отношения? Диалогическое глубинное общение всегда опосредовано неким общим смыслом. «Строго говоря, два человека как собеседники по глубинному диалогу выступают по отношению друг к другу именно как личности, потому что именно личности принадлежит "план содержания" – внутренний мир, ценностно-смысловая сфера, без которой никакой диалог невозможен» [5: с. 140]. Рассматривать диалоговое отношение двух субъектов можно только по отношению к общему объекту.

Подлинное субъект-объектное отношение осуществляется не всегда. Если действие совершается на стимул-реактивной основе или на основе безличного механизма регуляции, то говорить о субъектно-объектном отношении вряд ли правомерно. Статус субъекта приложим к индивиду не вообще, не безотносительно, а только в контексте конкретного взаимодействия с миром, конкретных ситуаций деятельности, взаимодействия, познания, отношения. Субъектность можно понимать как меняющуюся во времени актуальную меру активного воздействия на внешние и внутренние процессы. «Вопрос не в том, как обрести некоторые психологические достоинства, которые позволят индивиду носить гордое звание субъекта. Можно говорить, что важно стать личностью или стать человеком, но язык противится фразе "когда я вырасту, я хочу стать субъектом". Напротив, применительно к конкретной ситуации "здесь и теперь" требование "быть субъектом" (т.е. контролировать то, что происходит, и отвечать за то, что делаешь, в том числе за самого себя) более уместно, чем требование быть личностью» [5: с. 148]. В проблеме субъектности входит целый ряд конкретных проблем. Это, во-первых, проблема самоопределения в ситуации, принятия на себя риска неопределенности и ответственности за выбор и целеполагание, во-вторых, проблема реализации поставленных целей посредством контроля над ходом деятельности, в-третьих, проблема сохранения собственной целостности и направленности жизнедеятельности в условиях давления неблагоприятных обстоятельств. Д.А. Леонтьев вводит в проблему субъектности еще один компонент, характеризующий высший, специфически человеческий уровень саморегуляции, – проблему активного отношения субъекта к самому себе как к объекту своего рефлексивного и деятельного отношения. «Субъектность оказывается не только важной дифференциально-психологической характеристикой и измерением онтогенетического развития; это понятие позволяет перебросить мостик к процессам социального конструирования сознания, личности и поведенческих практик, а также открывает путь изучению места рефлексивного самоотношения в жизнедеятельности человека и его саморазвитии» [5: с. 153].

Категория субъектности является ключевой для понимания специфики социогуманитарного позна-

ния. Каков бы ни был предмет этого познания, он в конечном счете сводится к конкретно-историческим особенностям бытия человека в мире. В полярном отношении к социогуманитарному познанию стоит корпус естественных наук с их методологическим акцентом на категории объектности. Человеческая реальность тесно привязана к своему жизненному миру, объектность которого раскрывается исключительно через субъективные формы внутреннего распремечивания. Знание жизненного мира не тяготеет к безличной объективности, характерной для естественных наук. Мост, построенный на большой реке, есть объективно-предметное воплощение научных представлений о внешней физической реальности, касающихся структуры и функций вещества. В составе жизненного мира человека этот мост трансформируется в субъективно-окрашенную реальность наших потребностей и интересов, мотивов и целей, в интересующий объект нашего целеполагания. Нет ничего более противоположного, чем мощная взрывчатка, заложенная под фермами моста на случай наступления военного противника, которого надо остановить любой ценой. Здесь и сам мост, и заложенная под него взрывчатка не являются простыми физическими объектами. Их объектность целиком подчинена соображениям субъектности, не просто вписанной в свой жизненный мир, а активно-деятельно вторгающейся в него. Как нет субъектов самих по себе, безотносительно к объектам, так и нет объектов самих по себе, безотносительно к субъектам. Есть два мира – субъектность и объектность, соотносенные друг с другом. Опоры и фермы моста не нуждаются в нашем понимании, ибо им совершенно безразличны наши мысли и чувства. Мы просто объясняем себе их объектное устройство. Когда же нам надо дать историческое объяснение причин взрыва этого моста, то нам надо отвлечься от его объективных свойств вещества и попытаться понять, какие человеческие субъективные соображения толкнули участников военных действий на этот субъектно-деятельный акт. Здесь понимание означает один из необходимых способов социогуманитарного познания.

Только понимающее постижение онтологических оснований субъектности и аксиологических коннотаций субъективности позволяет ввести в методологию социогуманитарного познания категорию объектности. Объекты человеческого бытия в мире интерпретируются в своей привязке к жизненному миру человека, взятые в интересующих значениях совместного герменевтического опыта, в контексте конкретно-исторического действительного осуществления. Они не просто не нуждаются в отнесении к ценности – они сами есть воплощенная ценность, как кем-то взорванный мост, в физической утрате которого зримо объективирована утрата важной части жизненного мира человека. Любой объект жиз-

ненного мира ценен потому, что он деятельно возведен в состав человеческой реальности. Вокруг этих объектов вращаются все субъект-субъектные отношения, которые мыслимы лишь внутри общего, совместного жизненного мира. Благодаря своим объектам люди могут прийти к коммуникативному нахождению друг друга как реальных субъектов, не прибегая к искусственно вымученным ситуациям трансцендентального поиска другого Я в недрах своей замкнутой внутри себя субъективности.

Социогуманитарное познание рассматривает отношения субъектности и объектности через призму имманентной принадлежности человеческой реальности своему жизненному миру, являющемуся общей почвой формирования различных

интерсубъективных связей. Смысл жизнеутверждения человека в мире наиболее полно раскрывается в диалектическом взаимоотношении «субъект–объект», которое можно интерпретировать в онтологическом, эпистемологическом, праксиологическом и аксиологическом смысле. Человек способен встать в субъектное отношение к любому аспекту своего бытия в мире, – превращая в объекты себя, других людей, природу, технику, общество. Задача социогуманитарного познания – раскрыть весь спектр освоения человеком своего жизненного мира, не ограничиваясь герменевтическим постижением текстов, не сводя исследование к произвольности нарратива, не сужая свой предмет до рамок субъект-субъектного отношения.

Список источников

1. Калужная Н.А. Субъект в науке и искусстве: экзистенциальный аспект. (Размышления о новой книге Л.А. Марковой) // Эпистемология и философия науки. 2009. № 4. С. 237–243.
2. Лекторский В.А. О проблеме знания // Эпистемология и философия науки. 2009. № 3. С. 74–76.
3. Лекторский В.А. Субъект в истории философии: проблемы и достижения // Методология и история психологии. 2010. Т. 5, Вып. 1. С. 5–18.
4. Лекторский В.А. Трансформация эпистемологии, новая жизнь старых проблем // Эпистемология: перспективы развития / отв. ред. В.А. Лекторский ; отв. секретарь Е.О. Труфанова. Москва : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. С. 5–49.
5. Леонтьев Д.А. Что дает психологии понятие субъекта: субъектность как измерение личности // Эпистемология и философия науки. 2010. № 3. С. 136–153.
6. Микешина Л.А. Эмпирический субъект и категория жизни // Эпистемология и философия науки. 2009. № 1. С. 5–15.
7. Смирнова Н.М. Эпистемология жизненного мира: эвристический потенциал и когнитивные границы // Эпистемология: перспективы развития / отв. ред. В.А. Лекторский ; отв. секретарь Е.О. Труфанова. Москва : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. С. 160–188.
8. Труфанова Е.О. Я как реальность и как конструкция // Вопросы философии. 2017. № 8. С. 100–112.

References

1. Kalyuzhnaya N.A. *Sub"ekt v nauke i iskusstve: ekzistencial'nyj aspekt. (Razmyshleniya o novoj knige L.A. Markovoj)* [Subject in science and art: the existential aspect. (Reflections on the new book by L.A. Markova)] // Epistemology and Philosophy of Science. 2009. No. 4. P. 237–243. (In Russ.).
2. Lectorsky V.A. *O probleme znaniya* [On the problem of knowledge] // Epistemology and philosophy of science. 2009. No. 3. P. 74–76. (In Russ.).
3. Lectorsky V.A. *Sub"ekt v istorii filosofii: problemy i dostizheniya* [The subject in the history of philosophy: problems and achievements] // Methodology and history of psychology. 2010. Vol. 5, Is. 1. P. 5–18. (In Russ.).
4. Lectorsky V.A. *Transformaciya epistemologii, novaya zhizn' staryh problem* [Transformation of epistemology, new life of old problems] // Epistemology: prospects of development / ed. V.A. Lectorsky; ed. secretary E.O. Trufanova. Moscow : "Canon+" ROOI "Rehabilitation", 2012. P. 5–49. (In Russ.).
5. Leontiev D.A. *Chto daet psihologii ponyatie sub"ekta: sub"ektnost' kak izmerenie lichnosti* [What gives psychology the concept of a subject: subjectivity as a dimension of personality] // Epistemology and philosophy of science. 2010. No. 3. P. 136–153. (In Russ.).
6. Mikeshina L.A. *Empiricheskij sub"ekt i kategoriya zhizni* [Empirical subject and category of life] // Epistemology and philosophy of science. 2009. No. 1. P. 5–15. (In Russ.).
7. Smirnova N.M. *Epistemologiya zhiznennogo mira: evristicheskij potencial i kognitivnye granicy* [Epistemology of the life world: heuristic potential and cognitive boundaries] // Epistemology: prospects of development / ed. V.A. Lectorsky ; ed. secretary E.O. Trufanova. Moscow : "Canon+" ROOI "Rehabilitation", 2012. P. 160–188. (In Russ.).
8. Trufanova E.O. *Ya kak real'nost' i kak konstrukciya* [I as a reality and as a construction] // Questions of philosophy. 2017. No. 8. P. 100–112. (In Russ.).

Информация об авторе

В.Г. Зангиров – кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия, социология и право».

Information about the author

V.G. Zangirov – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Law.

Статья поступила в редакцию 11.01.2022; одобрена после рецензирования 24.01.2022; принята к публикации 24.02.2022.
The article was submitted 11.01.2022; approved after reviewing 24.01.2022; accepted for publication 24.02.2022.

Научная статья
УДК 347.77: 001.894.2
doi: 10.31079/1992-2868-2022-19-2-75-80

ОПЫТ ЗАВОДСКОЙ РАЦИОНАЛИЗАЦИИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Наталья Николаевна Абабкова¹, Александра Владимировна Рыбалова²

Комсомольский-на-Амуре государственный университет, Комсомольск-на-Амуре, Россия

¹Ababkova70@mail.ru

²o3velikii@gmail.com

Аннотация. В работе на примере Комсомольского-на-Амуре судостроительного завода исследован опыт организации трудовой деятельности в годы Великой Отечественной войны. Определено, что в условиях изменений, связанных с военными событиями, значимую роль в бесперебойной работе заводов оборонного значения играли результаты рационализаторской и изобретательской деятельности их работников. Подвергнуты анализу применяемые на заводе формы труда, которые результативно влияли на увеличение выпуска продукции, уменьшали материальные и людские затраты, способствовали более слаженной организации производства.

Ключевые слова: г. Комсомольск-на-Амуре, завод № 199, рационализация производства, Великая Отечественная война, технологический процесс, производство, судостроение, военная продукция, изобретательство, социалистическое соревнование

Original article

EXPERIENCE OF FACTORY RATIONALIZATION DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Natalia N. Ababkova¹, Alexandra V. Rybalova²

Komsomolsk-on-Amur State University, Komsomolsk-on-Amur, Russia

¹Ababkova70@mail.ru

²o3velikii@gmail.com

Abstract. In the work, the experience of organizing labor activity during the Great Patriotic War is studied on the example of the Komsomolsk-on-Amur Shipbuilding plant. It is determined that in the conditions of changes related to military events, the results of rationalization and inventive activity of their employees played a significant role in the smooth operation of defense plants. The forms of labor used at the plant were analyzed, which effectively influenced the increase in output, reduced material and human costs, and contributed to a more coordinated organization of production.

Keywords: Komsomolsk-on-Amur, plant No. 199, rationalization of production, the Great Patriotic War, technological process, production, shipbuilding, military products, invention, socialist competition

Изобретательство и рационализаторство на всех этапах мировой истории оставались мощными рычагами научно-технического прогресса. Сложно найти какую-либо область хозяйственной деятельности человека, в которой бы не применялись изобретения. В зависимости от исторических реалий технические идеи могут воплощаться в реальные, необходимые обществу машины, технологии и сооружения спустя многие годы на более развитой материально-технической базе, а могут рассматриваться и внедряться в производство быстро и оперативно в соответствии с вызовами текущего момента [1: с. 3]. Потребность в развитии рационализаторской деятельности усилилась в годы Великой Отечественной войны, когда территория СССР была разделена на временно оккупированные противником районы, прифронтовые районы и районы глубокого тыла, прежде всего восточные, которые

со временем превратились в основную экономическую базу обеспечения Красной армии [2: с. 138].

В годы Великой Отечественной войны рационализаторство и изобретательство вышли на новый качественный уровень. Деятельность исследователей, ученых, конструкторов и изобретателей в тесном взаимодействии с действующей армией была направлена на создание новых современных видов вооружения, усовершенствование имеющегося и установление технического превосходства над врагом. Многочисленные технические достижения укрепили военную мощь нашей страны. Творчество изобретателей позволило перестроить промышленное производство на военные рельсы в самые короткие сроки [1: с. 45].

На дальневосточных оборонных заводах с первых дней войны началась перестройка производства на военный лад. Изменившиеся условия тре-

бовали применения передовых технологий, поскольку ранее доминирующий потенциал источников экстенсивного развития стал сокращаться. Налаживание выпуска оборонной продукции происходило в сложных условиях: не хватало сырья, энергии, топлива. Война предъявила новые требования к организации заводского труда. Прежде всего, возникла проблема организации в огромных масштабах обучения женщин и молодежи, занявших место на заводах вместо ушедших на фронт мужчин. Этот вопрос решался в условиях реконструкции производства, нацеленной на ускоренный выпуск военной продукции. Возрастающие потребности фронта, с одной стороны, и недостаток трудовых ресурсов – с другой, ускорили поиск дополнительных внутренних резервов путем расширения рационализаторской работы и актуализировали идею внедрения в производство новых технологий. Законодательно вопросы регулирования охраны изобретательства закрепляло Положение «Об изобретениях и технических усовершенствованиях», принятое постановлением СНК СССР № 448 от 5 марта 1941 г. [3: с. 24].

Завод № 199* г. Комсомольска-на-Амуре уже в начале войны приступил к выполнению оборонного заказа Государственного Комитета Обороны и командования ДВ фронта. Помимо основной продукции начался выпуск фугасных бомб ФАБ-250, ФАБ-100, АО-10, цистерн, контейнеров, опорных клингов для минометов, стабилизаторов, варочных котлов, опорных листов [4: с. 254]. В 1941 г. заводом был выполнен план по выпуску товара на 105,2 %, в том числе по оборонной продукции на 99,6 %, по кораблям ВМФ на 27,5 % [5: с. 1].

Работу по реконструкции завода возглавил технический отдел. Его деятельность была сфокусирована на разработке военных технологий и обеспечении чертежами приспособлений, режущего и мерительного инструмента, необходимого для обработки деталей для специального фронтального заказа. Сотрудниками отдела в 1941 г. было создано 227 специальных приспособлений, 199 штампов, 202 мерительных и 86 режущих инструментов [6: с. 254]. В этом же году в полном объеме была разработана общая технология постройки военных кораблей, представленная 620 чертежами [7: с. 7].

В 1942 г. технический отдел активизировал организацию работы по изготовлению отсутствующих на заводе материалов для выпуска военной продукции и их внедрению в производство. Особое внимание по-прежнему уделялось освоению новых видов изделий, боеприпасов, разработке приспособлений, увеличивающих производительность труда и уменьшающих трудозатраты [8: с. 23].

Благодаря вводу в производство новых литейного, кузнечно-прессового, сборочно-установочного цехов завод смог самостоятельно обеспечить себя необходимыми материалами для строительства судов. До этого эти материалы поступали с заводов других регионов страны. В 1942 г. на заводе был организован металлургический сектор. Он взял на себя задачу освоения литья сложных изделий [9: с. 23]. Достижение экономической самостоятельности и независимости от других предприятий значительно ускорило производственный процесс на заводе и снизило его материальные затраты.

Значимым результатом рационализаторской деятельности стала разработка и внедрение в заводское производство метода построения корпуса эсминца, основанного на секционной сборке набора второго дна. Применение этого метода существенно ускорило строительство корпуса корабля на стапеле [10: с. 16].

Реалии военного времени требовали огромных финансовых затрат на производство военной продукции. В связи с этим в стране вводился режим жесткой экономии. На основании приказа народного комиссара от 31.12.1941 г. на заводе с 01.03.1941 г. внедрялась автогенная наплавка подшипников баббитом. Этот метод, разработанный инженерами сварочной лаборатории завода, позволил во много раз сократить расход баббита, который использовался в технологии восстановления изношенных подшипников.

Вопрос рационализации и изобретательства в СССР был поставлен под особый контроль властей. Кроме того, в движении рабочих-изобретателей в годы войны, как и в мирное время, немаловажную роль играли партийные организации. Парткомы предприятий отвечали за разъяснительную работу, стремились обеспечить открытость и доступность новаторского опыта для всех рабочих, принимали активное участие в его трансляции на родственные по профилю предприятия, помогали внедрять новые изобретения [11: с. 147].

С 1942 г. по инициативе Наркомата судостроительной промышленности (НКСП) начали проводиться соревнования между судостроительными заводами за достижение лучших рационализаторских показателей в трудовой деятельности. Согласно приказу НКСП № 485 от 03.12.1941 г. «Об объявлении конкурса на улучшение технологий и увеличение выпуска боеприпасов и вооружения на заводах НКСП» завод № 199 г. Комсомольска-на-Амуре с 20 января по 1 марта 1942 г. принимал в нем самое активное участие, заняв по ряду показателей лидирующие позиции [9: с. 30].

Конкурс был направлен на популяризацию рационализаторского и изобретательского дела, привлечение к этой деятельности широких народных

* Современное название завода – ПАО Комсомольский-на-Амуре судостроительный завод.

масс. Разработчики конкурса ставили перед участниками следующие задачи:

- повышение производительности труда и снижение норм времени станочных работ по изготовлению боеприпасов и вооружения;
- механизация ручных и транспортировочных работ по изготавливаемым боеприпасам и вооружению;
- повышение качества и боевого эффекта производимой продукции;
- достижение равноценной замены дефицитных материалов менее дефицитными;
- приспособление наличного станочного оборудования взамен недостающих дефицитных станков;
- повышение стойкости режущих и мерительных инструментов;
- снижение расходов инструментальных сталей и инструмента в технологическом процессе по выпуску боеприпасов и вооружения.

Важнейшим фактором расширения рационализаторского движения являлось поощрение особо активных рабочих [12: с. 63]. Для стимулирования участников конкурса и повышения заинтересованности заводчан вводилось материальное вознаграждение победителей. Денежные премии вручались изобретателям, которые одерживали победу по одному или сразу нескольким критериям конкурса:

- за наибольшее количество предложений – авторам принятых к внедрению рационализаторских предложений по оборонным заказам;
- за наибольший экономический эффект по рационализаторским предложениям и внедренным предложениям по боеприпасам и вооружению;
- за наиболее оригинальное предложение, повышающее качество и тактико-технические свойства боеприпасов и вооружения.

Положения конкурса предусматривали также участие в соревновании трудовых коллективов. Цех-победитель определялся за самую экономически эффективную разработку, либо за внедренное предложение по модернизации производства боеприпасов и вооружения, либо за наибольший охват рабочих и инженерно-технических работников в изобретательский процесс по оборонному производству.

Размер премий устанавливался приказом директора завода и в зависимости от качества и значимости рационализаторского и изобретательского предложения составлял от 300 до 3000 руб. [13: с. 7]. Позднее, в связи с широким развитием рационализаторства и включением в этот процесс большого числа народа, вопрос поощрения и вознаграждения был определен на государственном уровне инструкцией «О награждении за изобретения, технические усовершенствования и рационализаторские предложения», утвержденной СНК СССР 27.11.1942 г. [14: с. 42].

Конкурс на лучшую изобретательскую разработку в цехах и отделах завода проводился ежегодно. Инициаторами выступали НКСП, заводы, рационализаторы, стахановцы, изобретатели. Стремление работников улучшить качество производимой продукции, снизить ее себестоимость, увеличить производительность труда всегда поддерживалось руководством и парткомом завода, которые отвечали за организацию конкретной помощи авторам проектов в доработке и организации предложений, контролировали их оперативное внедрение в производственный процесс [14: с. 77].

Проведение конкурса широко освещалось заводскими средствами массовой информации.

Стимулом развития инициативы и рационализаторства на судостроительных заводах страны стало проведение в 1942 г. Всесоюзного социалистического соревнования заводов НКСП. Завод № 199 выступил инициатором и взял на себя обязательство выполнить производственный план как по валовому, так и товарному выпуску не менее чем на 105 %, а заказы по производству боеприпасов на 115 %. Все заявленные показатели заводом были выполнены. Всего за период проведения конкурса было подано 171 рационализаторское предложение, из которых 55 было принято, 38 реализовано.

Значимым результатом рационализаторского предложения стал проект и установка в одном из цехов завода специальных электропечей для получения карбида кальция.

Наиболее эффективными для технического производства завода стали: предложение П.В. Павлова по изменению конструкции и технологического процесса механической обработки стержневых ящиков для изделий типа 6 и изготовлению копиров для обточки корпуса деталей типа 6; разработка М.В. Ирхиным, К.А. Поповым, А.М. Туринским приспособления для отчистки после литья камеры у деталей типа 6; разработка Н.А. Буровым приспособления для сборки стабилизаторов, разработка Ягуповым приспособления для центровки стержней в деталях типа 6, предложение А.И. Люханова по обработке подвесок типа 3 и 4 на карусельном станке в специальной шайбе, разработка Лавошниковым приспособления для гибких бугелей и полос для контейнеров, разработка Ягуповым пневматической трамбовки со сплошным золотником для трамбовки форм изделий типа 6.

В 1942 г. заводчане включились в новую форму социалистического соревнования – Ленинское движение. Большой энтузиазм проявили передовики-станочники, которые выступили с инициативой самостоятельного устранения у станков-механизмов мелких дефектов, понижающих производительность механизма, а также с идеей самообслуживания своих станков, что значительно сокращало простойное

время оборудования в ремонт и освобождало часть обслуживающего персонала – слесарей и ремонтников [8: с. 34]. За досрочную сдачу производственных этапов по крейсеру «Калинин» и за перевыполнение планов по изготовлению боеприпасов в 1942 г. завод № 199 получил спецпремирование по итогам социалистического соревнования среди заводов судостроительной промышленности.

По итогам 1941–1942 гг. лучшим заводским цехом по рационализаторской деятельности чаще всего становился цех под руководством К.А. Попова.

В первые годы войны, несмотря на уверенные успехи в заводском рационализаторском движении, оставалось много проблем. В ходе периодических проверок часто обнаруживались негативные явления, тормозящие развитие массового изобретательства и своевременную реализацию изобретений, технических усовершенствований и рационализаторских предложений. В основном проблемы касались крайне медленного рассмотрения рационализаторских предложений и затягивания процесса их внедрения в производство. Например, к 01.01.1942 г. на заводе было выявлено 109 принятых, но не внедренных в производство предложений. Представленное 25.10.1939 г. предложение П.Я. Котеловского о подрезном ролике фундаментальных болтов было рекомендовано к внедрению только 12.10.1941 г. [9: с. 15].

Оперативному освоению нового производства мешал и имеющийся дефицит арматуры, механизмов и ряда других изделий, необходимых для изготовления новаторских проектов [8: с. 25].

Анализ существующих недостатков и ранее приобретенный опыт вывел рационализаторство в 1943 г. на качественно новый уровень. Новаторство стало массовым. Для более широкого привлечения изобретателей, рационализаторов и стахановцев к решению технических вопросов производства, а также для повышения эффективности работы предприятий использовались различные формы организации. Одна из них была инициирована народным комиссаром судостроительной промышленности И.И. Носенко. Приказом № 414 объявлялось проведение среди предприятий НКСП трехмесячника по сбору и реализации изобретательских и рационализаторских предложений [14: с. 42].

На заводе № 199 трехмесячник проводился с 15 октября по 31 декабря 1943 г. В рамках предложенных НКСП условий на период техмесячника были разработаны проектные темы, которые были доведены до всех заводчан. Начальники цехов представили конкретные планы проведения работы по сбору рационализаторских предложений. Для рассмотрения поступивших предложений была создана комиссия, состоящая из высококвалифицированных специалистов. С учетом негативных явлений прошлых лет руководством завода было при-

нято решение сократить до минимума срок рассмотрения и разработки чертежей и внедрения предложений, поступивших в период трехмесячника. По итогам мероприятия работников, отличившихся в деле реализации и внедрения рационализаторских предложений, наградили премиями в размере 25 % от авторского вознаграждения.

Параллельно с этим на заводе широко развернулась организационно-массовая работа. Систематически и детально ход трехмесячника освещался в заводской печати и через радиоузел завода.

С целью выявления самых активных участников начальнику отдела труда было поручено ежедневно к 14.00 предоставлять руководству завода сведения о работе участков, бригад, рабочих, показавших за истекшие сутки наилучшие результаты работы по выполнению госзаданий.

Инициаторами многих мероприятий по безвозмездной помощи родному заводу в выполнении поставленных задач выступали комсомольцы. В 1942 г. они поддержали решение ПК ВЛКСМ о проведении Всесоюзного комсомольского воскресника в честь 24-й годовщины Красной армии. Заработанные средства были перечислены на постройку танковой колонны [9: с. 92]. 25.02.1943 г. они выступили с предложением организовать сверхплановый выпуск изделий 4-го типа, равный 50 % месячного задания. Это был подарок фронту. Предложение поддержали заводчане, и в марте того же года было организовано сверхплановое производство указанных изделий. Тогда же комсомольская организация завода стала инициатором сбора металлолома в нерабочее время. В результате было собрано около 100 тонн стального лома. Нередко комсомольские бригады в свободное от работы время помогали рабочим в разгрузке вагонов, подаче песка, в выбивании отлитых изделий из опок. В результате такой практической помощи в марте 1943 г. завод выполнил задание на 150 % [15: с. 7].

Наряду с молодежью активную трудовую позицию занимали женщины, которые, закончив краткосрочное обучение, заменили на заводе мужчин, ушедших на фронт. Многие из них с энтузиазмом включались в социалистические соревнования, показывая высокие производственные показатели. Жестянщица А.В. Гусарова на протяжении нескольких лет выполняла производственное задание свыше 200 %, сверловщица М.П. Савельева свою рабочую норму превысила на 400–430 %, токарь Н.Н. Кучеренко увеличила количество продукции на 200 % [13: с. 82]. Женщины-передовики, добившиеся высоких показателей в работе и своевременного и досрочного выполнения производственных планов, отмечались руководством завода. В 1943 г. в честь 8 Марта 32 труженицам завода была объявлена благодарность с занесением в трудовую

книжку. За ударный труд ценными подарками (отрезы на блузы, платья, чулки, шаль, трико и др.) были премированы 33 женщины.

За неполных 4 месяца 1943 г. в рамках соревнований по заводу от рабочих, инженеров, техников поступило 146 предложений, из них были внедрены в производство 74 предложения. Экономическая выгода при этом составила 866 898 руб. [14: с. 64].

Стремление советских людей приблизить победу над врагом вдохновило многих из них на изыскание новых средств технического и производственного процесса [16: с. 22].

Обращение к истории рационализаторства и изобретательства в годы Великой Отечественной войны, анализ закономерностей, перспектив развития, выявление специфики организации и внедрения их результатов на основе как опубликованных,

так и впервые введенных в научный оборот архивных источников позволяют говорить о массовости и огромной продуктивности этих направлений деятельности. Рационализаторство и изобретательство имело широкий спектр действия и не ограничивалось только производственно-технической сферой [1: с. 51]. В тяжелые годы войны были достигнуты существенные результаты во многих областях техники, физики, химии, медицины.

Интеллектуальный потенциал народа, наряду с мужеством и героизмом советских солдат на полях сражений, внес огромную лепту в разгром врага. Благодаря самоотверженному труду изобретателей, рационализаторов, инженеров и рабочих тыла в кратчайшие сроки заводы стали поставлять на фронт всю необходимую военную продукцию.

Список источников

1. Солдатова О.Н. Изобретатели и изобретательская деятельность в развитии научно-технического прогресса промышленности советского государства (1917–1956 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02. Оренбург, 2015. 58 с.
2. Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление. Москва : РОСПЭН, 1996. 336 с.
3. Колесников А.П. Изобретатели приближали победу // Изобретательство. 2010. Т. 10, № 5. С. 17–26.
5. Рыбалова А.В., Абабкова Н.Н. Деятельность Амурского судостроительного завода г. Комсомольска-на-Амуре в начале Великой Отечественной войны (по материалам городского архива) // Молодежь и наука: Актуальные проблемы фундаментальных и прикладных исследований : материалы IV Всероссийской национальной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Комсомольск-на-Амуре : Изд-во КнАГУ, 2021. С. 253–255.
5. Комсомольский-на-Амуре городской архив (КнАГА). Ф. 38. Оп. 2. Д. 323.
6. КнАГА. Ф. 38. Оп. 2. Д. 232.
7. КнАГА. Ф. 38. Оп. 3. Д. 235. 114 л.
8. КнАГА. Ф. 38. Оп. 1. Д. 35. 177 л.
9. КнАГА. Ф. 38. Оп. 2. Д. 231.
10. КнАГА. Ф. 38. Оп. 1. Д. 30. 112 л.
11. Познанский В.С. О развитии массового рабочего изобретательства и рационализаторства в СССР // Вопросы истории. 1960. № 3. С. 138–153.
12. Кузьмина Т.Н. Развитие рационализаторства и изобретательства в промышленности Пензенского края (1928–1932 гг.) // Взгляд через столетие: революционная трансформация 1917 года (общество, политическая коммуникация, философия, культура) : сборник статей всероссийской научно-практической конференции (г. Пенза, 29–30 сентября 2017 г.) / под ред. О.В. Милаевой, О.В. Черновой. Прага : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosfera-CZ», 2017. С. 59–71.
13. КнАГА. Ф. 38. Оп. 1. Д. 39. 99 л.
14. КнАГА. Ф. 38. Оп. 1. Д. 41. 155 л.
15. КнАГА. Ф. 38. Оп. 1. Д. 40. 66 л.
16. Изобретения Победы: библиографический указатель / сост. Н.О. Некрасова, Т.Ф. Сергеева. ФИПС, ВПТБ. Москва, 2019. 34 с.

References

1. Soldatova O.N. Izobretateli i izobretatel'skaya deyatelnost' v razvitii nauchno-tehnicheskogo progressa promyshlennosti sovetskogo gosudarstva (1917–1956 gg.) [Inventors and inventive activity in the development of scientific and technological progress of the industry of the Soviet state (1917–1956)] : autoref. dis. ... doctor of historical sciences : 07.00.02. Orenburg, 2015. 58 p. (In Russ.).
2. Simonov N.S. Voенно-promyshlennyj kompleks SSSR v 1920–1950-e gody: tempy ekonomicheskogo rosta, struktura, organizaciya proizvodstva i upravlenie [Military-industrial complex of the USSR in the 1920–1950s: economic growth rates, structure, organization of production and management]. Moscow : ROСПEN, 1996. 336 p. (In Russ.).
3. Kolesnikov A.P. Izobretateli priblizhali pobedu [Inventors brought victory closer] // Invention. 2010. V. 10, no. 5. P. 17–26. (In Russ.).
4. Rybalova A.V., Ababkova N.N. Deyatel'nost' Amurskogo sudostroitel'nogo zavoda g. Komsomol'ska-na-Amure v nachale Velikoj Otechestvennoj vojny (po materialam gorodskogo arhiva) [Activities of the Amur Shipbuilding Plant in Komsomolsk-on-Amur at the beginning of the Great Patriotic War (based on the materials of the city archive)] // Youth and Science: Actual Problems fundamental and applied research: materials of the IV All-Russian National Scientific Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists. Komsomolsk-on-Amur : Publishing House of KnAGU, 2021. S. 253–255. (In Russ.).
5. Komsomol'skij-na-Amure gorodskoj arhiv [Komsomolsk-on-Amur City Archive]. F. 38. Op. 2. D. 323. (In Russ.).

6. Komsomol'skij-na-Amure gorodskoj arhiv [Komsomolsk-on-Amur City Archive]. F. 38. Op. 2. D. 232. (In Russ.).
7. Komsomol'skij-na-Amure gorodskoj arhiv [Komsomolsk-on-Amur City Archive]. F. 38. Op. 3. D. 235. 114 L. (In Russ.).
8. Komsomol'skij-na-Amure gorodskoj arhiv [Komsomolsk-on-Amur City Archive]. F. 38. Op. 1. D. 35. 177 L. (In Russ.).
9. Komsomol'skij-na-Amure gorodskoj arhiv [Komsomolsk-on-Amur City Archive]. F. 38. Op. 2. D. 231. (In Russ.).
10. Komsomol'skij-na-Amure gorodskoj arhiv [Komsomolsk-on-Amur City Archive]. F. 38. Op. 1. D. 30. 112 L. (In Russ.).
11. Pozansky V.S. O razvitii massovogo rabocheho izobretatel'stva i racionalizatorstva v SSSR [On the development of mass worker invention and innovation in the USSR] // Questions of history. 1960. № 3. P.138–153. (In Russ.).
12. Kuzmina T.N. Razvitie racionalizatorstva i izobretatel'stva v promyshlennosti Penzenskogo kraja (1928–1932 gg.) [Development of innovation and invention in the industry of the Penza Region (1928–1932)] // A Look through a Century: the Revolutionary Transformation of 1917 (society, political communication, philosophy, culture): collection of articles of the All-Russian Scientific and practical conference (Penza, September 29–30, 2017) / Ed. by O.V. Milaeva, O.V. Chernova. Prague : Vědecko vydavatelské centrum "Sociosfera-CZ", 2017. P. 59–71. (In Russ.).
13. Komsomol'skij-na-Amure gorodskoj arhiv [Komsomolsk-on-Amur City Archive]. F. 38 Op. 1. d. 39. 99 L. (In Russ.).
14. Komsomol'skij-na-Amure gorodskoj arhiv [Komsomolsk-on-Amur City Archive]. F. 38. Op. 1. d. 41. 155 L. (In Russ.).
15. Komsomol'skij-na-Amure gorodskoj arhiv [Komsomolsk-on-Amur City Archive]. F.38. Op.1. d. 40. 66 L. (In Russ.).
16. Izobreteniya Pobedy: bibliograficheskij ukazatel' [Inventions of Victory: bibliographic index] / compiled by: N.O. Nekrasova, T.F. Sergeeva. FIPS, VPTB. Moscow, 2019. 34 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Н.Н. Абабкова – кандидат исторических наук, доцент;
 А.В. Рыбалова – студентка специальности «Документоведение и архивоведение».

Information about the authors

N.N. Ababkova – Candidate of Science (History), Associate Professor;
 A.V. Rybalova – Student Major in Documentation and Archival Science.

Статья поступила в редакцию 12.01.2022; одобрена после рецензирования 21.01.2022; принята к публикации 21.02.2022.
 The article was submitted 12.01.2022; approved after reviewing 21.01.2022; accepted for publication 21.02.2022.

Научная статья

УДК 323

doi: 10.31079/1992-2868-2022-19-2-81-87

ПОСТСОВЕТСКОЕ РАЗВИТИЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: К РАЗРАБОТКЕ ВАРИАТИВНОЙ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Александр Сергеевич Ким¹, Егор Юрьевич Довгополов²

¹Хабаровский государственный университет экономики и права, Хабаровск, Россия, stosorok2005@yandex.ru, [https://ORCID: 0000-0002-0533-8786](https://ORCID:0000-0002-0533-8786)

²Центр исследования проблем российского права, Москва, Россия, mr.iwnew@ya.ru, <https://ORCID:0000-0002-3319-4126>

Аннотация. Статья посвящена проблеме разработки вариативной модели региональной политики применительно к российскому Дальнему Востоку. Авторами выявляются и анализируются основные системно-исторические факторы, влияющие на постсоветское развитие региона. Особое внимание уделяется потенциалу трансграничного развития Дальнего Востока. На основе интеграции различных ракурсов региональной специфики делается вывод об основе вариативной модели региональной политики и специфике интегративного подхода к ее разработке.

Ключевые слова: вариативная модель, региональная политика, постсоветское развитие, Дальний Восток, трансграничный регион, трансграничный потенциал

Original article

POST-SOVIET DEVELOPMENT OF THE FAR EAST: TOWARDS THE DEVELOPMENT OF A VARIABLE MODEL OF STATE REGIONAL POLICY

Alexander S. Kim¹, Egor Yu. Dovgoplov²

¹Khabarovsk State University of Economics and Law, Khabarovsk, Russia, stosorok2005@yandex.ru, [https://ORCID: 0000-0002-0533-8786](https://ORCID:0000-0002-0533-8786)

²Center for the Study of Problems of Russian Law, Moscow, Russia, mr.iwnew@ya.ru

Abstract. The article is devoted to the problem of developing of variable model of regional policy in relation to the Russian Far East. The authors identify and analyze the main systemic and historical factors affecting the post-Soviet development of the region. Special attention is paid to the potential of cross-border development of the Far East. Based on the integration of various perspectives of regional specifics, the conclusion is made about the basis of a variable model of regional policy and the specifics of an integrative approach to its development.

Keywords: variable model, regional policy, post-Soviet development, Far East, cross-border region, cross-border potential

По прошествии более 30 лет со времени распада СССР не теряет своей актуальности проблема разработки такой модели пространственного развития, посредством реализации которой стала бы возможной интеграция весьма разнообразных российских регионов в единое рыночное социально-экономическое пространство. Признание обусловленности специфической реакции субъектов Российской Федерации на постсоветские трансформации их пространственными особенностями и различным уровнем социально-экономического развития актуализирует необходимость разработки вариативной модели государственной региональной политики. Вариативность региональной политики отрицает административно-централизованный подход в решении вопросов симметрии и асимметрии федеративных отношений, применения единых принципов

разграничения полномочий федерального центра и субъектов Федерации, их укрупнения и т.п. Такая модель предполагает рассмотрение проблем и перспектив реформирования региональных инфраструктур на основе разработки различных версий (вариантов) развития территорий (регионов) с предложением их последующей интеграции в общенациональные (федеральные) проекты социально-экономического развития.

С этой точки зрения можно отметить, что в современной отечественной публицистике и научных исследованиях представлено достаточно много оценок, актуализирующих серьезные проблемы на восточных территориях России. Не умаляя значимости таких оценок, тем не менее, следует отметить, что они в основном связаны с рассмотрением социально-экономических, демографических и ми-

грационных аспектов. Между тем, явно недостаточно представлены, на наш взгляд, усилия по формированию интегративного подхода к разработке вариативной модели региональной политики применительно к российскому Дальнему Востоку. Сущность такого подхода состоит в междисциплинарной интеграции различных ракурсов региональной специфики. Такая интеграция дает возможность формирования долгосрочной стратегии, направленной на решение демографических проблем, повышение уровня и качества жизни населения, диверсификацию социально-экономической инфраструктуры.

В рамках современного отечественного социально-экономического дискурса в общем и целом сложилось представление о том, что решение вышеуказанных проблем существенным образом тормозится высокой затратностью и низкой конкурентоспособностью дальневосточной экономики, которая имеет преимущественно сырьевую направленность. Констатируется недостаточность государственного финансирования, которая, усугубляясь ограничениями, введенными в условиях пандемии коронавируса, обуславливает ограниченную возможность реализации социальных программ. Наложение всех перечисленных обстоятельств приводит к мультипликативному эффекту в виде оттока постоянного населения. Рассмотрим основные факторы, которые, по нашему мнению, носят системно-исторический характер с точки зрения их влияния на постсоветское развитие Дальнего Востока.

Прежде всего, следует обратить внимание на общесистемный фактор, воздействие которого в целом имело, естественно, и последствия для Дальневосточного региона. В советский период единство экономического пространства обеспечивалось централизованной политикой размещения производительных сил по схеме «государство – единая фабрика». Так, к 1991 г. город Хабаровск был крупнейшим индустриальным узлом советского Дальнего Востока. В городе было сосредоточено 168 строительных организаций и более 100 промышленных предприятий и объединений, которые производили третью часть всей промышленной продукции Хабаровского края. 72 % от полумиллионного населения города были заняты в сфере материального производства [8]. Вышеупомянутая политика в силу перехода к рынку больше не могла проводиться, из чего было сделано абсолютно некорректное как в теоретическом, так и в практическом плане заключение [2: с. 16]. Оно состояло в том, что поскольку государственная региональная политика уже не является предметом интересов отраслевых министерств и ведомств, то, по всей вероятности, регулирование социально-экономического развития регионов способна выполнить

рыночная экономика, в рамках которой формируются, в том числе, и взаимовыгодные как внутрирегиональные, так и межрегиональные хозяйственные связи. Уже в первое десятилетие постсоветских рыночных реформ стало ясно, что кризисные процессы в сочетании с отсутствием общегосударственной региональной политики обусловили изменение функционирования классических механизмов рыночной конкуренции в направлении их действия на межрегиональном уровне. Это закономерно привело к трансформации региональных хозяйственных инфраструктур «в особого рода пространственные монополии, образовавшиеся в результате слияния интересов экономических и политических элит, положив начало деформации экономического пространства» [2: с. 16].

Справедливости ради следует отметить, что с начала 2000-х гг. на федеральном уровне произошло понимание необходимости более плавной, эволюционной реализации рыночных реформ. Признание успешности их реализации не только на макроэкономическом уровне, но и на уровне регионального пространства проявилось в реанимации проекта закона о свободных экономических зонах, создании министерства регионального развития [6: с. 5]. В то же время следует полагать, что сам факт создания на федеральном уровне управленческих институтов региональной политики еще не гарантирует в полной мере ее эффективности. Важнейшим условием такой эффективности, как полагает П.А. Минакир, является активизация пространственной структуры национальной экономики. Это очевидно в силу того, «что непрерывное тасование федеральной управленческой колоды в форме реорганизаций управляющих структур, наращивание массы и высоты бюрократических барьеров под видом усиления "управляемости" все в меньшей степени приводит к реализации сохраняющихся пока возможностей экономического роста и социально-экономического развития» [6: с. 5].

Вторым фактором, заслуживающим внимания, является фактор инфраструктурный. Если в СССР вопросы формирования и развития социальной инфраструктуры, пусть и по остаточному принципу, но все же решались в рамках территориального планирования, то в новых условиях постсоветского развития была полностью разрушена взаимосвязь размещения производительных сил с системой социально-инфраструктурного обеспечения. Это особенно болезненно сказалось в условиях Дальнего Востока, поскольку даже такое протяженное и богатое природными ресурсами пространство можно считать социально-экономически эффективным лишь при условии его понимания как искусственной среды, сформированной как прошлыми капитальными вложениями в инфраструктуру, так и

способной конструктивно развиваться исключительно при регулярном инвестировании в нее в настоящем и будущем [9: с. 8].

Системное инвестирование в отдаленные и труднодоступные регионы невозможно осуществлять в процессе функционирования рыночных механизмов как таковых. Это обусловлено тем, что подобное регулирование пространственной экономики в условиях современной России предполагает такой тип инвестиций, который выходит за рамки классических коммерческих вложений. В более общем плане данное обстоятельство не удивительно в свете особенностей современного пространственного развития, для которого характерно прекращение продолжавшегося более ста пятидесяти лет экстенсивного развития производства и движения капитала, предполагавших нивелирование пространственных социально-экономических различий. Необходимо иметь в виду, что в современном мире происходит усиление обусловленности рыночных отношений законами мальтузианской модели роста капитала, характеризующейся таким его возрастанием, при котором скорость его роста пропорциональна увеличению его объема. Подобный рост капитала приводит к концентрации ресурсов в крупных финансовых центрах, где реализуется механизм денежного воспроизводства без участия реального сектора экономики. Именно поэтому отдаленные и труднодоступные регионы, так же как и нередко районы нового освоения, поставлены в неравное положение, поскольку им приходится конкурировать за инвестиции с развитыми в инфраструктурном отношении регионами и уже освоенными районами [9: с. 8].

Особого внимания заслуживает фактор трансграничности, поскольку российский Дальний Восток является по своему пространственному положению и структуре макрорегионом, характеризующимся окраинностью и удаленностью от федерального центра. Обладая масштабными земельными, водными, лесными ресурсами, полезными ископаемыми, Дальний Восток, по сути дела, представляет собой не просто крупнейший регион России, а огромное социально-экономическое и геополитическое пространство Азиатско-Тихоокеанского региона планеты. Значительную роль в формировании именно такого положения Дальнего Востока играет то, что по периметру этого пространства или вблизи него находятся страны с интенсивно развивающейся экономикой (Китай, Южная Корея, Тайвань, Вьетнам, Таиланд, Малайзия, Сингапур), а также такие крупные экономики мира, как США, Канада, Япония. Сочетание динамично развивающейся экономики с густонаселенностью перечисленных государств предопределяет их большую заинтересованность в потенциале российского

Дальнего Востока. Так, в январе 2022 г. кандидат в президенты Республики Корея Хо Ён Гён предложил арендовать российский Дальний Восток. В случае победы на президентских выборах он пообещал начать переговоры по этому поводу [7]. Вполне понятно, что данное предложение не выдерживает никакой критики с точки зрения российского законодательства, поскольку в России установлены ограничения на передачу земли в иностранное пользование. Однако сам его факт – это информационный повод в очередной раз рассмотреть социально-экономическую ситуацию в Дальневосточном регионе в контексте трансграничности.

Трансграничный регион – это, по мнению дальневосточных исследователей И.П. Черной и М.Ю. Шинковского, социально-экономическая система, охватывающая части территорий нескольких соседних стран, характеризующаяся определенным единством природной первоосновы и/или расселения, трудовых или культурно-бытовых связей населения, хозяйства, инфраструктуры, нередко также исторических, этнических и культурных традиций [10: с. 53]. Именно поэтому важной особенностью трансграничного региона является то, что в его рамках практически стираются границы междоусобия в сфере торговли, экономических связей и кросскультурной коммуникации. На рубеже XX и XXI вв. в Азиатско-Тихоокеанском регионе ярко проявились так называемые треугольники развития, представляющие собой транснациональные экономические зоны (три и более страны) с вполне четкими границами. Подобные пространства, внутри которых происходит свободное движение рабочей силы, капитала и технологий, можно определять как естественные экономические территории, субрегиональные экономические зоны [11: с. 167].

Как полагают И.П. Черная и М.Ю. Шинковский, разница между приграничным и трансграничным регионами заключается не столько в географическом положении, сколько в институционально-правовом статусе территории, обуславливающим формирование особой социально-экономической, политической и социокультурной общности. Исходя из такой логики, трансграничный регион представляется как совокупность приграничных и прилегающих к ним регионов, а приграничный регион определяется как часть трансграничного региона. При этом необходимо принимать во внимание то обстоятельство, что трансграничные регионы, являющиеся периферийными, вне зависимости от политических систем, в рамках которых они существуют, сталкиваются со специфическими социально-экономическими, социально-культурными, политическими и институциональными проблемами и вынуждены под руководством заинтересован-

ных государств искать совместные с соседями подходящие решения. Вследствие этого подобная потребность и является сущностью трансграничного сотрудничества [10: с. 54].

Трансграничное сотрудничество проявляется на различных уровнях. Первый уровень включает в себя локальные приграничные контакты. На втором уровне происходит взаимодействие между территориальными политическими образованиями (нации, государства и/или административно-территориальные единицы отдельных государств). Третий уровень характеризуется сетевой формой трансграничного сотрудничества, которая стала развиваться в условиях глобализации. Здесь происходит взаимодействие между субъектами различных региональных образований на основе сети глобальных взаимодействий, вне зависимости от административных, государственных, социально-экономических и культурных границ. Для Дальнего Востока России с начала открытости границ (с начала 1990-х гг.) наиболее перспективной представлялась вторая форма трансграничного регионального сотрудничества. Однако при признании тезиса о том, что трансграничное сотрудничество формирует трансграничный регион, в случае российского Дальнего Востока следует констатировать, что он не стал таковым ни в рамках Северо-Восточной Азии, ни в масштабах Азиатско-Тихоокеанского региона. Возникшие после распада СССР предпосылки образования трансграничных регионов в дальневосточном пространстве оказались нереализованными в силу различных причин, одной из которых является неэффективность приграничного сотрудничества. Последнее эффективно при условии развития двух форматов сотрудничества: межгосударственного и межрегионального. При этом трансграничная интеграция в форме приграничного сотрудничества наиболее продуктивна именно на субрегиональном уровне. Для этого необходимо, чтобы субрегионы были реальными субъектами международного экономического сотрудничества, обладая необходимыми возможностями самостоятельно устанавливать трансграничные контакты независимо от своих государств [10: с. 55].

Между тем, в настоящее время приграничные территории Дальневосточного региона невозможно признать реальными акторами второго уровня трансграничного сотрудничества (непосредственное приграничное социально-экономическое взаимодействие). Глубинной причиной сложившейся ситуации является то, что в рамках нынешней социально-экономической инфраструктуры приграничных территорий далеко не в достаточном количестве присутствуют промышленные, торговые, логистические, рекреационные центры, которые были бы притягательными с точки зрения драйве-

ров реализации трансграничного потенциала. Это становится очевидным, если рассматривать позицию Китайской Народной Республики как наиболее крупного и экономически развитого государства, имеющего самую протяженную общую с Российской Федерацией границу, большая часть которой проходит на Дальнем Востоке. В силу известных обстоятельств дальневосточные территории пережили бум оптово-розничной торговли с китайскими приграничными провинциями в 1990–2000-е гг. Что же касается нынешнего состояния российско-китайского сотрудничества, то следует отметить, что его трансграничный потенциал явно недостаточно реализован.

С одной стороны, в условиях продолжающейся пандемии и мировой рецессии явственно наблюдается восстановление китайской экономики. Руководство КНР приняло стратегию «двойной циркуляции», которая сменила концепцию «мировой фабрики». При этом в новой стратегии приоритет отдается внутреннему потреблению. Так, по данным октября 2020 г., добавленная стоимость в промышленности увеличилась на 6,9 % (на 2,2 % больше, чем за аналогичный период 2019 г.). Индекс производства в сфере услуг вырос на 7,4 %, общий объем розничной торговли товарами широкого потребления – на 4,3 %, что демонстрирует возвращение покупательной способности китайских граждан на доэпидемический уровень и даже его рост. С другой стороны, Китай стремится продвигать модель двойной циркуляции, не только акцентируясь на циркуляции внутренней, но и сочетая ее с внешней. По заявлению Чрезвычайного и Полномочного Посла КНР в России Чжана Ханьхуэя, большие усилия по расширению внутреннего спроса, всестороннему углублению реформ, содействию научно-техническим инновациям, дающие импульсы для развития экономики, будут сопровождаться повышением уровня открытости Китая, так как он будет интегрироваться в глобальную систему многосторонней торговли. Современная экономика Китая как мощный драйвер обеспечения платежеспособного спроса и возможностей восстановления и развития мировой экономики представляет собой крупномасштабный рынок с населением 1,4 млрд человек и 400-миллионным «средним классом». При этом он остается «мировой фабрикой» и крупнейшим торговым партнером более чем 120 стран и зарубежных регионов. Как отмечает Чжан Ханьхуэй, сотрудничество с Россией занимает особое место в структуре внешних связей КНР. В самый разгар пандемии за 9 месяцев 2020 г. объем двусторонней торговли достиг 78,8 млрд долларов. В частности, во время продаж, совершившихся в рамках III Китайской международной выставки импорта ЭКСПО (СПЕ), менее чем за час объемы

продаж российской продукции Китаю составили 1,8 млн долларов. За указанный период китайско-российская торговля сельскохозяйственной продукцией увеличилась на 11 %, в целом импорт из России – на 27 %, а темпы ежегодного роста – на 10 %. По газопроводу «Сила Сибири» Китай импортировал 2,6 млрд куб. м российского природного газа и приобрел 3 млн тонн сжиженного природного газа, что на 97 % больше по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. В целом можно констатировать стремительный рост китайско-российской трансграничной электронной торговли, а также двустороннего сотрудничества в области финансов, туризма и информационных технологий [3].

Вышеизложенное демонстрирует национально-государственный уровень трансграничного сотрудничества между РФ и КНР в целом. Однако возникает вопрос: как обстоит дело с трансграничным сотрудничеством на межрегиональном уровне, т.е. между приграничными территориями двух государств? Из анализа планов и программ приграничных провинций Китая в отношении такого сотрудничества следует, что китайскими властями по-прежнему признается стратегическая значимость использования российского экономического потенциала для нужд Северо-Востока КНР [5: с. 10].

Прежде всего, следует отметить, что наблюдается первостепенное внимание к этому вопросу именно для провинции Хэйлуцзян, на которую приходится 70 % (2981 км) российско-китайской границы [5: с. 6]. Провинция заинтересована в максимальном привлечении ресурсов и освоении российских рынков, а также в сохранении посреднических функций в отношениях с ней других китайских территорий. При этом для Автономного Района Внутренняя Монголия характерен поиск ресурсов как в России, так и в Монголии. Что касается провинции Цзилинь, то для нее экономическое сотрудничество с Россией в целом представляет собой только вспомогательный инструмент в решении энергетических и других проблем.

Необходимо отметить, что внимание к использованию российского экономического потенциала в значительной степени объяснимо национально-идеологическим фактором. Он заключается в том, что трансграничное взаимодействие рассматривается китайскими властями в рамках реализации общенационального проекта «Пояса и Пути» (создание экономического коридора Китай – Монголия – Россия и Ледового Шелкового пути). Кроме того, такое взаимодействие признается значимым в контексте реализации приоритетов обеспечения безопасности страны, заявленных XIX съездом Коммунистической партии Китая в статусе одного из средне- и долгосрочных направлений политики в научно-технической, оборонной, продовольствен-

ной, энергетической и сырьевой областях, в сферах создания «зеленой» и инновационной экономики. Фактически сопредельные китайские провинции исходят в приграничном сотрудничестве из необходимости удовлетворения естественных региональных потребностей в сырье, торговле и коммуникациях. Необходимо обратить внимание на то, что приграничные территории Китая не рассматривают в сфере трансграничного сотрудничества только лишь сопредельные российские регионы. Так, Суйфэнхэ формирует вектор развития на основе тезиса «покупать по всей России, продавать по всему Китаю», а Хэйхэ руководствуется положением «соединять Китай и Россию, служить всей стране» [5: с. 11].

Таким образом, из вышеизложенного следует, что ориентация на развитие трансграничного сотрудничества с Россией в большей степени приоритетна для таких приграничных регионов, как Цзилинь, Автономный Район Внутренняя Монголия и Хэйлуцзян. При этом лишь для последнего региона характерна целевая установка как на взаимодействие на межрегиональном уровне (Сибирский и Дальневосточный регионы России), так и на межстрановом [5: с. 11]. В силу этого можно говорить о том, что формирование трансграничных регионов с участием дальневосточных территорий все еще остается отдаленной перспективой, а реальным субъектом процесса является приграничный регион на уровне субъекта Федерации. С этой точки зрения целесообразно полагать, что одним из важнейших условий трансграничного развития дальневосточных регионов является формирование их привлекательности для «нависающей» над ними китайской экономики. Для этого есть предпосылки в виде протяженной границы, многочисленных пограничных переходов, а также имеющиеся на сопредельной территории подготовленные кадры, владеющие русским языком и знакомые с российскими реалиями и, что немаловажно, многолетний опыт работы с российской стороной. Для того чтобы стать драйвером трансграничного развития, российские приграничные территории не должны ограничиваться ориентацией на экспорт сырьевых ресурсов. Необходимо развивать их глубокую переработку, а также способствовать дальнейшему развитию транспортной инфраструктуры. С этой точки зрения обращает на себя внимание намерение властей провинции Хэйлуцзян сделать ее ключевой площадкой научно-технического и инновационного сотрудничества с Россией с целью добиться прорыва в таких областях, как технологии, образование, высокотехнологичное производство и торговля услугами [5: с. 11]. Исходя из вышеизложенного, существует настоятельная необходимость превращения российских приграничных террито-

рий в узлы образовательно-технологического развития, характеризующиеся как динамикой технологического роста, так и ростом рынка научно-образовательных услуг с обязательным развитием туристических, рекреационных ресурсов.

Необходимо иметь в виду, что Дальний Восток характеризуется чрезвычайно высокой степенью локализации, поскольку на огромной территории в 7 млн кв. км присутствует чрезвычайно низкая плотность населения, а раз так, то социально-экономическая эффективность в принципе не может ожидать в кумулятивном варианте. Последний предполагает высокую плотность заселения, при которой эффективность какого-либо крупного проекта сравнима с кумулятивным взрывом с масштабными последствиями в виде возникновения новых сфер деловой деятельности, вовлечения все большего количества различных слоев населения. Между тем, по мнению П.А. Минакира, залог развития Дальнего Востока – это существование таких условий, при которых любой бизнес развивался бы, создавая так называемый эндогенный экономический оборот, т.е. воспроизводя доходы сам себе. При этом при создании зон устойчивого роста следует ориентироваться на узкую полосу по долинам Амура и Уссури, Южный Сахалин, район Большого Владивостока, юг Камчатского края, где следует создать сплошную зону безналогового бизнеса, в которой не будет таможенной границы. Все это должно сопровождаться построением соответствующего режима регулирования миграции и пребывания в регионе. Как полагает П.А. Минакир, «в процветающей экономике по большому счету не нужно, чтобы людям давали подачки за счет субсидий из бюджета. Пусть будут рыночные цены, но их семейный бюджет должен соответствовать этим ценам. И бюджет этот они должны суметь заработать у себя в регионе. Вот это называется "экономическое развитие"» [4].

С вышеизложенным согласуется мнение В. Заусаева, полагающего, что разрешение главного противоречия Дальнего Востока в национальных интересах требует принятия новой парадигмы развития. В общем и целом ее содержание заключается в следующем. Во-первых, необходимо наращивать постоянное население и диверсифицированную экономику на приграничном юге Дальневосточного региона, что предполагает стягивание жителей в большие и малые селитебные центры, создание в них максимально комфортных условий проживания. Данные меры должны сочетаться с расширением вахтовых методов организации труда на севере Дальнего Востока. Во-вторых, необходимо осуществление специальной экономической политики, в рамках которой следует создавать преференциальные режимы хозяйствования для бизне-

са, инфраструктурное обустройство территорий и человека, принять противозатратный кодекс в естественных монополиях и компаниях с государственным участием, а также органах государственной власти. В-третьих, целесообразно максимальное использование естественной основы регионального воспроизводства и природной ренты для развития перерабатывающих производств. В-четвертых, необходимо произвести социально-экономическое районирование Дальнего Востока с выделением Республики Саха (Якутия), северных и южных регионов со своими масштабами и спецификой развития. В-пятых, следует осуществлять размещение производительных сил на основе формирования территориальных центров экономического роста с ранжированием их по уровню значимости (федеральный, региональный, локальный и местный), каждый из которых будет иметь свои особенности социально-экономического развития. По мнению В. Заусаева, основой институционального обеспечения вышеупомянутых мер должен стать федеральный закон «О развитии Дальнего Востока». Действия федеральных и региональных властей должны быть направлены как на обеспечение геостратегической значимости дальневосточного региона, так и на снижение затратности жизнедеятельности [1].

Таким образом, следует констатировать, что вариативная модель региональной политики по развитию Дальнего Востока состоит в переходе от трансфертного поддержания текущей жизнедеятельности региона к системным мерам социально-экономической и миграционной политики. Наиболее оптимальным в современных условиях является сочетание концессионной и инфраструктурной стратегий в рамках реализации комплексной политики по развитию Дальневосточного региона. При этом должны создаваться возможности как инвестирования в региональную инфраструктуру, так и формирования условий для генерации доходов в процессе эндогенного экономического оборота, что предполагает известную степень экономической свободы. Однако разработка интегративного подхода к реализации вариативной региональной политики не должна ограничиваться только лишь включением в нее мер социально-экономического характера. На наш взгляд, необходимо на общенациональном уровне выдвинуть идею престижности и значимости личного, группового и корпоративного участия населения страны в развитии российских дальневосточных территорий. В свою очередь, такая идея может сформироваться только в условиях переопределения «сакрального» смысла освоения региона, заключающегося в более ранние исторические периоды освоения Дальнего Востока в терминах «форпост», «дальние рубежи», «приращение Сибири», и должна заполнить постсовет-

ский вакуум, образовавшийся после ухода советских лозунгов «региона ударных, всесоюзных строек». Именно поэтому необходимо как на законодательном уровне, так и в рамках общественно-

политического дискурса четко определить значимость Дальнего Востока для развития Российской Федерации в целом.

Список источников

1. Богатырь в мешке. Судьба Дальнего Востока России глазами хабаровского экономиста // Хабаровский экспресс. 2019. № 45. С. 8.
2. Валентей С.Д. Институциональные факторы, препятствующие развитию российского федерализма // Пространственная экономика. 2007. № 2. С. 5–18.
3. «Двойная циркуляция» Китая. Стабильность и устойчивость этой страны дадут новые шансы для развития мировой экономики // Аргументы и факты. 2020. № 48. С. 10.
4. «Ключ к развитию Дальнего Востока – не подачки, а свобода». Академик Павел Минакир о проблемах региона // Хабаровский экспресс. 2021. № 28. С. 7–8.
5. Ларин В.Л. Россия в планах и программах приграничных территорий Китая // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 12. С. 5–14.
6. Минакир П.А. От главного редактора // Пространственная экономика. 2005. № 2. С. 4–6.
7. Отдадут ли Дальний Восток в аренду? // Аргументы и факты. 2022. № 3. С. 7.
8. Последний год великого Союза // Хабаровские вести. 2021. 6 мая. С. 13.
9. Пчелинцев О.С., Минченко М.М. Региональная политика на этапе экономического роста: от текущих трансфертов к инвестициям в инфраструктуру // Пространственная экономика. 2005. № 2. С. 7–26.
10. Черная И.П., Шинковский М.Ю. Приграничный регион в условиях глокализации: теоретико-концептуальные подходы // Пространственная экономика. 2005. № 2. С. 46–60.
11. Шинковский М.Ю. Российский регион как субъект глобализации экономики // Политические исследования (ПОЛИС). 2000. № 4. С. 166–169.

References

1. *Bogatyr v meshke. Sudba Dalnego Vostoka Rossii glazami habarovskogo ehkonomista* [The hero in the bag. The fate of the Russian Far East through the eyes of the Khabarovsk economist] // Khabarovsk Express. 2019. No. 45. P. 8. (In Russ.).
2. Valenty S.D. *Institucionalnye factory prepyatstvuyushchie razvitiyu rossijskogo federalizma* [Institutional factors hindering the development of Russian federalism] // Spatial Economics. 2007. No. 2. P. 5–18. (In Russ.).
3. *Dvojnaya cirkulyaciya Kitaya stabilnost i ustojchivost ehtoj strany dadut novye shansy dlya razvitiya mirovoj ehkonomiki* ["Double circulation" of China. Stability and sustainability of this country will give new chances for the development of the world economy] // Arguments and Facts. 2020. No. 48. P. 10. (In Russ.).
4. *Klyuch k razvitiyu Dalnego Vostoka – ne podachki, a svoboda. Akademik Pavel Minakir o problemah regiona* ["The key to the development of the Far East is not handouts, but freedom." Academician Pavel Minakir on the problems of the region] // Khabarovsk Express. 2021. No. 28. P. 7–8. (In Russ.).
5. Larin V.L. *Rossiya v planah i programmah prigranichnyh territorij Kitaya* [Russia in the plans and programs of China's border territories] // World economy and international relations. 2021. Vol. 65. No. 12. P. 5–14. (In Russ.).
6. Minakir P.A. *Ot glavnogo redaktora* [From the editor-in-chief] // Spatial Economics. 2005. No. 2. P. 4–6. (In Russ.).
7. *Otdadut li Dalnij Vostok v arendu?* [Will the Far East be leased?] // Arguments and facts. 2022. No. 3. P. 7. (In Russ.).
8. *Poslednij god velikogo Soyuza* [The last year of the Great Union] // Khabarovsk News. 2021. May 6. P. 13. (In Russ.).
9. Pchelintsev O.S., Minchenko M.M. *Regionalnaya politika na ehtape ehkonomicheskogo rosta ot tekushchih transfertov k investiciyam v infrastrukturu* [Regional policy at the stage of economic growth: from current transfers to investments in infrastructure] // Spatial Economics. 2005. No. 2. P. 7–26. (In Russ.).
10. Chernaya I.P., Shinkovsky M.Yu. *Prigranichnyj region v usloviyah glokalizacii teoretiko konceptualnye podhody* [The border region in the conditions of glocalization: theoretical and conceptual approaches] // Spatial Economics. 2005. No. 2. P. 46–60. (In Russ.).
11. Shinkovsky M.Yu. *Rossijski region kak subekt globalizacii ehkonomiki* [The Russian region as a subject of economic globalization] // Political studies (POLIS). 2000. No. 4. P. 166–169. (In Russ.).

Информация об авторах

А.С. Ким – доктор политических наук;
Е.Ю. Довгополов – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors

A.S. Kim – Doctor of Science (Politicalology);
E.Y. Dovgoplov – Candidate of Science (Law), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 10.01.2022; одобрена после рецензирования 21.01.2022; принята к публикации 09.02.2022.
The article was submitted 10.01.2022; approved after reviewing 21.01.2022; accepted for publication 09.02.2022.

Научная статья
УДК 351.713(091)
doi: 10.31079/1992-2868-2022-19-2-88-97

ПОЛИЦИЯ И НАЛОГИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В XIX ВЕКЕ

Александр Леонидович Анисимов¹, Марина Николаевна Зинятова²

^{1,2}Дальневосточный юридический институт МВД России, Хабаровск, Россия

¹anisimov0802@gmail.com

²kaf_sgied@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу роли полицейских чиновников в организации сбора налогов с населения Дальнего Востока. Довольно долго, до конца XIX в., сохранялось представление, что именно полиция должна и надзирать за сбором податей, и даже непосредственно участвовать в нем. В силу неразвитости других надзорных структур то и дело полиция привлекалась не только к борьбе со злостными недоимщиками и конвоированию собранных податей, но и к повседневной инспекционной и фискальной деятельности. Коренное население Дальнего Востока (инородцы) юридически отличались от остального населения России в силу их особенностей культуры и образа жизни; законодатель учёл эти особенности, отразив их в Уставе 1822 г. и последующих нормативных актах; законодатель стремился упорядочить и облегчить взаимодействие инородцев с остальным населением и администрацией, защитить инородцев от нарушения их прав и свобод представителями региональных органов внутренних дел и отдельными лицами.

Ключевые слова: полиция, полицейские чиновники, земская полиция, налоги, ясак, коренное население, податные инспекторы, Дальний Восток, XIX в.

Original article

POLICE AND TAXES IN THE FAR EAST IN THE XIX CENTURY

Alexander L. Anisimov¹, Marina N. Zinyatova²

^{1,2} Far Eastern Law Institute of the Ministry of Interior Affairs of Russia, Khabarovsk, Russia

¹anisimov0802@gmail.com

²kaf_sgied@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the analysis of the role of police officials in the organization of tax collection from the population of the Far East. For quite a long time, until the end of the XIX century, the idea was maintained that it was the police who should supervise the collection of taxes and even directly participate in it. Due to the underdevelopment of other supervisory structures, it constantly forced to involve the police not only in the fight against malicious arrears and the convoy of collected taxes, but also in daily inspection and fiscal activities. Indigenous population of the Far East (foreigners) were legally different from the rest of the population of Russia due to their characteristics of culture and lifestyle; the legislator took into account these features, reflecting them in the "Charter" of 1822 and subsequent regulations; the legislator sought to streamline and facilitate the interaction of foreigners with the rest of the population and administration; the legislator sought to protect foreigners from violation of their rights and freedoms by representatives of regional internal affairs bodies and individuals.

Key words: police, police officials, zemstvo police, taxes, yasak, indigenous population, tax inspectors, Far East, XIX century

Инспекция и полиция в XIX в. в России считаются «спутниками» налогов. Довольно долго сохранялось представление, что именно полиция должна и надзирать за сбором податей, и даже непосредственно участвовать в нем. Тем более что жизнь в силу неразвитости других надзорных структур то и дело заставляла привлекать полицию не только к борьбе со злостными недоимщиками и конвоированию собранных податей, но и к повседневной инспекционной и фискальной деятельности.

Управление Сибирью было сопряжено всегда с громадными затруднениями, так как она представляла собой завоеванный край, в котором приходи-

лось удерживать новоприобретенные земли, усмирять инородцев, заводить торговлю, отыскивать промыслы. К этому ещё присоединялась чрезвычайная отдаленность Сибири от Москвы и Петербурга на целые тысячи километров, а следовательно, и от правительственного надзора. В этом и состояла «особенность управления» этим краем. С одной стороны, специфические условия деятельности в крае предполагали особые полномочия, быструю распорядительность и рассмотрение дел на месте, с другой – отдаленность края требовала особенного контроля и надзора за правителями, так как в этом крае легче всего могли развиваться злоупотребления.

Жажда наживы и поборы издавна имели здесь широкое распространение. Дух спекулянтства распространялся и на частных лиц и на служивых людей. Воеводы торговали мехами, вином и др., совершали бесцеремонные поборы. В результате преследования и наказания, а также с учреждением бюрократического управления Петром поборы стали утонченными и скрытыми. И чем дальше от центра, тем легче было скрыть преступления. Но для выявления крупных преступлений, в том числе с податями, с другими казенными сборами, в помощь полиции приходилось привлекать и войсковые команды.

В «Обзрении главных оснований местного управления Сибири», изданном по повелению императора Николая I в 1841 г., отмечалось, что злоупотребления в Сибири продолжались до 1819 г. Причиной их было «неправильное и превратное действие волостной, земской и городской полиции от недоразумения, а большей частью от пристрастия» [1: с. 131]. Неправильно толкуя статью инструкции, данной Щербачеву в 1763 г., о ярмарках ясачных, местные полицейские чины запрещали торговать под предлогом, что ясак еще не был собран, ставили условия, которые обеспечивали им прибыль.

Все управление инородцами со временем перешло большей частью в зависимость от земских чиновников, сделалось причиной великих злоупотреблений. Это вынудило центральные власти провести реформу в управлении Сибирью. По повелению Императора Александра I эту задачу выполнил тайный советник, генерал-губернатор Сибири М. Сперанский.

До сибирской ревизии, которую в 1819 г. начал с чрезвычайными полномочиями от императора известный российский финансист и законник М. Сперанский, на «континенте беззакония», какой была бескрайняя Сибирь, иного чиновника можно было отстранить от должности только силой оружия. Сперанский же добился отстранения от должности и отдачи под суд двух губернаторов – иркутского Трескина, и томского Илличевского. В ходе его ревизии были выявлены факты укрывательства доходов от государства, притеснений от начальства и массового взяточничества. «Сперанский не столько желал карать прошлое, сколько обеспечить будущее. При всем том, в окончательном выводе ревизии, несмотря на множество дел, решенных на месте, всё ещё оказалось 73 дела, следовавшие к высшему рассмотрению, и по ним насчитывалось обвиняемых 680 человек и сумм к взысканию в размере 2.850.000» [1: с. 29].

Эта ревизия произвела огромное впечатление на население Сибири и впервые показала жителям, что порой и для них может найтись правосудие и

справедливость. В заключение своей деятельности в Сибири Сперанский составил целый ряд проектов по преобразованию жизни в этом обширном крае.

До двадцатых годов XIX в. Россия проводила в отношении своих инородцев политику косвенного управления. В обыденную их жизнь власти, как правило, не вмешивались. Однако естественные трудности сбора ясака, вкупе со злоупотреблениями собиравшего его сибирского чиновничества, послужили причиной пересмотра этой политики в царствование императора Александра I. В 1822 г. графом Сперанским и его подчиненным Г.С. Батенковым специально для аборигенов края был разработан Устав об управлении инородцев, действовавший до начала XX в.

Впервые широко известное юридическое обозначение *инородцы* появилось в «Высочайше Утвержденном Уставе об управлении инородцев» от 22 июля 1822 г. Этот Устав обобщал правовой статус инородцев, очерченный ранее в разрозненных положениях закона, и давал им четкую характеристику, отличающую их от остального населения Российской империи:

«§1. Все обитающие в Сибири инородные племена, именуемые поныне ясачными, по различному степени гражданского их образования и по настоящему образу жизни, разделяются на три главные разряда. В первой разряд включаются оседлые, то есть живущие в городах и селениях; во второй кочевые, занимающие определённые места, по временам года переменяемые; в третий бродячие или ловцы, переходящие с одного места на другое по рекам и урочищам» [2: с. 394–416].

Как видно уже из первого пункта Устава 1822 г., инородцами юридически признавались не все неславянские люди, как это представлялось обывателям того времени и нашей современности, а именно сибирские народы. Их разделяли на оседлых, кочевых и бродячих. Оседлые, как очевидно из названия, жили селениями, возделывали землю и т.д. Но между кочевыми и бродячими проведено различие. Кочевые переселялись с места на место, но упорядоченно: места для поселения были определёнными и постоянными, время тоже. Иными словами, такие инородцы в определенное время года располагались то в одном, то в другом месте. И нигде больше они не появлялись. Этим они отличались от последнего разряда – бродячих инородцев, которые не переселялись посезонно между несколькими местностями, а странствовали, не держась конкретных мест обитания.

Далее в тексте того же Устава в ст. 2–6 перечисляются конкретные народы Сибири, разделённые по разрядам [2: с. 394].

Оседлые инородцы: торговые (бухарцы и ташкинцы), земледельцы (татары, бухтарминцы, мало-

численные роды, живущие вместе с россиянами, некоторые ясачные Бийского и Кузнецкого краёв, инородцы, работающие на поселян).

Кочевые инородцы: кочующие земледельцы (буряты хоринские, селенгинские, аларские, кудинские и верхоленские, некоторые инородцы из качинцев и ясачных Бийского и Кузнецкого краёв), южные скотоводы и промышленники (сагайцы, ясачные Бийского и Кузнецкого краёв (уже в общем), буряты тункинские, китойские, ольхонские, нижнеудинские буряты и тунгусы и пр.), северные скотоводы и промышленники (якуты, остяки нарымские, березовские и обские, пельымские вогуличи, тунгусы енисейские, обские, баргузинские, киренские и пр.). Также к кочевым инородцам причислены киргиз-кайсаки.

Бродячие инородцы: обдорские самоеды, карагасы, инородцы низовые, Якутской области (коряки, юкагиры и др.), охотские, гижигинские и камчатские.

Особо выделены чукчи, зюнгорские двоedanцы, обитатели Курильских и Алеутских островов, побережья Северной Америки. Первые и вторые – из-за особых отношений с Россией, третьи и четвертые – из-за их зависимости от Русской Американской компании.

Тщательная и детальная классификация инородцев по образу жизни и занятий свидетельствует о внимательном отношении к ним со стороны законодателя. К тому же эта классификация послужила основанием для правового регламентирования отношений инородцев с остальным населением и государством. Инородцами называлось население Сибири (а позднее и российской части Средней Азии), не являющееся православным и исповедующее ислам или традиционные верования, имеющее особую, резко отличную от традиционной российской культуру, т.е. юридическое отделение инородцев от остального населения проведено по религиозному и культурному критериям.

Таким образом, из всего вышеизложенного ясны принципы правового обозначения положения инородцев и их классификационного разделения по местам обитания и характеру промыслов. Из классификации инородцев законодатель выводит и их различное правовое положение, которое, как и сама классификация, детально расписано далее в том же Уставе [3].

Устав об управлении инородцев 1822 г. содержит 372 статьи и делится на 4 неравные по объёму части. Части эти таковы:

1. «Права инородцев».
2. «Состав управления инородцами».
3. «Наказ управлениями инородцами».

4. «О порядке сборов податей и повинностей с инородцев» [2: с. 411].

Часть четвертая «О порядке сборов податей и повинностей с инородцев» посвящена налогообложению [2: с. 411–417]. Она, как и предыдущая, детально и строго регламентирует сбор налогов и установление повинностей во избежание злоупотреблений со стороны чиновников. Во введении говорится:

«§ 296. Все вообще сборы с инородцев суть трёх родов: 1) Казённые подати. 2) Земские повинности. 3) Повинности внутренние на содержание степного управления.

§ 297. Разделение сие показывает, что здесь не разумеются частные складки и платежи за покупаемые целыми родами предметы продовольствия из казённых запасов. Все таковые складки и платежи производятся домашним порядком по стойбищам.

§ 298. Взыскания за раздаваемый по нужде в долг хлеб чинятся на том же основании, как казённые долги.

§ 299. Порядок наложения сборов, исчисления и утверждения, раскладки, действительного взноса, сдачи, употребления и отчётов излагается в нижеследующих главах» [2: с. 411].

Из данных пунктов видно, что налоги резко отграничивались от сделок и закупок и определялись только по трём обозначенным разновидностям. Далее в ст. 300–305 говорится о наложении сборов [2: с. 411]. Никакой новый налог, кроме перечисленных в Уставе, произвольно на инородцев не налагается, если не введён с оговоркой об этом. Тяжесть бремени повинностей определяется местным Главным управлением, а сбор на внутриплеменные повинности – Степной Думой или общим сходом. Подсчёт всех сборов с подробными разъяснениями и раскладкой должен быть на каждый год составлен в сентябре предыдущего года губернским или областным начальством, утверждён Главным управлением и лишь затем разослан в Казённые палаты, а из них в Степные Думы. Взимание при этом иных сборов, не указанных в детальном подсчёте, запрещено [2: с. 411–412]. Ниже по тексту расписаны правила сбора налогов, чёткое взаимодействие должностных лиц, сбор налога посредством удобных для инородцев ярмарочных распродаж.

Родовое управление (а непосредственные сборы имело право взимать только оно) вырученные от устройства ярмарки сборы или поступившие прямо от налогоплательщиков деньги сдавало в управы или земскую полицию (если управы не было) под выдаваемые ими квитанции и согласно годовому подсчёту. Для облегчения взимания сборов земские чиновники могли являться на ярмарки с налоговыми квитанциями, делая соответствующие записи в «шнуровых книгах» [2: с. 413].

Сбор делился на денежный и натуральный. Натуральный сбор именовался рухлядью, делился

на обыкновенную (шкурки белок, соболей и пр.) и дорогую (шкуры чёрных и чернобурых лисиц). Оценивались отдельно обыкновенная и дорогая рухлядь, целые (с лапами и хвостами) и нецелые (без лап или хвостов) шкуры. Расписан порядок приёма шкур и других сборов и обозначено право инородцев расплачиваться шкурами наравне с деньгами [2: с. 413–413].

Расходование собранных с инородцев налогов было ограничено двумя статьями: на внутренние нужды и в казённую подать. Отчисления на внутренние нужды шли в Степные Думы или инородные управы, и дальше самих инородческих общин и уездов не обращались. А казённые подати направлялись через уездное казначейство в государственную казну [2: с. 414]. Все сборы тщательно заносились в шнуровые книги, подтверждением их оплаты служили квитанции от губернских властей. Ведение книг и квитанций регламентировано ст. 345–355 [2: с. 414–415]. Запрещалось взимать в отсутствие инородных управ подати с одного стойбища за другое.

С «не совершенно зависящих от Правительства инородцев» подати и сборы принимались в общие присутствия в удобной для инородцев форме, особо учитывались. Так же поступали и с добровольными приношениями [2: с. 416].

Устав об управлении инородцев был очень хорошо продуманным и детализированным документом. Причём настолько хорошо, что установленное им правовое положение инородцев в последующие годы существования Российской империи почти не пришлось кардинально менять даже с наступлением широкого промышленного развития при Александре II и Александре III. Хотя самих постановлений об инородцах было много, но они были либо частнонаправленными, либо дополняли содержание Устава 1822 г.

Большинство народов Дальнего Востока относилось к бродячим, буряты, якуты и южные эвенки – к кочевым. Чукчи и эскимосы считались не подданными России, а состоящими от неё в зависимости. Повинностей они не несли, сборами не облагались, ясак вносили добровольно, получая за это подарки. После вхождения в состав России южной части Дальнего Востока положения Устава были распространены и на коренное население этой территории.

Все проживающие здесь народы относились к разряду бродячих, но были освобождены от ясачной подати. В 1822 г. ограничение свободы торговли пушниной было снято Уставом об управлении инородцев, которым разрешалась «свободная торговля ... во всякое время всеми припасами и изделиями». Одновременно подтверждалось запрещение лицам, состоящим на государственной службе, торговать мехами у ясачных [2: с. 576–592]. Это

делалось с целью защитить аборигенов от притеснений, пресечь казнокрадство.

Однако ни грозные приказы, ни конфискация скупленной чиновниками у ясачных людей мягкой рухляди не помогали. Злоупотребления продолжались. Наживались все: от рядового служащего до воевод. В итоге на малые народы Дальнего Востока ложилась двойная тяжесть: государев ясак и поборы местных властей. Хотя ясачная комиссия обнаружила всю несоразмерность, всю тяжесть обложения и открыла при этом много несправедливости, тем не менее она не могла улучшить жизнь инородцев и сократить оклады. Напротив, после ясачной комиссии сумма сборов возросла. Так, инородцы с 1835 г. стали платить 525 162 руб. 99 коп. вместо прежних 146 460 руб. 55 коп. Резолюция и заключения, к которым пришла комиссия, были, однако, интересны. Комиссия ходатайствовала о сложении недоимок, «так как взыскать их было невозможно, не доведя инородцев до совершенного разорения».

На основе нового положения о сборе налогов с нерусского населения сумма налога с аборигенов Камчатки (1870 человек) составила 7821 руб. 25 коп., Охотского края (1533 человека) – 4566 руб. 58 коп., Забайкальской области (28 877 человек) – 44 962 руб. 52 коп. Государство не только обложило постоянным налогом все население восточных окраин, но и увеличило размеры сбора. На Камчатке оклад на одну ясачную душу вырос до 3 руб. 87 коп., на Охотском побережье – до 2 руб. 98 коп., а в Гижигинском округе – до 1 руб. 82 коп. [4: с. 393]. За своевременную уплату ясака отвечал род. Старшины имели право перераспределять ясак в зависимости от доходов отдельных лиц. Реформы 1822–1835 гг. ускорили развитие товарно-денежных отношений, усилили имущественное расслоение и социальную дифференциацию коренного населения.

Часто местная администрация собирала больше налогов с населения, чем это предусматривал оклад. Тогда центральные власти старались употреблять излишки на поддержку туземного населения, а не забирать в казну. В Петербурге был рассмотрен вопрос о запасном капитале для камчатских инородцев. Как выяснилось, на Камчатке давно собиралось ясака больше, чем следовало собирать по окладу. Излишек сбора поступал в так называемую экономическую сумму и употреблялся частично на покрытие случившегося недобора ясака, а частично – на пособие камчадалам, если они попадали в бедственное положение. В 1829 г. этих излишков осталось на сумму 1310 руб. Сверх того в 1829–1830 гг. начальники Камчатки собрали лишнего ясака на 10 198 руб. 50 коп. Всей экономической суммы оказалось 11 508 руб. 50 коп. В связи с этим Совет Главного управления Восточной Сибири и Сибирский комитет нашли этот сбор несправедли-

вым, но так как возврат его плательщикам был связан с большими трудностями, то по Положению Сибирского комитета от 15 марта 1833 г. было предписано создать из этой суммы особый капитал для помощи инородцам в случае их нужды [5: с. 144].

Все вышесказанное побудило центральные власти Российской империи издать новые правовые акты, которые должны были точно определить налоги и правила их взимания с коренных народов Крайнего Севера.

В Своде учреждений для управления инородцев сибирских 1833 г. [6: с. 590–662] указывалось, что для сибирских инородцев должны быть точно определены налоги и действовать особые правила их взимания (ст. 3084). Инородцы должны были платить сборы трех видов: 1) ясак (налог пушной) в Кабинет Его Императорского Величества; 2) земские повинности; 3) внутренние повинности на содержание Степного управления (ст. 3179)*.

В Своде определялся состав местной (земской) полиции, которая должна была состоять из отдельного заседателя, подчиненного земскому суду, или непосредственно из одного земского суда (ст. 3128). В обязанности земской полиции входил и сбор налогов (ст. 3136). В Отделении седьмом «О разъездах чиновников земской полиции по стойбищам инородческим» говорилось, что полицейские чиновники, включая казаков, посылаемых полицией для сбора налогов, допускались для разъездов в стойбища инородцев для сбора податей (ст. 3151), но эти разъезды должны быть редкими, и для своих нужд чиновники и казаки не должны были требовать большого числа подвод (ст. 3152). Согласно ст. 3155 для сбора податей полицейским чиновникам и казакам разрешалось выезжать в двух случаях: 1) на ярмарки и сугланы (мирские собрания инородцев), если они были расположены на расстоянии более ста верст от местопребывания отдельного заседателя или земского суда (для удобства инородцев, которым преодолевать огромные расстояния, чтобы внести ясак, было затратно) и в случае образования у инородцев значительных недоимок; 2) в сами стойбища кочующих инородцев, если в течение 2 лет податей и сборов они на ярмарки и сугланы не доставляли.

Земские полицейские чиновники и казаки должны были ехать на обывательских подводах по билетам в соответствии с заведенным в русских волостях порядком и с таковыми же отчетами об итогах разъездов (ст. 3158).

В Своде определялся порядок сбора налогов с коренного населения Сибири и Дальнего Востока. Земские полицейские чиновники и казаки снабжались бланками квитанций и должны были выдавать

их инородцам при получении ясака. Сумма собранного налога с каждого налогоплательщика записывалась в шнуровые книги прихода денег. Записывалось и содержание квитанции (ст. 3110).

В те местности, где самим полицейским чинам нельзя было быть, посылались благонадежные и грамотные городские казаки, являвшиеся низшими чинами городской полиции, с бланками квитанций. Полицейские чиновники в этом случае несли ответственность за действия казаков (ст. 3111).

В ст. 3212 устанавливался порядок сдачи податей: 1) родовые управы, где не было инородных управ, сдавали ясак прямо сборщикам или в земскую полицию под квитанцию; 2) где учреждены были инородческие управы, все сборы поступали в эти управы и сдавались затем совокупно земской полиции под квитанции.

Земские суды отсылали собранные налоги в окружные казначейства (ст. 3223). Затем ясак доставлялся в губернский город, где или продавался, или отправлялся в Санкт-Петербург для передачи в Кабинет Его Императорского Величества (ст. 3227).

Пушнина делилась на две категории: обыкновенную и дорогую. О дорогой пушнине приемщик, кроме записи в шнуровую книгу, должен был донести Казенной палате особым рапортом с первой почтой или при первой посылке донесений в земский суд или заседателю (ст. 3230). Все шнуровые книги в конце года поступали на ревизию в Казенную палату (ст. 3234). Земские исправники составляли годовой отчет по своей округе о сборах с инородцев, где отмечали: 1) количество сборов; 2) способ взывания ясака; 3) сумму денежных средств; 4) порядок сдачи; 5) оставшиеся недоимки (ст. 3236).

Исправность оплаты налогов доказывалась налогоплательщиками предъявлением квитанции. Земская полиция выдавала печатные бланки квитанций родовым управлениям. Полиция получала бланки квитанций от губернского правления. Поправки и подчистки в квитанциях не позволялись. В каждой квитанции, кроме изложения словами, должны были содержаться особые знаки, которые определяли количество внесенных рублей и копеек, так чтобы даже неграмотный сдающий мог по этим знакам определить правильность взятой суммы сбора. Чтобы не было приписок, исправлений, все эти знаки очерчивались крагом прямыми линиями (ст. 3238). Форма квитанции была представлена в Приложении I к Своду.

Недоимки собирались на ярмарках и сугланах. Если полицейский начальник, выяснит, что можно взыскать недоимки без большого ущерба для инородцев, то он мог добиться этого настоятельным убеждением, задержанием старосты, его сына или ближайшего родственника или задержанием части шкур, привезенных для продажи. Две последние

* 44-копеечный подушный налог в Сибири был отменен 13 декабря 1827 г.

меры применялись, если сумма недоимок составляла более трети годового сбора. (ст. 3241). Бродячие инородцы могли сдавать подать в других округах и губерниях (ст. 3242).

Устав 1822 г. к концу XIX в. явно устарел. Он не учитывал изменений, которые произошли к этому времени в общественном строе народов Дальнего Востока. Родовой принцип организации сбора ясака, лежащий в основе Устава, превратился в явный анахронизм. Этим вопросом был также озабочен и Приамурский генерал-губернатор Унтербергер. Он отмечал: «...с давнего времени различные роды инородцев обложены разным по ценности ясаком и на определенное в каждом роду число платежных единиц. Прошло много лет с тех пор, когда был установлен последний размер ясака, и если в своё время имелось известное основание как в отношении числа плательщиков в каждом роду, так и в отношении размера ясака в зависимости от угодий для охоты и рода промышляемого зверя, то все это в настоящее время совершенно изменилось. Некоторые роды почти вымерли, другие размножились; вместе с тем изменились как места кочевков, так и сорт промышленного зверя, размер же ясака для каждого рода все остался тот же. Неправильность настоящего положения дела очевидна и поэтому является настоятельная необходимость ввести в него известную равномерность» [7: с. 398].

Все народы Дальнего Востока причислялись к податному сословию иноверцев. Многие обязаны были платить ясак, который составлял личный доход царя и его семьи. Размеры ясака различались.

Все налоговые сборы с инородцев делились:

- 1) на казенные подати;
- 2) земские повинности;
- 3) повинности внутренние на содержание Степного управления.

Распределением ясака, повинностей занимались Родовые управления. Они определяли, сколько и чего каждое семейство обязано внести звериными шкурами или деньгами. Доля ясака при раскладке зависела от успехов в промыслах и от состояния каждого семейства. Вырученные Родовыми управлениями за продажу собранных мехов или прямо поступившие к ним от инородцев деньги могли сдаваться через инородные Управы или прямо отдельным заседателям и в Земские Суды под квитанции. Старосты родов, племен были обязаны не сдавать податей никому, кто не мог выдать на неё установленного вида квитанции. Если возникали недоимки, то все они взыскивались со старосты племени, управляющего родом. Они могли взиматься только на ярмарках и торгах. Если бы местное начальство посчитало, что у племени из-за обилия промыслов и по безбедному продовольствию недоимки могут быть взысканы без больших

трудностей для инородцев, то оно имело право принудить к оплате долгов, разными способами: настоятельным убеждением; задержанием старосты, его сына, или ближайшего родственника; арестом части звериных шкур, привезенных для продажи. Две последние меры являлись крайними. Они разрешались только тогда, когда на каком-то определенном роду имелись недоимки, превышавшие более, чем на треть все количество годового сбора с этого рода.

В Гижинском и Анадырском округах годовой сбор равнялся 1 руб. 15 коп., в Охотском колебался от 72 коп. до 2 руб. 12 коп. В Удском округе эвенки одного рода платили ясак из расчета 3 руб. 93 коп., а другого – из расчета 7 руб. 93 коп. и т.п. В большинстве случаев размеры ясачного оклада не учитывали платежеспособности коренного населения. Ежегодно накапливались значительные недоимки. Так, например, к 1 января 1900 г. за плательщиками ясака в Удском уезде числилось в недоимке 3691 руб. 24 коп. – сумма, почти в 4 раза превышавшая годовой ясачный сбор [4: с. 394].

Принудительное взыскание недоимки окончательно разоряло хозяйство местных жителей. Не раз поднимался вопрос об отмене ясака, однако все эти предложения неизменно отклонялись Кабинетом Его Императорского Величества.

От уплаты ясака были освобождены народы Приамурья, Приморья, Сахалина. Если на эту территорию перекочевывали жители других районов Сибири и Дальнего Востока, то они продолжали платить ясак и здесь [8: с. 187].

Различия в ясачной политике царизма по отношению к тем или иным народам Дальнего Востока объяснялись многими причинами: международным положением; своеобразием этнического состава территорий; стремлением привлечь на сторону России приграничное население и др.

Кроме уплаты ясака, народы Дальнего Востока несли различные натуральные повинности: подводную, дорожную. Платили налог на содержание школ, строительство и ремонт различных общественных зданий. Подводная повинность была особенно тяжелой. В переводе на деньги она в 3 раза превышала размеры ясака и составляла в среднем на ревизского плательщика 10 руб.

Воинскую повинность отбывала лишь часть забайкальских бурят и эвенков, причисленных к сословию казаков. Предложение правительства распространить воинскую повинность на другие народы Дальнего Востока не получило поддержки у царя, ибо это могло существенно сократить доходы, получаемые от ясака.

Конечной целью Устава был перевод кочевых и бродячих народов в оседлые, т.е. приравнение их по правам и статусу к русскому населению края.

Этому и служила система, предусматривавшая перевод конкретного этноса из разряда в разряд по мере изменений и сдвигов в его социально-хозяйственном уровне. Таким образом, реформа Сперанского, упразднив практику косвенного управления коренными народами Сибири, фактически вводила систему государственной опеки с осязательными элементами самоуправления. Конечно же, на практике рациональные идеи М. Сперанского, положенные им в основу первого законодательства, регламентировавшего положения и права инородцев в России, отнюдь не всегда получали адекватную интерпретацию, поэтому реальное положение малых народов Севера и Сибири в XIX в., естественно, не стоит идеализировать. Упорядоченное налогообложение оседлых инородцев обернулось для них почти семикратным увеличением суммы выплат в казну. Имели место также и злоупотребления сибирских властей при периодическом перераспределении коренных народов по разрядам: оно нередко проводилось формально, без учета изменений в их хозяйственном укладе. В результате приписывание какого-либо этноса к более высокому разряду попросту разоряло его, так как это автоматически вело к увеличению повинностей в пользу государства.

В своей налоговой политике самодержавие исходило из интересов казны. Отстаивая эти интересы, оно совершенствовало систему налогообложения; переходило от натурального налога к денежному, меняло способы взимания ясака и методы контроля.

В 1863 г. ясачный сбор Приморской области составил 428 руб. 81 коп. [9: с. 100].

Налоги и сборы, получаемые с территории Дальнего Востока, были большими. В связи с этим требовался орган, который смог бы упорядочить движение собранных средств. Таким по своей сути органом власти и явилась Казенная палата, которая распоряжалась всеми финансовыми средствами. Главными её функции были:

1) сборы окладные, подушные и оброчные, основанные на проходящих ревизиях. Сюда относилось проведение ревизии и выявление перемен, происходящих от перечислений, переселений и новых поселений в налоговой сфере, а также сбор ясака различными шкурами и их продажа;

2) сборы неокладные, за гербовую бумагу, паспорта и др., пошлины;

3) земская повинность;

4) учет доходов от оброчных статей (солеварение, курение вина);

5) рекрутский набор, подати и расчеты, с ним связанные;

6) по данным Казенной палаты в Приморской области в 1862 г. поступило окладных сборов

51 руб. 94 коп., в 1863 г. подушной подати – 1015 руб. 91 коп., с торговых свидетельств – 30 руб. 40 коп., окладных сборов всего – 1051 руб. 91 коп., земских сборов – 61 руб. 50½ коп. [9: с. 88–99].

Казенная палата ведала всеми сборами и доходами, получаемыми не только от инородцев, но и с русского населения.

Основными плательщиками так и оставались крестьяне и мещане. Они составляли основную массу населения Дальнего Востока и несли земские повинности.

Земские повинности оплачивались либо личной работой, либо наймом посредством денежного сбора. Первые именовались личными, вторые – денежными.

Личные повинности включали в себя:

1) содержание дорог, мостов и перевозов;

2) сопровождение рекрутских партий и колодников;

3) содержание подвод для земских сообщений.

Предусматривалась в некоторых случаях и отмена повинности.

1. Почтовые дороги, на которых не было дорожных команд, оставались на обеспечении местных жителей, и поэтому они освобождались от общего сбора на эту повинность.

2. Если дороги находились в удаленных, труднодоступных местах (Охотская и ей подобные), то инородцы были освобождены от повинности и получали пособия из общего Земского сбора.

Дорожный сбор для разных местностей Дальнего Востока был разным, но он не должен был превышать 2 руб. с человека.

Денежные повинности, в свою очередь, подразделялись на постоянные и временные.

К постоянным относились:

– содержание почтовых подвод и помещений;

– содержание подвод для земских сообщений;

– содержание подвод при этапных командах;

– содержание рабочих дорожных команд;

– отопление и освещение воинских помещений.

К временным относились:

– устройство воинских помещений;

– устройство этапных помещений;

– устройство почтовых помещений;

– устройство тюремных помещений.

Все эти повинности простирались на все податные сословия людей, населявших Дальний Восток. От уплаты были освобождены, как и раньше, привилегированные слои (дворянство, духовенство). На данном этапе исторического развития России большую роль начинают играть казаки. На них также были возложены специфические повинности. Главной обязанностью являлась охрана и защита мест, ими заселенных, от внутренних и внешних врагов и беспорядков. Кроме того, они несли и местные повинности, такие как:

- исправление дорог в местах их жительства;
- постройка и содержание домов станичного управления;
- снабжение канцелярскими припасами;
- предоставление подвод.

После присоединения южных земель Дальнего Востока России остро встает вопрос о заселении этой территории. Правительством разрабатывается переселенческая политика, где не последнее место играют налоговые послабления для вновь переселившихся. Но они были различными, в зависимости от количества переселенцев и от местности, куда они переселяются. Наибольшие льготы получали те, кто селился на целинных землях и целыми общинами. (Земля им давалась бесплатно, они не платили никаких налогов в течение 20 лет, но по истечении срока должны были платить за пользование землей особую оброчную подать в том размере, как это будет установлено.) Переселившимся в города давалась льгота (не платили никаких пошлин, государственных повинностей и военного постоя в течение 10 лет со дня утверждения этих правил).

В начале 1874 г. на уездную полицию возлагается весь податный надзор [10: с. 3]. Но Россия уже мчится по капиталистическим рельсам. Бурно развивается экономика, промышленность. Качественно изменяется и налоговая система. Полиция уже не в силах охватить весь круг навалившихся на неё проблем, тем более что и преступность выходит на совершенно иной уровень как в общеуголовной, так и в других сферах, и налоговой в том числе. Всё чаще встречаются махинации с бухгалтерскими счетами, запутыванием финансовых балансов, утайка податных объектов... [10: с. 10–11].

Поэтому и министр внутренних дел Д. Толстой, и министр финансов И. Бунге выступили за создание специального института финансовых работников на местах – податных инспекторов. В 1885 г. такое решение принимается [10: с. 10–11]. За полицией остается то, что, собственно, принадлежит ей по предназначению – правоохранительная функция. Губернаторам, в частности, высочайше предписывается откомандировывать полицейских чинов в помощь податным инспекторам в случаях, когда им оказывается сопротивление при выполнении должностных обязанностей по обеспечению сбора податей [10: с. 47].

Положение об инородцах 1892 г. [11: с. 531–586] поставило определенные ограничения на посещения инородческих стойбищ полицейскими чиновниками (ст. 187). Вообще требовалось, чтобы эти посещения были очень редки (ст. 188). Отправление полицейских для сбора податей допускалось на ярмарки и сугланы (мирские инородческие сходы), если последние находились от места пребывания полицейского управления на расстоянии более ста верст, так

как в этом случае доставка туда сборов была обременительна для инородцев, или при накоплении значительных недоимок, а в инородческие стойбища, если инородцы в течение двух лет не доставляли податей и сборов на ярмарки и сугланы (ст. 191). Для надзора за порядком на ярмарках и сугланы выезды полицейского начальства разрешались в случаях: 1) большого стечения народа, 2) беспорядков и 3) просьбы самих инородцев (ст. 192).

Особые разряды инородцев в Приамурском крае составляли инородцы Командорских островов и чукчи с эскимосами (ст. 14). Инородцы Командорских островов были освобождены от каких бы то ни было повинностей, податей и ясака и управлялись своими тоэнами (ст. 19, 20, 25).

Чукчи и эскимосы платили «дань по собственному желанию как в количестве, так и в качестве» (прим. 4 к ст. 681) и не подчинялись российским законам и суду, за исключением случаев убийств, насилия или корчемства. Соответственно полицейское начальство не имело права собирать с них ясак и подати.

На Дальнем Востоке образование податной инспекции было утверждено 21 марта 1894 г. На податных инспекторов как в Европейской России, так и на Дальнем Востоке возлагались определенные обязанности:

- постоянное наблюдение за правильностью торговли в назначенных им участках;
- участие в качестве чиновников Казенных палат в генеральных проверках торговли;
- председательствование в Уездных податных присутствиях, образуемых для раскладки дополнительного сбора с торговли и промыслов;
- содействие Казенным палатам по приведению в известность ценности и доходности имуществ, подлежащих обложению в доход казны [11: с. 53].

Интересно, что податной инспектор, обнаружив неисправность действий правительственных или общественных установлений по взиманию и распределению казенных сборов, не делал по этому поводу никаких распоряжений собственной властью. О замеченной им неправильности надлежало доносить в Казенную палату [11: с. 80].

В силу того, что край был плохо изучен в экономическом плане, на поданных инспекторов также ложилась обязанность собирать данные об экономическом развитии, о возможностях поиска новых источников обложения в регионе. Так, в течение года они должны были собирать данные о годовых оборотах, условиях производства и предполагаемой прибыли каждого предприятия. Министерством были специально разработаны формы учета – списки всех находившихся в участке предприятий.

В 1909 г. Хабаровское уездное полицейское управление ходатайствовало перед губернатором об

установлении одинакового для всех инородцев оклада в наименьшем размере, ссылаясь на бедственное положение инородцев вследствие упадка соболиного промысла и падежа оленей, а обложение ясачным сбором было тяжелым и неравномерным для разных родов инородцев, тогда как все инородцы находились в одинаковых условиях [12: с. 78].

Закон Российской империи от 17 июня 1909 г. ввел отпуск особых сумм на разъезды (содержание каюров, собак и нарт) чинов полиции в Петропавловском, Охотском, Гижигинском, Анадырском и Чукотском уездах Камчатской области, а закон от 5 декабря 1912 г. «Об улучшении земских и государственных финансов» установил возмещение из средств государственного казначейства расходов по содержанию для земских сообщений подвод для разъездов по делам службы, в том числе чинам уездной полиции, и по отправлению в уезд из полицейского управления земской почты, значительно облегчив подводную повинность инородческого населения [12: с. 83].

Таким образом, проблема налогообложения имеет богатую и насыщенную историю, когда госу-

дарство во все времена настойчиво искало оптимальную форму охраны правопорядка в налоговой сфере, экспериментировало, ошибалось, постоянно выкристаллизовывалось то, что требовалось на том или ином этапе развития России.

Проанализировав вопрос о правовом положении инородцев в Российской империи и роли полицейских чиновников в организации сбора налога с коренного населения Сибири и Дальнего Востока, можно сделать следующие общие выводы.

1. Инородцы юридически отличались от остального населения России в силу их особенностей культуры и образа жизни.

2. Законодатель учёл эти особенности, отразив их в Уставе 1822 г. и последующих нормативных актах.

3. Законодатель стремился упорядочить и облегчить взаимодействие инородцев с остальным населением и администрацией.

4. Законодатель стремился защитить инородцев от нарушения их прав и свобод представителями региональных органов внутренних дел и отдельными лицами.

Список источников

1. Обзорение главных оснований местного управления Сибири. Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной его Императорского Величества Канцелярии, 1841. XII, 136, II с.
2. Высочайше Утверждённый Устав об управлении инородцев, 1822 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание Первое. С 1649 по 12 декабря 1825 года. Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной его Императорского Величества Канцелярии, 1830. Т. XXXVIII (1822–1823). Док. № 29126. С. 394–416.
3. Правовое положение «инородцев» в Российской империи. URL: https://knowledge.allbest.ru/history/3c0a65635a2bc79a5d53a89521306d37_0.html (дата обращения: 22.04.2020).
4. История Дальнего Востока в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.) / отв. ред. А.И. Крушанов. Москва : Наука, 1990. 471 с.
5. Приклонский В.Л. Летопись Якутского края. Красноярск : Енисейская Губернская тип., 1896. XVII, 260, 48 с.
6. Свод учреждений для управления инородцев сибирских // Свод законов Российской империи. Учреждения. Свод учреждений государственных и губернских. Часть 2. Учреждения губернские. Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной его Императорского Величества Канцелярии, 1833. С. 590–662.
7. Унтербергер П.Ф. Приморская область 1856–1898. Очерк. Санкт-Петербург : Типография В.Ф. Киришбаума, 1900. 324 [20] с.: карты 2 л., рис. 14, табл. 20. (Записки Имп. Русск. географ. о-ва по отд. статистики: изд. под ред. действит. члена И.И. Бока; Т. 8. Вып. 2).
8. Народы Дальнего Востока СССР в XVIII–XX вв. Историко-этнографические очерки / отв. ред. И.С. Гурвич. Москва : Наука, 1985. 239 с.
9. Статистический временник Российской империи. Санкт-Петербург : Издание Центрального Статистического комитета МВД, 1866. Вып. I. Отд. III. XXVI, XV, 117 с.
10. Чичинадзе Д.В. Сборник узаконений, распоряжений и разъяснений для руководства податных инспекторов. Настольная справочная книга для Податных Присутствий и должностных лиц податного и торгового надзора, сенатскими и министерскими разъяснениями и приложением. Санкт-Петербург : Типография Д.В. Чичинадзе, 1897. 600 с.
11. Положение об инородцах. Издание 1892 года // Свод законов Российской империи. Все 16 томов со всеми относящимися к ним приложениями в одной книге: неофиц. изд. / под ред. А.Ф. Волкова, Ю.Д. Филиппова. Санкт-Петербург : Общ. польза, 1897–1898. Т. 1–16. Т. II. С. 531–586.
12. Солярский В.В. Современное правовое и культурно-экономическое положение инородцев Приамурского края. Хабаровск : Типография канцелярии приамурского генерал-губернатора, 1916. 173 с. (Материалы по изучению Приамурского края. Вып. XXVI).

References

1. *Obzrenie glavnih osnovanij mestnogo upravlenija Sibiri* [Overview of the main foundations of local government in Siberia]. Saint-Petersburg: Tipografija II Otdelenija Sobstvennoj ego Imperatorskogo Velichestva Kanceljarii, 1841. XII. 136, II s. (In Russ.).
2. *Vysochajshe Utverzdjonnyj Ustav ob upravlenii inorodcev, 1822* // *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sbranie Pervoe. S 1649 po 12 dekabnja 1825 goda* [The complete collection of laws of the Russian Empire. The First Meeting. From 1649 to December 12, 1825]. Saint-Petersburg : Tipografija II Otdelenija Sobstvennoj ego Imperatorskogo Velichestva Kanceljarii, 1830. Vol. XXXVIII (1822–1823). Dok. № 29126. P. 394–416. (In Russ.).

3. *Pravovoe polozhenie «inorodcev» v Rossijskoj Imperii* [Legal status of "foreigners" in the Russian Empire]. URL: https://knowledge.allbest.ru/history/3c0a65635a2bc79a5d53a89521306d37_0.html (accessed: 22.04.2020). (In Russ.).
4. *Istorija Dal'nego Vostoka v jepohu feodalizma i kapitalizma (XVII v. – fevral' 1917 g.)* [The History of the Far East in the Era of Feudalism and Capitalism (XVII century – February 1917)]. Moscow : Nauka, 1990. 471 p. (In Russ.).
5. Prikloński, V.L. *Letopis' Jakutskogo kraja* [Chronicle of the Yakut region]. Krasnojarsk : Enisejskaja Gubernskaja Tipografija, 1896. XVII, 260, 48 p. (In Russ.).
6. *Svod uchrezhdenij dlja upravlenija inorodcev sibirskih // Svod zakonov Rossijskoj imperii. Uchrezhdenija. Svod uchrezhdenij gosudarstvennyh i gubernskih. Chast' 2. Uchrezhdenija gubernskie* [The Code of Laws of the Russian Empire. Institutions. A set of state and provincial institutions. Part 2. Provincial institutions]. Saint-Petersburg : Tipografija II Otdelenija Sobstvennoj ego Imperatorskogo Velichestva Kanceljarii, 1833. P. 590–662. (In Russ.).
7. Unterberger P.F. *Primorskaja oblast' 1856–1898. Oчерk* [Primorsky region 1856–1898. Essay]. Saint-Petersburg : Tipografija V.F. Kirshbauma, 1900. 324 [20] p.: karty 2 l., ris. 14, tabl. 20. (Zapiski Imp. Russk. Geograf. o-va po otd. statistiki: izd. pod red. dejstv. chlena I.I. Boka; T. 8. Vyp. 2). (In Russ.).
8. *Narody Dal'nego Vostoka SSSR v XVIII–XX vv. Istoriko-jetnograficheskie oчерki* [Peoples of the Far East of the USSR in the XVIII–XX centuries. Historical and ethnographic essays]. Moscow : Nauka, 1985. 239 p. (In Russ.).
9. *Statisticheskij vremennik Rossijskoj imperii. Sankt-Peterburg: Izdanie Central'nogo Statisticheskogo komiteta MVD, 1866. Vyp. I. Otd. III. XXVI, XV, 117 p.* (In Russ.).
10. Chichinadze D.V. *Sbornik uzakonenij, rasporyazhenij i raz#jasnenij dlja rukovodstva podatnyh inspektorov. Nastol'naja spravocnaja kniga dlja Podatnyh Prisutstvij i dolzhnostnyh lic podatnogo i torgovogo nadzora, senatskimi i ministerskimi raz#jasnenijami i prilozheniem* [Collection of laws, orders and explanations for the management of tax inspectors. A desktop reference book for Taxable Presences and Officials of Tax and trade supervision, with Senate and ministerial explanations and an appendix]. Saint-Petersburg : Tipografija D.V. Chichinadze, 1897. 600 p. (In Russ.).
11. *Polozhenie ob inorodcah. Izdanie 1892 goda* [The regulation on foreigners. Edition of 1892] // *Svod zakonov Rossijskoj imperii. Vse 16 tomov so vsemi odnosjashimisja k nim prilozhenijami v odnoj knige: neofic. izd. / pod red. A.F. Volkova, Ju.D. Filipova.* Saint-Petersburg : Obshh. pol'za, 1897–1898. T. 1–16. T. II. P. 531–586. (In Russ.).
12. Soljarskij V.V. *Sovremennoe pravovoe i kul'turno-jekonomicheskoe polozhenie inorodcev Priamurskogo kraja* [The current legal and cultural-economic situation of the foreigners of the Amur Region]. Khabarovsk : Tipografija kanceljarii priamurskogo general-gubernatora, 1916. 173 p. (Materialy po izucheniju Priamurskogo kraja. Vyp. XHVI). (In Russ.).

Информация об авторах

А.Л. Анисимов – доктор исторических наук, профессор;
М.Н. Зинятова – кандидат философских наук, доцент.

Information about the authors

A.L. Anisimov – Doctor of Science (History), Professor;
M.N. Zinyatova – Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 15.12.2022; одобрена после рецензирования 13.01.2022; принята к публикации 09.02.2022.
The article was submitted 15.12.2022; approved after reviewing 13.01.2022; accepted for publication 09.02.2022.

Научная статья
УДК 304.444, 821.161.1, 821.581
doi: 10.31079/1992-2868-2022-19-2-98-104

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ ИНСТИТУЦИЙ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ПО УКРЕПЛЕНИЮ РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ КОНТАКТОВ

Наталья Владимировна Киреева

Благовещенский государственный педагогический университет, Благовещенск, Россия, stonerk@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются результаты деятельности литературных институций по укреплению литературных контактов между жителями приграничных территорий Дальнего Востока и Северо-Востока Китая в XX в. и первых десятилетиях XXI в. Представлен обзор наиболее значимых проектов в этой сфере. Кратко рассмотрены основные публикации русских и китайских авторов, способствующих развитию межграничного культурного сотрудничества. Сделаны выводы, что такая деятельность способствует более глубинному пониманию менталитета и культуры Китая и России и укреплению дружбы и добрососедства.

Ключевые слова: Россия, Китай, Амурская область, провинция Хэйлунцзян, литературные институции, Амурская писательская организация, БГПУ, альманахи, сборники стихов и прозы

Original article

ACTIVITIES OF LITERARY INSTITUTIONS OF THE BORDER TERRITORIES OF THE FAR EAST TO STRENGTHEN RUSSIAN-CHINESE LITERARY CONTACTS

Natalia V. Kireeva

Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russia, stonerk@mail.ru

Abstract. The article examines the results of the activities of literary institutions to strengthen literary contacts between residents of the border territories of the Far East and Northeast of China in the twentieth century and the first decades of the XXI century. An overview of the most significant projects in this area is presented. The main publications of Russian and Chinese authors contributing to the development of cross-border cultural cooperation are briefly considered. It is concluded that such activities contribute to a deeper understanding of the mentality and culture of China and Russia and strengthen friendship and good neighborliness.

Keywords: Russia, China, Amur Region, Heilongjiang Province, literary institutions, Amur Writers' Organization, BSPU, almanacs, collections of poetry and prose

Введение

Развитие литературных контактов между Россией и Китаем является фактором, способствующим укреплению взаимовыгодных партнерских отношений между нашими странами. И здесь особое внимание должно быть уделено деятельности приграничных регионов.

Мы обратимся к исследованию этого феномена на примере взаимодействия провинции Хэйлунцзян и Амурской области, имеющих 1246 км общей границы (по сравнению с другими субъектами России – это наиболее протяжённая граница с КНР).

Постановка проблемы

Интерес к культурному взаимодействию с государством-соседом характерен уже для ранней стадии развития амурской литературы. Осмысливая особенности приграничного сотрудничества, писатели ищут и находят подходящие для этого взаимодействия художественные образы. Так, на рубе-

же XIX–XX вв. в амурской поэзии активно репрезентируется образ реки Амур – одновременно границы двух государств и пространства, объединяющего разные народы. Соответственно живущие на правом берегу Амура маньчжуры изображены как мирные труженики в стихотворении первого амурского поэта Леонида Волкова: «<...> темнеет Амур... / Уже отдыхает, закончив работу, / Под кровлею фанзы усталый маньчжур» [3].

Однако системным взаимодействием в области культуры становится только тогда, когда в регионе формируется система литературных институций. Это происходит в 1950–1960-е гг. В этот период амурская литература активно включается в общенациональный контекст благодаря Амурскому книжному издательству, литературному объединению амурских писателей, литературно-художественному альманаху «Приамурье».

Результаты исследования

Первые произведения, направленные на укрепление литературных контактов между КНР и СССР, увидели свет на страницах альманаха «Приамурье» в 1956 г.

Так, в 5-м номере альманаха «Приамурье» (1956) появляется рубрика «За Амуром», где были опубликованы «материалы о наших китайских друзьях» [17: с. 4]. А в 6-м номере свет увидела подборка стихов молодых китайских поэтов Мэй Ли Чи Кэ, Хэ Ли, Чжан Чжи, Ли Мо, Шао Янь-сян, Хэ Кэй.

Выбранные для публикации стихи отражали главенствующую на тот момент в культуре двух стран политизированность и идеологическую заостренность. Так, главными темами стихов, взятых из сборника участников Всекитайского совещания молодых писателей «Мы любим свою Родину», были радость коллективного труда («гордятся нефтяники нынче / своим общежитием светлым»), роль партии («партия наша – счастья оплот») и мечты о новой жизни, в которой «я шахты с друзьями построю, / я школы в пустыне открою, / пути проложу стальные» [18: с. 20–24].

Выбор тем влияет на художественную специфику произведений. Например, Мэй Ли Чи Кэ делает традиционный пространственный образ «солнца незакатного» метафорой коммунистической партии КНР, которая «нам освещает дорогу вперед – / в светлую даль необъятную» [18: с. 20–21].

Для амурского читателя 1950-х гг., хорошо знакомого с советской соцреалистической поэзией, стихи китайских авторов были типологически близкими. Не в последнюю очередь на это повлияло и то, что переводчиком стихов выступил амурский поэт Константин Овечкин, чьи творческие установки полностью соответствовали канонам соцреализма.

И одновременно в стихах Мэй Ли Чи Кэ, Хэ Ли, Чжан Чжи, Ли Мо, Шао Янь-сян, Хэ Кэй было своеобразие, свойственное поэзии другой страны, – необычная образная система и лексический строй.

Вот, например, стихотворение Хэ Ли «Богатый урожай»:

Луна веселая плывет,
Прогнав с земли туманы.
Глядит, как с поля конь везет
Тележку с гаолянном.
Колеса прочные скрипят
Под тяжестью большою.
Ползет тележка. В ней сидят
На гаоляне двое.
То едут с поля муж с женой,
Луна глядит в их лица.
У них обоих теплотой
И счастьем взгляд лучится.
Крестьяне едут в дом родной

С богатым урожаем.

Луна им щедро в час ночной
Дорогу освещает [18: с. 21].

Несмотря на то, что при переводе этого стихотворения Овечкин отказывается от традиционного для китайского стихосложения ритмического рисунка, другие уровни поэтической системы – лексика и образный строй – помогают передать характерные для китайской поэзии особенности.

В целом публикация в «Приамурье» стихов китайских поэтов имела важное значение: она знакомила с актуальной культурной ситуацией, сложившейся в дружественной стране, передавала общность художественных систем, развивающихся в схожих политических условиях и одновременно своеобразие китайской поэзии, расширяя рамки восприятия советского читателя.

К сожалению, в период охлаждения и враждебности между КНР и СССР подобные культурные взаимодействия прекратились – на долгие десятилетия. Но взаимный интерес оставался и в этот непростой период. Так же, как и не угасала надежда на возрождение добрососедских отношений. Вот как эти настроения отразились в стихотворении «Петухи» (1974) поэта Игоря Еремина:

Встает Россия с петухами,
И я в одной из деревень
Проснулся в их веселом гаме,
Когда едва забрезжил день.

<...> И видел я сквозь волоконца
Тумана легкого, как сон:
Народ и там с восходом солнца
Разбужен был под тот же звон.

<...> И дай им бог!.. Когда за дверью
В свой горн подъем трубит петух,
Теряет силы, по поверью,
Какой ни есть нечистый дух.

И над Китаем встанет утро!..
Не это ль у любой стрехи
Нам так естественно и мудро
Напоминают петухи... [5: с. 122].

Надежда поэта оправдалась. В конце 1980-х гг. культурные контакты между Россией и Китаем восстанавливаются. И период конца XX – первых десятилетий XXI в. становится особенно значимым в укреплении и дальнейшем развитии российско-китайских литературных отношений.

В это время важность сотрудничества двух стран в сфере культуры как часть общей политики партнёрства между Россией и Китаем закрепляется на государственном уровне в таких документах, как «Соглашение о культурном сотрудничестве между КНР и РФ» (1992) и «Соглашение о взаимном учреждении культурных центров» (2009).

Именно в 1990–2010 гг. выстраиваются новые векторы литературных контактов между Амурской областью и провинцией Хэйлунцзян. Наиболее зримо эти процессы были представлены в сфере дружественных визитов и различных культурных проектов. Значимым результатом такого культурного обмена является, в том числе, деятельность амурских и хэйлунцзянских писателей по изданию стихов и прозы.

Если 1990–2000-е гг. были отмечены регулярными, но ограниченными кругом писателей событиями, то с 2010 г. в Хейхе и Благовещенске писательские мероприятия стали частью международного фестиваля «Российско-китайская ярмарка культуры и искусства». Каждый год до начала пандемии на фестивале регулярно проходили встречи российских и китайских писателей, издателей, работников библиотек, ученых и читателей.

Рассмотрим подробнее наиболее интересные проявления этого взаимодействия.

Важно отметить, что результатом регулярных встреч писателей сопредельных территорий было появление новых поэтических феноменов. Так, благодаря русско-китайским литературным контактам в начале 1990-х гг. в Благовещенск приехал ученый и переводчик из Китая Ли Яньлин. В тот период он был в начале своего пути становления поэта, создающего стихи на русском языке.

Ли Яньлин встретился с амурскими коллегами, которые горячо поддержали его начинание и оказали существенную помощь в публикации стихов китайского автора в изданиях Приамурья. Вот как он вспоминает это судьбоносное событие: «Я взял стопку листов со стихами и постучался в дверь кабинета Станислава Федотова. Потом он написал: "Один красивый китаец появился у входа. Я спросил: "Что вы продаёте?"". Он принял меня за коммерсанта. А я в шутку ответил: "Я продаю стихи!". И мы засмеялись. Быстро прочитав написанное, он с восторгом воскликнул: "Завтра опубликуем! Завтра!". С этого дня началась моя жизнь амурского поэта! Встреча со Станиславом Федотовым стала первой страницей моей литературной деятельности в Амурской области и даже в России» [9: с. 63].

Позже Станислав Федотов и его коллеги помогли Ли Яньлину подготовить несколько сборников стихов на русском языке: «Я люблю Россию» (1994), «Песня на берегах Амура» (1996), «Сердце к сердцу» (1998), «Избранные стихи» (2001), которые содержали более 200 оригинальных произведений китайского автора.

Поддержка и искренний интерес амурских писателей и читателей к творчеству Ли Яньлина сыграли очень важную роль в его писательской судьбе. В 1997 г. он был принят в Союз писателей России и уже больше 20 лет выполняет обязанности заме-

стителя председателя Амурской писательской организации. В недавнем выступлении в Благовещенске китайский поэт признался: «Для меня Амурская область стала второй родиной. Мои первые книги вышли в свет здесь. Здесь я стал членом Союза писателей России. Здесь живут мои друзья – писатели, профессора, чиновники, артисты. Я был в Амурской области десятки раз. Здесь были опубликованы мои научные работы. Следует сказать, что я – амурчанин» [9: с. 62].

Пример писательской судьбы Ли Яньлина показывает, какие важные последствия имело укрепление российско-китайских литературных контактов в 1990-е гг. и к каким результатам оно привело в настоящее время.

На наш взгляд, наиболее важным итогом такого взаимодействия стали издательские проекты, благодаря которым на русском и китайском языках были опубликованы произведения амурских и хэйлунцзянских авторов.

Можно выделить 4 формата таких проектов.

1. Переводы на русский язык произведений китайских авторов.

Уже в начале 1990-х новый курс на сотрудничество и дружбу с Китаем приводит к тому, что в альманахе «Приамурье» снова появляются произведения китайских авторов. Так, на страницах альманаха под рубрикой «Голоса друзей» увидели свет выполненные Станиславом Демидовым переводы стихов китайских поэтов Лю Чучуна, Сяо Фана, Лю Чжэня. А вскоре, в 1992 г., они вышли уже отдельным сборником [4]. Эти стихи написаны зрелыми поэтами, членами Союза писателей Китая, удостоенными литературных премий. И по сравнению со стихотворной подборкой в «Приамурье» в 1957 г. тематика этих произведений значительно отличается: вместо выражения радости коллективного труда и роли партии поэты вглядываются в природные циклы и взаимоотношения людей, размышляют над философскими вопросами.

Вот, например, стихотворение Лю Чучуна «Солнце»:

Неуничтожимая надежда,
Ты сегодня в сонме облаков,
Завтра засияешь вновь, как прежде,
Станет снова на душе легко. Ты порою иссушаешь реки,
Губишь хлеб, деревья и цветы,
Но благодарю тебя вовеки:
Ты – источник жизни, только ты.

Используя традиции китайской поэтической миниатюры и амбивалентный образ солнца, автор с помощью своего лирического героя недвусмысленно передает главную мысль стихотворения – благодарность солнца для любой жизни [4: с. 76].

Особенно интересными амурскому читателю были стихи о дружественном взаимодействии китайцев и русских, в том числе благодаря привычным ритуалам общения – за бокалом «жгучей русской водки» (стихотворение «Русская водка» Лю Чжэня). Автор приписывает этому напитку новые смыслы, главные из которых связаны с потеплением отношений между китайцами и русскими: «За окнами ветер осенний / И грустный шелест берез, / а в комнате нашей весенней / За тостом следует тост» [4: с. 78].

2. Переводы произведений амурских поэтов и прозаиков на китайский язык.

Так, в 1993 г. стихи Олега Маслова и Станислава Федотова в переводах Лю Чжэня были напечатаны в китайских изданиях [19: с. 470]. В 2005–2006 гг. в Харбине выходят произведения Галины Тарасовой для детей [20]. В 2008 г. в Пекине увидела свет антология стихов 27 амурских поэтов «Везде цветёт июньская сирень» [2].

Последний проект характеризуется наибольшей значимостью. На сегодняшний день это самый крупный сборник стихов амурских авторов на китайском языке: в него вошло 252 стихотворения. Кроме того, он был издан большим тиражом, появился во всех ведущих библиотеках КНР, продается не только в обычных книжных магазинах, но и в Интернете. Очень важно, что стихи этого сборника перевел на китайский язык Гу Юй – крупнейший специалист по переводу русской литературы в Китае.

Антология «Везде цветет июньская сирень» была подготовлена в союзе китайского и русского поэтов: стихи для нее подобрал Игорь Игнатенко (в 2008 г. – председатель Амурской писательской организации), а нашел лучшего переводчика на китайский, издал и распространил антологию Ли Яньлин. Почему он взялся за этот проект? В интервью альманаху «Амур» китайский поэт так ответил на этот вопрос: «Амурская область – одна из самых близких к Китаю областей России. Нас соединяет река Амур. Я хотел, чтобы китайские читатели познакомились с творчеством своих соседей. И ещё: я заместитель председателя Амурской писательской организации. Так и родилось решение издать этот сборник» [9: с. 62].

Стихотворения, вошедшие в антологию, отличаются большим тематическим многообразием: это темы родины, природы, любви, дружбы, детства, философские размышления о переменах в жизни. Кроме того, здесь представлено множество разных художественных манер в исполнении разных авторов.

По мнению исследовательницы Чжан Ливэй, «сборник играет очень важную роль в укреплении культурных контактов между Россией и Китаем: он помогает вызвать интерес китайских читателей к русской литературе, через чтение стихов позволяет углубить понимание русской культуры, традиций и

жизни русских людей, стимулирует обмен и сотрудничество между двумя народами» [22: с. 612].

3. Публикации стихов китайских авторов, написанных на русском языке.

Среди этих проектов необходимо назвать стихи участников поэтической студии «Чайное дело» – студентов БГПУ, опубликованные в 2008–2010 гг. на страницах нескольких номеров литературного альманаха «Амур» и представлявших собой «удивительный культурный симбиоз» [21: с. 91]. Кроме того, в этом же ряду находятся стихи, созданные Ли Яньлином. С 1992 г. они публикуются на страницах «Амурской правды» и «Амурской газеты», альманахов «Приамурье» и «Амур», а с 1994 г. в Благовещенске выходят его поэтические сборники [10–15].

В своих стихах Ли Яньлин стремится навести своего рода «мосты дружбы» между Россией и Китаем. Так, в знаменитом стихотворении «Амур» поэт использует один из ключевых для поэзии Приамурья образов – образ пограничной реки. При этом он вводит в него новый оттенок значения:

Река Амур, Вы – чудесный романс.
Но музыка Ваша звучит лишь тогда,
Когда китайцы и русские
Живут как друзья.
В согласии добром.
Как ныне [15: с. 20].

Можно убедиться, что для лирического героя Ли Яньлина главной потребностью становится гармония отношений двух братских народов. Эта тема гармонии и преодоления разделяющих две страны границ становится одной из ключевых в поэзии китайского автора.

При этом основой преодоления границ для Ли Яньлина выступает любовь, не случайно свой первый сборник он называет «Я люблю Россию». И образ реки Амур имеет для автора именно такое значение – река любви. Так, в одном из стихотворений об Амуре поэт подчеркивает: «краше и древнее всех на свете / Река любви – великая река» [15: с. 33]. Автор усиливает символизм стихотворения, вводя новые смыслы: эта река имеет «два истока», «в двух направлениях течет», «соединяет континенты». Так автор в одном контексте объединяет смыслы, которые в сознании читателя связаны с образом Амура – бога любви и образом пограничной реки, которая способна «влюбленные сердца» соединять [15: с. 33]. Именно поэтому в творчестве Ли Яньлина мотив любви признается нами «доминантой поэтической тональности произведений о России» [7: с. 230].

4. Издание сборников прозы и поэзии китайских и русских писателей на двух языках.

Например, в 2014 г. свет увидел стихотворный сборник «Берега» [1], а в 2015-м – сборник прозы «Наша победа» [16].

Они появились при самом деятельном участии Ли Яньлина и Константина Воронова. Заслуга успешной реализации этих проектов принадлежит не только самим писателям, но и поддерживающим их институциям двух сопредельных территорий – Амурской писательской организации и писательских организаций провинции Хэйлунцзян.

Сборник «Берега» является переработанной и сокращенной версией сборника «Везде цветет июньская сирень»: здесь представлено почти на 100 стихотворений меньше. Но уникальность «Берегов» связана с тем, что опубликованы оба варианта – русский оригинал стихотворения и его перевод на китайский. Благодаря этому и у русского, и у китайского читателя появляется возможность не только познакомиться со стихами амурских поэтов, но и понять, в каком виде они приходят к читателю на другом языке.

Причиной появления сборника «Наша победа», приуроченного к 70-летию окончания Второй мировой войны, стало стремление взглянуть на события прошлого глазами двух народов, чтобы не только вспомнить о героических битвах, но и лучше понять друг друга.

Главная тема сборника – тема победы китайского народа в войне с Японией. Она рассмотрена в прозе русских и китайских поэтов, писателей, ученых. Так, «Нашу победу» составили произведения участников военных событий П. Комарова, К. Овечкина и А. Головина. Сюда же вошли и рассказы современных писателей А. Воронкова и И. Игнатенко, в которых преобладает стремление передать драматизм и многомерность этой темы. В сборник вошли и произведения китайских авторов – Лю Цуньиня, Лю Дунлуна, Ли Цзюньшэна. Их объединяют мотивы мирного сосуществования народов-соседей, совместного противостояния общему врагу, сохранения памяти о подвиге советских воинов. Все это помогает придать новое звучание и глубину теме освобождения Китая от японских захватчиков, тем самым привлекая к ней внимание современного читателя.

Реализация проектов двуязычных сборников стихов и прозы авторов из России и Китая – очень значимое явление. Его глубинный смысл, на наш взгляд, заключается в расширении каналов взаимодействия культур двух стран-соседей, в появлении текстов, которые помогают укрепить межкультурное сотрудничество.

Не случайно сборник «Берега» завершается стихотворением Ли Яньлина:

Березки,
вы – амурские.
Ветерок – я,
прилетел с юга.
Можно,
я пошевелю
ваши ветки,
чтобы скорее
развеять
ваши зимние сны? [1: с. 122].

Как видим, лирический герой стихотворения отождествляет себя с южным китайским ветром, а русских друзей метафорически представляет в образе берез, для встречи с которыми он преодолевает тысячи километров границ.

Заключение

Подводя итоги проведенного анализа, мы хотим отметить, что на разных этапах развития добрососедских отношений между Россией и Китаем наиболее активная роль принадлежала разным институциям, однако сохранялась определённая преемственность в их деятельности.

Так, в 1950-е гг. институцией, способствующей укреплению российско-китайских литературных контактов, стала Амурская писательская организация и издаваемый ею литературный альманах «Приамурье». В 1990-е в этом же альманахе была напечатана новая подборка стихов китайских авторов, открывшая новую эпоху в развитии литературных контактов.

В 2000-е гг. в ряду этих институций появилась образовательная организация – Благовещенский государственный педагогический университет. На его базе с 2002 г. выходит в свет альманах «Амур», в котором есть рубрика «Россия – Китай: диалог культур». Кроме того, при БГПУ создан центр по изучению литературы Приамурья, сотрудники которого делают много для укрепления российско-китайских литературных контактов.

Таким образом, наиболее значимыми институциями можно признать Амурскую писательскую организацию, Благовещенский государственный педагогический университет и связанные с ними альманахи «Приамурье» и «Амур».

Изучение деятельности этих литературных институций доказывает, что они сыграли и продолжают играть очень важную роль в укреплении российско-китайских литературных контактов, порождая уникальные феномены межграницного культурного сотрудничества и способствуя более глубинному пониманию менталитета и культуры Китая и России.

Список источников

1. Берега: Стихи русских и китайских поэтов. Благовещенск : Визави, 2014. 128 с.
2. 书: «六月 = Везде цветет июньская сирень : сборник стихов амурских поэтов. Пекин : Китайская молодёжь, 2008. 226 с.
3. Волков Л. Бросает на небо заря позолоту // Дальний Восток. 1894. № 26. 6 марта.

4. Голоса друзей: Переводы стихов китайских поэтов провинции Ляонин. Благовещенск : Радуга. 36 с.
5. Ерёмин И.А. Петухи // Стоят на Амуре русские сёла. Благовещенск : Хаб. кн. изд-во, 1978. С. 122–125.
6. Киреева Н.В. Русско-китайские литературные контакты в Приамурье на рубеже XX–XXI веков // Россия и Китай: История и перспективы сотрудничества : материалы VII международной научно-практической конференции. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2017. С. 549–554.
7. Киреева Н.В. Ли Яньлин (Янлен) // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков / Составление, редактирование, вступ. статья А.В. Урманова. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2013. С. 228–230.
8. Киреева Н.В., Чжан Ливэй. Роль культурных институций приграничных территорий в продвижении литературных произведений российских и китайских авторов к читателю (на примере Амурской области и провинции Хэйлуцзян) // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2019. Т. 2, № 4 (40). С. 45–49.
9. Ли Яньлин. «Даже если тяжело, я шагаю вперед!» // Амур: Литературный альманах БГПУ. 2020. № 19. С. 61–65.
10. Ли Янлен. И по маме, и по папе. Стихи // Приамурье: Литературно-художественный альманах. 2008. С. 172–173.
11. Ли Янлен. Следы на Красной площади. Стихи. Воспоминания // Приамурье: Литературно-художественный альманах. 2010. С. 192–198.
12. Ли Янлен. Я люблю Россию: Стихи. Благовещенск : Амурское отд-ние Литфонда РФ, 1994. 48 с.
13. Ли Янлен. Песня о берегах Амура: Вторая книга стихов. Благовещенск : Амурское отделение Литфонда РФ, 1996. 104 с.
14. Ли Янлен. Сердце к сердцу: Стихи. Благовещенск : Амурское отд-ние Литфонда РФ, 1998. 104 с.
15. Ли Янлен. Избранные стихи. Благовещенск : Амурское отд-ние Литфонда РФ, 2001. 218 с.
16. Наша победа. Рассказы амурских и хэйлуцзянских авторов (на русском и китайском языках) / сост. К. Воронов, Ли Яньлин. Благовещенск, 2015. 144 с.
17. Приамурье: Литературно-художественный и общественно-политический альманах. 1956. № 5.
18. Стихи молодых поэтов Китая // Приамурье: Литературно-художественный и общественно-политический альманах. 1957. № 6. С. 20–26.
19. Соломенник В.В., Урманов А.В. Хроника литературной жизни Приамурья // Энциклопедия литературной жизни Приамурья XIX–XXI веков / Составление, редактирование, вступ. статья А.В. Урманова. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2013. С. 455–479.
20. Тарасова Г.М. Кобыла Звездочка : [рассказ из кн. «У братьев наших меньших»]: (в помощь изучающим кит. яз.) [ил. Т. Сиренко, Д. Тихомировой]. Благовещенск; Харбин : РИО, 2006. 15 с.
21. «Чайное дело»: «Услышим звук осени» // Амур: Литературный альманах БГПУ. 2010. № 9. С. 91–92.
22. Чжан Ливэй. Тематика поэтического сборника «Везде цветет июньская сирень» // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества : материалы VII международной научно-практической конференции. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2017. С. 609–612.

References

1. *Berega: Stihy russkikh i kitajskih poetov* [Shores: Poems by Russian and Chinese poets]. Blagoveshchensk : Vis-a-Vis, 2014. 128 p. (In Russ.).
2. 书: "六月 = *Vezde cvetet iyun'skaya siren'* : *sbornik stihov amurskikh poetov* [June lilac blooms everywhere: a collection of poems by Amur poets]. Beijing : Chinese Youth, 2008. 226 p. (In Russ.).
3. Volkov L. *Brosaet na nebo zarya pozolotu* [Throws the dawn gilding on the sky] // Far East. 1894. No. 26. March 6. (In Russ.).
4. *Golosa druzej: Perevody stihov kitajskih poetov provincii Lyaonin* [Voices of Friends: Translations of poems by Chinese poets of Liaoning Province]. Blagoveshchensk : Rainbow. 36 p. (In Russ.).
5. Eremin I.A. *Petuhi* [Cocks] // There are Russian villages on the Amur. Blagoveshchensk : Hub. kn. ed., 1978. P. 122–125. (In Russ.).
6. Kireeva N.V. *Russko-kitajskie literaturnye kontakty v Priamur'e na rubezhe XX–XXI vekov* [Russian-Chinese literary contacts in the Amur region at the turn of the XX–XXI centuries] // Russia and China: History and prospects of cooperation : materials of the VII International Scientific and Practical Conference. Blagoveshchensk : Publishing House of BSPU, 2017. P. 549–554. (In Russ.).
7. Kireeva N.V. *Li Yan'lin (YAnlen)* [Li Yanlin (Yanlen)] // Encyclopedia of literary life of the Amur region of the XIX–XXI centuries / Compilation, editing, introduction. article by A.V. Urmanov. Blagoveshchensk : Publishing House of BSPU, 2013. P. 228–230. (In Russ.).
8. Kireeva N.V., Zhang Liwei. *Rol' kul'turnyh institucij prigranichnyh territorij v prodvizenii literaturnyh proizvedenij rossijskikh i kitajskih avtorov k chitatelju (na primere Amurskoj oblasti i provincii Hejlunczyan)* [The role of cultural institutions of border territories in promoting literary works of Russian and Chinese authors to the reader (on the example of the Amur Region and Heilongjiang province)] // Scientific Notes of the Komsomolsk-on-Amur State Technical University. 2019. Vol. 2, no. 4 (40). P. 45–49. (In Russ.).
9. Li Yanling. «*Dazhe esli tyazhelo, ya shagayu vpered!*» ["Even if it's hard, I'm stepping forward!"] // Amur: Literary Almanac of BSPU. 2020. No. 19. P. 61–65. (In Russ.).
10. Li Yanlen. *I po mame, i po pape. Stihy* [And for mom and Dad. Poems] // Amur region: Literary and artistic almanac. 2008. P. 172–173. (In Russ.).
11. Li Yanlen. *Sledy na Krasnoj ploschchadi. Stihy. Vospominaniya* [Footprints on Red Square. Poems. Memories] // Amur region: Literary and artistic almanac. 2010. P. 192–198. (In Russ.).
12. Li Yanlen. *Ya lyublyu Rossiyu: Stihy* [I love Russia: Poems]. Blagoveshchensk : Amur branch. Literary Fund of the Russian Federation, 1994. 48 p. (In Russ.).
13. Li Yanlen. *Pesnya o beregah Amura: Vtoraya kniga stihov* [A song about the banks of the Amur: The second book of poems]. Blagoveshchensk : Amur Branch of the Literary Fund of the Russian Federation, 1996. 104 p. (In Russ.).

14. Li Yanlen. *Serdce k serdcu: Stihi* [Heart to heart: Poems]. Blagoveshchensk : Amur branch of the Literary Fund of the Russian Federation, 1998. 104 p. (In Russ.).
15. Li Yanlen. *Izbranye stihi* [Selected poems]. Blagoveshchensk : Amur branch of the Literary Fund of the Russian Federation, 2001. 218 p. (In Russ.).
16. *Nasha pobeda. Rasskazy amurskih i hejlunczyanskih avtorov (na ruskom i kitajskom yazykah)* [Our victory. Stories of Amur and Heilongjiang authors (in Russian and Chinese)] / comp. K. Voronov, Li Yanlin. Blagoveshchensk, 2015. 144 p. (In Russ.).
17. *Priamur'e: Literaturno-hudozhestvennyj i obshchestvenno-politicheskij al'manah* [Priamurye: Literary-artistic and socio-political almanac]. 1956. No. 5. (In Russ.).
18. *Stihi molodyh poetov Kitaya* [Poems of young poets of China] // Amur region: Literary-artistic and socio-political almanac. 1957. No. 6. P. 20–26. (In Russ.).
19. Solomennik V.V., Urmanov A.V. *Hronika literaturnoj zhizni Priamur'ya* [Chronicle of literary life of the Amur region] // Encyclopedia of literary life of the Amur region of the XIX–XXI centuries / Compilation, editing, introduction. article by A.V. Urmanov. Blagoveshchensk : Publishing House of BSPU, 2013. P. 455–479. (In Russ.).
20. Tarasova G.M. *Kobyła Zvezdochka : [rasskaz iz kn. «U brat'ev nashih men'shih»]: (v pomoshch' izuchayushchim kit. yaz.) [il. T. Sirenko, D. Tikhomirovoj]* [Mare Asterisk: [a story from the book. "Our lesser brothers"]: (to help students of Chinese) [ill. T. Sirenko, D. Tikhomirova]]. Blagoveshchensk; Harbin : RIO, 2006. 15 p. (In Russ.).
21. «*CHajnoe delo*»: «*Uslyshim zvuk oseni*» ["Tea business": "Let's hear the sound of autumn"] // Amur: Literary almanac of BSPU. 2010. No. 9. P. 91–92. (In Russ.).
22. Zhang Liwei. *Tematika poeticheskogo sbornika "Vezde cvetet iyun'skaya siren"* [The theme of the poetry collection "June lilac blooms everywhere"] // Russia and China: history and prospects of cooperation : materials of the VII International/ (In Russ.).

Информация об авторе

Н.В. Киреева – доктор филологических наук, профессор.

Information about the author

N.V. Kireeva – Doctor of Science (Philology), Professor.

Статья поступила в редакцию 13.12.2021; одобрена после рецензирования 13.01.2022; принята к публикации 09.02.2022.
The article was submitted 13.12.2021; approved after reviewing 13.01.2022; accepted for publication 09.02.2022.

Научная статья
УДК 82-1:791.62
doi: 10.31079/1992-2868-2022-19-2-105-112

МОНТАЖНОСТЬ КАК ПРИНЦИП ПОЭТИКИ МАЯКОВСКОГО

Анастасия Викторовна Брейтман

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, brejtman54@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются особенности поэтики В. Маяковского. В качестве одного из ведущих её принципов проанализирована монтажность. Монтаж представляет собой главное специфическое средство киноискусства, отбор художником событий, их сопоставление в определенном темпе и ритме, из чего складывается концепция режиссёра.

Ключевые слова: В. Маяковский; поэтика; монтаж; монтажность

Original article

MONTAGE AS A PRINCIPLE OF MAYAKOVSKY'S POETICS

Anastasia V. Breitman

Pacific National University, Khabarovsk, Russia, brejtman54@mail.ru

Abstract. The features of V. Mayakovsky's poetics are considered. As one of its leading principles, montage is analyzed. Editing is the main specific means of cinematography, the artist's selection of events, their comparison at a certain pace and rhythm, from which the director's concept is formed.

Keywords: V. Mayakovsky; poetics; editing; editing

Для вас кино – зрелище.
Для меня – почти мирозерцание.
Кино – проводник движения.
Кино – новатор литератур.

В. Маяковский

Кинематограф для поэта В. Маяковского, как и для других художников начала XX в., остро чувствующих стремительный ритм новой эпохи, – это «новая философия жизни и творчества» [7: т. 11, с. 157]. Деятели нового века стремились в своём творчестве передать масштаб и динамику великих социальных перемен. Рождение нового вида искусства, его особый язык не могли не повлиять на современные литературу, живопись, театр. Проникновение принципов кинематографической образности и поэтики в искусство слова определило во многом эстетическую новизну поэзии и прозы первой половины XX в.

Исследователи творчества Маяковского уже давно отмечали зрелищный характер художественного строя его произведений. Талант художника всё подчинял неизменной «диктатуре глаза». Об этом красноречиво свидетельствует работа поэта в «окнах РОСТА».

Многие тексты Маяковского 1920-х гг. строятся как режиссёрский сценарий, с разбивкой по «кадрам» и чётким описанием того, что в каждом «кадре» должно быть. Например, в сатирической коме-

дии «Слон и спичка» растолстевший советский чиновник приехал на курорт и всеми силами пытается похудеть¹.

«176. Крупно: жуящий пирожок.

177. Крупно: рука, мажущая масло на калач.

178. Крупно: нюхаемая рыба.

179. Крупно: лицо зава, косящегося всеядно. Достал из кармана листок – рецепт-режим. Прикрылся, читает. «Режим гр-ну Иванову. Нельзя есть... Нельзя.

Но в конце концов сдаётся, так как он не волевой человек.

[.....]

187. Зав без разбора лопаёт всё подвернувшееся: и тарань, и черешни, и баранки, и виноград.

188. В окне вагона жена в ужасе...» [7: т. 2, с. 227].

Образы Маяковского воспринимаются читателем в движении, организованном по законам кинематографа. Средства, обеспечивающие динамику поэтических образов, складываются в целостную систему

¹ Цитируется по сценарной записи с сохранением покадровой нумерации.

кинематографических средств, куда входят планы, ракурсы, монтаж, звуковой ряд, динамика цвета, динамика пространственных перемещений и т.д. [8].

Главное специфическое средство киноискусства – монтаж. Монтаж – это отбор художником событий, их сопоставление в определенном темпе и ритме, из чего складывается концепция режиссёра. В работе С. Эйзенштейна «Монтаж 1938» аргументируется, что монтаж – общеродовое свойство искусства, «метод», присущий и литературе, и театру, и кино. Эйзенштейн не видит «противоречия между методом, которым пишет поэт, методом, которым действует воплощающий его актер внутри себя, методом, которым тот же актер совершает поступки внутри кадра, и тем методом, которым его действия, его поступки, как и действия его окружения и среды (и вообще весь материал кинокартины) сверкают, искрятся и переливаются в руках режиссера через средства монтажного изложения и построения фильма в целом» [9]. «С подобным же ро- ем картин, строго отобранных и сведенных к предельной лаконике двух-трех деталей, мы непременно будем иметь дело в лучших образцах литературы» [9]. В строфике Маяковского – «лесенке» – режиссер видит почерк опытного монтажера. «В его "рубленной строке" расчленения ведутся не по границам стиха, а по границам "кадров"» [9].

Фокус зрения, предложенный Эйзенштейном, может стать основой современной методики изучения стихотворений Маяковского в школе и вузе, в рамках активно развивающегося направления: исследования визуализации произведений словесного искусства. Выявление визуально-динамического потенциала поэтического текста Маяковского можно осуществить посредством его «раскадровки» или составления монтажного листа, работу над которым можно проводить на занятиях. Анализ «раскадровки» текста в учебной аудитории или на уроке в школе позволяет наглядно представить интеграцию приёмов кино в поэтический текст на разных его уровнях. Данный метод помогает сделать понятным для современных школьников функциональный смысл строфики поэта, его знаменитой «лесенки» и в целом осознать новаторство поэтического стиля Маяковского.

Попробуем применить метод «раскадровки» (составления монтажного листа) для анализа стихотво-

рения «Мама и убитый немцами вечер» (1915). Обязательным условием эффективности применения этой методики является знакомство с основами языка кино. Можно использовать таблицу «Язык кино» из пособия А.С. Брейтмана [1]. Теоретический инструментарий, достаточный для работы, сводится к следующему комплексу понятий:

– *Монтаж: внутрикадровый и межкадровый.*
– *Внутрикадровый монтаж* включает в себя *зрительный и звуковой ряды.*

– *Зрительный ряд* предполагает *планы* (общий – о.п., средний – с.п., крупный – к.п., сверхкрупный – с.к.п., дальний – д.п.), *ракурсы* (верхний – в.р., нижний – н.р., справа, слева), *актёрскую пластику, предметность, пространство, освещённость, цвет и др.*

– *Звуковой ряд* строится как сочетание *устной или письменной речи, музыки, шума, тишины.*

Соединение зрительного и звукового рядов создают *внутрикадровую композицию, внутрикадровый звукозрительный монтаж.*

– *Межкадровый монтаж* как последовательность соединения кадров – картин, «сверкающих в руках режиссера», строится на бесконечном разнообразии художественных эффектов, среди которых самыми простыми могут быть повтор, контраст, лейтмотив и т.д.

– *Монтаж* также бывает *последовательным* (отображает события в хронологической последовательности) и *параллельным* (отображает одновременно происходящие события).

Для начала подобной работы учителю необходимо самому выделить последовательность картин, возникающих при восприятии поэтического текста, т.е. сделать «раскадровку» текста либо его фрагментов. Преподаватель дает понять учащимся, что визуализация текста – творческий процесс, сотворчество. Поэтому предложенный учителем вариант имеет индивидуальный характер, видение учеников может отличаться от его видения. Работа над первыми 14 строками стихотворения Маяковского «Мама и убитый немцами вечер», разложенными в монтажный лист, направлена на раскрытие кинематографического потенциала текста, выразительности внутрикадровой и межкадровой композиции (табл. 1).

Таблица 1

«Раскадровка» первых строк стихотворения

Текст Маяковского	«Раскадровка»
По черным улицам белые матери судорожно простерлись, как по гробу газет. Вплакались в орущих о побитом неприятеле: «Ах, закройте, закройте глаза газет!»	Кадр 1 [По черным улицам белые матери судорожно простерлись, как по гробу газет (д.п., верхн. р.). Вплакались в орущих о побитом неприятеле (об.п.): «Ах, закройте, закройте глаза газет!»]

Текст Маяковского	«Раскадровка»
Письмо. Мама, громче! Дым. Дым. Дым еще! Что вы мямлите, мама, мне? Видите – весь воздух вымощен громыхающим под ядрами камнем! Ма-а-а-ма!	Кадр 2 [Письмо (кр.п.)]. Кадр 3 [Мама, громче! Дым (об.п.)]. Кадр 4 [Дым (ср.п.)] Кадр 5 [Дым ещё! Что вы мямлите, мама, мне? Видите – (кр. п.)] Кадр 6 [весь воздух вымощен громыхающим под ядрами камнем! Ма-а-а-ма! (кр.п.)]

Мы продемонстрируем несколько способов работы с «раскадровкой», оформленных как виды учебных заданий, и приведем предполагаемые ответы. Автор статьи моделирует наиболее полные, «идеальные» ответы с целью показать эффективность предложенной методики анализа поэтического текста.

Задание 1. В предложенном монтажном листе первый кадр имеет сложную монтажную композицию. Распишите его внутрикадровую композицию, зрительный и звуковой ряды. Объясните эстетический эффект сложности внутрикадровой композиции первого кадра.

Возможный вариант ответа.

1-й кадр

По черным улицам белые матери
Судорожно простерлись, как по гробу глазет.
Вплакались в орущих о побитом неприятеле:
«Ах, закройте, закройте глаза газет!»

«Зрительный ряд»: общий план, верхний ракурс – панорама улиц как чёрных газетных страниц с простёршимися фигурками-строчками матерей, скорбящих по убитым сыновьям.

Звуковой ряд: смешанный шум газетных ликований «о побитом неприятеле» и плач матерей.

Газеты «орут» о победах, а плачущие матери, похоронившие сыновей/закрывшие им глаза, не в силах выносить ура-патриотическую истерию прессы и просят, требуют убрать эти бесстыдные полосы: «Ах, закройте, закройте глаза газет!» Ведь победы – ложь, а правда – смерть их детей. Общим планом и верхним ракурсом даётся панорама улиц, на которых совершаются похороны погибших воинов. А матери (возможно, в белых платках) простираются по чёрным гробам, обитым белым газетом. Общий план, верхний ракурс помогает «увидеть» массовость потерь. Звуковой ряд, сопровождающий зрительный, тоже строится сложно. Это контраст газетных ликований «о побитом неприятеле» и плача матерей.

Посредством внутрикадровой монтажной композиции, объединяющей в единое целое зрительный (улицы, матери) и звуковой (оружие газеты, плачущие-кричащие матери) ряды, противопоставляются ложь газетных репортажей о победах с реальностью массовой гибели воинов и горя матерей. Контраст «зрительного» и звукового рядов образует метафору невероятной эмоциональной силы, ведущей к постепенному зрительному превращению панорамы черных улиц (с белыми матерями) в черно-белые страницы газет. Это предполагает смену планов: общего на средний (или крупный). Черные улицы и белые матери превращаются в белые газетные поля с черными строчками текста. Зрительная противопоставленность чёрного и белого отражает контраст лицемерия и искренности, правды и лжи. Метафора разворачивается монтажно. Мы видим сложность и емкость внутренней композиции первого кадра, соответствующего первому четверостишию стихотворения.

Задание 2. Распишите «зрительный» и звуковой ряды второго кадра. Раскройте выразительность монтажного соединения 1-го и 2-го кадров.

Возможный вариант ответа.

2-й кадр

Письмо.

«Зрительный ряд»: крупный план, верхний ракурс, письмо, в конверте на столе или передаваемое из рук почтальона в руки матери.

Звуковой ряд: выразительный эффект тишины.

Монтажный стык первого и второго кадров построен на контрасте большой художественной силы. Крупный план, возникающий во втором кадре, контрастирует с общим и средним планами в первом кадре. Предметная множественность первого кадра (гробы, матери, строчки, газеты) сменяется единичностью второго кадра. Происходит переход от массовых похорон к личной, частной трагедии. Смешанность звукового ряда и молчание второго кадра выразительно передают страх матери перед получением письма, ведь оно может быть последним.

Задание 3. Визуализируйте и опишите словом происходящее в 3–6-м кадрах. В чем эстетический эффект трижды повторяющегося слова «дым», образующего три отдельных кадра? Раскройте художественную силу знаменитой «лесенки» Маяковского.

Возможный вариант ответа.

3-й кадр

Мама, громче!

Дым.

«Зрительный ряд»: общий план, кадр заполняют удушающие клубы дыма.

Звуковой ряд: слабый крик солдата на поле боя, звучащий как призыв-желание проститься с матерью, приглушённые звуки орудий.

Стремительное перемещение в пространстве. Из пространства городской квартиры на поле сражения. Это поля сражений Первой мировой войны. Что касается художественного времени, то, возможно, эти события происходят одновременно и поданы методом параллельного монтажа. Быть может, в тот момент, когда мать читает его письмо, сын переживает последние мгновения жизни. Клубы дыма артиллерийских орудий, соединённые с впервые применяемыми на полях Первой мировой войны отравляющими веществами, – вызывающая особый ужас газовая атака. В этих лаконичных строках передан ужас человека перед оружием массового поражения. Соединение звукового и «зрительного» рядов: голос солдата, невидимого и задыхающегося в густом дыму, зовущий мать для последнего прощания.

4-й кадр

Дым.

«Зрительный ряд»: средний план, нарастание задымления.

Звуковой ряд: тишина.

При отсутствии звука нарастание интенсивности задымления создает ощущение, что героя уже нет в живых. Звукоразительный монтаж создает образ страшной, мёртвой тишины, контрастирующий с «криком» предыдущего кадра.

5-й кадр

Дым ещё!

Что вы мямлите, мама, мне?

Видите –

«Зрительный ряд»: крупный план, ракурс – снизу, сквозь клубы дыма начинают проявляться контуры лица солдата.

Звуковой ряд: полубредовая речь погибающего воина, обращенная к матери.

В мертвой тишине из клубов дыма выплывает крупным планом размытое лицо еще живого воина, судорожно пытающегося разговаривать с матерью. Но слова уже невняты. Слово «дым», последовательно повторяющееся в трех строках, образует

3 кадра (4-й, 5-й, 6-й), усиливая напряжённость действия. По мысли Эйзенштейна, сопровождаемое укрупнением плана нарастание интенсивности звукового образа (от тишины до крика) сопряжено с усилением драматизма. Этот монтажный прием дает возможность вместе с героем пережить его последние мгновения перед смертью. Строфически он выражается «лесенкой».

6-й кадр

весь воздух вымошен громяющим под ядрами камнем!

Ма-а-а-ма!

«Зрительный ряд»: общий план, снизу, то, что видит лежащий умирающий солдат, смотря вверх.

Звуковой ряд: грохот орудий и длящийся последний крик воина «Ма-а-а-ма!».

Смена крупного и общего планов на стыке с предыдущим 5-м кадром глубоко драматична: от лица умирающего – к тому, что он видит в последний миг. «Ракурс» снизу увеличивает изображение: умирающий смотрит вверх и видит панораму летящих ядер. Он силится перекричать криком «Мама!» Ему не суждено увидеть перед смертью спокойного, высокого неба, как герою Толстого Андрею Болконскому. Всюду смятение и ужас смерти.

Задание 4. Предложите другой вариант раскладки текста. Обоснуйте его возможность.

Учащимся в процессе такой работы с текстом становится понятно, что антивоенная идея в стихотворении Маяковского выражается через систему кинематографических средств художественной выразительности. Можно для яркого сравнения вспомнить антивоенный пафос и словесные средства его выражения в прозе Толстого («Севастопольские рассказы», «Война и мир»). У Маяковского отсутствует идеологическая риторика, персонификация образа врага. Это позволяет снять обусловленность и создать художественное обобщение поистине космического масштаба. Сюжет и композиция организуются монтажно.

Разорванность, фрагментарность сюжета, композиции, образов создает особый драматизм, динамизм и объемность смысла. Стремительные пространственно-временные перемещения (смена планов, ракурсов), контрастная игра света, цвета и звука, повышенная функциональность звуковых образов, их осязаемая автономность относительно источника, – все это очевидные признаки монтажного мышления поэта. С ним же напрямую связана и особенность строфики. В стихотворении «Мама и убитый немцами вечер» яркий пример «лесенки» заключается в трехкратном повторении слова «дым» с новой строки. Метод работы с «раскадровкой» текста позволил подтвердить тезис Эйзенштейна о том, что расположение отдельных слов, иногда повторяющихся построчно, лесенкой, усиливает нарастание

интенсивности действия. Это сопряжено с укрупнением плана и углублением психологизма. *Учащиеся придут к мысли, что не существует одного варианта раскадровки. Восприятие стихотворения глубоко индивидуально. И составление «раскадровки» – сотворчество с поэтом.*

Следует обратить внимание учащихся на срединную часть стихотворения, где возникает воображаемое, фантастическое пространство.

Если в рассмотренных нами первых 14 строках стихотворения имел место параллельный монтаж (события на городских улицах, в квартире матери и на поле сражения), то срединная часть стихотворения, по классификации А.В. Соколовой, представляет собой метафорический монтаж (табл. 2)².

Лирический пафос стихотворения определяется наличием особых динамических, развернутых метафор Маяковского. Главная метафора фигурирует в заголовке стихотворения – «убитый немцами вечер», «израненный вечер». Зримость и пластичность метафорических образов парадоксально сочетается с

их фантастичностью. Это дало повод исследователю Соколовой сравнивать этот аспект поэтики Маяковского с живописью экспрессионистов. На наш взгляд, здесь явное сходство с анимацией. Размах авторского воображения, динамичность образов, разворачивающихся в целые микросюжеты, сообщают метафоре Маяковского сходство со «сверхкино». Так назван этот вид искусства в одноименной книге Ларисой Малюковой [11]. Главное в анимации – передача фазованного движения образов, созданных авторским воображением. У Маяковского монтажный принцип организации образов реализуется и кинематографически, и анимационно. Этот вопрос можно предложить на обсуждение учащимся. Бытование фантастических образов в художественном мире поэта происходит по законам анимации, которая как вид зрительного искусства также зародилась на рубеже XIX–XX вв. Первым мультфильмом принято считать кукольный фильм «Цирк лилипутов», показанный в Париже в 1898 г.

Таблица 2

«Раскадровка» срединной части стихотворения

Текст Маяковского	«Раскадровка»
Сейчас притащили израненный вечер. Крепился долго, кургузый, шершавый, и вдруг, – надломивши тучные плечи, расплакался, бедный, на шее Варшавы. Звезды в платочках из синего ситца визжали: «Убит, дорогой, дорогой мой!» И глаз новолуния страшно косится на мертвый кулак с зажатой обоймой. Сбежались смотреть литовские села, как, поцелуем в обрубок вкована, слеза золотые глаза костелов, пальцы улиц ломала Ковна. А вечер кричит, безногий, безрукий: «Неправда, я еще могу-с – хе! – Выбряцав шпоры в горячей мазурке, выкрутить русский ус!»	7-й кадр <i>Сейчас притащили израненный вечер...</i> 8-й кадр <i>Крепился долго, кургузый, шершавый,</i> 9-й кадр <i>и вдруг, – надломивши тучные плечи, расплакался, бедный, на шее Варшавы.</i> 10-й кадр <i>Звезды в платочках из синего ситца визжали: «Убит Дорогой, дорогой мой!»</i> 11-й кадр <i>И глаз новолуния страшно косится на мертвый кулак с зажатой обоймой.</i> 12-й кадр <i>Сбежались смотреть литовские села,</i> 13-й кадр <i>Как, поцелуем в обрубок вкована,</i> 14-й кадр <i>Слеза золотые глаза костелов, Пальцы улиц ломала Ковна.</i> 15-й кадр <i>А вечер кричит безногий, безрукий: «Неправда, я еще могу-с – хе! – Выбряцав шпоры в горячей мазурке, выкрутить русский ус!»</i>

² А.В. Соколова выделяет в поэзии Маяковского три вида монтажности: параллельный, ассоциативный и метафорический.

Метафоре «убитый немцами вечер» придается космический масштаб. Скорбь по гибнущим на земле солдатам предельно укрупняется. Человек погиб, и Вселенная скорбит и оплакивает каждого. «Израженный» вечер плачет «на шее Варшавы», «надломивши плечи». Звезды «в платочках... визжат», «поцелуем в обрубок вкована... пальцы улиц ломала Ковна». Ковна – современный город Вильнюс.

Динамизм картины вселенского оплакивания выражается посредством большого количества глаголов и отглагольных форм: «притащили», «крепился», «надломивши», «расплакался», «убит», «визжали», «косится», «зажатой», «кричит», «могус», «выбрыцав», «выкрутить» (всего 12). Соответственно монтажному листу фрагмент укладывается в 9 кадров-изображений. При этом все из них, за исключением 7-го и 12-го, имеют сложную внутрикадровую композицию, предполагающую смену двух или нескольких планов, последовательное укрупнение и др.

Задание 5. Нарисуйте «израженный вечер».

Для учащихся 11-го класса КГАОУ КЦО (Хабаровск) это трудное задание оказалось возможным. Иллюстрации вполне напомнили кадры авторского анимационного фильма. Учащаяся 11-го класса Юлия Цингот сделала три иллюстрации к 8-му, 9-му и 10-му кадрам стихотворения. Автор иллюстраций постаралась учесть внутрикадровую и межкадровую монтажность текста (рис. 1–3).

Рис 1. Кадр 8.
Крепился долго, / Кургузый/ Шершавый...

Рис. 2. Кадр 9.
И вдруг / надломивши тучные плечи, /
расплакался, бедный, на шее Варшавы

Рис. 3. Кадр 10.
Звезды в платочках из синего ситца / визжали:
/ «Убит / дорогой, / дорогой мой!»

Так, в 8-м кадре через прием укрупнения плана («крепился долго, / кургузый, / шершавый...») и 9-м кадре через пофазовость движения израненного вечера («и вдруг, – надломивши тучные плечи, / расплакался, бедный, на шее Варшавы») имеет место прием углубления психологизма. Строфическое его выражение – «лесенка». Возникает острое чувство жалости к «кургузому вечеру», изуродованно-войной, ищущему – как ребенок у матери, мужчине у женщины – утешения на «шее Варшавы». То же можем наблюдать и в 10-м кадре со сложным звуковым рядом («Убит / дорогой, / дорогой мой!»): нарастание личного горя, отчаяния близких от потери любимого человека.

«Звезды», Варшава, Ковна, литовские села, как матери, жены или сестры, скорбят о потере любимых. Кульминация лирико-фантастического вставного сюжета подчеркивает противоестественность войны. В первой и третьей части стихотворения использовался черно-белый колорит, а здесь появляется цвет, свидетельствующий о сострадании, человечности, которых нет на черно-белой земле. Иллюстрации Юли Цингот прекрасно передают цветность образов, однако золотого цвета на них, к сожалению, нет. Синий ситец платочков на головах звезд и золотые, полные слез, глаза костелов у Ковны, русый ус солдата, – эти образы создают «иконописное» цветовое сочетание. «Безногий», «безрукий» вечер бахвалится тем, что сможет еще и «горящую мазурку» сплясать. И это неожиданное, неоправданное бахвальство усиливает отчаяние и безнадежность.

Третья часть текста стихотворения «Мама и убитый немцами вечер» укладывается в последние два кадра: 16-й и 17-й. Наблюдается возвращение в городское пространство и получение телеграммы о гибели сына (табл. 3). Таким образом, анимационная срединная часть обрамляется частями, представленными кинематографически. В этом сочетании заключается огромный потенциал выразительности Маяковского, который еще предстоит осмыслить.

Таблица 3

«Раскадровка» последней части стихотворения

Текст Маяковского	«Раскадровка»
Звонок. Что вы, мама? Белая, белая, как на гробе глазет. «Оставьте! О нем это, об убитом, телеграмма. Ах, закройте, закройте глаза газет!»	16-й кадр Звонок Что вы, мама? (кр.п.) 17-й кадр Белая, белая, как на гробе глазет. «Оставьте! О нем это, об убитом, телеграмма. Ах, закройте, закройте глаза газет!» (кр.п.)

В результате проведённого анализа поэтического текста с применением методики «раскадровки» учащиеся получают возможность:

– убедиться, что кинематографическая и анимационная монтажность в стихотворении Маяковского «Мама и убитый немцами вечер» позволяет поэту с большой силой выразить антивоенный пафос, избегнув при этом прямого обличения, знакомых риторических формул, поисков виновных;

– параллельный и метафорический монтаж позволяет изобразить гибель одного солдата как трагедию вселенского масштаба, а также в нескольких пронзительных штрихах передать состояние матери, получающей весть о гибели сына, переживания многих матерей, схоронивших своих детей, чувства солдата, гибнущего в газовой атаке, лживость прессы, рапортующей о победах;

– благодаря смене планов и ракурсов, приему укрупнения плана, «лесенке», контрасту света и цвета, экспрессии и контрастности звуковых образов создается ёмкая, многомерная, вписанная в широкое пространство (Варшава, Ковна) и даже в космос картина;

– современные учащиеся, привыкшие скользить по поверхности текста, получают возможность погрузиться в него с самоощущением сотворца-режиссера. Погружение в текст, в свою очередь, позволяет раскрыть уровни, подуровни, элементы поэтической структуры, которые не были бы ими замечены в привычной учебной ситуации;

– увлечение многими школьниками зарубежной анимацией, владение компьютерными программами по созданию анимационных фильмов, обычная практика создания собственных видео на смартфонах откроет для них дополнительные возможности при выполнении задания;

– учащимся, увлечённым голливудской или японской анимацией и получившим опыт работы с поэтическим текстом, будет легче оценить отечественную авторскую анимацию с её глубоким психологизмом, человечностью, неповторимым стилем. Может быть им захочется включиться в творческий процесс экранной визуализации произведений классической поэзии и прозы.

С точки зрения организации педагогического процесса в учебном заведении данная методика может быть эффективно использована при составлении творческих, зачётных, олимпиадных заданий, в проектной деятельности. Сложность футуристической поэтики Маяковского, всегда создающая те или иные трудности на уроке в школе или на семинаре в вузе, может быть преодолена. Учителю, преподавателю необходимо учесть близость мышления и восприятия мира поэта-футуриста и современного школьника или студента. Секрет близости – МОНТАЖНОСТЬ как онтологическое свойство человеческого сознания.

Список источников

1. Брейтман А.С. Основы экранной культуры : учебное пособие. Хабаровск : РИЦ ХГАЭП, 2014. 139 с.
2. Владимир Владимирович Маяковский. URL: <http://mayakovsky.velchel.ru> (дата обращения: 17.03.2022).
3. Гаспаров М.Л. Владимир Маяковский // Очерки истории языка русской поэзии XX века: Опыт описания идиостилей. Москва, 1995. С. 363–395.
4. Кинословарь. URL: <http://students.uni-vologda.ac.ru/pages/pm06/eiv/dict%20-%20lmo.htm> (дата обращения: 17.03.2022).
5. Литература и кино. URL: <http://litena.ru/literaturovedenie/item/f00/s00/e0000261/in> (дата обращения: 17.03.2022).
6. Литература и кино. URL: <http://www.screenwriter.ru/cinema/40/print/> (дата обращения: 17.03.2022).
7. Маяковский В.В. Собрание сочинений в 12 т. Москва : Правда, 1978.
8. Соколова Т.А. Синтез искусств в творчестве В.В. Маяковского: проблемы эстетики и поэтики : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1992.
9. Эйзенштейн С.М. Монтаж. 1938. URL: http://www.lib.ru/CINEMA/kinolit/EJZENSHTJEJN/s_montazh_1938.txt (дата обращения: 17.03.2022).
10. 12 законов и принципов анимации. URL: <http://www.cgarian.ru/poleznosti/12-zakonov-i-principov-animacii.html> (дата обращения: 17.03.2022).
11. Малюкова Л. Сверхкино. Санкт-Петербург : Умная Маша, 2013. 366 с.

References

1. Brejtman A.S. *Osnovy jekrannoj kul'tury: uchebnoe posobie* [Fundamentals of screen culture: a textbook]. Khabarovsk : RIC HGAJeP, 2014. 139 p. (In Russ.).
2. *Vladimir Vladimirovich Majakovskij* [Vladimir Vladimirovich Mayakovsky]. URL: <http://mayakovsky.velchel.ru> (accessed: 17.03.2022). (In Russ.).
3. Gasparov M.L. Vladimir Majakovskij. In: *Oчерки istorii jazyka russkoj poezii XX veka: Oпыты opisaniya idiosincrasij* [Essays on the History of the Language of Russian Poetry of the twentieth Century: Experiments describing Idiosyncrasies]. Moscow, 1995. P. 363–395. (In Russ.).
4. *Kinoslovar'* [Movie Dictionary]. URL: <http://students.uni-vologda.ac.ru/pages/pm06/eiv/dict%20-%20lmo.htm> (accessed: 17.03.2022). (In Russ.).
5. *Literatura i kino* [Literature and cinema]. URL: <http://litena.ru/literaturovedenie/item/f00/s00/e0000261/in> (accessed: 17.03.2022). (In Russ.).
6. *Literatura i kino* [Literature and cinema]. URL: <http://www.screenwriter.ru/cinema/40/print/> (accessed: 17.03.2022). (In Russ.).
7. *Majakovskij V.V. Sобрание sochinenij v 12 tt.* [Collected works in 12 tt .] Moscow : Pravda, 1978. (In Russ.).
8. Sokolova T.A. *Sintez iskusstv v tvorcestve V.V. Majakovskogo: problemy jestetiki i poetiki : avtoreferat dis. ... kand. filol. nauk* [Synthesis of arts in the works of V.V. Mayakovsky: problems of aesthetics and poetics : abstract dis. ... Candidate of Philology. sciences]. Saratov, 1992. (In Russ.).
9. Eisenstein S.M. *Montazh* [Editing] (1938) URL: http://www.lib.ru/CINEMA/kinolit/EJZENSHTJEJN/s_montazh_1938.txt (accessed: 17.03.2022). (In Russ.).
10. *12 zakonov i principov animacii* [12 laws and principles of animation]. URL: <http://www.cgarian.ru/poleznosti/12-zakonov-i-principov-animacii.html>. (accessed: 17.03.2022). (In Russ.).
11. Maljukova L. *Sverhkinno* [Superkino]. Sankt-Peterburg : Umnaja Masha, 2013. 366 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А.В. Брейтман – кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author

A.V. Breitman – Candidate of Science (Philology), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 20.12.2021; одобрена после рецензирования 21.01.2022; принята к публикации 09.02.2022.
The article was submitted 20.12.2021; approved after reviewing 21.01.2022; accepted for publication 09.02.2022.

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ В СОЦИАЛИЗАЦИИ БУДУЩЕГО ПРОФЕССИОНАЛА

Научная статья

УДК 378.091.12:378.015.311

doi: 10.31079/1992-2868-2022-19-2-113-119

ВЫСОКОЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ПРОФЕССИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ – «ФОРМИРОВАТЬ ГРАЖДАНИНА И ЧЕЛОВЕКА»: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Людмила Петровна Лунева

Самарский государственный университет путей сообщения, Самара, Россия, luneva_ipkdo@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются содержательные компоненты понятий «имидж», «педагогический имидж», анализируются на основе изучения педагогических исследований профессиональные и личностные характеристики преподавателя вуза. Большое место в работе уделяется определению роли педагога, общественному значению его профессии, влиянию личности преподавателя на формирование нравственных качеств личности обучающегося.

Ключевые слова: имидж, преподаватель, обучающиеся, педагогический имидж, педагогическая деятельность, профессиональные компетенции, личностные качества, анкетирование

SOCIO-PEDAGOGICAL TECHNOLOGIES IN THE SOCIALIZATION OF THE FUTURE PROFESSIONAL

Original article

THE LOFTY OBJECTIVE OF THE ACADEMIC PROFESSION IS TO MOULD A PERSON AND A SPIRIT – MYTH OR REALITY?

Lyudmila P. Luneva

Samara State Transport University, Samara, Russia, luneva_ipkdo@mail.ru

Abstract. The paper studies content components of the concepts "image", "pedagogical image", analyzes professional and personal characteristics of a university teacher based on pedagogical research. Much attention is paid to the definition of the role of a teacher, social significance of his/her profession, influence of a teacher's personality on students' moral qualities.

Keywords: image, teacher, students, pedagogical image, pedagogical activity, professional competence, personal qualities, questionnaire

Образование и воспитание нераздельны.
Нельзя воспитывать, не передавая знания,
всякое же знание действует воспитательно.

Л. Толстой

Преподаватель должен не только давать знания,
но и быть воспитателем.

Ф.И. Буслаев

Как известно, ключевыми фигурами образовательного процесса в высшей школе являются преподаватель и студент, и, несомненно, что именно на преподавателя возлагается особая задача – подготовить человека к профессиональной деятельности, раскрыть его талант, внутренний потенциал, и, что не менее важно, сформировать и воспитать духовно-нравственную личность. Однако в последнее время в образовательной сфере многое меняется: процессы информатизации и коммерциализации системы образования видоизменяют качественные

характеристики педагогической деятельности, трансформируют функции педагога. В новом формате дистанционных занятий остро ощущается дефицит живого общения, исчезает сотворчество, совместное мышление, где всякий может и должен не спеша высказывать себя. Преподавателю вуза сегодня «вменяются и новые роли: навигатор, модератор, фасилитатор, тьютор, менеджер, консультант, методист, игротехник, т.е. существенно переосмысливается его функционал» [7: с. 5].

И тогда возникают вопросы: «Высокое назначение профессии преподавателя – миф или реальность? Должен ли педагог отступать от этих ценностей во имя прагматической политики?». Автору представляется, что сегодня принципиально важными оказываются вопросы: «ради чего?» и «во имя чего?» трудится преподаватель, а не только «с какой целью?» и «как?» он трудится.

Для многих педагогов профессия – состояние души, призвание и вдохновение. Они – признанные лидеры, несущие колоссальную ответственность, заражающие своей харизмой, помогающие раскрыть талант и внутренний потенциал обучаемого. Именно живая личность, живое общение, а не искусственный интеллект обладают мощной обучающей и воспитательной силой воздействия на человеческую личность. Мы полностью разделяем мнение академика Д.С. Лихачёва, который утверждал, что педагог воспитывает своей личностью, своими знаниями и любовью, своим отношением к миру. И важнейшая, основополагающая задача преподавателя, учителя, воспитателя – формировать гражданина и человека.

К сожалению, как показывает практика, в новой образовательной системе преподаватель вуза, даже обладающий глубокими знаниями, не всегда авторитетен у студентов, порой вызывает у них чувство неудовлетворенности процессом обучения, так как педагог отстает от стремительного темпа инноваций, недооценивает значимость технологий самопрезентации, т.е. не владеет умениями создавать свой современный и позитивный имидж. Возникает определенное противоречие, а именно: «современный преподаватель высшей школы должен быть гармоничной личностью, должен уметь проектировать и совершенствовать собственный профессиональный имидж и делать его успешным, однако в силу разных причин он не всегда соответствует указанным требованиям» [6: с. 108].

В своей работе мы ставили цель: мотивировать преподавателя на формирование успешной имиджевой компетентности посредством ознакомления с базовыми характеристиками понятия «имидж» и оценкой его профессиональной деятельности обучающимися.

Для достижения поставленной цели было необходимо решить следующие задачи:

- изучить и обобщить опубликованные материалы по проблеме исследования;
- определить основные содержательные компоненты понятия «имидж успешного современного преподавателя»;
- провести аналитическую работу с обучающимися по определению наиболее значимых характеристик педагогического имиджа;

- выявить перечень компетенций, необходимых преподавателю для формирования положительного и успешного имиджа.

Характер поставленных задач определил следующие *методы исследования*:

- анализ психологической, педагогической и методической литературы по проблеме исследования;
- метод открытого наблюдения за поведением и речью преподавателя в ходе учебных занятий;
- сравнительный анализ;
- метод анкетирования;
- индивидуальные беседы с обучающимися;
- метод обобщения и систематизации различных научных подходов.

Существенное влияние на формирование педагогических и методических взглядов автора статьи оказали идеи и постулаты ученых-исследователей [1–3; 10–12; 14; 17]. Проводя лично исследовательскую работу, автор делится собственным опытом [6–9] и выражает свое отношение к предмету сообщения (как в эксплицитной, так и в имплицитной форме).

Организация и основные этапы исследования проводились в течение пяти лет (с 2017 по 2021) на экспериментальной площадке Самарского государственного университета путей сообщения (СамГУПС). Новые требования к компетенции преподавателя, основательные изменения, происходящие в образовательной сфере за последние десятилетия, определили тему экспериментально-исследовательской работы: «Современный преподаватель вуза: профессиональные и личностные характеристики».

Всего на разных этапах работы в исследовании приняли участие 217 студентов 1-го и 2-го курсов бакалавриата и специалитета очной и заочной форм обучения факультета экономики, логистики и менеджмента. В ходе проведенного исследования наряду с методом открытого наблюдения, сравнительного анализа использовалось анкетирование как метод массового сбора информации с помощью специально разработанных опросников. Тип анкеты – анонимная, вид вопросов – открытые. В целях получения необходимых данных была применена квотная выборка (по 10–12 человек от группы), что для автора представляется наиболее целесообразным.

Полезный образовательный процесс – это процесс не только взаимодействия, но и взаимовлияния друг на друга преподавателя и обучающегося, это постоянный обмен мыслями, эмоциями, переживаниями. Являясь не только источником новой информации, но и уже сформировавшейся личностью, преподаватель воспитывает своими знаниями и своим отношением к миру, выступает для студента в качестве некоего образца. В известном изречении утверждается, что педагог «творит ученика по образу и подобию своему». Действи-

тельно, мировоззрение педагога, его поведение, его жизнь, его отношение к своему делу влияют на обучающихся, и потому закономерно, что слова «образ», «образец» и «образование» исторические и этимологические родственники.

Личность педагога оказывает на студента огромное влияние и выступает в качестве своеобразного «живого зеркала», в которое «смотрится» студент, сверяя по нему свои нравственные ориентиры. Об этом когда-то писал еще М.В. Ломоносов, известный ученый, ведущий также активную преподавательскую деятельность. Он разработал требования к личности педагога, считая, что преподаватель, прежде всего, «должен любить Родину, быть образцом нравственности для студентов, должен не только словами учения, но и поступками добрый пример показывать» [6: с. 147].

Другому известному педагогу В.А. Сухомлинскому принадлежит утверждение о том, что «ум воспитывается умом, совесть – совестью, преданность Родине – действительным служением Родине» [9: с. 1514]. Убедительное подтверждение тому – деятельность профессоров Царскосельского лицея пушкинской поры, воспитавших талантливых и достойных граждан страны.

Современный преподаватель, несомненно, должен работать над собой, должен саморазвиваться и самосовершенствоваться, должен быть привлекательным, интересным, компетентным, причем работать над собой постоянно, чтобы иметь успешный профессиональный имидж. Понятие «имидж» ассоциируется современными исследователями с понятием «образ», понимаемым как совокупность материальных (видимых) и нематериальных (идеальных, невидимых) его характеристик. В понимании А. Пелиха, Т. Кизиловой, А. Пронченко имидж – оценка морально-личностных, интеллектуальных, профессиональных качеств окружающими людьми, умение держаться в деловой и неофициальной обстановке [11: с. 18–19]. Другой исследователь Е.В. Змановская под имиджем понимает «эмоционально окрашенный публичный образ кого-либо/чего-либо, принимающий форму устойчивого стереотипа» [3: с. 9]. В ряде определений подчеркивается то обстоятельство, что имидж включает не только естественные свойства личности, но и специально выработанные, созданные и сформированные. Интересно отметить, что, по мнению специалистов [1], содержание речи говорящего человека дает о нем 7 % информации, особенности его голоса – 38 %, а максимальное число информации (55 %) предоставляет нам внешность человека (одежда, поза, прическа).

В педагогическом словаре имидж педагога (преподавателя) определяется как эмоционально окрашенный стереотип восприятия образа педагога в со-

знании воспитанников, коллег, социального окружения, в массовом сознании [4: с. 46]. Следует также отметить, что педагогический имидж состоит из множества элементов, характеризующих педагога как личность и как профессионала, и является неотъемлемой частью характера, индивидуальности человека, формирует отношение к нему других людей.

В трудах исследователей [10; 12; 15] имидж рассматривается в качестве показателей педагогического мастерства. Сущностные характеристики имиджа наиболее комплексно представлены в работах российских и зарубежных авторов: Р. Бернс, С. Биби, Л. Браун, О.С. Булатовой, Л.П. Луновой, Н.В. Мандоровой, Е.Ю. Сысоевой, И.С. Сергеева, А.Г. Эфендиева, К.В. Решетниковой, P.G. Altbach, Э.П. Утлик.

Суммируя различные представления о педагогическом имидже, определим комплексный подход к набору его необходимых компонентов:

1) личностные качества (интеллект, коммуникабельность, активность, увлеченность, искренность, обаяние, духовность);

2) поведение (эмпатичность, ассертивность, уверенность, организованность);

3) речь (культура и техника речи, риторические умения);

4) внешний облик (внешность, одежда, осанка, невербальные средства) [2; 17].

Важно отметить, что большинство современных исследователей сходятся на том, что «личность педагога в целом должна ассоциироваться с носителем культуры, осуществляющим посредничество между внутренним миром обучаемого и культурным опытом человечества» [14: с. 110]. «Педагог высшего учебного заведения интерпретирует культурное наследие и создаёт условия для формирования культурных ценностей студента» [8: с. 412]. Исследованиями российских учёных (Ефимов Е.С., Лаптева А.В., Дадашева В.А.) также установлено, что для овладения профессией преподавателя нужны довольно жёсткая структура способностей, личностных качеств, определённая социально-психологическая предрасположенность, которые к тому же развиваются и формируются в процессе обучения [2; 10; 12; 15].

На основании анализа разнообразных педагогических оценок (А.Ч. Щербаков, Н.В. Кузьмина, В.А. Слестёнин, А.А. Леонтьев, В.Г. Максимов, Г.И. Хозяинов, Т.В. Иванова) представляется целесообразным определить основные профессиональные и личностные качества педагога, среди которых, на наш взгляд, можно выделить:

- стремление к совершенствованию профессионального мастерства и педагогической культуры;
- глубокие профессиональные знания;
- четкую гражданскую позицию;

- коммуникативную активность;
- творческое отношение к профессии;
- владение передовыми педагогическими методами и технологиями;
- осознание личной ответственности за качество образования.

Специфика педагогической деятельности в вузе состоит в том, что «результат ее всегда есть следствие совместной деятельности преподавателя и студента. Педагог организует обмен информацией, управляет познавательно-практической деятельностью» [13: с. 1232]. Важными критериями коммуникативной деятельности преподавателя являются:

- научность и информативность изложения;
- доказательность и аргументированность;
- композиционная стройность и логичность;
- высокая культура и техника речи;
- эмоциональность и выразительность;
- ориентация на современные проблемы;
- учет интеллектуального уровня адресата;
- проявление творческого подхода, импровизации.

Все эти критерии находят отражение в основных коммуникативных качествах речи (содержательность, ясность, уместность, целесообразность, доходчивость, выразительность, эмоциональность и др.). Преподаватель вуза должен быть «творчески мыслящим человеком, коммуникативным лидером, владеющим новейшими методиками и технологиями, умеющим эффективно воздействовать на аудиторию» [7: с. 195]. Особо подчеркнем, что непременным условием успешной деятельности преподавателя является высокая культура его речи. Грамотная, эмоциональная, коммуникативно-целесообразная речь педагога позволяет ему эффективно воздействовать на мысли и чувства студента, воспитывать культурную и гармоничную личность.

А как же современные студенты воспринимают образ преподавателя? Что представляется им в личности педагога особенно ценным? Какие достоинства и недостатки в его имидже они отмечают?

Опираясь на мнение студентов, рассмотрим некоторые оценки личности преподавателя, значимые аспекты его «имиджевой характеристики».

Реальная практика общения со студентами показывает, что они воспринимают преподавателя в первую очередь как личность и с большим удовольствием изучают тот предмет, преподаватель которого вызывает их симпатию. В ходе проведенного исследования, в котором приняли участие 217 студентов бакалавриата и специалитета, мы предлагали анкетированным различные вопросы, направленные на оценку личностных и профессиональных качеств преподавателей. «Педагог – профессия "публичная", он всегда на виду, всегда под ежедневным контролем, и любая неискренность в

поведении, ошибка строго оцениваются, мгновенно замечаются» [16: с. 97]. Как оказалось, студенты обращают внимание не только на знание преподавателем своего предмета, но и на характер, манеру общения, жизненные установки, внешний вид, голос и др. Далекое не все обучаемые (только 62 %) убеждены в том, что главным ориентиром для педагога в профессиональной деятельности является объем и глубина его знаний, компетентность в преподаваемой дисциплине.

На вопрос: «Какие качества преподавателя вы цените больше всего?», мы получили следующие ответы студентов: справедливость (16 %), ум (12 %), коммуникабельность (11 %), чувство юмора (9 %), понимание студентов (8 %), умение объяснять (7 %), интеллигентность (6 %), креативность (6 %), артистизм (5 %), доброта (4 %), терпение (4 %), отзывчивость (3 %), талант (3 %), красота (3 %), открытость (2 %), совесть (1 %). Студенты отметили также, что успешный преподаватель должен быть компетентным, обаятельным, «крутым», «клевым», современным, стильно одевающимся, «не стареющим душой», веселым, артистичным. Интересно отметить, что для анкетированных оказались важны и эстетичный внешний вид, и душевная красота преподавателя, его искренность и демократизм в общении, что подтверждается примерами из некоторых ответов, характеризующих успешных педагогов (стиль ответов сохранен):

- «Имеет приятный внешний вид, одевается стильно и аккуратно»;
- «Читает лекции увлеченно, с удовольствием, а не просто отрабатывает свои часы»;
- «Общается со студентами на равных, как друг»;
- «Говорит на занятиях на любую тему обо всем, что происходит в мире»;
- «Обладает чувством юмора, умеет посмеяться над собой»;
- «Хвалит студентов и говорит им комплименты»;
- «На занятиях производит впечатления эрудированного во многих вопросах человека»;
- «Говорит грамотно, культурно, красиво, без ошибок и без слов-паразитов».

Среди предложенных традиционных вопросов были и несколько неожиданные, например:

1. На что вы обращаете внимание при первой встрече с преподавателем?
2. Важно ли для вас, как выглядит преподаватель?
3. Считаете ли вы, что преподаватель должен одеваться стильно, современно?

Анализ ответов на эти вопросы существенно дополняет важные характеристики имиджа успешного преподавателя и заставляет еще раз задуматься о совокупности и значимости «внешних и внут-

ренных» черт его личности. Можно привести в качестве убедительных примеров следующие ответы (стиль сохранен):

– «Обязательно обращаю внимание на лицо, на причёску, на одежду»;

– «Важно, когда преподаватель соблюдает правила этикета, улыбается, доброжелателен, красиво и со вкусом одет»;

– «Думаю, что преподаватель должен помнить об улыбке на своем лице и не стесняться чаще улыбаться»;

– «Преподаватель должен быть артистичным, современным, должен вызывать интерес к своей личности».

Известная русская пословица «Встречают по одежке, провожают по уму» подсказывает нам, что положительный внешний образ делает общение более комфортным, приятным. Согласимся также с тем, что студенты во многом правы, и к их мнению следует прислушиваться, ибо нередко «их устами глаголет истина». Важно помнить, что успешная самопрезентация на первых занятиях требует дальнейших усилий по поддержанию созданного впечатления, так как визуальная привлекательность, действительно, немаловажный компонент педагогического имиджа.

Иногда бывает так, что все элементы положительного имиджа присутствуют, но авторитета преподаватель не имеет, имидж все же «не работает». Причина – в отсутствии педагогического такта в отношении к студентам. «Ум, эрудиция, начитанность "проигрывают", если отсутствуют такие качества личности, как тактичность, деликатность, т.е. элементы нравственной культуры человека» [5: с. 114]. Они также являются важными инструментами формирования ситуаций успеха в общении. Если педагог выдержан и уравновешен, не повышает голоса, умеет быстро и правильно сориентироваться в сложившейся ситуации, хорошо знает индивидуальные особенности обучаемых, уважает каждую личность и грамотно применяет методы педагогического воздействия, – он, несомненно, будет успешным и уважаемым преподавателем.

«Неотъемлемой частью успешного имиджа педагога является и речь – интегративный показатель общей культуры человека» [7: с. 94]. Умение грамотно, ясно, доступно излагать учебный материал, демонстрируя при этом эрудицию, логику и культуру речи, – вызывает несомненный интерес к предмету и уважение к личности, а вместе с тем и желание обучаться именно у этого преподавателя. Для преподавателя важно и умение общаться, и умение слушать, и умение быть изящным в движениях, в выборе тональности разговора. Недостаток подлинной культуры речи и культуры общения в целом может оказаться не только причиной профессиональных ошибок, но и фактором устойчиво-

го неприятия педагога как личности. Так, на вопросы анкеты: «Как Вы оцениваете качество чтения лекций преподавателями? Насколько интересно и доступно излагается материал? Допускаются ли в педагогической речи ошибки?» – наряду с положительными ответами были даны и такие:

– «Объясняет материал путано, непоследовательно, перескакивает с мысли на мысль»;

– «Нечетко проговаривает слова, говорит торпливо, неразборчиво и тихо»;

– «Допускает в речи повторы, слова-паразиты, неправильно ставит ударение в некоторых словах».

Подобные высказывания студентов свидетельствуют о том, что преподавателю необходимо уделять особое внимание совершенствованию своей речевой культуры и в целом педагогической и имиджевой компетентности.

Среди разноаспектных вопросов для студентов относительно имиджа преподавателя был и такой: «Какими качествами, должен обладать преподаватель-профессионал?» Интересно продемонстрировать некоторые варианты ответов, так как они, на наш взгляд, заставляют критически оценить собственное представление о роли преподавателя в жизни студентов:

– «Мудрый наставник, любящий и уважающий своих студентов»;

– «Грамотный специалист, основательно знающий свой предмет, умеющий его преподавать»;

– «Патриот и гражданин, который должен и нас влюбить в Родину»;

– «Добрый и строгий одновременно, справедливый ко всем»;

– «Принципиальный, не боится отстаивать свое мнение перед руководством»;

– «Постоянно совершенствующийся, не останавливающийся на достигнутом»;

– «Дающий не только прочные знания, но и показывающий, как правильно жить»;

– «Тот, кто умеет говорить не только по предмету, но и о многих других современных проблемах»;

– «Культурно образован, начитан, прекрасно разбирается в музыке, любит театр»;

– «Тот, с которым всегда интересно и можно смело спорить»;

– «Имеет высокую квалификацию и любовь к профессии, к студентам»;

– «Интеллигентный, порядочный, пунктуальный, образованный, начитанный»;

– «Тот, кто владеет инновационными и интерактивными технологиями, уверенно работает в электронной среде».

Согласимся, что даны очень разноаспектные характеристики личности педагога-профессионала. Как видно из представленных вариантов ответов,

студенты довольно искренне выражают свою точку зрения, опираются, вероятно, уже на определенный опыт общения с разными преподавателями. В их мнениях, что очень примечательно, объединяются личностные и профессиональные качества педагога, несмотря на акцентирование внимания в последнем вопросе именно на профессионализме преподавательской деятельности. Студентами «нарисован» эскиз портрета успешного педагога и человека, и многие штрихи этого портрета (патриотизм, принципиальность, справедливость, доброта, любовь к профессии) еще раз подтверждают мысль о том, как важно не забывать особую миссию профессии преподавателя – формировать и воспитывать Личность.

Анализ литературы, посвященной вопросу определения компонентов педагогического имиджа и педагогических характеристик деятельности преподавателя высшей школы, позволяет сделать заключение о том, что деятельность преподавателя многоаспектна, достигаемые результаты имеют разную степень валидности практической и теоретической значимости. Однако ученые единодушны во мнении, что качество преподавания основывается как на комплексе личностных свойств, отноше-

ний, талантов преподавателя, так и на его профессиональных компетенциях.

Отзывы и анкетирование обучающихся позволяют сделать вывод о том, что в представлении студентов преподаватель вуза – это образ собирательный, объединяющий в себе как личностные, так и профессиональные качества. По некоторым оценкам анкетированных можно заключить, что современный преподаватель несколько отстает от стремительного темпа инноваций в образовании и недостаточно владеет технологиями самопрезентации и формирования успешного профессионального имиджа.

Современный преподаватель высшей школы должен быть человеком высокой культуры и носителем духовно-моральных ценностей, быть грамотным специалистом в своей сфере знаний, талантливым научным руководителем и научным консультантом, обладать качествами организатора, владеть высокой коммуникативной культурой и глубокими знаниями в области педагогического обучения, выступать в роли творческой личности и строить свои знания на принципах сотрудничества, сотворчества, создавая для этого благоприятную психологическую атмосферу взаимоуважения и доверия.

Список источников

1. Батракова И.С., Глубокова Е.Н., Писарева С.А., Тряпицына А.П. Изменения педагогической деятельности преподавателя вуза в условиях цифровизации образования // Высшее образование в России. 2021. Т. 30, № 8–9. С. 9–19.
2. Галиханов М.Ф., Хасанова Г.Ф. Подготовка преподавателей к онлайн-обучению: роли, компетенции, содержание // Высшее образование в России. 2019. Т. 28, № 2. С. 51–62.
3. Змановская Е.В. Руководство по управлению личным имиджем. Санкт-Петербург : Речь, 2005. 141 с.
4. Имидж. Энциклопедический словарь / сост. А.Ю. Панасюк. Москва : РИПОЛ классик, 2007. 768 с.
5. Коджаспирова Г.М., Коджаспиров А.Ю. Педагогический словарь для высших и средних учебных заведений. Москва, 2000. 173 с.
6. Лунева Л.П. Совершенствование профессионально-речевой культуры учителя в системе повышения квалификации работников образования (нормативный аспект) : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.02. Самара, 2000. 254 с.
7. Лунева Л.П. Слагаемые академического красноречия : монография. Самара : СамГУПС, 2020. 220 с.
8. Лунева Л.П. К проблеме формирования риторической культуры преподавателя высшей школы // Обучение иностранным языкам. 2020. Т. 47, № 4. С. 409–416.
9. Luneva L.P., Meteleva L.A., Ibatova A.Z. Communicative activity of a teacher and the possibility of its improvement in terms of a technical university // International Journal of Recent Technology and Engineering. 2019. Vol. 8, № 2. С. 1509–1515.
10. Панасюк А.Ю. Формирование имиджа: стратегия, психотехнология, психотехники. Москва : Омега-Л, 2007. 272 с.
11. Пелих А., Кизилова Т., Пронченко А. Имидж делового человека. Москва : Академия, 1997. 110 с.
12. Петрова Е.А., Акимов Н.Н., Романова А.В., Соколовская И.Э. Имидж современного учителя в представлении старшеклассников // Образование и наука. 2020. Т. 22, № 2. С. 98–120.
13. Попова А.В., Лунева Л.П. Совершенствование этической компетенции учащихся в процессе освоения элективного курса // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13, № 2-5. С. 1231–1235.
14. Сысоева Е.Ю. Имидж педагога : учебное пособие. Самара : Изд-во Самарского университета, 2019. 148 с.
15. Троян И.А., Кравченко Л.А. Современная парадигма и модернизационные компоненты высшего образования // Образование и саморазвитие. 2021. Т. 16, № 3. С. 100–114.
16. Утлик Э.П. Психология личности : учебное пособие для студентов учреждений высш. проф. образования. Москва : Академия, 2013. 320 с.
17. Эфендиев А.Г., Решетникова К.В. Профессиональная деятельность преподавателей российских вузов: проблемы и основные тенденции // Вопросы образования. 2008. № 1. С. 87–119.

References

1. Batrakova I.S., Glubokova E.N., Pisareva S.A., Tryapitsyna A.P. *Izmeneniya pedagogicheskoy deyatel'nosti prepodavatelya vuza v usloviyah cifrovizacii obrazovaniya* [Changes in the pedagogical activity of a university teacher in the conditions of digitalization of education] // Higher education in Russia. 2021. Vol. 30, no. 8–9. P. 9–19. (In Russ.).

2. Galikhanov M.F., Khasanova G.F. *Podgotovka prepodavatelej k onlajn-obucheniyu: roli, kompetencii, sodержanie* [Training teachers for online learning: roles, competencies, content] // Higher education in Russia. 2019. Vol. 28, no. 2. P. 51–62. (In Russ.).
3. Zmanovskaya E.V. *Rukovodstvo po upravleniyu lichnym imidzhem* [Personal Image Management Guide]. St. Petersburg : Speech, 2005. 141 p. (In Russ.).
4. *Imidzh. Enciklopedicheskij slovar'* [Image. Encyclopedic Dictionary] / comp. A.Yu. Panasyuk. Moscow : RIPOL classic, 2007. 768 p. (In Russ.).
5. Kodzhaspirova G.M. Kodzhaspirov A.Yu. *Pedagogicheskij slovar' dlya vysshih i srednih uchebnyh zavedenij* [Pedagogical dictionary for higher and secondary educational institutions]. Moscow, 2000. 173 p. (In Russ.).
6. Luneva L.P. *Sovershenstvovanie professional'no-rechevoj kul'tury uchitelya v sisteme povysheniya kvalifikacii rabotnikov obrazovaniya (normativnyj aspekt)* [Improving the professional speech culture of a teacher in the system of advanced training of educators (normative aspect)]: dis. ... cand. ped. sciences : 13.00.02. Samara, 2000. 254 p. (In Russ.).
7. Luneva L.P. *Slagaemye akademicheskogo krasnorechiya* [Components of academic eloquence] : monograph. Samara : Sam-GUPS, 2020. 220 p. (In Russ.).
8. Luneva L.P. *K probleme formirovaniya ritoricheskoy kul'tury prepodavatelya vysshej shkoly* [On the problem of forming a rhetorical culture of a teacher of higher education] // Teaching foreign languages. 2020. Vol. 47, no. 4. P. 409–416. (In Russ.).
9. Luneva L.P., Meteleva L.A., Ibatova A.Z. Communicative activity of a teacher and the possibility of its improvement in terms of a technical university // International Journal of Recent Technology and Engineering. 2019. Vol. 8, no. 2. C. 1509–1515.
10. Panasyuk A.Yu. *Formirovanie imidzha: strategiya, psihotekhnologiya, psihotekhniki* [Image formation: strategy, psychotechnology, psychotechnics]. Moscow : Omega-L, 2007. 272 p. (In Russ.).
11. Pelikh A. Kizilova T., Pronchenko A. *Imidzh delovogo cheloveka* [Image of a business person]. Moscow : Academy, 1997. 110 p. (In Russ.).
12. Petrova, E.A., Akimova N.N., Romanova A.V., Sokolovskaya I.E. *Imidzh sovremennogo uchitelya v predstavlenii starshklassnikov* [The image of a modern teacher in the view of high school students] // Education and science. 2020. Vol. 22, no. 2. P. 98–120. (In Russ.).
13. Popova A.V., Luneva L.P. *Sovershenstvovanie eticheskoy kompetencii uchashchihsya v processe osvoeniya elektivnogo kursa* [Improving the ethical competence of students in the process of mastering the elective course] // Proceedings of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2011. Vol. 13, no. 2–5. P. 1231–1235. (In Russ.).
14. Sysoeva E.Yu. *Imidzh pedagoga* [The image of the teacher] : textbook allowance. Samara : Publishing House of Samara University, 2019. 148 p. (In Russ.).
15. Troyan I.A., Kravchenko L.A. *Sovremennaya paradigma i modernizacionnyye komponenty vysshego obrazovaniya* [Modern paradigm and modernization components of higher education] // Education and self-development. 2021. Vol. 16, no. 3. P. 100–114. (In Russ.).
16. Utlik E.P. *Psihologiya lichnosti* [Psychology of personality] : a textbook for students. institutions of higher prof. education. Moscow : Academy, 2013. 320 p. (In Russ.).
17. Efendiev A.G., Reshetnikova K.V. *Professional'naya deyatel'nost' prepodavatelej rossijskih vuzov: problemy i osnovnye tendencii* [Professional activity of teachers of Russian universities: problems and main trends] // Questions of education. 2008. No. 1. P. 87–119. (In Russ.).

Информация об авторе

Л.П. Лунева – доктор педагогических наук, профессор.

Information about the author

L.P. Luneva – Doctor of Science (Pedagogical), Professor.

Статья поступила в редакцию 20.12.2021; одобрена после рецензирования 01.02.2022; принята к публикации 20.02.2022.
The article was submitted 20.12.2021; approved after reviewing 01.02.2022; accepted for publication 20.02.2022.

Научная статья

УДК 378.147:811.581

doi: 10.31079/1992-2868-2022-19-2-120-127

ТЕХНОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ОБУЧАЮЩИХСЯ В РЕАЛИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ

Ольга Владимировна Залеская¹, Анастасия Евгеньевна Ситникова²

^{1,2}Благовещенский государственный педагогический университет, Благовещенск, Россия

¹olgazallesskaya@gmail.com

²nastya_201298@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности развития иноязычной коммуникативной компетенции в контексте формирования личности, способной к межкультурному диалогу. Дана детальная характеристика российско-китайских отношений на современном этапе и сущности российско-китайских молодежных бизнес-инкубаторов как форме экономического сотрудничества между двумя странами. Освещается технология развития иноязычной коммуникативной компетенции по китайскому языку на старшем этапе обучения с использованием материалов стартапов российско-китайских молодежных бизнес-инкубаторов.

Ключевые слова: иноязычная коммуникативная компетенция, стартап, российско-китайский молодежный бизнес-инкубатор, российско-китайские отношения

Original article

TECHNOLOGY FOR THE DEVELOPMENT OF FOREIGN-LANGUAGE COMMUNICATIVE COMPETENCE OF STUDENTS IN THE IMPLEMENTATION OF INNOVATIVE PROJECTS

Olga V. Zalesskaya¹, Anastasia E. Sitnikova²

^{1,2}Blagoveshchensk State Pedagogical University, Blagoveshchensk, Russia

¹olgazallesskaya@gmail.com

²nastya_201298@inbox.ru

Abstract. The article analyzes the process of developing foreign-language communicative competence as a part of techniques that form personality, ready for cross-cultural dialogue. The article also gives a detailed characteristic of Russian-Chinese relations at the modern stage and Russian-Chinese business incubator, as a form of international collaboration. The article highlights the possibilities of using Russian-Chinese business incubator projects in order to develop senior student's foreign-language communicative competence.

Keywords: foreign-language communicative competence, startup, Russian-Chinese business incubator, Russian-Chinese relations

В течение последних тридцати лет Китайская Народная Республика (КНР) достигла феноменальных успехов. Растущая роль Китая превратила КНР в центр внимания всего мира. Благодаря экономическим успехам, сопутствующим деятельности этой страны на мировой арене, другие страны называют успехи КНР не иначе как экономическим чудом. На сегодняшний день эта страна занимает второе место в мире по уровню экономического развития, уступая лишь США. Темпы экономического роста Китая в 2021 г. на фоне успешного восстановления страны от негативного воздействия пандемии оказались самыми высокими за последние 10 лет, составив 8,1% [13]. В связи со столь очевидными достижениями страны на политической и экономической арене все более популярным среди учащихся из разных стран становится китайский язык. Китай – страна с богатой историей и

культурой, что делает процесс изучения языка еще более интересным и многогранным.

На сегодняшний день в современном быстро развивающемся мире совершенно необходимым является формирование личности, способной к диалогу культур. Это обуславливается непрерывными процессами глобализации, затрагивающей все сферы жизни общества, все мировое пространство, а также традиционными и нетрадиционными вызовами безопасности. Исключительно важным становится вопрос о взаимоотношениях людей, принадлежащих к разным культурам и говорящим на разных языках. Ориентация на межкультурное общение породила новую парадигму в обучении иностранным языкам: на передний план вышла задача по формированию вторичной языковой личности, способной к диалогу культур. Следует понимать, что диалог культур – это не просто обще-

ние на иностранном языке, но контакт двух совершенно разных культур с целью презентации своей культуры, и, вместе с тем, принятия и понимания другой. Для успешного осуществления диалога культур необходимо: 1) изучение фактов иностранной культуры; 2) сопоставление этих фактов с родной культурой; 3) принятие различий и особенностей иностранной культуры [4: с. 147]. Освоив все три этапа, учащиеся смогут адаптироваться к культуре другой страны и осуществлять успешную межкультурную коммуникацию. Одним из методов выкристаллизации личности, способной к диалогу культур, является формирование у учащихся иноязычной коммуникативной компетенции.

Говоря об обучении китайскому языку, главной его целью в современных условиях становится формирование личности, обладающей достаточным уровнем как языковых, так и социокультурных компетенций, позволяющих успешно осуществлять коммуникацию на китайском языке, понимать менталитет и традиции представителей китайского этноса. Неотъемлемой частью овладения иностранным (китайским) языком является развитие иноязычной коммуникативной компетенции. На старшем этапе обучения эта задача достигается посредством освоения тематической лексики. Представляется актуальным изучение тем «Экономика Китая», «Российско-китайские отношения», «Российско-китайское экономическое сотрудничество». Овладение данной тематикой возможно посредством освоения лексико-грамматического материала стартапов российско-китайских молодежных бизнес-инкубаторов как одной из успешных современных форм экономического сотрудничества между Россией и Китаем.

Стартап представляет собой инновационный проект или компанию, имеющие короткую историю и тенденцию к быстрому расширению. Стартап, как правило, не имеет стартового капитала либо имеет ограниченный стартовый капитал, поэтому такие формы, как технопарки, бизнес-акселераторы и бизнес-инкубаторы (призванные не только привлечь к проектам стартапов внимание инвесторов, но и организовать успешную образовательную базу для начинающих предпринимателей), являются наиболее успешной формой сотрудничества между разработчиками инновационных проектов и инвесторами. В свою очередь, бизнес-инкубатор – это организация, занимающаяся поддержкой и развитием бизнес-идей предпринимателей путем предоставления им различного рода услуг, начиная от разработки идей и заканчивая их реализацией [9].

Целью данной статьи является обоснование сущности технологии развития иноязычной коммуникативной компетенции по китайскому языку в процессе формирования личности, способной к диалогу

культур, посредством изучения лексико-грамматического материала проектов стартапов российско-китайских молодежных бизнес-инкубаторов.

После подписания в 2001 г. Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве российско-китайские отношения вступили в новую фазу развития. На сегодняшний день отношения России и Китая находятся на самом высоком уровне за всю их историю. Обладая мощным экономическим, геополитическим и культурным потенциалами, Россия и Китай противостоят таким неблагоприятным условиям, как нестабильная международная обстановка, экономическая нестабильность, пандемия коронавируса нового типа и т.д. Через создание и ратификацию новых стратегически важных проектов сотрудничества, таких как ШОС, ЕАЭС, БРИКС и др., Россия и Китай укрепляют всесторонние связи между собой, поддерживают развивающиеся страны Азиатско-Тихоокеанского региона. Китай и Россия активно поддерживают политический диалог, сотрудничают в торгово-экономической, космической и гуманитарной сферах, в области безопасности, энергоресурсов и ядерной энергии. Страны придерживаются одинаковых или схожих взглядов и позиций по важным международным вопросам, уважают друг друга и поддерживают друг друга в защите своих основных интересов [5: с. 2]. В марте 2021 г., в 20-ю годовщину подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве, Россия и Китай продлили его на очередной пятилетний срок. Как подчеркнул глава МИД КНР Ван И, договор послужил прочной правовой основой «для здорового, устойчивого развития российско-китайских отношений и способствовал оптимизации и модернизации двусторонних отношений, а теперь будет наполняться с учетом новых реалий, будет способствовать достижению новых договоренностей и придаст новый импульс развитию двусторонних отношений [11].

Бизнес-инкубатор – это организация, занимающаяся поддержкой и развитием бизнес-идей предпринимателей путем предоставления им различного рода услуг, начиная от разработки бизнес-идей и заканчивая их реализацией. Данная модель является относительно новой как для России, так и для всего мира. Впервые данный термин возник и сформировался в Великобритании в середине XX в., затем был реализован Джозефом Манкусо в 1959 г. в Америке. Первый бизнес-инкубатор носил название «Batavia Industrial Center» и представлял собой один большой склад при фабрике, который Манкусо превратил в некую площадку с новыми рабочими местами. Возникновению и развитию данного феномена способствовала экономическая депрессия в Америке в середине XX в. В истории возник-

новения и развития бизнес-инкубаторов можно выделить два ключевых этапа:

1) 1960–1970-е гг. Это был период зарождения бизнес-инкубаторов как одной из попыток победить экономический застой и отсутствие рабочих мест в странах с развитой промышленностью. В то время они представляли собой бесприбыльное некоммерческое мероприятие с неясными целями и задачами;

2) конец 1970-х – 1980-е гг. В этот период данная модель приобрела широкую популярность во всех штатах Америки и ознаменовала новую веху развития страны в целом. В это время в США произошел бум в развитии науки и технологий и, следовательно, потребовалась быстрая коммерциализация этих знаний и выброс различных продуктов и услуг на рынок, где бизнес-инкубатор и приобрел наконец свое решающее значение;

В Россию же термин «бизнес-инкубатор» пришел в 1990 г. В отличие от первого этапа развития бизнес-инкубатора в Америке, где он являлся некоммерческим видом экономической деятельности, в России бизнес-инкубатор выступил одним из мощнейших инструментов поддержки и развития малого бизнеса с большой долей поддержки государства [1].

Российско-китайский молодежный бизнес-инкубатор (далее – РКМБИ) является относительно молодым совместным проектом России и Китая. Российско-китайский молодежный бизнес-инкубатор впервые стартовал в 2016 г. в городе Хабаровске на базе Тихоокеанского государственного университета. Российско-китайский молодежный бизнес-инкубатор является не только средством привлечения инвестиций и выхода на международный рынок, но и в равной мере выступает мощным образовательным инструментом, помогающим участникам изучить основы предпринимательской деятельности, а также получить широкий спектр знаний в области бизнеса и экономического устройства как своей страны, так и зарубежного государства. Важно также отметить, что спикерами в образовательном секторе данного проекта выступают лидеры рынка России и Китая, а также ведущие китайцы России, что обеспечивает высокое качество знаний, предоставляемых участникам РКМБИ [9].

Немаловажно, что одним из плюсов проведения РКМБИ является широкая география проекта, которая способствует укреплению экономик регионов, а также улучшению и налаживанию межрегионального сотрудничества между Россией и Китаем. На сегодняшний день российско-китайский молодежный бизнес-инкубатор имеет представителей в 13 регионах Российской Федерации:

1) Брянск – на базе БГИТУ (Брянский государственный инженерно-технологический университет);

2) Казань – на базе КГЭУ (Казанский государственный энергетический университет);

3) Хабаровск – на базе ТОГУ (Тихоокеанский государственный университет);

4) Ижевск – на базе ИЖГТУ (Ижевский государственный технический университет им. М.Т. Калашникова);

5) Ростов-на-Дону – на базе ДГТУ (Донской государственный технический университет) и ЮФУ (Южный федеральный университет);

6) Санкт-Петербург – на базе Центра развития и поддержки предпринимательства;

7) Кемерово – на базе КузГТУ (Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева);

8) Новосибирск – на базе СГУ (Сибирский государственный университет);

9) Ульяновск – на базе УлГУ (Ульяновский государственный университет);

10) Барнаул – на базе АлтГПУ (Алтайский государственный педагогический университет);

11) Тюмень – на базе ТИУ (Тюменский индустриальный университет);

12) Омск – на базе ОГТУ (Омский государственный технический университет);

13) Уфа – на базе Центра развития российско-китайского молодежного бизнеса.

С китайской стороны городами-участниками стали Чунцин, Циндао, Шэньян, Харбин, Нанкин и многие другие.

В 2021 г. в связи с пандемией проект был полностью перенесен в онлайн-формат. С 16 по 17 ноября 2021 г. в онлайн-формате РКМБИ было проведено 12 встреч между участниками из России и Китая, расширена география участников проекта и усовершенствована образовательная программа, которой было отведено в этом году 36 часов и 24 часа акселерации. С российской стороны в РКМБИ приняли участие предприниматели из Московской, Ростовской, Омской, Новосибирской, Томской, Нижегородской, Ульяновской областей, Краснодарского края, Республик Татарстан и Башкортостан и Санкт-Петербурга. Китайские коллеги представляли Цзянсу, Гуйчжоу, Таншань, Гуанчжоу, Чжухай, Чунцин, Хэйлуцзян, Сычуань, Цзилинь, Ляонин, Циндао. Расширяющаяся с каждым годом география проекта и совершенствование образовательной и акселерационной программ свидетельствуют о выходе российско-китайских отношений на новый уровень, укреплении российско-китайских внешнеэкономических связей и культурного обмена между двумя государствами [10].

Организаторами данного проекта являются Общероссийская общественная организация «Российский Союз молодежи» и Всекитайская федерация молодежи. Решение о создании подобного проекта

явилось следствием упомянутого ранее Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РФ и КНР. Несмотря на относительно молодую историю проекта, РКМБИ зарекомендовал себя в качестве успешного проекта российско-китайского сотрудничества в экономической сфере. Привлекая предпринимателей и инвесторов обеих стран, РКМБИ содействует проникновению новых технологий и знаний в области бизнеса с обеих сторон, увеличивая объём импорта и экспорта между двумя странами. РКМБИ выступает не только экономическим инструментом сотрудничества РФ и КНР по различным направлениям и секторам экономики, но также и мощной образовательной платформой, способствующей взаимному обмену знаниями и опытом предпринимательской деятельности, ознакомлению с особенностями ее ведения на территории обеих стран. Подобные проекты, организованные и поддерживаемые государством, являются индикатором высокого уровня доверия и дружественности России и Китая, а также их стремления к укреплению взаимовыгодного сотрудничества в экономической сфере в условиях непрекращающейся конкуренции на мировой арене.

Универсальность и мультивекторность РКМБИ, их молодежная направленность и новаторство обуславливают растущее внимание к ним со стороны участников российско-китайского двустороннего взаимодействия. Что касается обучения иностранному языку, актуальность РКМБИ делает лексико-грамматический материал проектов стартапов эффективным средством развития иноязычной коммуникативной компетенции на старшем этапе обучения на пути формирования личности, способной к диалогу культур.

Прежде чем давать характеристику технологии развития иноязычной коммуникативной компетенции (ИКК) посредством материала стартапов, остановимся на определении ИКК. ИКК – многоаспектное понятие, которое включает в себя две основные составляющие: языковую компетенцию и социокультурную компетенцию. Это важные составляющие изучения иностранного языка на старшем этапе обучения. И.Л. Бим отмечает, что иноязычная коммуникативная компетенция включает в себя следующие параметры:

1) языковую компетенцию – владение определенными знаниями о языке и правилах его функционирования в речи;

2) речевую компетенцию – умение осуществлять речевую деятельность на основе знаний о языке;

3) социокультурную компетенцию – знания о культуре страны изучаемого языка;

4) компенсаторную компетенцию – отражает умение учащегося выходить из трудной ситуации общения на иностранном языке (ИЯ);

5) учебно-познавательную компетенцию – мотивацию, желание и умение учиться [2: с. 234].

Одним из главных компонентов обучения иностранному языку (ИЯ) на старшем этапе, а также ступенью на пути к овладению ИКК является аутентичность. Компонент аутентичности в обучении ИЯ – это подбор учебного материала, не прошедшего обработку и адаптацию под иноязычных обучающихся. Аутентичным может считаться художественный, фольклорный текст, публицистические статьи из журналов и газет, объявления, рекламные вывески, отрывки из дневников, а также посты носителей языка в Интернете. При подборе аутентичного материала следует учитывать: уровень владения языком учащихся; их интересы и возраст; объём аутентичного материала, а также его наполненность характерными для носителей языка выражениями и фразами. На старшем этапе обучения (10–11-й классы) происходит суммирование всех ранее приобретенных знаний, их обобщение и углубление; старший этап обучения предполагает наличие большего объёма аутентичных текстов, способствующих расширению кругозора учащихся и формированию иноязычной коммуникативной компетенции.

Однако стоит добавить, что сам по себе аутентичный текст несет в себе мало практического смысла, если при этом к нему не будет разработан подходящий комплекс упражнений, способствующих лучшему усвоению всего материала. Таким образом, важное значение имеет как грамотный подбор аутентичного текста для работы на уроке, так и разработка соответствующего комплекса упражнений, который раскроет все лексико-грамматические особенности данного текста и будет способствовать лучшему усвоению материала школьниками.

Основными ключевыми требованиями Федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС) для старшего этапа обучения иностранному языку при работе с текстом являются следующие:

- 1) понимать несложные аутентичные тексты;
- 2) уметь находить главную и второстепенную информацию в тексте;
- 3) определять свое отношение к прочитанному [14].

Все вышеперечисленные цели можно достичь, лишь внедрив в работу аутентичные тексты и соответствующий комплекс упражнений для работы с ними. Изучив труды ведущих представителей в области педагогики и методики преподавания иностранного языка [2; 3; 7], а также ознакомившись с трудами представителей методики преподавания китайского языка [6] и принимая во внимание требования ФГОС к организации обучения и результатам усвоения китайского языка на старшем этапе

обучения, нами было разработано шесть уроков, посвященных трем темам проектов стартапов РКМБИ. При подборе аутентичных текстов, а также разработке комплекса упражнений к каждому из них мы опирались на следующие принципы отбора материала, выдвинутые И.И. Халеевой [15: с. 187]:

1) мотивационно-познавательный принцип. Данный принцип предполагает соответствие текстов интересам учащихся, способность заинтересовать учащихся и повысить их мотивацию к дальнейшему изучению китайского языка;

2) принцип языковой и смысловой доступности. Подразумевает адекватность подбора текстов уровню владения китайским языком учащимися, наличие в нем понятных смысловых конструкций, полезных в дальнейшем выстраивании речевой коммуникации с носителями языка;

3) принцип информативности. Этот принцип предполагает актуальность информации, подаваемой в учебном тексте, ее соответствие современным реалиям и практическую ценность для учащихся;

4) принцип лингвосоциокультурной ценности. Заключается в наличии в тексте материала, отражающего особенности жизненного уклада Китая, его национальных особенностей и культурных отличий, дающих учащимся представление об образе жизни и мышления носителей китайского языка;

5) принцип коммуникативной направленности обучения. Предполагает наличие в тексте информации на различные темы из разных сфер жизни общества, которую учащиеся легко смогут приме-

нить при осуществлении самостоятельной речевой коммуникации с носителями языка.

При разработке комплекса методических рекомендаций для работы с аутентичным текстом мы опирались на индуктивный подход в обучении иностранному языку. Данный подход предполагает получение данных о функционировании определенных грамматических единиц языка посредством наблюдения их в тексте. В данном случае мы не объясняем грамматическое правило учащимся, а даем им возможность самим вывести правило, проследив определенную закономерность использования тех или иных грамматических единиц в предложении.

В соответствии с требованиями ФГОС и примерной программой по учебному предмету «Китайский язык (второй иностранный язык)» для старшей ступени обучения (10–11-й классы) нами была выбрана тема «Российско-китайские отношения». В качестве иллюстрации методики работы с аутентичным материалом по выбранной тематике нами был разработан комплекс методических рекомендаций для работы с аутентичными текстами, основанными на проектах успешных стартапов РКМБИ. Особенностью данных текстов является обилие лексики экономического характера, определенный набор речевых клише, относящихся к публицистическому стилю. Среди китайских источников нами был найден и методически обработан аутентичный текст по теме одного из стартапов РКМБИ из блока «Российско-китайские отношения» (рисунк) [8].

Рисунок. Пример аутентичного текста с иллюстрациями

Данный текст посвящен российско-китайскому сотрудничеству в области научно-технических инноваций.

Методика работы с аутентичным материалом предполагает определенную пошаговость и логическую последовательность в разработке заданий. Разработанный нами комплекс методических рекомендаций по подбору упражнений состоит из трех этапов и представляет собой последовательность из языковых, условно-речевых и речевых упражнений. Далее мы приведем характеристику каждого этапа, а также описание возможных упражнений для каждого из них.

1. Предтекстовый этап.

Упражнения на предтекстовом этапе предваряют непосредственную работу с текстом и призваны подготовить учащихся к этой работе. Такие упражнения помогают снять возможные трудности в понимании темы урока. На данном этапе происходит активное восприятие учащимися картинок, упражнений и текста как одного целостного образа. В данной ситуации мы считаем целесообразным сделать акцент на работе с рисунками, заголовками и другими опорами, помогающими учащимся лучше понять проблему. Также на данном этапе необходимо познакомить учащихся с новой лексикой и, следовательно, представить упражнения на чтение и знакомство с новыми словами урока. В качестве примера упражнений для использования на данном этапе можно привести следующие [12: с. 148]:

а) упражнения на чтение лексических единиц и определение их значения с опорой на уже имеющиеся знания учащихся. Такие упражнения способны развить языковую догадку у учащихся на старшем этапе обучения.

упражнения на чтение лексических единиц и определение их значения с опорой на уже имеющиеся знания учащихся. Такие упражнения способны развить языковую догадку у учащихся на старшем этапе обучения.

а) упражнения на чтение лексических единиц и определение их значения с опорой на уже имеющиеся знания учащихся. Такие упражнения способны развить языковую догадку у учащихся на старшем этапе обучения.

а) упражнения на чтение лексических единиц и определение их значения с опорой на уже имеющиеся знания учащихся. Такие упражнения способны развить языковую догадку у учащихся на старшем этапе обучения.

а) упражнения на чтение лексических единиц и определение их значения с опорой на уже имеющиеся знания учащихся. Такие упражнения способны развить языковую догадку у учащихся на старшем этапе обучения.

а) упражнения на чтение лексических единиц и определение их значения с опорой на уже имеющиеся знания учащихся. Такие упражнения способны развить языковую догадку у учащихся на старшем этапе обучения.

а) упражнения на чтение лексических единиц и определение их значения с опорой на уже имеющиеся знания учащихся. Такие упражнения способны развить языковую догадку у учащихся на старшем этапе обучения.

а) упражнения на чтение лексических единиц и определение их значения с опорой на уже имеющиеся знания учащихся. Такие упражнения способны развить языковую догадку у учащихся на старшем этапе обучения.

а) упражнения на чтение лексических единиц и определение их значения с опорой на уже имеющиеся знания учащихся. Такие упражнения способны развить языковую догадку у учащихся на старшем этапе обучения.

а) упражнения на чтение лексических единиц и определение их значения с опорой на уже имеющиеся знания учащихся. Такие упражнения способны развить языковую догадку у учащихся на старшем этапе обучения.

а) упражнения на чтение лексических единиц и определение их значения с опорой на уже имеющиеся знания учащихся. Такие упражнения способны развить языковую догадку у учащихся на старшем этапе обучения.

а) упражнения на чтение лексических единиц и определение их значения с опорой на уже имеющиеся знания учащихся. Такие упражнения способны развить языковую догадку у учащихся на старшем этапе обучения.

а) упражнения на чтение лексических единиц и определение их значения с опорой на уже имеющиеся знания учащихся. Такие упражнения способны развить языковую догадку у учащихся на старшем этапе обучения.

а) упражнения на чтение лексических единиц и определение их значения с опорой на уже имеющиеся знания учащихся. Такие упражнения способны развить языковую догадку у учащихся на старшем этапе обучения.

а) упражнения на чтение лексических единиц и определение их значения с опорой на уже имеющиеся знания учащихся. Такие упражнения способны развить языковую догадку у учащихся на старшем этапе обучения.

а) упражнения на чтение лексических единиц и определение их значения с опорой на уже имеющиеся знания учащихся. Такие упражнения способны развить языковую догадку у учащихся на старшем этапе обучения.

а) упражнения на чтение лексических единиц и определение их значения с опорой на уже имеющиеся знания учащихся. Такие упражнения способны развить языковую догадку у учащихся на старшем этапе обучения.

а) упражнения на чтение лексических единиц и определение их значения с опорой на уже имеющиеся знания учащихся. Такие упражнения способны развить языковую догадку у учащихся на старшем этапе обучения.

а) упражнения на чтение лексических единиц и определение их значения с опорой на уже имеющиеся знания учащихся. Такие упражнения способны развить языковую догадку у учащихся на старшем этапе обучения.

(7) 买这条裤子利大于弊

提前完成作业利大于弊

去中国学习汉语比在俄罗斯学习利大于弊;

б) упражнения на подстановку лексических единиц в определенную грамматическую конструкцию. Такие упражнения помогут учащимся научиться правильно использовать новые лексические единицы в речи.

练习二: 用所给词语完成句子:

毋庸讳言; 对...进行; 以...为; 实际上; 正在飞速成长; 不可或缺的; 利大于弊

1) _____ 他的考试成绩很高。

2) _____ 白日梦 _____ 现实会让你失败。

3) 如想达成协议你 _____ 未来的谈判一定要 _____ 好好准备。

4) 中俄两国之间的关系 _____。

5) 这问题 _____ 并不那么简单。

6) 你别担心,世界上没有 _____ 的东西。

7) 去中国学习汉语比在俄罗斯学习 _____;

в) упражнения на трансформацию. После того как учащиеся ознакомятся с принципом функционирования новых лексических и грамматических единиц, упражнения на трансформацию предложений с использованием новых конструкций помогут им лучше усвоить и закрепить новые знания на практике.

练习三: 改成句子:

作为总经理他得解决这些问题。(毋庸讳言)

俄罗斯政府要改善教育体制。(对...进行)

他总是把多余的担忧放在第一位。(以...为)

这问题并不那么简单。(实际上)

俄罗斯与中国联系越来越密切。(正在飞速成长)

如果你想去外国,这些东西都是不可缺少的。(不可或缺)

今天价格真合理!你现在买的话肯定会有很多好处。(利大于弊);

г) упражнения по работе с изображениями и заголовками текста. Такие упражнения на определение темы текста по картинке или же заголовку помогут учащимся предположить, о чем будет текст, а также включиться в общение на иностранном языке.

练习四: 看看图片并猜想课文的内容.

2. Текстовый этап.

Текстовый этап является центральным этапом, на котором происходит работа непосредственно с аутентичным текстом. На этом этапе важно подобрать упражнения, которые помогут учащимся лучше усвоить тему, понять главную мысль текста, а также увидеть, как в нем функционируют новые лексические единицы и грамматические структуры.

На текстовом этапе будет целесообразным дать учащимся следующие упражнения:

а) упражнения на поиск синонимов уже знакомых слов в тексте. Такие упражнения помогут учащимся выстроить собственный синонимический ряд, а также быстрее запомнить новую лексику.

练习五:课文里找近义词:

面对, 机会, 参加, 同伴, 不可缺少的, 方针, 缩小, 扩大;

б) упражнение «разбейте текст на смысловые отрезки и озаглавьте каждый из них». Такое упражнение поможет учащимся лучше понять главную мысль текста, разбив его на несколько смысловых отрезков.

练习六: 给课文加上两个标题.

3. Послетекстовый этап.

Послетекстовый этап направлен на развитие навыков и умений учащихся. На данном этапе будет целесообразным использовать следующие упражнения:

а) упражнение «вопрос-ответ». Это упражнение призвано обеспечить лучшее понимание текста учащимися.

练习七: 回答问题:

1)为了更顺利发展,中国与俄罗斯要进行哪些调整?

2)今天哪种工业正在飞速成长?

3)中俄两国注意发展哪些工业方面?

4)运用智能工业控制器有什么优点?

б) поиск ключевых слов в тексте. Подобное упражнение поможет учащимся подготовить базу для собственного лексического минимума по данной теме.

练习八:课文里找关键词语;

в) краткий пересказ текста с опорой на ключевые слова. Данное упражнение будет являться завершающим репродуктивным упражнением,

направленным на закрепление всего изученного ранее, а также на подготовку учащихся к речевой коммуникации по заданной теме.

练习九: 用所给词语复述课文:

科技创新发展;

中俄科技创新合作;

共同参与全球科技创新治理;

战略, 伙伴;

人工智能, 正在飞速成长;

智能工业控制器;

两国创造的方案;

解决目标任务;

减少设计成本;

增加生产速度.

Итак, технология развития иноязычной коммуникативной компетенции по китайскому языку посредством материала стартапов российско-китайских молодежных бизнес-инкубаторов представляет собой методический комплекс, работа с которым позволяет овладеть лексико-грамматическим материалом по актуальной тематике. Это логически выстроенная система, благодаря которой учащиеся не только усваивают новые лексические и грамматические единицы и получают социокультурные знания по теме «Российско-китайские отношения», но и повышают мотивацию в изучении иностранного языка, расширяют круг тем для обсуждения на китайском языке, развивают в себе способность и готовность к иноязычной коммуникации. Использование актуальных и аутентичных материалов стартапов РКМБИ вкупе с комплексом лексико-грамматических упражнений является эффективным средством в использовании компетентного подхода в обучении, а также в формировании личности, готовой к успешному межкультурному диалогу.

Список источников

1. Бизнес-инкубатор. Словари и Энциклопедии на Академике. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/620222> (дата обращения: 27.01.2022).
2. Бим И.Л. Теория и практика обучения немецкому языку в средней школе: проблемы и перспективы. Москва : Просвещение, 1988. 255 с.
3. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам. Москва : Аркти-Глосса, 2000. 165 с.
4. Гетманская М.К. О роли языковой личности в межкультурном общении // Казанский педагогический журнал. 2018. № 2. С. 146–150.
5. Лу Наньцзин, Шисянь Чжун-Э. Несколько вопросов, требующих осмысления в целях достижения большего развития китайско-российского экономического сотрудничества // 6-й форум ведущих аналитических центров по китайско-российскому экономическому сотрудничеству : сб. статей. Харбин : Академия общественных наук провинции Хэйлуцзян, 2019. С. 1–5.
6. Масловец О.А. Основы обучения китайскому языку в вузе и в школе: теория и практика : учебное пособие. Москва : Издат. дом ВКН, 2017. 264 с.
7. Пассов Е.И., Кузовлева Н.Е. Основы коммуникативной теории и технологии иноязычного образования : методическое пособие для преподавателей русского языка как иностранного. Москва : Русский язык. Курсы, 2010. 568 с.
8. Посольство Китайской Народной Республики в Российской Федерации. URL: http://ru.china-embassy.org/zxdt/202111/t20211126_10454098.htm (дата обращения: 25.02.2022).
9. Российско-китайский молодежный бизнес-инкубатор. URL: <http://rcybi.ru/> (дата обращения: 26.01.2022).

10. Российско-китайский молодежный бизнес-инкубатор. URL: <http://www.bgitu.ru/sotrudnichestvo/rossiysko-kitayskiy-molodezhnyu-biznes-inkubator.php> (дата обращения: 25.01.2022).
11. Россия и Китай договорились о продлении Договора о добрососедстве. Известия. URL: <https://iz.ru/1140809/2021-03-23/rossiia-i-kitai-dogovorilis-o-prodlenii-na-dogovora-o-dobrososedstve> (дата обращения: 28.01.2022).
12. Самыловская М.В. Система упражнений при работе с учебным текстом на уроках английского языка // Научные горизонты. 2020. № 5(33). С. 147–149.
13. Темпы роста ВВП Китая в 2021 г. достигли максимума за 10 лет. URL: <https://tass.ru/ekonomika/13442897> (дата обращения: 22.02.2022).
14. Федеральный государственный образовательный стандарт. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-soo/> (дата обращения: 25.01.2022).
15. Халеева И.И. Основы теории обучения пониманию иноязычной речи. Москва : Высш. шк., 1989. 236 с.

References

1. *Biznes-inkubator. Sloviri i Enciklopedii na Akademike* [Business incubator. Dictionaries and Encyclopedias at Academician]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/620222> (accessed: 01.27.2022). (In Russ.).
2. Bim I.L. *Teoriya i praktika obucheniya nemeckomu yazyku v srednej shkole: problemy i perspektivy* [Theory and practice of teaching German in secondary school: problems and prospects]. Moscow : Enlightenment, 1988. 255 p. (In Russ.).
3. Galskova N.D. *Sovremennaya metodika obucheniya inostrannym yazykam* [Modern methods of teaching foreign languages]. Moscow : Arkti-Glossa, 2000. 165 p. (In Russ.).
4. Getmanskaya M.K. *O roli yazykovoj lichnosti v mezhkul'turnom obshchenii* [On the role of a linguistic personality in intercultural communication] // Kazan Pedagogical Journal. 2018. No. 2. P. 146–150. (In Russ.).
5. Lu Nanjing. Shixian Zhong-E. *Neskol'ko voprosov, trebuyushchih osmysleniya v celyah dostizheniya bol'shego razvitiya kitajsko-rossijskogo ekonomicheskogo sotrudnichestva* [Several Issues Requiring Reflection in order to Achieve Greater Development of Sino-Russian Economic Cooperation] // 6th Forum of Leading Think Tanks on Sino-Russian Economic Cooperation. Sat articles. Harbin : Heilongjiang Provincial Academy of Social Sciences, 2019. P. 1–5. (In Russ.).
6. Maslovets O.A. *Osnovy obucheniya kitajskomu yazyku v vuze i v shkole: teoriya i praktika* [Fundamentals of teaching Chinese at the university and at school: theory and practice] : a textbook. Moscow : VKN Publishing House, 2017. 264 p. (In Russ.).
7. Passov E.I., Kuzovleva N.E. *Osnovy kommunikativnoj teorii i tekhnologii inoyazychnogo obrazovaniya* [Fundamentals of communicative theory and technology of foreign language education] : a manual for teachers of Russian as a foreign language. Moscow : Russian language. Courses, 2010. 568 p. (In Russ.).
8. *Posol'stvo Kitajskoj Narodnoj Respubliki v Rossijskoj Federacii* [Embassy of the People's Republic of China in the Russian Federation]. URL: http://ru.china-embassy.org/zxd/202111/t20211126_10454098.htm (accessed: 02.25.2022). (In Russ.).
9. *Rossijsko-kitajskij molodezhnyj biznes-inkubator* [Russian-Chinese youth business incubator]. URL: <http://rcybi.ru/> (accessed: 01.26.2022). (In Russ.).
10. *Rossijsko-kitajskij molodezhnyj biznes inkubator* [Russian-Chinese youth business incubator]. URL: <http://www.bgitu.ru/sotrudnichestvo/rossiysko-kitayskiy-molodezhnyu-biznes-inkubator.php> (accessed: 01.25.2022). (In Russ.).
11. *Rossiya i Kitaj dogovorilis' o prodlenii Dogovora o dobrososedstve* [Russia and China agreed to extend the Neighborhood Treaty. News]. URL: <https://iz.ru/1140809/2021-03-23/rossiia-i-kitai-dogovorilis-o-prodlenii-na-dogovora-o-dobrososedstve> (accessed: 01.28.2022). (In Russ.).
12. *Samylovskaya M.V. Sistema uprazhnenij pri rabote s uchebnym tekstem na urokah anglijskogo yazyka* [The system of exercises when working with educational text in English lessons] // Scientific horizons. 2020. No. 5 (33). P. 147–149. (In Russ.).
13. *Tempy rosta VVP Kitaya v 2021 g. dostigli maksimuma za 10 let* [China's GDP growth rate in 2021 reached a maximum in 10 years]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/13442897> (accessed: 02.22.2022). (In Russ.).
14. *Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart* [Federal State Educational Standard]. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-soo/> (accessed: 01.25.2022). (In Russ.).
15. *Khaleeva I.I. Osnovy teorii obucheniya ponimaniyu inoyazychnoj rechi* [Fundamentals of the theory of teaching the understanding of foreign speech]. Moscow : Higher school, 1989. 236 p. (In Russ.).

Информация об авторах

О.В. Залеская – доктор исторических наук, декан международного факультета, профессор кафедры «Романо-германские и восточные языки»;

А.Е. Ситникова – студент 5-го курса факультета иностранных языков.

Information about the authors

O.V. Zalesskaya – Doctor of Science (History), Dean of international faculty, Professor of romano-germanic and eastern languages department;

A.E. Sitnikova – 5th year student of the faculty of foreign languages.

Статья поступила в редакцию 27.01.2022; одобрена после рецензирования 19.02.2022; принята к публикации 20.02.2022. The article was submitted 27.01.2022; approved after reviewing 19.02.2022; accepted for publication 20.02.2022.

Научная статья
УДК 140.8:316.75
doi: 10.31079/1992-2868-2022-19-2-128-133

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНОГО СОЗНАНИЯ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ИДЕОЛОГИЙ

Юрий Алексеевич Леонтьев

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, leontevy@yandex.ru

Аннотация. В статье обосновывается тезис о том, что одной из фундаментальных причин сегодняшнего мирового кризиса является нерелевантность идеологической формы сознания современной ситуации пост-постмодерна, для которой характерно господство постидеологической формы сознания. Размывание критериев реального, произошедшее в эпоху постмодерна, привело к релятивизации аксиологической сферы, что подорвало способность общества противостоять деструктивным тенденциям в социальной реальности. Обосновывается необходимость новой формы мировоззрения, базирующейся на примате ценностного подхода, и новых способов аргументации, ориентированных на логику последствий, а не на логику оснований.

Ключевые слова: кризис, постмодерн, пост-постмодерн, реальное, аксиология, идеология, патриотизм, ценностное сознание, логика оснований, логика последствий

Original article

THE PROBLEM OF THE VALUE CONSCIOUSNESS FORMATION IN THE CONTEXT OF THE CRISIS OF IDEOLOGIES

Yury A. Leontiev

Pacific State University, Khabarovsk, Russia, leontevy@yandex.ru

Abstract. The article substantiates the thesis that one of the fundamental causes of today's world crisis is the irrelevance of the ideological form of consciousness of the modern post-postmodern situation, which is characterized by the dominance of the post-ideological form of consciousness. The blurring of the criteria of the real, which occurred in the postmodern era, led to the relativization of the axiological sphere, which undermined the ability of society to resist destructive tendencies in social reality. The necessity of a new form of worldview, based on the primacy of the value approach, and new ways of argumentation, focused on the logic of consequences, and not on the logic of foundations, is substantiated.

Keywords: crisis, postmodern, post-postmodern, real, axiology, ideology, patriotism, value consciousness, logic of foundations, logic of consequences

Один из самых популярных в нашей стране европейских философов Славой Жижек, описывая ситуацию после 11 сентября 2002 г., использовал фразу из культового фильма братьев Вачовски «Матрица»: «Добро пожаловать в пустыню реального!» [2: с. 196]. Основной урок и сущность новой ситуации, согласно Жижеку, состоит в том, что «позднекапиталистический потребительский <...> рай при всей своей гиперреальности, по сути, ирреален, несубстанционален, лишен материальной инерции <...> окончательная истина капиталистической утилитарной бездуховной вселенной состоит в дематериализации самой "реальной жизни", в превращении ее в призрачное шоу» [2: с. 197].

Сегодняшняя ситуация в мире, сложившаяся к марту 2022 г., вынуждает опасаться того, что скоро актуальным может стать перевернутый тезис Морфиуса из «Матрицы»: «Добро пожаловать в реальность пустыни!»

Славой Жижек в процитированном опусе поставил проблему исчезновения реального, растворения его в симулякрах, что чревато утерей критериев различия реального и вымышленного, жизни и игры, серьезного и шуточного, и, как следствие – добра и зла.

Сегодня пандемия коронавируса, уже унесшая миллионы жизней, и события, происходящие на Украине, чреватые третьей мировой войной, возвращают реальность в такой брутальной наглядности, что привыкшее к постмодернистской игре сознание отказывается в это верить.

Кажется, что этого просто не может быть. Хочется проснуться в прежней комфортной реальности. Люди выстраиваются в очереди в магазины уходящих из России западных брендов, как бы пытаясь продлить прежнюю реальность, психологически убедить себя, что мир не рухнул, что он прежний. Однако реальность уже изменилась.

Резкое усиление эмиграции, маргинализация, взаимная ненависть в социальных сетях – все это существует и является серьезным вызовом российскому обществу. Масштабы этого кризиса и его последствия сегодня еще не ясны. Однако, как полагал еще Экклезиаст, «и это пройдет». Острая фаза украинского кризиса когда-нибудь завершится, и нужно будет как-то организовывать социальные коммуникации в новой реальности.

Необходимо будет как-то заново самоопределяться относительно таких понятий, как Отечество, патриотизм, солидарность, а также других понятий, задающих аксиологическое измерение общественного сознания.

Таким образом, задача преодоления социально-политического кризиса, который разворачивается сегодня, не может быть решена одними политическими и экономическими мерами. Необходим комплексный подход, включающий в себя духовно-нравственные аспекты. Это важнейшая задача, если угодно, миссия системы образования в России на ближайшие годы.

Здесь возникает вопрос о форме этого духовно-нравственного возрождения. Что это может быть? Новая идеология? Но дело в том, что официальная идеология в нашей стране не просто отсутствует, но запрещена Конституцией: статья 13 Конституции гласит: «1. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие. 2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [3]. В этом случае возникает вопрос: может ли существовать некая объединяющая идея, способная примирить сторонников различных идеологий и направить их энергию на общее благо?

В ходе обсуждения поправок в Конституцию, инициированных в послании Президента России Федеральному собранию 15 января 2020 г., активно звучали голоса сторонников введения в России государственной идеологии. Однако в результате окончательное решение по данному вопросу так и не было принято. Единственное, что появилось в новом тексте Конституции, – весьма расплывчатое упоминание о вере в Бога, переданной нам предками, вместе с преемственностью. Разумеется, это нельзя считать какой-то конкретной идеологической позицией.

Может ли заменить идеологию идея патриотизма? Этот вопрос обсуждается достаточно давно, причем диапазон участников дискуссии весьма широк: от публицистов и литераторов до академических ученых и высших должностных лиц государства [9].

Сама по себе идея патриотизма не может встретить никаких возражений. Вроде бы все с этим согласны. Но что это значит конкретно? Патриотизм,

согласно формальной логике, относится к классу размытых понятий, т.е. таких понятий, относительно которых имеется неопределенность не только со стороны содержания (возможность строгого дефинирования), но и со стороны объема (определенность относительно принадлежности явлений к данному классу).

Это обусловлено тем, что этимологически данное понятие состоит из двух таких же размытых понятий: любовь и родина. По поводу возможной интерпретации этих сложных понятий можно спорить до бесконечности. Более подробно автор уже рассматривал этот вопрос в одной из статей журнала [6].

Таким образом, идея патриотизма необходима, но явно недостаточна. Многие политики, ученые, деятели искусства считают, что нужна идеология именно как разработанная, концептуально оформленная доктрина. Сторонники государственной идеологии апеллируют к тому факту, что четкие идеологические ориентиры могли бы задавать рамки интерпретации исторических событий, а также ясные ориентиры воспитательному процессу. С одной стороны, это, безусловно, значительно упрощает работу педагогов, а также чиновников, отвечающих за государственно-патриотическое воспитание. С другой стороны, введение государственной идеологии, даже если она не будет объявлена обязательной, неизбежно породит новый государственно-идеологический официоз со всеми неизбежными последствиями: генеральная линия, диссиденты, цензура (хотя бы в виде добровольно-принудительной самоцензуры) и т.п.

Однако проблема не только в социально-политических и юридических последствиях введения государственной идеологии. Проблема гораздо глубже. Она носит философский характер. Дело в том, что идеологическая форма общественного сознания, к которой многие призывают вернуться, уже давно не соответствует изменившейся социальной реальности. По крайней мере, если говорить о Западе в широком смысле этого слова, т.е. о наиболее экономически и технически развитых странах мира.

На Западе еще в 80-е гг. прошлого века стал очевидным кризис идеологического сознания, опирающегося на некие универсальные ценности, имеющие безусловное значение. Постмодернистская критика подорвала доверие к таким ценностям, прежде всего, в контексте критики метанарративов (глобальных теорий, претендующих на универсальность своих объяснений и прогнозов) и трансцендентального означаемого (метафизических сущностей, не доступных опытному познанию).

Вот как сформулировал результаты этой критики российский философ Г.Л. Тульчинский: «При всех различиях в тематике и стилистике философствова-

ния культовые философы постмодернизма, такие, как Ж. Деррида, М. Фуко, Ж.-Ф. Лиотар, сходятся в трех основных тезисах. Во-первых, люди не имеют доступа к реальности и, следовательно, средств для достижения истины не существует. Во-вторых, реальность недоступна, потому что мы являемся пленниками языка, который придает форму нашим мыслям прежде, чем мы можем помыслить, и поэтому мы не можем выразить то, о чем мы думаем. В-третьих, мы создаем реальность посредством языка, и поэтому природа реальности определяется теми, кто имеет власть формировать язык» [8: с. 398].

Данную социальную реальность еще в 1983 г. немецкий философ П. Слотердаик в своей знаменитой книге «Критика цинического разума» обозначил как «сумерки ложного сознания»: «Недуг в культуре приобрел новое качество: он проявляется как универсальный диффузный цинизм. В растерянности стоит перед ним традиционная критика идеологий. <...> Современный цинизм подает себя как состояние сознания, которое следует за наивными идеологиями и их Просвещением. В нем и заключается действительная причина сенсации, состоящей в том, что критика идеологий выдохлась. Она осталась более наивной, чем то сознание, которое она хотела разоблачить <...> Дольше выстраивавшийся ряд форм ложного сознания: ложь, заблуждение, идеология – оказался незавершенным; современный менталитет заставляет добавить четвертый член ряда – феномен цинизма» [11: с. 24].

Таким образом, мы оказываемся в иной, пост-идеологической, социальной реальности, которую П. Слотердаик обозначил как универсальный цинизм: «Современный цинизм – это интегрированный в общество антиобщественный тип, который способен соперничать в том, что касается внутренней лишенности иллюзий, с любым хиппи. Его злобно-ясный взгляд не представляется ему самому личным недостатком или аморальной причудой, за которую придется отвечать лично. Инстинктивно он воспринимает свой способ существования уже не как что-то злобное и ехидное, а как причастность к коллективному реалистически скорректированному взгляду на вещи» [11: с. 27].

На Западе данный переход произошел несколько раньше, чем в России. Однако совершенно очевидно, что за последние двадцать лет мы вполне наверстали упущенное. Таким образом, характеристика западной элиты, данная П. Слотердаиком, вполне применима и к нам: «Диффузный цинизм уже давно захватил ключевые позиции в обществе – в президиумах, парламентах, наблюдательных советах, дирекциях предприятий, среди лекторов и среди практиков, на факультетах, в канцеляриях и редакциях. Вся их деятельность происходит на фоне некоторой элегантно горечи. Ведь циники не

глупы, они вполне видят то Ничто, к которому все движется. Однако конституция их души достаточно эластична, чтобы включать постоянное сомнение в смысле собственной деятельности, осуществляемой ради выживания. Они сознают, что делают, но тем не менее делают это, поскольку действовать их принуждает положение вещей и не заглядывающий далеко инстинкт самосохранения; они говорят на одном и том же языке: "Ничего не попишешь". Иначе то же самое делал бы кто-то другой, и, возможно, еще хуже» [11: с. 27].

П. Слотердаик, пожалуй, одним из первых поставил проблему, но он далеко не одинок в оценке ситуации. В контексте критики постмодернистской философии многие авторы обращали внимание на данный аспект проблемы. Так, например, российский политический философ А.С. Панарин, анализируя постмодернистскую стратегию деконструкции, писал: «Нужно деконструировать бывшее государство, способное контролировать и призывать к ответу. Нужно деконструировать саму общественную мораль, расшатав устоявшиеся нравственные критерии и духовный опыт различения добра и зла. <...> Ясно, что подлинный смысл вся эта система деконструкции обретает в свете проекта нового освобождения собственнического класса от прежних социальных и моральных ограничений, в свете его войны с цивилизацией во имя торжества социал-дарвинистского "естественного порядка"» [7: с. 21–23].

О том, в чью пользу принимаются решения правящими элитами Запада, еще в 2011 г. откровенно сказал в интервью «Русскому журналу» известный политический философ, профессор Йельского университета Борис Капустин: «“Общество риска” – это епитимья, которую капитал наложил на труд. Сам он при этом – в лице олигархического финансового капитала – не только эффективно покинул "зону риска", т.е. вышел за рамки рынка, но и освободился от реальной ответственности даже за собственные ошибки и прямое жульничество. Нынешний финансовый кризис (речь идет еще о кризисе 2008 г., но все сказанное вполне применимо и к сегодняшнему кризису. – Ю.Л.) и скандальное спасение государствами позорно провалившихся (даже по меркам рынка) финансовых монстров за счёт средств налогоплательщиков наглядно показывают то, *против кого и в интересах кого* функционирует это якобы ультрасовременное “общество риска”» [1].

Но это только социально-политический аспект проблемы. Некоторые исследователи идут гораздо дальше. Так, один из самых непримиримых критиков постмодернизма профессор В.А. Кутырев видит в данном феномене угрозу глобальной культурной и антропологической катастрофы: «Удивительно, что на наших глазах ниспровергается человек, его природное окружение, культура и история,

дискредитируются, представляясь в качестве недоумков, его самые величайшие умы – и это как бы никто не видит. Культура сдается на милость технократии почти без боя. Больше того, если Платона, Декарта, Канта, не говоря о "материалистах", можно оценивать откровенно презентистски, антиисторически, можно даже поносить, то о Фуко, Деррида, Рорти говорить принято с пиететом. Допустимы небольшие сомнения и почтительно вопрошающие замечания, которые бы не портили общего стиля ученического освоения их идей. Критиковать постмодернизм политически некорректно, на это могут отважиться одни отъявленные консерваторы и реакционеры. А для стремящихся искренне разобраться в нарочито усложненных терминологических хитросплетениях постмодернистского философствования заготовлена западня: вас обвинят в стремлении к "репрессивной ясности"» [4: с. 69].

Вопрос состоит в том, возможно ли путем введения государственной идеологии либо даже без объявления какой-либо идеологии государственной, а просто опираясь на какую-либо идеологию, преодолеть современный цинизм и воспитать у подрастающего поколения высокие нравственные качества, если цинизм есть по определению постидеологическая фаза развития современного общества? Если любая идеология подпадает под критику постмодернизма и автоматически релятивизируется, то может ли она выполнить роль базиса несомненности в построении новой этики?

Мы полагаем, что ни идеология, ни, тем более, религия уже не способны дать адекватные ответы на современные вызовы. Что же тогда? Если цинизм есть единственный выход из сумерек идеологий, то ситуация безвыходная. Но так ли это? Очевидно, цинизм выгоден современным бизнес-элитам, которые контролируют большинство финансовых потоков в современном мире и вовсе не желают делиться и нести ответственность, как отмечал Б. Капустин в цитированном выше интервью. Удастся же им это во многом потому, что, как отметил Г.Л. Тульчинский, «природа реальности определяется теми, кто имеет власть формировать язык» [8: с. 398].

Является ли цинический дискурс единственно возможным в условиях кризиса идеологического сознания. Очевидно, нет. Возможно, цинизм – самый простой выход, но не единственный.

Этическая проблематика с появлением постмодернизма вовсе не сошла на нет. Она продолжает развиваться ведущими западными философами: достаточно назвать имена Ю. Хабермаса, П. Сингера, Ф. фон Кучеры и др. В нашей стране профессор Н.С. Розов уже более двадцати лет разрабатывает концепцию конструктивной аксиологии [10].

Таким образом, альтернатива цинизму как модусу современного общественного сознания суще-

ствует. Более того, она достаточно хорошо разработана. Проблема в том, что труды указанных выше авторов практически не известны в нашей стране за рамками круга специалистов. Этическая проблематика не только не превалирует в учебных курсах философии, но является маргинальной (как правило, одна глава, а то и параграф в учебнике).

Освоение данного пласта философского знания и широкое внедрение его в образовательный процесс может заложить философский фундамент рождения новой ценностной формы общественного сознания, идущей на смену религиям и идеологиям. В чем же принципиальный недостаток идеологического сознания? Как отмечает Розов Н.С., «...Идеологическое сознание характеризуется явными политическими и социально-экономическими интересами, партийностью – нетерпимостью к иным мировоззрениям <...> Ядерной структурой идеологического сознания является достижение роста и успеха, победа над противником. Эти общие черты присутствуют в таких, казалось бы, различных идеологиях, как социально-демократическая, либеральная, коммунистическая, нацистская, националистическая. В идеологиях ценности играют уже одну из центральных ролей, но они, во-первых, подчинены интересам роста военной, политической и экономической мощи, победы над идеологическим противником, во-вторых, искажены "научными истинами", которые в принципе не могут служить источниками нормативных оснований» [10: с. 17].

В чем же принципиальное отличие ценностного сознания как ведущей формы мировоззрения от религиозного и идеологического сознания? Разумеется, дело не в самом наличии ценностей или в появлении каких-то ранее не известных ценностей. Дело в ведущей роли, которую приобретают ценности: «Ценности в рамках ценностного сознания как новой формы мировоззрения, во-первых, выходят из подчиненного положения, во-вторых, вбирают в себя и переосмысливают все разнообразие имеющихся мировоззрений, поскольку требуется коммуникация и поиск продуктивных компромиссов между представителями этих разных мировоззрений» [10: с. 52].

Содержательное развитие этой формы мировоззрения и ее внедрение в образовательный процесс – очень объемная задача, которая не может быть решена быстро. Однако принципиальное значение имеет осознание важности этой задачи и само начало движения в этом направлении. Дорога в тысячу ли начинается с одного шага.

В качестве одного из таких шагов можно предложить внедрение в образовательный процесс альтернативных методик аргументации, расширяющих кругозор и преодолевающих догматичность мышления. Традиционная схема аргументации, исполь-

зубая в образовательном процессе, базируется на законе достаточного основания, причем в его классической верификационистской форме: $A \rightarrow B$, которая читается так: **B**, потому что **A**. Методологически это соответствует стратегии верификации Р. Карнапа, основанной на правиле *modus ponens*, причем неправильной формы. Логический изъян и фундаментальная неустранимая трудность этой стратегии состоит в том, что искомое **B** можно вывести не только из **A**, но, возможно, также и из **C**, **D** и т.д. Дело в том, что одно и то же следствие выводимо из различных причин, в том числе пока неизвестных. Таким образом, ссылки на различные религиозные догматы или идеологемы заводят аргументацию в тупик. Более подробно автор уже писал об этом ранее [5].

Альтернативная стратегия аргументации базируется на принципе фальсификационизма К. Поппера. Схема закона достаточного основания при таком подходе выглядит так: $A \rightarrow \neg(A \rightarrow (B \& \neg B))$. Прочитать данную формулу можно следующим образом: **A** считается обоснованным, если среди его необходимых следствий нет противоречий, нелепо-

стей или *практически неприемлемых последствий*. Ключевое значение здесь имеет именно последний признак: *отсутствие практически неприемлемых последствий*. При таком подходе основанием аргументации выступает апелляция не к прошлому, а к возможному будущему.

Таким образом, принципиальное различие между этими двумя подходами носит интенциональный характер. Традиционный подход ориентирован на поиск оснований, которые лежат в прошлом, т.е. на то, что у всех нас разное мировоззрение, иногда до противоположности. В то время как альтернативный вариант схемы достаточного основания, предложенный выше, ориентирует на возможное будущее, в котором всем нам вместе предстоит жить, т.е. на то, что у нас общее.

Именно поэтому предложенный нами вариант обоснования дает, на наш взгляд, больше шансов на построение пространства коммуникации, в котором будет возможен равный продуктивный диалог, способствующий преодолению сегодняшнего кризиса и формированию новой ценностной формы мировоззрения.

Список источников

1. Капустин Б. Почему демократия перестает работать. URL: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Pochemu-demokratiya-peretaet-rabotat>. (дата обращения: 01.02.2022).
2. Жижек С. 13 опытов о Ленине. Москва : Ad Marginem, 2003. 255 с.
3. Конституция Российской Федерации. Ст. 13. URL: <https://www.zakonrf.info/konstitucia/13/> (дата обращения: 01.02.2022).
4. Кутырев В.А. Апология человеческого (предпосылки и контуры консервативного философствования) // Вопросы философии. 2003. № 1. С. 63–76.
5. Леонтьев Ю.А. Критический рационализм как коммуникативная стратегия профилактики проявлений экстремизма в молодежной среде // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2018. Т. XV, Вып. 3. С. 161–166.
6. Леонтьев Ю.А. Минимизация проявлений экстремизма как фактор патриотического воспитания молодежи // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2019. Т. XVI, Вып. 2. С. 126–132.
7. Панарин А.С. Постмодернизм и глобализация: проект освобождения собственников от социальных обязательств // Вопросы философии. 2003. № 6. С. 16–37.
8. Уваров М.С., Гусев С.С., Тульчинский Г.Л. Перспективы метафизики: классическая и неклассическая метафизика на рубеже веков / под ред. Г.Л. Тульчинского, М.С. Уварова. Санкт-Петербург : Алетей, 2001. 409 с.
9. Путин: патриотизм – это национальная идея России. URL: <http://rusrand.ru/response/putin-patriotism-eto-nacionalnaya-ideya-rossii> (дата обращения: 30.02.2020).
10. Розов Н.С. Ценности в проблемном мире: философские основания и социальные приложения конструктивной аксиологии. Новосибирск : Изд-во Новосибирского ун-та, 1998. 292 с.
11. Слотердаjk П. Критика цинического разума : пер. с нем. А.В. Перцева. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. 583 с.

References

1. Kapustin B. *Pochemu demokratiya peretaet rabotat'* [Why Democracy Stops Working]. URL: <http://russ.ru/Mirovaya-povestka/Pochemu-demokratiya-peretaet-rabotat> (accessed: 01.02.2022). (In Russ.).
2. Žižek S. *13 opytov o Lenine* [13 experiments about Lenin]. Moscow : Ad Marginem, 2003. 255 p. (In Russ.).
3. *Konstituciya Rossijskoj Federacii. St. 13* [The Constitution of the Russian Federation. Art. 13]. URL: <https://www.zakonrf.info/konstitucia/13/> (accessed: 01.02.2022). (In Russ.).
4. Kutuyev V.A. *Apologiya chelovecheskogo (predposylki i kontury konservativnogo filosofstvovaniya)* [Apologia of the human (prerequisites and contours of conservative philosophizing)] // Questions of Philosophy. 2003. No. 1. P. 63–76. (In Russ.).
5. Leontiev Yu.A. *Kriticheskij racionalizm kak kommunikativnaya strategiya profilaktiki proyavlenij ekstremizma v molodezhnoj srede* [Critical rationalism as a communicative strategy for the prevention of manifestations of extremism in the youth environment] // Social and humanitarian sciences in the Far East. 2018. Vol. XV, Is. 3. P. 161–166. (In Russ.).
6. Leontiev Yu.A. *Minimizaciya proyavlenij ekstremizma kak faktor patrioticheskogo vospitaniya molodezhi* [Minimization of manifestations of extremism as a factor in the patriotic education of youth] // Social and humanitarian sciences in the Far East. 2019. Vol. XVI, Is. 2. P. 126–132. (In Russ.).

7. Panarin A.S. *Postmodernizm i globalizaciya: proekt osvobozhdeniya sobstvennikov ot social'nyh obyazatel'stv* [Postmodernism and globalization: a project for the release of owners from social obligations] // Questions of Philosophy. 2003. No. 6. С. 16–37. (In Russ.).
8. Uvarov M.S., Gusev S.S., Tulchinsky G.L. *Perspektivy metafiziki: klassicheskaya i neklassicheskaya metafizika na rubezhe vekov* [Perspectives of metaphysics: classical and non-classical metaphysics at the turn of the century] / Ed. G.L. Tulchinsky and M.S. Uvarov. St. Petersburg : Aletheya, 2001. 409 p. (In Russ.).
9. *Putin: patriotizm – eto nacional'naya ideya Rossii* [Putin: patriotism is the national idea of Russia]. URL: <http://rusrand.ru/response/putin-patriotism-eto-nacionalnaya-ideya-rossii> (accessed: 02.30.2020). (In Russ.).
10. Rozov N.S. *Cennosti v problemnom mire: filosofskie osnovaniya i social'nye prilozheniya konstruktivnoj aksiologii* [Values in a Problematic World: Philosophical Foundations and Social Applications of Constructive Axiology]. Novosibirsk : Publishing House of the Novosibirsk University, 1998. 292 p. (In Russ.).
11. Sloterdijk P. *Kritika cinicheskogo razuma* [Criticism of the cynical mind] : Transl. from German. A.V. Pertsev. Yekaterinburg : Ural Publishing House. un-ta, 2001. 583 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Ю.А. Леонтьев – кандидат философских наук, доцент Высшей школы международных исследований и дипломатии.

Information about the author

Yu.A. Leontiev – Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor, Higher School of International Studies and Diplomacy.

Статья поступила в редакцию 14.01.2022; одобрена после рецензирования 01.02.2022; принята к публикации 20.02.2022.
The article was submitted 14.01.2022; approved after reviewing 01.02.2022; accepted for publication 20.02.2022.

Научная статья
УДК 378.013.78:378.018.43
doi: 10.31079/1992-2868-2022-19-2-134-139

КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОЛЯ И ЕЁ ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ДЛЯ ОБЪЯСНЕНИЯ ТРАНСФОРМАЦИЙ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

Эльвира Октавьевна Леонтьева

Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, elvira.leontyeva@gmail.com

Аннотация. В статье поднимается проблема структурных изменений в высшем образовании через обращение к теоретической рамке поля (П. Бурдьё). На примере практики посещаемости занятий показано, как под влиянием массового перехода на дистанционное обучение стали формироваться контуры нового поля, в котором доминирующие практики, регламентирующие присутствие на занятиях, сталкиваются с воспроизводством альтернативных практик. Показано, что именно в дистанционном формате обучения это противодействие проявилось наиболее отчётливо.

Ключевые слова: социальное поле, социальные практики, дистанционное обучение, посещаемость, пандемия

Original article

THE CONCEPT OF THE SOCIAL FIELD AND ITS HEURISTIC POTENTIAL FOR EXPLAINING THE TRANSFORMATIONS OF HIGHER EDUCATION DURING THE PANDEMIC

Elvira O. Leontyeva

Pacific State University, Khabarovsk, Russia, elvira.leontyeva@gmail.com

Abstract. The article raises the problem of structural changes in higher education through an appeal to the theoretical framework of the field (P. Bourdieu). Using the example of the practice of class attendance, it is shown how, under the influence of the mass transition to distance learning, the contours of a new field began to form, in which the dominant practices that regulate attendance at classes are faced with the reproduction of alternative practices. It is shown that it was in the distance learning format that this opposition manifested itself most clearly.

Keywords: social field, social practices, distance learning, attendance, pandemic

Дистанционное образование и цифровые технологии в обучении уже довольно длительное время являются широко дискутируемыми темами, но под влиянием событий последних, «пандемийных» лет вошли в самый горячий топ исследовательской повестки. Со страниц научных изданий, трибун конференций, соцсетей и просто в рамках бытовых разговоров высказываются самые разные оценки этого явления.

Наработан и весьма обширный исследовательский багаж. Изменчивость эмпирического поля и повышенный интерес к нему пока не позволяют говорить об устойчивости исследовательских трендов, однако всё же некоторые уже наметившиеся направления можно обозначить. Первое из них основано на осмыслении локального опыта конкретного университета, столкнувшегося с вызовом тотального перехода к дистанционному обучению, и тех практик, которые были использованы [4; 5; 9]. Несмотря на интересный и познавательный опыт, его результаты достаточно сложно приложить к другим кейсам в силу специфики и разнообразия университетов. Другая группа работ, напротив,

ориентирована на отражение глобальных трендов на уровне национальных систем образования и межстрановых сопоставлений [10], в результате чего выпадает из внимания важная для университетов конкретика. Что касается фокусировки исследовательского интереса – тут авторские подходы отличаются большим разнообразием, однако явно преобладают те, которые поддерживают логику «вызова–ответа», т.е. ориентированные на анализ опыта адаптации университета к внезапно изменившемуся формату работы. Значительная часть из этих работ воспринимает дистант как промежуточный и временный вариант, опыт которого будет полезен в будущем, по окончании кризиса [8]. В целом общее поле дискуссий по этой проблеме достаточно сильно поляризовано между теми, кто видит в нём рациональное зерно и ориентирован на его интеграцию в традиционное поле, и яростными противниками. В этом смысле исследовательские дискуссии соответствует тому же разнообразию мнений, которое мы наблюдаем среди участников образовательного процесса и заинтересованной общественности. Несмотря на то, что тема дистан-

ционного образования сейчас является приоритетной у исследователей, до сих пор нельзя считать достаточно артикулированными проблемы, связанные с изучением интересов игроков в ситуации определения баланса между традиционной и дистанционной формами обучения. В своей работе мы попробуем проработать эту проблематику через выявление некоторых институциональных изменений и проанализировать их, используя теоретическую рамку П. Бурдьё. Опираясь на понимание высшего образования как поля, сформированного интересами игроков, занимающих в нём разные позиции, обратимся к анализу тех практик, в которых под влиянием массового перехода на дистанционное обучение стали формироваться контуры нового поля. Таким образом, мы предлагаем обратить внимание на некоторые практики образовательного процесса, меняющие представления о нормах и приводящие к изменению самого поля.

Автор не претендует на завершённость картины, а только приглашает к дискуссии в таком фокусе, который позволит отойти от понимания высшего образования как «системы» и более гибко воспринимать те трансформации, в которых оно непрерывно существует все последние годы.

Теоретические предпосылки: поле высшего образования и его особенности

В концепции социальных полей П. Бурдьё высшему образованию отводится значительное место. И хотя специальных работ, посвящённых структуре именно этого конкретного поля, автор не оставил, его особенности и принципы функционирования можно вывести из универсальной логики организации других полей. Так, наиболее близким к нему является поле науки и поле школьного образования, каждому из которых Бурдьё посвятил отдельные работы. Это значит, что в поле высшего образования пересекаются разные измерения – науки, образования, политики, экономики. Таким образом, говоря о поле в целом, мы всегда упускаем из виду какое-нибудь одно из них. Тем не менее, опираясь на общие положения теории П. Бурдьё, обозначим базовые принципы понимания того, как функционирует поле и как они (принципы) проявляются в высшем образовании.

1. Поле как подсистема социального пространства отличается относительной автономностью и замкнутостью и представлено структурно (объективно) обусловленными позициями [6: с. 569]. Однако в отношении поля высшего образования трудно говорить о замкнутости и смысловой однородности, так как в нём сплетаются как минимум два (а на самом деле больше) измерения – образовательное и научное. Каждое из измерений организовано по универсальным принципам работы поля в целом, в основе которых лежит распределение ка-

питала, определяющего диспозиции агентов и их символическую власть. Таким образом, поле всегда иерархично устроено, причём иерархия существует даже внутри тех сообществ, которые, казалось бы, построены на горизонтальных связях. Так, иерархию профессорско-преподавательской среды можно рассматривать как результат конкуренции между позициями, требующими вложений разного вида и объема капитала, для того чтобы их занять. В этом смысле студенты как относительно автономная социальная группа, не участвующая в борьбе за лучшие диспозиции внутри университета, стратифицированы автономно внутри группы по стилям жизни. Логика конкуренции капиталов, несмотря на разницу иерархий, и в случае студентов, и в случае преподавателей одна и та же.

2. Конкурентная (конфликтная) природа: поле – это всегда поле борьбы. В поле науки она задаётся конкуренцией, «специфической ставкой которой является монополия на научный авторитет» [2: с. 474], в поле образования это борьба за возможность осуществлять символическое насилие и т.д. При комбинации разных измерений в одном поле, каковым является высшее образование, виды капиталов, участвующих в борьбе, связаны между собой. Например, при получении преподавательской должности в хорошем университете соискателю следует показать, что он обладает рядом преимуществ, таких как образование в хорошем вузе, рекомендательные письма, опыт работы с известными учёными и т.д. Такой же механизм работает и на других уровнях – при отборе студентов и их переходе на более высокий уровень образования.

3. Двойное структурирование поля высшего образования. Напомним, что процесс структурирования социального пространства у Бурдьё имеет два «встречных» вектора. Первый задан объективно как результат распределения ресурсов (капитала) в полях, а второй обусловлен субъективной активностью агентов: «социальные структуры обуславливают практики и представления агентов, но агенты производят практики и тем самым воспроизводят или преобразуют структуры» [6: с. 567]. В свою очередь, практики агентов формируются под влиянием объективных структур, которые оказывают силу принудительного действия на агента. В приложении к образовательной составляющей, фокус на которую направлен в настоящей работе, это означает, что структурные ограничения, организующие учебный процесс, задают рамки и границы свободы, в которых студенты и преподаватели могут проявлять гибкость. В качестве примера того, как практики изменили структурные ограничения, мы приводим разницу между пониманием нормы о посещаемости занятий в допандемийное и пандемийное (дистанционное) время.

4. Взаимодействие между агентами в рамках поля производит практики. При этом легитимность

получают практики, произведённые доминирующей группой. Подчинённая группа производит свои практики с учётом объективных (структурных) ограничений, а также тех практик, что предложены доминирующими: «результаты производства практик доминирующими позициями являются предпосылками и условиями производства практик для доминируемых позиций» [6: с. 570–571]. Таким образом, процесс производства практик также имеет двойной вектор – «снизу» и «сверху», так как и доминирующие группы не свободны в своей активности – во-первых, доминирующие в одном отношении группы оказываются подчинёнными в другом, а во-вторых, объективные (структурные) ограничения одинаково распространяются и на тех, и на других. Важное значение для понимания процесса воспроизводства практик имеет то, что мотивация действий агента объясняется здесь не в категориях сознания и намерения, а в категориях предрасположенностей и габитуса [3: с. 53]. На примере практики дара Бурдье показывает, что в одном действии могут быть упакованы смыслы, кажущиеся нелогичными и теоретически противоположными [1: с. 158–160]. Так происходит потому, что предрасположенность, формируемая структурно, в одной только практике дара может проявляться по-разному, например как «склонность дарить» и/или как «готовность дарить».

Согласно этим принципам поле высшего образования структурируется объективно диспозициями агентов, основные среди которых – преподаватели и студенты. Здесь мы абстрагируемся от внутренней стратификации групп и распределения капитала, о чём упоминали выше, и остановимся только на их взаимодействии по производству практик.

В структуре образовательного пространства будем рассматривать преподавательскую группу как доминирующую, студенческую – как подчинённую. Соответственно образовательный процесс будем понимать как производство практик доминирующей группой (преподавателями). Студенты присваивают и воспроизводят эти практики. Однако сам процесс присвоения и воспроизводства начинается не с «чистого листа» – каждый агент (индивидуальный и коллективный) сложился как относительно устойчивая система предрасположенностей, меняющихся и корректирующих присваиваемые практики. Далее мы рассматриваем, как работает это взаимодействие по производству практик на примере посещаемости занятий.

Практика посещаемости занятий: до и после пандемии

Посещаемость занятий всегда была не просто главным, но и самоочевидным необходимым требованием по выполнению учебного плана для студентов очной формы обучения. И хотя дисциплинар-

ные взыскания за пропущенные занятия очень сильно варьируются по вузам, они существовали всегда и везде. Кроме того, преподаватели часто устанавливают собственные нормы обязательной посещаемости и санкции за их нарушение, проявляя большую или меньшую жёсткость. Собственно, в традиционном образовании посещение занятий практически равно процессу его получения. Понятно, что для успешного завершения этого процесса студент должен сделать что-то ещё – сдать экзамены, провести лабораторные, написать курсовые, защитить ВКР и т.д., но наличие или отсутствие адекватной картины посещаемости уже является сигналом успешности/неуспешности рубежных испытаний. Здесь мы намеренно абстрагируемся от интерактивной составляющей занятий, имеющей, конечно, несравненно больший вес в общей картине образовательных практик, чем простое пассивное посещение. Здесь принципиально не имеет значения, насколько посещаемость важна или не важна по сравнению с другими практиками – скорее она, напротив, сама, ускользая от рефлексии, задаёт тот скрытый фон образовательного процесса, на котором разворачиваются все активные формы взаимодействия.

Контроль посещаемости является одной из важных практик, составляющих повседневность образовательного процесса. При этом стоит обратить внимание, что в рамках традиционного обучения под посещаемостью имеется в виду простое физическое присутствие студента на занятии, по сути, пассивное участие во взаимодействии как слушателя. Контроль состоит в фиксировании факта того, что студент пришёл в аудиторию и занял место в пространстве. Соответственно для поддержки этой практики преподаватель пользуется некоторым санкционным набором – положительными санкциями, ставя отметки о присутствии, которые затем могут складываться и в накопительный результат в виде, например, положительной аттестации за месяц или семестр обучения. К отрицательным санкциям можно отнести отметку об отсутствии на занятии, которая может перерасти в более серьёзные санкции в случае, если отсутствие будет более частым, чем установленная норма. В любом случае, почти все преподаватели ведут учёт посещаемости и ориентируются на этот показатель как первый базовый сигнал, позволяющий сделать вывод об успешности освоения курса студентом.

В результате сложившаяся в традиционном формате практика посещения занятий основана на том, что студенты принимают решение о посещении или непосещении занятий, принимая во внимание сформулированные санкции. Как правило, на тех занятиях, когда преподаватель допускает свободное посещение (например, не отмечает при-

сутствующих на лекциях), численность посещений неизменно падает. Положительные санкции – например, если за посещение занятия начисляется какое-то количество баллов, влияющих на итоговый результат, приводят к росту посещаемости.

Практика обязательного посещения занятий производится доминирующей группой – администрацией университета и преподавателями. Студенты как подчинённая группа её воспроизводят, но при этом происходит производство встречных практик, корректирующих доминирующую. При воспроизводстве всё определяется мотивацией студентов и основанными на ней их личными учебными стратегиями. В целом требование посещать занятия соответствует стратегиям мотивированных студентов и тех рутин, которые сформировались за время обучения в школе, поэтому практика посещаемости занятий большинством студентов поддерживается, а отсутствие на занятии считается девиацией. И тем не менее обязательное посещение воспринимается как принудительность, в связи с чем создаются разные практики обхода этой нормы, позволяющие выполнить требование преподавателя по посещаемости с минимальными издержками для себя. Из повседневных практик назовём две таких – формальное присутствие и ложное присутствие. В случае формального присутствия студент, пришедший на занятие, не включается в процесс коммуникации с преподавателем и другими участниками, показывает внешние признаки присутствия, однако при этом выполняет другие задачи, не имеющие отношения к занятию. Ложное присутствие – это практика обмана преподавателя посредством отметки отсутствующего студента как присутствующего по договорённости с одноклассниками или старостами. Первая из этих практик является вполне легитимной, в то время как вторая – мошеннической. Общее между ними то, что обе являются ответом на требование об обязательности посещения занятий со стороны доминирующей группы. И если в отношении мошеннической практики «нелегальной» отметки отсутствующих можно при желании найти способы противодействия и контроля, то в отношении формального присутствия таких контрмер практически нет. Даже единственный нерепрессивный способ – заинтересовать и вовлечь – не является панацеей. Формальное присутствие на занятиях – это сигнал всему академическому сообществу о том, что любая практика, формируемая на условиях принуждения к исполнению, обречена на такую корректировку.

Таким образом, в отношении практики посещаемости поле высшего образования работает как саморегулирующийся механизм, в котором обязательные требования в рамках установленной нормы корректируются студентами с поправкой на

свой интерес. Наибольшая гибкость корректировки произведённых «сверху» практик проявилась при переходе на дистанционное образование.

После перехода на дистанционное обучение занятия стали проводиться в формате видеоконференцсвязи. При этом понимание требований к посещению формировалось преподавателями стихийно, по аналогии с традиционным форматом как необходимость присутствия студентов в аудитории, теперь уже в виртуальной. От студентов требовалось подключиться к занятию и находиться на связи с включенной видеокамерой. Предполагалось, что наличие такой связи аналогично пассивному участию на занятии и что так же, как и в традиционном формате, студент будет воспринимать поступающую от преподавателя и других участников информацию. Однако присутствие в виртуальной аудитории кардинально отличается от физического присутствия в традиционном формате обучения. Как показывает опыт наблюдений, студенты на дистанционных занятиях под разными предлогами отказываются включать видеокамеру. Начинает складываться другая практика – ухода от общения через видеосвязь, которая очень быстро становится массовой и впоследствии получает легитимность со стороны преподавателей. Здесь мы имеем дело с ситуацией, когда неопределённость практического поля, новое, ещё не отрегулированное измерение образовательного процесса вызывает столкновение интересов двух групп по производству практик. Требование о включении видео срабатывает в очень ограниченном диапазоне – например, только если студент вступает в активную коммуникацию, т.е. выступает с докладом или задаёт вопрос. Пассивное участие (присутствие) практически всегда ограничивается простым подключением к занятию. Постепенная легитимация такой практики радикально изменила поле высшего образования в его дистанционном измерении. Присутствие и посещение занятий в рамках этого поля утратили свою прежнюю функцию пассивной коммуникации, так как адресат этой коммуникации фактически отсутствует. И здесь дело не только в том, что в итоге победила студенческая практика ухода от видеоучастия в дистанционном формате обучения. Само по себе включённое видео, конечно, совсем не решает проблему формальности присутствия, о которой мы упоминали выше. Важнее то, что легитимация формального присутствия в дистанционном формате одновременно означает деперсонализацию коммуникаций в высшем образовании в целом и большие сомнения в успешности образовательного процесса, в котором коммуниканты остаются в буквальном смысле «чёрными окошками» друг для друга.

Сейчас, после того как вузы прошли через несколько стадий ухода в дистанционный формат и возврата из него, мы можем наблюдать, как практики, сформированные в виртуальном измерении, изменили традиционное поле. По сравнению с началом периода виртуализации образовательного процесса сейчас существенно увеличилось число тех его участников, которые склонны поддерживать дистанционное образование. Особенно часто приходится слышать о преимуществах дистанционных лекций перед традиционными. И основная аргументация в пользу этого мнения так или иначе связана с обсуждаемой в этой работе практикой посещаемости занятий, так как воспроизводит логику удобства деперсонализации и гибкого отношения к факту личного присутствия. Таким образом, само дистанционное обучение (а вместе с ним и процесс получения высшего образования в целом) начинают восприниматься как ненапряжённое дополнение к другим, более важным видам деятельности. Дистанционное обучение формирует привычку ухода от личных коммуникаций и укореняет рутину формального присутствия на занятии гораздо более интенсивно, чем это имело место в традиционном поле. И, наконец, практики дистанционного обучения привели к поддержке и укоренению того, чего всячески избегали, по крайней мере, в рамках преподавания гуманитарных и социальных дисциплин – технократического отношения к процессу обучения как к имперсональной трансляции информации. Эти смыслы не являются

чем-то новым, наоборот, они вскрывают давно дискутируемые вопросы, которые именно сейчас, после тотального погружения в испытания дистанционным образованием, вновь становятся актуальными. Насколько серьёзно и глубоко эти практики изменяют поле высшего образования в будущем, нам ещё предстоит узнать.

В заключение ещё несколько размышлений о том, почему для маркировки изменений поля высшего образования выбрана именно практика посещаемости. В работе мы упоминали, что правило посещаемости имеет важный смысл – устанавливает необходимость присутствия участников в физическом пространстве как предпосылку взаимодействия между ними. Однако присутствовать в физическом и экзистенциальном смысле слова – не одно и то же. Тот факт, что студент пришёл на занятие, ещё не означает, что он в действительности присутствует на нём. Недаром понятие присутствия имеет, в том числе, и экзистенциальный смысл, не сводимый к положению физического тела в пространстве. Присутствие как экзистенция осуществляет себя в модусе участия и соучастия в производимой коммуникации. Хотя и в традиционном, и в дистанционном измерении имеются возможности прикрыть необходимость посещения только видимостью присутствия и сделать эту практику исключительно формальной, осуществление присутствия в экзистенциальном плане практически невозможно при дистанционном обучении.

Список источников

1. Бурдьё П. Практический смысл. Санкт-Петербург : Алетейя, 2001. 562 с.
2. Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. Санкт-Петербург : Алетейя, 2005. 617 с.
3. Бурдьё П. Экономическая антропология: курс лекций в Коллеж де Франс (1992–1993). Москва : Изд. дом «Дело», 2019. 416 с.
4. Канатова А. Отношение студентов кыргызских и российских вузов к переходу на дистанционное обучение в связи с пандемией COVID-19: пилотное исследование // Вестник по педагогике и психологии Южной Сибири. 2020. С. 23–37.
5. Нарбут Н.П., Алешковский И.А., Гаспаришвили А.Т., Крухмалева А.В. Вынужденное дистанционное обучение как стимул технологических изменений высшей школы России // Вестник Российского университета дружбы народов. 2020. Т. 20. С. 611–621. (Серия «Социология»).
6. Шматко Н.А. «Социальные пространства» Пьера Бурдьё / Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики. Санкт-Петербург : Алетейя, 2005. С. 554–576.
7. Шнейдер Л.Б. Реальности дистанционного обучения в контексте пандемии // Высшее образование сегодня. 2020. № 7. С. 18–23.
8. Altbach P.G., de Wit H. Are we at a transformative moment for online learning // University World New. 2020. Vol. 2.
9. Armstrong-Mensah E. [et al.]. COVID-19 and Distance Learning: Effects on Georgia State University School of Public Health Students // Frontiers in Public Health. 2020. Vol. 8. P. 547.
10. The Impact of COVID 19 on Higher Education around the World . IAU Global Survey Report. Published by International Association of Universities, May. 2020. URL: https://www.iau-aiu.net/IMG/pdf/iau_covid19_and_he_survey_report_final_may_2020.pdf?_cldee=ZWx2aXJhLmxi250eWV2YUbnWFpbC5jb20%3d&recipientid=contact-bab14a9e7c82eb118ba3005056ac022d-92c92e27c8454ac58d1d10d58846b3ec&esid=c3467497-4582-eb11-8ba3-005056ac022d (accessed: 14.03.2021).

References

1. Bourdieu P. *Prakticheskij smysl* [Practical meaning]. St. Petersburg : Aletheya, 2001. 562 p. (In Russ.).
2. Bourdieu P. *Social'noe prostranstvo: polya i praktiki* [Social space: fields and practices]. St. Petersburg : Aleteya, 2005. 617 p. (In Russ.).
3. Bourdieu P. *Ekonomicheskaya antropologiya: kurs lekcij v Kollezh de Frans (1992–1993)* [Economic anthropology: lecture course at the College de France (1992–1993)]. Moscow : Ed. house "Delo", 2019. 416 p. (In Russ.).

4. Kanatova A. *Omoshenie studentov kyrgyzskih i rossijskih vuzov k perekhodu na distancionnoe obuchenie v svyazi s pandemiej COVID-19: pilotnoe issledovanie* [The attitude of students of Kyrgyz and Russian universities to the transition to distance learning in connection with the COVID-19 pandemic: a pilot study] // Bulletin of Pedagogy and Psychology of South Siberia. 2020. P. 23–37. (In Russ.).
5. Narbut N.P., Aleshkovsky I.A., Gasparishvili A.T., Krukhmaleva A.V. *Vynuzhdennoe distancionnoe obuchenie kak stimul tekhnologicheskikh izmenenij vysshkej shkoly Rossii* [Forced Distance Learning as a Stimulus for Technological Changes in Higher School in Russia] // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. 2020. Vol. 20. P. 611–621. (Series "Sociology"). (In Russ.).
6. Shmatko N.A. «*Social'nye prostranstva*» P'era Burd'yo / Burd'yo P. *Social'noe prostranstvo: polya i praktiki* ["Social spaces" by Pierre Bourdieu] // Bourdieu P. *Social space: fields and practices*. St. Petersburg : Aleteya, 2005. P. 554–576. (In Russ.).
7. Schneider L.B. *Real'nosti distancionnogo obucheniya v kontekste pandemii* [The reality of distance learning in the context of a pandemic] // Higher education today. 2020. No. 7. P.18–23. (In Russ.).
8. Altbach P.G., de Wit H. Are we at a transformative moment for online learning // *University World New*. 2020. Vol. 2.
9. Armstrong-Mensah E. [et al.]. COVID-19 and Distance Learning: Effects on Georgia State University School of Public Health Students // *Frontiers in Public Health*. 2020. Vol. 8. P. 547.
10. Impact of COVID 19 on higher education worldwide. IAU Global Study Report. Published by International Association of Universities. May. 2020. URL: https://www.iau-aiu.net/IMG/pdf/iau_covid19_and_he_survey_report_final_may_2020.pdf?_cldee=ZWx2aXJhLmxlb250eWV2YUBnbWFpbC5jb20%3d&recipientid=contact-bab14a9e7c82eb118ba3005056ac022d-92c92e27c8454ac58d1d10d58846b3ec&esid=c3467497-4582-eb11-8ba3-005056ac022d (accessed: 14.03.2021).

Информация об авторе

Э.О. Леонтьева – доктор социологических наук, профессор Высшей школы международных исследований и дипломатии.

Information about the author

E.O. Leontyeva – Doctor of Science (Sociology), Professor of Higher School of International Studies and Diplomacy.

Статья поступила в редакцию 14.01.2022; одобрена после рецензирования 01.02.2022; принята к публикации 20.02.2022.
The article was submitted 14.01.2022; approved after reviewing 01.02.2022; accepted for publication 20.02.2022.

Научная статья

УДК 373.5.016:378.014.6

doi: 10.31079/1992-2868-2022-19-2-140-146

РОЛЬ ДОВУЗОВСКОЙ ПОДГОТОВКИ В СИСТЕМЕ КАЧЕСТВЕННОГО ПОВЫШЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ВУЗЕ

Ирина Анатольевна Гареева¹, Татьяна Борисовна Соколова²

¹Тихоокеанский государственный университет, Хабаровск, Россия, gar_ia@mail.ru

²Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия, tatiana-sokolova55@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется роль довузовской подготовки в формировании контингента студентов вуза и их мотивация на выбор определенного направления профессиональной подготовки. Представлены основные формы организации довузовской подготовки и данные эмпирического исследования, выявляющего востребованные у будущих абитуриентов формы организации данной подготовки, что обуславливает ее значимость в системе высшего образования.

Ключевые слова: довузовская подготовка, высшая школа, обучающийся, абитуриент, направления подготовки, профориентация, мотивация

Original article

THE ROLE OF PRE-UNIVERSITY TRAINING IN THE HIGHER EDUCATION SYSTEM

Irina A. Gareeva¹, Tatyana B. Sokolova²

¹Pacific State University, Khabarovsk, Russia, gar_ia@mail.ru

²Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia, tatiana-sokolova55@mail.ru

Abstract. The article analyzes the role of pre-university training in the formation of a contingent of university students and their motivation to choose a certain training program in higher education. The main forms of organization of pre-university training and empirical research data, confirm which forms of pre-university training are in demand among future applicants, are presented in the article.

Keywords: pre-university training, higher school, student, entrant, areas of training, career guidance, motivation

Современный этап социально-экономического развития России и происходящие общественные перемены, а также постоянно изменяющиеся ситуации на рынке (в том числе и на рынке труда) выдвигают новые требования к качеству профессионального образования выпускников вузов. В Постановлении Правительства РФ от 26.12.2017 № 1642 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» сформулирована основная цель программы – повышение качества подготовки квалифицированного работника соответствующего уровня и профиля.

На современном рынке труда востребованы специалисты с высоким уровнем квалификации, что повышает их конкурентоспособность, готовые к постоянному личностному и должностному росту, обладающие профессиональной мобильностью, высокими личностными качествами и уровнем интеллектуального потенциала [2].

Таким образом, уровень подготовки специалистов в высшей школе должен отвечать современным требованиям, а проблема повышения качества профессионального образования становится наибо-

лее актуальной. Одним из важнейших условий эффективного функционирования и качественного повышения профессионального образования в вузе является организация набора абитуриентов, обладающих глубокими базовыми знаниями, способных к обучению в высшей школе и осознанию выбора будущей специальности (профессии). Отбор и подготовка абитуриентов, отвечающих современным требованиям высшей школы, возможны в условиях довузовской подготовки. Роль довузовского образования в сочетании с профориентацией в высшем учебном заведении чрезвычайно высока.

В работе А.Г. Карашевой, Г.А. Карсаковой и А.Ж. Насипова довузовская подготовка рассматривается как образовательно-профориентационная деятельность, направленная на поддержание профессионального самоопределения, оказание содействия в подготовке абитуриентов к экзаменам и поступлении в вуз, а также на выявление и развитие способностей и интересов учащихся и последующую их адаптацию к обучению в вузе. Только в совместном сотрудничестве со всеми субъектами в едином образовательном пространстве, как счита-

ют авторы, возможно успешное осуществление этой деятельности, при этом университет будет выполнять роль интеллектуального центра в осуществлении информационного, научно-методического и кадрового обеспечения [7]. Можно утверждать, что главными факторами, влияющими на качественную профессиональную подготовку, являются базовые знания учащихся и запрос работодателя на квалифицированных специалистов. Поэтому результативность образовательной деятельности в вузах определяется проведением эффективной профориентационной работы на предпрофильном этапе и наличием у абитуриентов мотивации поступления в высшую школу по избранному направлению подготовки.

В последнее время вопрос подготовки абитуриентов к поступлению в современную высшую школу и обучению в ней активно дискутируется. Непрерывно реформируемые сферы жизнедеятельности общества и системы образования привели к негативным последствиям, таким как низкая подготовленность абитуриентов к обучению в вузе, отсутствие самостоятельности, низкая адаптивность, слабая ориентированность на конкретную профессиональную деятельность.

Приемные кампании в вузах РФ в последнее время проходят в условиях демографического спада и жесткой конкуренции между вузами по набору качественного контингента, а современные абитуриенты характеризуются низким уровнем базовых знаний и отсутствием мотивации в выборе профессии. Решение этих проблем может быть осуществлено с помощью довузовской подготовки, организованной в вузах в виде управлений, факультетов, центров по формированию контингента студентов.

Эффективное функционирование вуза, как считают Т.Д. Хлебникова, С.Г. Гильмиярова и др., возможно только при четкой организации качественного набора хорошо подготовленных абитуриентов, обладающих глубокими базовыми знаниями, способных к обучению и осознанно выбирающих будущую специальность. Предпрофильная подготовка в условиях вуза при правильной организации способна реализовать ряд важных функций, таких как информационные, образовательные, адаптационные, общеразвивающие и собственно профориентационные. Специальные программы профориентационного тестирования помогают выявить способности, склонности, особенности характера потенциальных абитуриентов, а посещение факультетов, кафедр вуза, ознакомление со спецификой различных направлений подготовки и специальностей дают возможность абитуриенту сделать правильный выбор будущей профессии [11].

Термин «дovuзовская подготовка» начал активно применяться с 90-х гг. XX в. с развитием идеи

непрерывного образования. Анализ научной литературы по данной проблеме свидетельствует, что однозначного и общепринятого определения этого термина до сих пор нет и требуются последующие уточнения.

Большинство авторов, исследуя содержательную сущность этого понятия, приходят к единому решению, что довузовская подготовка занимает промежуточное положение между школьным и высшим образованием, представляет связующее звено непрерывного образования и занимает особое, самостоятельное место в современной системе высшего образования.

О.Н. Казакова и Н.И. Кобзева, анализируя обоснованность включения довузовского образования в систему высшего образования, определяют, что в процессе подготовки обучающихся в рамках довузовского образования реализуются следующие взаимосвязанные функции: учебная в рамках предпрофильной подготовки и личностно-развивающая, которую можно рассматривать как воспитательную, однако в условиях довузовской подготовки эта функция позволяет непосредственно приобщить обучающихся к содержательно-смысловым реалиям и ценностям вузовской жизни [5]. Как считают авторы, довузовская подготовка реализует «нулевой курс» обучения в вузе и может обеспечить обучающимся успешное прохождение вступительных испытаний, а в последующем более качественное освоение профессионально ориентированных учебных дисциплин. Рассматривая структуру довузовской подготовки и содержание образовательных программ, авторы пришли к выводу, что посредством довузовской подготовки обеспечивается качественная подготовка учащихся к выбору, а в дальнейшем и к получению профессионального образования с учетом компетентностного подхода. Этот подход предполагает движение от результатов образования (овладение знаниями) к его содержанию (значимость академических знаний) [5].

Следует отметить, что в современных условиях средние образовательные учреждения не способны качественно подготовить обучающихся к дальнейшему обучению в вузе, а единый государственный экзамен позволяет обучающемуся набрать необходимое количество баллов для поступления в высшее учебное заведение. Процесс обучения в высшей школе сильно отличается от школьного и требует подготовленности будущего абитуриента. Так, Е.С. Снаговская и Д.А. Барабась считают, что потенциального студента необходимо подготовить к новым условиям обучения: сформировать способность к восприятию и освоению разнопланового учебного материала, самостоятельному поиску информации и ее обработке, своевременному выполнению заданий, постоянному контролю получен-

ных знаний. Реализация вышеуказанных задач повышает значимость довузовской подготовки, предоставляя обучающимся необходимые качественные знания, повышая их мотивационную активность, активизируя к принятию самостоятельных решений в новых условиях [10].

Н.В. Красильникова рассматривает предпрофильную подготовку как элемент довузовской подготовки и как вид пропедевтического этапа профессионального становления личности, который позволяет с учетом коррекции образовательного уровня развивать у школьников личностные познавательные интересы и легко адаптироваться к условиям вуза [8].

Рассматривая довузовскую подготовку, М.С. Капелевич указывает на ее самостоятельность, самоценность, личностную ориентированность, а деятельность в рамках довузовской подготовки, по мнению автора, направлена на удовлетворение личных образовательных потребностей, мотивирование к творческой деятельности, тем самым на самореализацию и саморазвитие личности [6]. Таким образом, довузовское образование не только осуществляет подготовку будущих абитуриентов, но и развивает у них мотивацию к учебе, уровень необходимых умений, знаний, навыков.

Наиболее полно довузовскую подготовку исследуют М.А. Абрамова, О.Л. Кошеутова, рассматривая ее как деятельность, где происходит процесс и результат получения учащимися научных знаний, познавательных умений и навыков. В условиях довузовской подготовки личность формирует свое мировоззрение, развивает творческие силы и способности. Но данный процесс происходит не случайно, а в определенном образовательном пространстве вуза, через осуществление работы по профориентации учащихся и поиску талантливой и одаренной молодежи [1].

А.А. Гречко, исследуя эффективность подготовки учащихся к освоению военно-профессиональных образовательных программ, также отмечает значимую роль системы довузовского образования, социально-педагогический потенциал которой с учетом интересов и способностей личности может усилить стартовые возможности, систематизировать жизненные планы. Автор утверждает, что главный культурный смысл системы дополнительного образования в том, что она обеспечивает максимальное удовлетворение потребностей и интересов личности. А.А. Гречко отмечает, что довузовская подготовка соответствует государственным и общественным требованиям к результатам подготовки. Все это позволит обучающимся осознанно принять решение о необходимости получения высшего военного образования; поступить и эффективно учиться в военном вузе, качественно

осуществлять военно-профессиональную деятельность по окончании учебного заведения [3].

Т.В. Матекина рассматривает довузовскую подготовку как компонент технологической модели непрерывного образования опережающего типа [9]. По мнению автора, довузовская подготовка включает в себя обеспечивающие технологии, развивающие технологии, технологии помощи и поддержки, опережающие технологии, наиболее важной из которых является опережающая адаптация учащихся к условиям обучения в высшей школе.

Таким образом, анализ литературы подтверждает, что довузовская подготовка рассматривается как подсистема непрерывного предпрофессионального образования, которой предстоит реализовывать три цели образования: обучение, воспитание и развитие [4].

Следует отметить, что в современных условиях в высшей школе система довузовской подготовки не заняла достойного места. Основными причинами этого являются следующие:

- цели и функции довузовской подготовки четко не сформулированы;
- главные приоритеты не выделены;
- связь «школа–вуз» сформирована по принципу «здесь и сейчас».

Несмотря на особый интерес исследователей к проблеме довузовской подготовки, до сих пор нет единого общепризнанного определения понятия и содержания этого термина. Признано, что довузовская подготовка представляет собой промежуточную переходную ступень в системе «школа–вуз» и в большей степени используется в системе подготовки школьников к ЕГЭ. Возможный потенциал подготовки – помочь абитуриентам сделать осознанный выбор будущей профессии, а также научить будущих абитуриентов (студентов) умению обучаться в условиях высшей школы – система довузовской подготовки не использует.

Практический опыт вузов, где довузовская подготовка внедрена, свидетельствует, что она является промежуточной ступенью между средним и высшим образованием и проявляет себя самостоятельным видом деятельности, цели и задачи которого заключаются не только в осуществлении подготовки будущих абитуриентов к поступлению в вуз, но и в оказании им помощи в сознательном выборе направления дальнейшего образования и будущей профессии. Довузовская подготовка способствует психологической адаптации абитуриента при переходе из средней школы в высшую школу, осуществляет профильную ориентацию, формирует потребность в самостоятельном и творческом подходе к новым знаниям, диагностирует и корректирует уровень знаний по различным школьным дисциплинам.

Система довузовской подготовки ориентирована на формирование у абитуриента культуры самообразования и первоначальных представлений о профессиональной деятельности, потребности в непрерывном образовании, нацеленности на самостоятельное активное овладение знаниями, погружение в образовательную среду высшей школы, ознакомление с профессиональной деятельностью благодаря институту наставничества.

Основной целью довузовской подготовки является воспитание, обучение, развитие. В соответствии с целью довузовская подготовка рассматривается как специфический дополнительный образовательный вид деятельности, направленный на обучение, развитие, адаптацию школьников, выявление у них качеств, необходимых в дальнейшей профессиональной деятельности.

Таким образом, система довузовской подготовки ориентирована на выполнение следующих задач:

- сопровождение обучающихся в профессиональном определении;
- подготовку обучающихся к поступлению в вуз в соответствии с требуемыми баллами по ЕГЭ;
- выявление талантливых детей в процессе довузовской подготовки и их сопровождение;
- мотивирование и формирование навыков самостоятельной работы и обучения;
- мотивирование обучающихся к выполнению научно-исследовательских, проектных работ;
- вовлечение обучающихся в образовательную и культурную среду вуза.

Прообразом довузовской подготовки являлись курсы подготовки к вступительным экзаменам. Однако на курсах подготовки акцент делался на изучении материала, который расширял кругозор будущего абитуриента и позволял ему успешно справиться со вступительными экзаменами.

Довузовская подготовка осуществляется в разных организационных формах, таких как: факультативы, профильные школы, классы, лицеи, гимназии и подготовительные курсы. Изучение опыта вузов РФ демонстрирует многообразие форм довузовской подготовки. Так, в Высшей школе экономики (ВШЭ) предлагают следующие виды довузовской подготовки: интенсив для 11-го и 8-го классов, подготовка к ЕГЭ и ОГЭ, подготовка к олимпиадам и конкурсам, предпрофильная подготовка учащихся 8–9-го классов, интернет-школа, проектная школа. Следует отметить, что довузовская подготовка в ВШЭ ориентирована на обучающихся с четвертого класса.

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова в рамках довузовской подготовки предлагает обучающимся университетские профильные классы, малую школьную академию, воскресную физико-математическую школу,

группы подготовки к олимпиадам, конкурсы школьных проектов, олимпиады, открытый родительский университет.

Воронежский государственный архитектурно-строительный университет организывает профильные классы в средних образовательных учреждениях и регулярно проводит сессии, во время которых осуществляется дополнительное изучение математики, физики, информатики, обществознания.

В Тихоокеанском государственном университете основными формами довузовской подготовки являются подготовка к ЕГЭ для обучающихся 11-х классов, подготовка к ОГЭ для обучающихся 9-х классов, заочные подготовительные курсы, летние подготовительные курсы, профильные школы. В рамках довузовской подготовки у обучающихся формируются определенные навыки и умения, способствующие более мягкому переходу от школьного этапа обучения к вузовскому и ознакомлению с теми профессиями, которые будущий абитуриент может выбрать в дальнейшем.

Регулярно проводимые анкетирования студентов первых курсов Кабардино-Балкарского университета (n – 2065, выборка сплошная, 2020 г.) свидетельствуют, что до 50 % респондентов принимают решение о поступлении в вуз после прохождения довузовской подготовки или участия в профориентационных мероприятиях, проводимых в вузе.

Нами проанализирован опыт довузовской подготовки Центра по созданию контингента студентов Дальневосточного государственного университета путей сообщения (ДВГУПС). Основной целью Центра является обеспечение и формирование контингента студентов по программам высшего и среднего профессионального образования. В задачах Центра планирование, организация, координация и оперативное управление формированием качества контингента студентов; участие в организации и проведении приемной кампании в вузе; организация профессиональной ориентации обучающихся в школах; информативное, методическое и нормативное обеспечение структурных подразделений вуза в вопросах формирования контингента студентов. Роль довузовской подготовки в современных условиях заключается в обеспечении дополнительными знаниями обучающихся и формирование у них общеучебных умений и навыков умственной работы с ориентацией на определенную выбранную профессию. В ДВГУПС имеется несколько направлений подготовки по программам специалитета, бакалавриата и магистратуры.

Следует отметить, что единый государственный экзамен не имеет профессиональной направленности. Однако по каждому направлению подготовки для поступления абитуриенту требуются знания по определенным предметам. Будущему абитуриенту

уже в начале учебного года необходимо определиться с выбором предметов, необходимых для поступления в вуз по тому или иному направлению подготовки в высшем учебном заведении. Чаще всего на выбор направления подготовки будущими абитуриентами влияют: наличие бюджетных мест по направлению подготовки, стоимость обучения, близость расположения вуза от места проживания, наличие общежития.

Основными видами довузовской подготовки в ДВГУПС являются: лицей, подготовительные курсы по ОГЭ и ЕГЭ, дистанционные курсы со школами-интернатами ОАО «РЖД», воскресная физико-математическая школа, школа по математике, конкурсы школьных проектов «Хабаровск. Наш.», тематические олимпиады по направлениям подготовки, новый формат дней открытых дверей, профориентационные мероприятия «Стань студентом на один день».

В рамках довузовской подготовки проводятся:

- конкурс эссе среди старшеклассников (9–11-е классы) на тему «Инженерное образование – локомотив в будущее». У участников конкурса формируется понимание значимости инженерного образования в современном мире;

- всероссийский фестиваль энергоснабжения «#ВместеЯрче». Благодаря участию в фестивале у участников формируется представление о профессиях в энергетической отрасли;

- фестиваль профессий «Город мастеров». В рамках фестиваля в холлах и аудиториях университета, в библиотеках и в актовом зале организуются тематические площадки, где все желающие могут получить полную информацию о направлениях подготовки и специальностях университета. Предоставляется информация о профессиях, востребованных на Дальнем Востоке, в г. Хабаровске, Хабаровском крае.

ДВГУПС регулярно проводит день открытых дверей, в рамках которого проводится анкетирование участников. В ежегодных днях открытых дверей участвует до 500 школьников. По результатам анкетирования (n – 124), проведенного в апреле 2021 г., были получены следующие результаты (нужно учесть, что вуз находился в условиях ограничений, связанных с пандемией COVID-19). В анкетировании участвовали 96,2 % респондентов, обучающихся в средних учебных заведениях города Хабаровска, и 3,8 % респондентов, обучающихся в сельской местности. Наибольшая доля участников дня открытых дверей – это обучающиеся средних образовательных школ.

По результатам этого опроса выявлено, что наибольший интерес для будущих абитуриентов представляют естественно-научные направления – математика, физика, химия, биология – 87,5 %, что

в целом и определяет основные направления подготовки ДВГУПС; общественно-научные направления (история, философия, экономика и право) выбрали 8,3 %, не определились с выбором направления 4,2 %. Это подтверждается и результатами ответов на вопрос: «Предметы, которые Вы выбрали для сдачи ЕГЭ». Наиболее часто будущие абитуриенты для сдачи ЕГЭ выбирают математику (95,5 %), русский язык (95,5 %), физику (22,7 %) и обществознание (27,3 %). Менее востребованы среди будущих абитуриентов биология, литература (по 9,1 %), химия, история (по 4,5 %).

62,5 % респондентов определились с выбором вуза, 37,5 % не определились, и следует полагать, что их посещение вуза в рамках дня открытых дверей случайно. Однако на вопрос: «Определились ли Вы с выбором специальности, по которой будете получать дальнейшее образование?», только 16 % респондентов ответили, что определились с выбранной специальностью (по отношению к 62,5 % определившихся с выбором вуза), 60 % респондентов не определились со специальностью, но уже выбирают из конкретных вариантов специальностей; 24 % респондентов не определились со специальностью. Следует отметить, что абитуриенты уже написали заявления в школах, выбрав предметы для прохождения ЕГЭ, однако пятая часть будущих абитуриентов еще не определились со специальностью или профессией. Можно предположить, что эта часть респондентов после дня открытых дверей при достаточной и интересной для них информации может выбрать данный вуз. Особый интерес в условиях конкурентности вузов и последствий «демографической ямы» 90-х гг. прошлого столетия представляют ответы на вопрос: «Назовите критерии выбора вуза» (при ответе на этот вопрос допускался выбор нескольких ответов). Так, 75 % респондентов выбрали ответ «наличие бюджетных мест в вузе»; 62,5 % респондентов выбрали высокое качество образования и престижность вуза, 66,7 % выбрали ответ «наличие интересного направления подготовки»; 33,3 % выбирают вуз, если «имеется насыщенная студенческая жизнь»; 29,2 % респондентов интересуют распределение на рабочие места после окончания вуза; 21 % – наличие военного учебного центра. Таким образом, ведущим фактором для абитуриента в выборе вуза являются возможность обучаться на бюджетном месте и наличие интересного направления подготовки.

Будущие абитуриенты отметили, что наиболее полную информацию о вузе они получают благодаря дням открытых дверей (81,8 %), в Интернете на информационных сайтах вуза (63,6 %), на занятиях в вузе, позволяющих познакомиться с той или иной профессией, и на информационных встречах с преподавателями и студентами вуза. Отмечены ме-

нее востребованные мероприятия среди абитуриентов – это рекламные проспекты о вузе (18,2 %) и предметные олимпиады (13,6 %). 50 % школьников, посетивших мероприятия дня открытых дверей, планировали принять участие в следующих профориентационных мероприятиях ДВГУПС, однако другие 50 % присутствующих на мероприятии затруднились дать ответ на этот вопрос. По данным проведенного опроса можно отметить, что будущие абитуриенты не активны в поиске информации о вузе, где бы они хотели учиться в будущем. Самостоятельно в вуз в поиске информации о вузе не обращался ни один обучающийся. Большая часть респондентов (54,5 %) пришли на мероприятие благодаря советам родственников или знакомых, 31,8 % респондентов узнали о мероприятии от школьных преподавателей, 36,4 % – из Интернета, 9,1 % – из социальных сетей.

Опрос, проведенный среди участников фестиваля «Город мастеров», продемонстрировал следующие результаты. Осознанно посетили мероприятия фестиваля «Город мастеров» в рамках дня открытых дверей 80,3 % школьников, пришли в компании с друзьями 16,4 %, попали случайно 3,3 %. Из тех, кто присутствовал на данном мероприятии, на вопрос: «Определились ли Вы с выбором вуза для поступления?» утвердительно ответили 70,5 % респондентов, 29,5 % не имеют четкого представления о будущем месте своего обучения. 59 % респондентов – участников мероприятия намерены поступить в данный вуз, а 6,6 % точно не будут поступать в вуз, 34,4 % затруднились дать ответ. 67,4 % присутствующих на мероприятии выбрали техническое направление обучения. В качестве обоснования своего выбора вуза школьники указали высокое качество образования и престижность вуза – 26 %, наличие выбранного направления подготовки – 19,5 % и возможность найти хорошую работу после окончания вуза – 15,5 %.

Анкетирование, проведенное среди старшеклассников, посещающих занятия разных форм довузовской подготовки в ДВГУПС в 2019 г. (n – 461), показало, что на их решение пройти довузовскую подготовку в университете повлияли: участие в мероприятии дня открытых дверей – 37 %, профориентацион-

ная работа в школе представителями вуза – 15 %, участие в различных конкурсах, фестивалях, олимпиадах, проводимых вузом, – 11 %, тренинги, проводимые в школах представителями вуза, – 10 %.

По результатам анкетирования выявлено, что в полную силу на курсах довузовской подготовки учатся 64,5 % слушателей, 35,5 % респондентов мешает успешно обучаться запущенность материала, который изучается в рамках курса. Побудительным мотивом пройти довузовское обучение для 23 % слушателей являются их планы на будущее, для 20 % – «знания пригодятся в будущей профессии». Наиболее интересными предметами респонденты назвали физику – 48,1 % и математику – 35,5 %.

Анкетирование, проведенное среди абитуриентов ДВГУПС в 2019 г. (n – 1099), продемонстрировало, что на выбор вуза и направления подготовки повлияли довузовская подготовка и участие в профориентационных мероприятиях (51 %).

Результаты анкетирования продемонстрировали, что будущие абитуриенты в большей мере получают для себя достоверную информацию о вузе в рамках различных мероприятий, организованных в вузе. Большая часть респондентов посещают мероприятия осознанно с целью расширения представления о вузе, направлениях подготовки и профессиях, которые можно получить при обучении в вузе.

В качестве интегрального критерия эффективности деятельности довузовской подготовки можно рассматривать долю абитуриентов и студентов-первокурсников, поступивших в университет благодаря осознанному выбору, сделанному под влиянием профориентационных мероприятий и довузовской подготовки.

Таким образом, довузовская подготовка в системе высшего образования позволяет сформировать контингент студентов, профессионально определившихся и мотивированных на выбор определенного направления подготовки в вузе, со сложившимися навыками самостоятельной работы и обучения, способных к выполнению научно-исследовательских и проектных работ, знакомых с образовательной и культурной средой вуза, что подтверждает ее значимую роль в системе высшего образования.

Список источников

1. Абрамова М.А., Кошеутова О.Л. Довузовская подготовка как компонент непрерывной системы образования // Вестник НВГУ. 2016. № 1. С. 3–9.
2. Беляева О.В. Роль довузовской подготовки в повышении качества профессионального образования. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-dovuzovskoy-podgotovki-v-povyshenii-kachestva-professionalnogo-obrazovaniya> (дата обращения: 27.03.2022).
3. Гречко А.А. Теоретическое обоснование основных потребностей довузовской подготовки школьников к поступлению и учебе в военно-учебных заведениях // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 6 (67). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskoe-obosnovanie-osnovnyh-napravleniy-dovuzovskoy-podgotovki-shkolnikov-k-postupleniyu-i-uchebe-v-voenno-uchebnyh> (дата обращения: 03.02.2022).
4. Дятлова К.Д., Францева Ю.Е. Эффективная довузовская подготовка как предпосылка успешности обучения в вузе // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. Вып. 1. С. 19–24.

5. Казакова О.Н., Кобзева Н.И. Довузовское образование в системе современной профессиональной подготовки // Вестник Оренбургского государственного университета. 2017. № 8 (208). С. 9–16.
6. Капелевич М.С. Концептуальные основы довузовской подготовки : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Калининград, 2001. 22 с.
7. Карашева А.Г., Карсакова Г.А., Насипов А.Ж. Довузовская подготовка: цели, задачи, принципы // Перспективы Науки и Образования. 2018. № 3 (33). С. 117–123.
8. Красильникова Н.В. Довузовская подготовка учащихся как средство развития региональной системы непрерывного образования : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Саранск, 2010. 18 с.
9. Матекина Т.В. Система довузовской подготовки как технологическая модель опережающего обучения : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Ростов-на-Дону, 2011. 26 с.
10. Снаговская Е.С., Барабас Д.А. Эффективная довузовская подготовка как предпосылка успешности обучения в вузе // Вестник Тульского государственного университета. 2016. № 1 (15). С. 177–179. (Серия: Современные образовательные технологии в преподавании естественно-научных дисциплин).
11. Хлебникова Т.Д., Гильмиярова С.Г., Хамидуллина И.В., Ильина С.Ф. Роль системы довузовского образования в деятельности вуза // Международный журнал экспериментального образования. 2017. № 4-2. С. 177–177. URL: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=11494> (дата обращения: 05.03.2022).

References

1. Abramova M.A., Kosheutova O.L. *Dovuzovskaya podgotovka kak komponent nepreryvnoy sistemy obrazovaniya* [Pre-university training as a component of a continuous education system] // Vestnik NVGU. 2016. No. 1. S. 3–9. (In Russ.).
2. Belyaeva O.V. *Rol' dovuzovskoy podgotovki v povyshenii kachestva professional'nogo obrazovaniya* [The role of pre-university training in improving the quality of professional education]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-dovuzovskoy-podgotovki-v-povyshenii-kachestva-professionalnogo-obrazovaniya> (accessed: 03.27.2022). (In Russ.).
3. Grechko A.A. *Teoreticheskoe obosnovanie osnovnykh potrebnostej dovuzovskoy podgotovki shkol'nikov k postupleniyu i uchebe v voenno-uchebnykh zavedeniyah* [Theoretical substantiation of the basic needs of pre-university preparation of schoolchildren for admission and study in military educational institutions] // World of Science, Culture, Education. 2017. No. 6 (67). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskoe-obosnovanie-osnovnykh-napravleniy-dovuzovskoy-podgotovki-shkolnikov-k-postupleniyu-i-uchebe-v-voenno-uchebnykh> (accessed: 03.02.2022). (In Russ.).
4. Dyatlova K.D., Frantseva Yu.E. *Effektivnaya dovuzovskaya podgotovka kak predposylka uspehnosti obucheniya v vuze* [Effective pre-university training as a prerequisite for successful education at a university] // Bulletin of the Nizhny Novgorod University. N.I. Lobachevsky. 2010. Is. 1. S. 19–24. (In Russ.).
5. Kazakova O.N., Kobzeva N.I. *Dovuzovskoe obrazovanie v sisteme sovremennoy professional'noy podgotovki* [Pre-university education in the system of modern vocational training] // Bulletin of the Orenburg State University. 2017. No. 8 (208). P. 9–16. (In Russ.).
6. Kapelevich M.S. *Konceptual'nye osnovy dovuzovskoy podgotovki* [Conceptual foundations of pre-university training] : Ph.D. dis. ... cand. ped. sciences. Kaliningrad, 2001. 22 p. (In Russ.).
7. Karasheva A.G., Karsakova G.A., Nasipov A.Zh. *Dovuzovskaya podgotovka: celi, zadachi, principy* [Pre-university training: goals, objectives, rationale] // Prospects of Science and Education. 2018. No. 3 (33). P. 117–123. (In Russ.).
8. Krasilnikova N.V. *Dovuzovskaya podgotovka uchashchihya kak sredstvo razvitiya regional'noj sistemy nepreryvnogo obrazovaniya* [Pre-university training of students as a means of developing the system of continuous education] : Ph.D. dis. ... cand. ped. Sciences. Saransk, 2010. 18 p. (In Russ.).
9. Matekina T.V. *Sistema dovuzovskoy podgotovki kak tekhnologicheskaya model' operezhayushchego obucheniya* [Pre-University Training System as a Technological Model of Advanced Education] : Abstract of the thesis. dis. ... cand. ped. sciences. Rostov-on-Don, 2011. 26 p. (In Russ.).
10. Snagovskaya E.S., Barabas D.A. *Effektivnaya dovuzovskaya podgotovka kak predposylka uspehnosti obucheniya v vuze* [Effective pre-university training as a prerequisite for the success of education at the university] // Bulletin of the Tula State University. Series Modern educational technologies in teaching natural sciences. 2016. No. 1 (15). P. 177–179. (In Russ.).
11. Khlebnikova T.D., Gilmiyarova S.G., Khamidullina I.V., Ilyina S.F. *Rol' sistemy dovuzovskogo obrazovaniya v deyatelnosti vuza* [The role of the system of pre-university education in the activities of the university] // International Journal of Experimental Education. 2017. No. 4-2. P. 177–177. URL: <https://expeducation.ru/ru/article/view?id=11494> (accessed: 03.05.2022). (In Russ.).

Информация об авторах

И.А. Гареева – доктор социологических наук, профессор;
Т.Б. Соколова – кандидат социологических наук, доцент.

Information about the authors

I.A. Gareeva – Doctor of Science (Sociology), Professor;
T.B. Sokolova – Candidate of Science (Sociology), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 20.01.2022; одобрена после рецензирования 01.02.2022; принята к публикации 20.02.2022.
The article was submitted 20.01.2022; approved after reviewing 01.02.2022; accepted for publication 20.02.2022.

Научная статья
УДК 378.147.091.313
doi: 10.31079/1992-2868-2022-19-2-147-153

ПРОЕКТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ОДИН ИЗ ВИДОВ ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ

Наталья Андреевна Дейнекина¹, Ольга Владимировна Кравченко²

^{1,2}Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия

¹ndeyka@mail.ru

²kob61-61@mail.ru

Аннотация. В статье изучены особенности организации проектной деятельности как вида самостоятельной работы студентов технических специальностей. Выявлены и описаны развивающие функции данной образовательной технологии, конкретизированы ее этапы. Сформулированы возможные проблемы для реализации проектной деятельности технического направления, рассмотрены условия успешной реализации в образовательном процессе. Описана работа над проектами по визуализации физических явлений и программное обеспечение, которое использовано при создании анимационных моделей.

Ключевые слова: самостоятельная работа студентов, проект, компетенции, проектная деятельность, 3D-модели, визуализация модели физического явления

Original article

PROJECT ACTIVITY AS ONE OF THE ORGANIZATION TYPES OF STUDENT INDEPENDENT WORK

Natalya A. Deinekina¹, Olga V. Kravchenko²

^{1,2}Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia

¹ndeyka@mail.ru

²kob61-61@mail.ru

Abstract. The article studies the features of the organization of project activities as a type of independent work of students of technical specialties. The developing functions of this educational technology are identified and described, its stages are specified. Possible problems for the implementation of the project activities of the technical direction are formulated, the conditions for successful implementation in the educational process are considered. The work on projects for the visualization of physical phenomena and the software used to create animation models are described.

Keywords: Independent work of students, project, competencies, project activity, 3D models, visualization of a model of a physical phenomenon

За последние двадцать лет в высшей школе прошли большие изменения, и одним из них стало введение компетентностно-ориентированных основных образовательных программ ФГОС ВО. Введение этого стандарта привело к уменьшению доли аудиторной нагрузки и увеличению доли внеаудиторной самостоятельной работы студентов. В Федеральных государственных образовательных стандартах высшего профессионального образования уделяется внимание формированию общеобразовательных, профессиональных и культурных компетенций будущих специалистов. Главной задачей СРС (самостоятельной работы студентов) является формирование профессиональных навыков и умений по профилю выбранной профессии, овладение знаниями, развитие творческого подхода к обучению [10].

Согласно ФГОС самостоятельная работа рассматривается как особая форма организации обучения, при которой обучающиеся нацелены на самостоятельный поиск информации, ее обработку и усвоение, творческое восприятие и переработку учебного контента, участие в различных видах самостоятельной познавательной деятельности во время учебных занятий и внеурочно.

СРС предполагает формирование общекультурных и профессиональных компетенций; систематизацию и получение новых знаний, формирование умения работать в коллективе и способность самостоятельно решать практические задачи с использованием современных технологий. Внеаудиторная работа хотя и подразумевает СРС, но должна обязательно быть согласованной с программой обучения и проходить в тесной связи студентов с преподавателями.

Компетентностная модель профессионального роста требует становления ряда навыков и умений, связанных с реализацией проектной деятельности, в том числе в рамках самостоятельной работы студента. Актуальность исследования обусловлена наличием ряда развивающих функций применения проектирования в образовательном процессе.

1. Расширение и углубление знаний об изучаемом предмете, будущем продукте проектной деятельности через творческую, мотивированную проектную деятельность. Например, в рамках проблемного задания студент наиболее полно исследует технические конструкции, формирует более детальное представление об объектах будущей профессиональной деятельности.

2. Развитие профессионально важных качеств студентов технических специальностей, например профессиональной памяти. Формирование определенного профессионального опыта, связанного с постепенным наращиванием умений: контроля качества, работы с большим массивом информации, навыки ее обработки с использованием ИКТ-технологий; умения составления технических описаний и т.д.

3. Подготовка к профессиональной деятельности с востребованными социальными и проектными компетенциями, сформированными soft-skills.

Ряд ученых придерживаются мнения, что в сравнении с профессиональными компетенциями гораздо ценней комплекс soft-skills, под которыми понимают ряд «гибких компетенций», напрямую не относящихся к профессии [5]. В рамках проектной деятельности, осуществляемой в самостоятельно организованном студентами процессе, происходит формирование ряда личностных характеристик: эффективного тайм-менеджмента, умения работать согласно графику и целеполаганию, навыков поиска оригинальных решений, умений договариваться и распределять ответственность и т.д. Студенты, выполняя такую работу, учатся взаимодействовать в команде, ориентироваться в информационном потоке и искать необходимые инструменты для достижения целей проекта.

Н.Ю. Пахомов в своей работе приводит такое определение: «Учебные проекты – дидактическое средство, позволяющее обучать проектированию, т.е. целенаправленной деятельности по нахождению способа решения проблемы» [9]. Ряд специалистов подчеркивают, что проект предполагает реализацию инновационного замысла, инициативы, а также грамотное «оформление» продукта проектной деятельности.

Говоря о месте проектной деятельности в осуществлении самостоятельной работы студентов технических специальностей, отметим, что речь идет о внеаудиторной СРС. Такая деятельность может быть реализована через многообразие форм образовательной активности, среди которых особое место зани-

мают исследовательский и проектный виды деятельности. Данные формы самостоятельной работы, по мнению ряда исследователей, являются «наиболее эффективными для формирования и активизации познавательной творческой самостоятельности студентов» [7], стимулируют становление качеств профессиональной мобильности обучающихся.

Проектная деятельность является способом организации учебной деятельности и направлена на «разработку модели представления о практической реализации востребованного продукта жизнедеятельности, в том числе ее научно обоснованную концепцию и поэтапную модель реализации» [7]. Научно-исследовательская деятельность имеет ряд отличий от проектной, в частности, ее нацеленность на получение нового знания, открытие истины, без ориентира на создание какого-либо объекта. Проектирование, наоборот, имеет своей целью решение ясно осознаваемой, практикоориентированной задачи.

Однако следует отметить, что наиболее эффективным способом организации СРС технических специальностей является некая интеграция указанных выше видов деятельности. Речь идет о внедрении в практику современной образовательной организации проектно-исследовательской деятельности, которая способствует максимальному раскрытию творческого потенциала обучающихся. При использовании такой формы самостоятельной работы ведущим видом учебной активности студентов является проектирование учебных, квазипрофессиональных и профессиональных объектов. При этом каждая фаза сопровождается самостоятельным исследованием и поиском субъективно и объективно новых знаний как об объекте проектирования, так и о способах решения проектных задач [7].

Участвуя в проектной и проектно-исследовательской деятельности, студенты решают определенные научно-исследовательские проблемы, вытекающие из запросов практики: технических заданий, получаемых от организаций и т.д. При этом существует разнообразие форм проекта, виды которого определяются исходя из нескольких критериев (по Е.А. Ногосытой):

- по доминированию вида деятельности (исследовательский, прикладной, творческий или поисковый);
- по степени координации и управления куратором осуществления проекта (непосредственный и скрытый);
- по определению предметно-содержательной области (внепредметный, монопредметный или межпредметный) [8].

В исследованиях Т.В. Дорониной приводятся примеры направлений реализации проекта в рамках самостоятельной работы студентов технического профиля: исследование программных продуктов и создание на их основе проекта; создание электронных средств

обучения по заказу организации; проектирование компьютерных моделей исследуемых процессов и т.д.

Обучающиеся, независимо от темы проекта, должны освоить и реализовать комплекс взаимосвязанных действий в контексте исследования (рис. 1) [4].

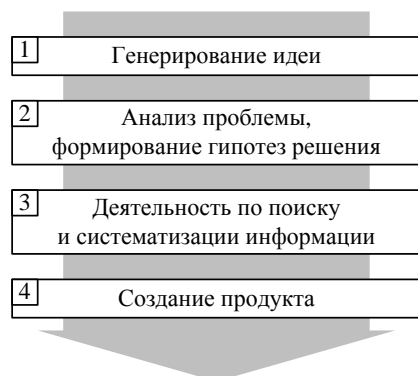

Рис. 1. Этапы реализации проектной деятельности

Таким образом, в контексте проектной деятельности происходит реализация некой модели – алгоритма исследовательских и созидательных действий, творческих усилий студента, направленной на достижение уникальной цели – создание оригинального, социально востребованного «продукта».

Использование проектирования как формы реализации внеаудиторной СРС является неотъемлемой частью его «самообразовательной деятельности» [8], которая базируется на реализации уникальной творческой траектории с грамотным использованием познавательных навыков, самостоятельности, самоконтроля, ответственности и прогнозирования на всех этапах работы. В процессе проектно-исследовательской деятельности совершенствуются компетенции целеполагания, программирования, исполнительских действий и самокоррекции.

Успешность проектной деятельности как вида самостоятельной работы студентов технических специальностей зависит от ряда факторов:

1) наличия предварительного педагогического анализа интересов субъектов образовательной деятельности;

2) выявления социально значимых и близких по тематике проблем исследования, которые могут стать объектом проектирования;

3) достаточного педагогического сопровождения процесса проектирования. В исследованиях В.П. Алексева указывается на необходимость «формирования конфигуратора как числа "языков" для описания проблемы; разработку проблемного массива» [1], что возможно осуществить только с помощью научного руководителя;

4) на этапе определения участников и распределения ответственности по решению задач в проблемном поле проекта важно осуществить кураторское руководство, а при необходимости и тьюторское наставничество;

5) на этапе генерации идей руководитель должен отобрать наиболее эффективные формы коллективного обсуждения, не ограничивающие творческий поиск и позволяющие эффективно резюмировать гипотезы решения проблемных задач;

6) на этапе презентации готового продукта необходимо обеспечить «значимость» события, организовав конференцию с обсуждением. В такой образовательной ситуации повышается мотивация студентов для качественного выполнения работы и эффектного представления продукта.

Практическое применение проектного метода рассмотрим на примере Дальневосточного государственного университета путей сообщения. Так, студентам второго курса, обучающимся по специальности 10.05.03 «Информационная безопасность», на изучение раздела физики «Электродинамика» отводится 180 часов, из них 62 часа – на самостоятельную работу. Этим студентам было предложено сделать проекты по визуализации физических явлений, таких как: возникновение электромагнитных колебаний в колебательном контуре, движение заряженных частиц в магнитном поле, взаимная индукция, электромагнитные волны, поляризация полярных и неполярных диэлектриков, сопротивление проводников и их зависимость от температуры, а также еще один проект по визуализации электростатического поля, созданного различными заряженными телами. Все эти явления хорошо известны, но при объяснении этого материала школьникам или студентам приходится мысленно представлять эти процессы. Можно показать опыты, доказывающие и объясняющие эти явления, но материал будет восприниматься проще, если представить его в виде действующей модели. Студентам пришлось тщательно провести анализ предложенных тем и сформулировать предложения по решению данного вопроса. Трудность заключалась в том, что в ходе обучения в университете на первом и втором курсе обучения еще не предусмотрена дисциплина, связанная с 3D-моделированием, поэтому знакомиться с азами этого раздела компьютерной графики им пришлось самостоятельно. Каждый проект выполняла группа из 5 студентов. Каждому студенту в группе определялось свое задание, которые потом объединялись в общий проект.

Рассмотрим подробнее выполнение работы по каждому проекту. В работе по визуализации процессов, происходящих в колебательном контуре, студенты пользовались одной из самых популярных программ в 3D-моделировании – blender, опираясь на видеоуроки и отдельные сайты, которые содержали в себе ответы на поставленные вопросы. Группа использовала как официальные ресурсы blender¹,

¹ <https://blender3d-ru.ru/blender-3d-uroki>

так и второстепенные², а также видеоуроки отдельных пользователей YouTube³. Этих интернет-сайтов им оказалось достаточно, чтобы показать работу колебательного контура.

Процесс создания своей модели (рис. 2) обучающиеся разделили на несколько этапов:

- 1) создание объемных статических тел, необходимых для изображения колебательного контура;
- 2) создание нестатических тел, задание для них анимации;
- 3) синхронизацию движения тел;
- 4) задание текстур, свечений;
- 5) конечную обработку анимации, создание видео.

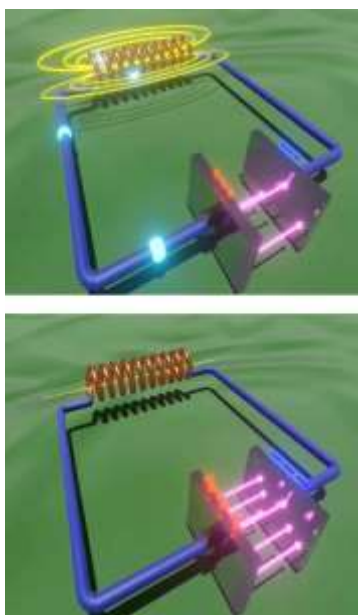

Рис. 2. Фрагменты видео по проекту «Колебательный контур»

Для создания объемных статических тел, необходимых для изображения колебательного контура, изображаются провода, пластины конденсатора, катушка. Провода были созданы при помощи изменения линейных размеров тела «цилиндр», где на изгибах провода применялось незначительное увеличение длины и изменение угла поперечного сечения цилиндра относительно координатной оси Z. Пластина конденсатора была создана путем задания толщины плоскости, ограниченной в пространстве, две таких плоскости образовали пластины конденсатора. Обкладки конденсатора – цилиндры большего, чем провода, диаметра, но много меньшей длины. Для создания катушки использовался элемент «плоскость», который в режиме редак-

рования был повернут по оси X, после чего к плоскости был применен модификатор «спираль». У получившегося тора в настройках модификатора были увеличены параметры «screw» и «iterations».

В ходе создания анимированной модели студентами было изучено большое количество теоретического материала, касающегося не только области теоретической физики, но и сферы моделирования.

Сами студенты признали, что данная работа позволила им углубить и систематизировать знания в различных сферах будущей профессиональной деятельности. Данная деятельность способствовала развитию не только прикладных навыков, но и умения работать в команде, организовывать процессы совместной работы, систематизировать большое количество информации, а также навыков научно-исследовательской деятельности.

Задача визуализировать процесс поляризации диэлектрика была решена в виде компьютерной игры. Исследователь входит в комнату и наблюдает за процессом поляризации полярных и неполярных диэлектриков после включения электрического поля.

Визуализация поляризации диэлектриков выполнена с помощью игрового движка Unity. При запуске приложения пользователю отображается главное меню. В меню имеется возможность запустить лаборатории, настроить в соответствии с требованиями пользователя и завершить работу программы.

При запуске лаборатории исследователь загружается в основную комнату. Перемещение по комнате осуществляется с помощью WASD-перемещения (W – вперед, S – назад, A – влево, D – вправо). Комната с диэлектриками находится на выходе из основной комнаты. В распоряжении студента две капсулы с полярными и неполярными диэлектриками, с которыми также возможно взаимодействие (рис. 3). В работе подробно представлен процесс поляризации полярных и неполярных диэлектриков глазами посетителя этой необычной комнаты (рис. 3).

Главное, ребята заинтересовались исследованием, и у них появились планы продолжить работу над проектом. В перспективе их заинтересовала возможность добавить взаимодействие с единственной капсулой с помощью центрального монитора, изменяя на нем тип диэлектрика, его текущее состояние и направление поляризации, а также использовать виртуального учителя, который сможет пояснить процессы, происходящие при поляризации диэлектриков. В этом случае модель можно использовать и при самостоятельном изучении раздела физики.

При создании проекта «Силовые линии в электрическом поле» студентами использованы следующие программы:

- Blender – создание 3D-моделей физических объектов и силовых линий, рендеринг 3D-сцен;
- Adobe Premiere Pro – склеивание проектов видео, монтаж и рендеринг финального видео.

² <https://blender3d.com.ua/>;

<https://videoinfographica.com/blender-tutorials>

³ <https://www.youtube.com/watch?v=o3VUgkwchBU&t=484s>;
<https://www.youtube.com/watch?v=YD4Mka36jpc>.

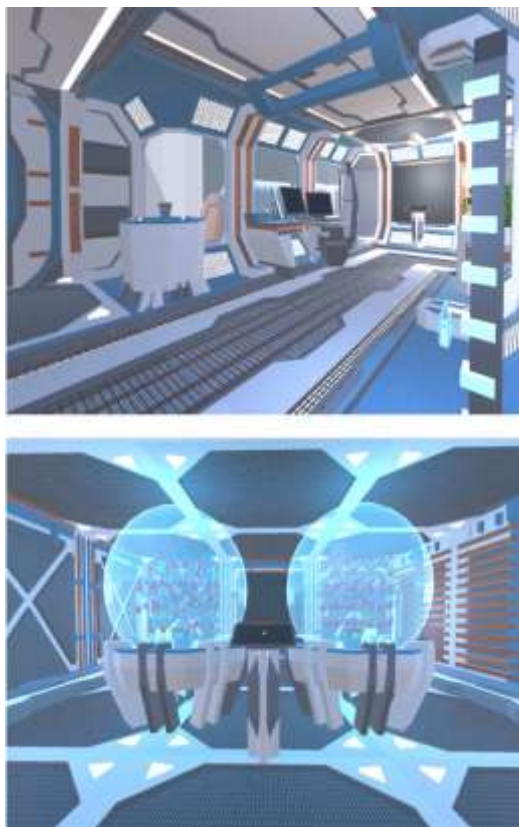

Рис. 3. Фрагменты видео по проекту «Поляризация диэлектрика»

В процессе работы были сделаны проекты силовых полей: точечных отрицательно и положительно заряженных тел, сферического, цилиндрического и плоского конденсаторов. В связи с тем что модель 3D, она может поворачиваться, что позволяет проследить ход силовых линий с разных сторон (рис. 4).

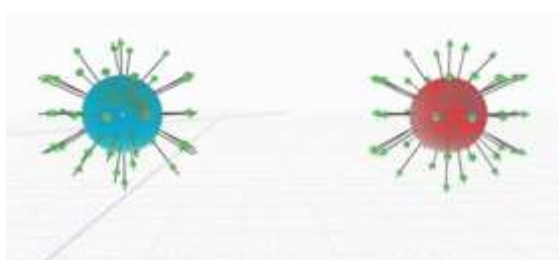

Рис. 4. Силовые линии электростатического поля точечных зарядов разного знака

При работе над проектом визуализации сопротивления проводников и их зависимости от температуры студентами также использовано приложение Blender. Начальной работой было создание проводника, который представляется в виде трубки с несколькими атомами (в виде шаров). После цветовых изменений (перекраски атомов и электронов в цвет) была добавлена анимация перемещения электронов от начала до конца. После этого возникла новая проблема – анимирование движения

атомов. Их было более 20, и каждый должен был двигаться уникально. Дальнейшей целью стала траектория движения электрона, так как наши электроны просто двигались вперед. Тут были созданы две модели, которые дополняли друг друга. Одна из них представляла движения 5–7 электронов, каждый из которых двигался по своей траектории, а по второй модели была создана поверхность, из которой можно было задать количество электронов, а также дать им физические свойства. На заключительном этапе работы по визуализации движения электронов в проводнике был добавлен в схему источник тока и ключ, соединивший их проводники. Также была добавлена камера, которая показывала полный обзор работы схемы.

Электромагнитные волны или электромагнитное излучение – распространяющееся в пространстве электромагнитное поле. Диапазон электромагнитных волн большой – начинается от радиоволн и заканчивается гамма-излучением. Для каждого диапазона электромагнитного излучения характерен свой источник (причина возникновения электромагнитного излучения) и свои свойства. Поэтому перед следующей группой стояла задача визуализировать процесс зарождения электромагнитных волн различной природы и показать их проникающую способность. Для осуществления этого проекта были задействованы платформы Blender – создание 3D-моделей физических объектов и силовых линий и рендеринг 3D для оформления сцен.

Проект представлен тремя короткими видео. На первом показан нагрев тела. При протекании тока через проводник он нагревается и излучает электромагнитные волны теплового диапазона, рядом стоящее тело нагревается. Температура его повышается, и на видео показано изменение цветности, тело становится красным. На втором видео показан процесс распространения радиоволн. Излучающая антенна передает радиоволны, которые доходят до приемника. В этом видео не показана физика процесса, как работает схема передачи и приема радиоволн, но перед нами и не стояло такой задачи. В третьем ролике показан процесс испускания ионизирующего излучения и его проникающая способность. Альфа-частица – это тяжелая частица, и её можно остановить листом небольшой толщины, что и показано в ролике. Бета-излучение имеет гораздо большую проникающую способность и поглощается слоем алюминия толщиной 2 мм. В ролике показано, что частицы останавливаются, пройдя через слой металла. Гамма-излучение – это поток фотонов, имеющих самую большую проникающую способность и проходящих через слой свинца толщиной 5 см. В третьем видео показано, как поток этого излучения проходит через металлическую пластину без замедления (рис. 5).

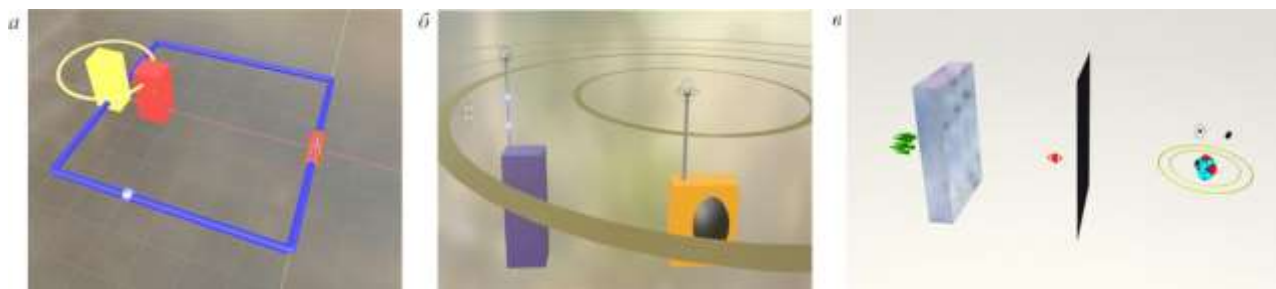

Рис. 5. Фрагменты видео по проекту «Электромагнитное излучение»: а – нагрев тела; б – процесс распространения радиоволн; в – процесс испускания ионизирующего излучения

Таким образом, можно резюмировать, что проектная деятельность обладает рядом дидактических возможностей в развитии профессиональных и универсальных компетенций студентов, так как позволяет получить «живое знание», добытое сознательно, самостоятельно в рамках творческого поиска и созидания нового. Такое знание представ-

ляет собой уникальный продукт, актуализирующий жизненно-смысловой концентрат знаний, умений и навыков каждого студента [1]. Успешность реализации данной технологии обусловлена системным подходом и грамотным педагогическим и методическим сопровождением студентов во время самостоятельной работы.

Список источников

1. Алексеев В.П., Буханец Д.И. Системная технология поиска новых инженерных решений в ходе учебного проектирования в вузе // Вестник Тверского государственного университета. 2015. № 3. С. 86–95. (Серия: Педагогика и психология).
2. Дейнекина Н.А., Кравченко О.В., Коростелева И.А. Формирование навыков самостоятельной работы у студентов // Бюллетень научных сообщений. 2019. № 24. С. 149–151.
3. Дейнекина Н.А., Кравченко О.В. Формирование компетенций у студентов, обучающихся по специальности 23.05.05 // Бюллетень научных сообщений. 2016. № 21. С. 101–103.
4. Доронина Т.В. Проектная деятельность студентов технических специальностей // Организация проектной деятельности обучающихся с использованием дистанционных образовательных технологий : сборник материалов Регионального научно-практического семинара (Орехово-Зуево, 23 ноября 2016 г.). Орехово-Зуево : Государственный гуманитарно-технологический университет, 2016. С. 73–76.
5. Дубовер Д.А. Развитие социальных компетенций у студентов технических специальностей средствами медиаобразовательной проектной деятельности // Мир науки. 2018. Т. 6, № 6.
6. Ларионов В.В., Лидер А.М. Самостоятельная работа студентов технического университета (опыт ТПУ) // Высшее образование в России. 2014. № 8-9. С. 122–126.
7. Новосёлов С.А., Зверева Т.В. Феномен проектно-исследовательской деятельности в образовательном процессе // Педагогическое образование в России. 2009. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-proektno-issledovatel'skoy-deyatelnosti-v-obrazovatelnom-protse> (дата обращения: 05.04.2022).
8. Ноготыся Е.А. Проектно-исследовательская деятельность как один из способов повышения качества внеаудиторной самостоятельной работы студентов // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2018. № 1-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proektno-issledovatel'skaya-deyatelnost-kak-odin-iz-sposobov-povysheniya-kachestva-vneauditornoy-samostoyatel'noy-raboty-studentov> (дата обращения: 05.04.2022).
9. Пахомова Н.Ю. Метод учебного проекта в образовательном учреждении : пособие для учителей и студентов пед. вузов. Москва : АРКТИ, 2003. 110 с.
10. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по специальности 23.05.05 : приказ Министерства образования и науки РФ от 17.10.2016 № 1296 (зарегистрирован Минюстом России 14.11.2016 № 44333).
11. Фисюк Т.Т., Захарова Е.Ю. Оптимизация внеаудиторной самостоятельной работы студентов средствами проектной деятельности // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 5(60). С. 213–215.

References

1. Alekseev V.P., Bukhanets D. I. *Sistemnaya tekhnologiya poiska novyh inzhenernykh reshenij v hode uchebnogo proektirovaniya v vuze* [System technology of searching for new engineering solutions in the course of educational design at the university] // Bulletin of the Tver State University. 2015. No. 3. P. 86–95. (Series: Pedagogy and psychology). (In Russ.).
2. Deinekina N.A., Kravchenko O.V., Korosteleva I.A. *Formirovanie navykov samostoyatel'noj raboty u studentov* [Formation of students' independent work skills] // Bulletin of Scientific Communications. 2019. No. 24. P. 149–151. (In Russ.).
3. Deinekina N.A., Kravchenko O.V. *Formirovanie kompetencij u studentov, obuchayushchihsya po special'nosti 23.05.05* [Formation of competencies of students studying in the specialty 23.05.05] // Bulletin of Scientific Communications. 2016. No. 21. P. 101–103. (In Russ.).
4. Doronina T.V. *Proektnaya deyatel'nost' studentov tekhnicheskikh special'nostej* [Project activity of students of technical specialties] // Organization of project activity of students using distance learning technologies: collection of materials of the Regional scientific and practical seminar (Orekhovo-Zuevo, November 23, 2016). Orekhovo-Zuevo : State Humanitarian and Technological University, 2016. P. 73–76. (In Russ.).

5. Dubover D.A. *Razvitie social'nyh kompetencij u studentov tekhnicheskikh special'nostej sredstvami mediaobrazovatel'noj proektnoj deyatel'nosti* [Development of social competencies among students of technical specialties by means of media education project activities] // World of Science. 2018. V. 6, no. 6. (In Russ.).
6. Larionov V.V., Leader A.M. *Samostoyatel'naya rabota studentov tekhnicheskogo universiteta (opyt TPU)* [Independent work of Technical University students (TPU experience)] // Higher education in Russia. 2014. No. 8-9. P. 122–126. (In Russ.).
7. Novoselov S.A., Zvereva T.V. *Fenomen proektno-issledovatel'skoj deyatel'nosti v obrazovatel'nom processe* [The phenomenon of design and research activities in the educational process] // Pedagogical education in Russia. 2009. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/phenomen-proektno-issledovatel'skoj-deyatelnosti-v-obrazovatel'nom-protsesse> (accessed: 04.05.2022). (In Russ.).
8. Nogotysaya E.A. *Proektno-issledovatel'skaya deyatel'nost' kak odin iz sposobov povysheniya kachestva vneauditornoj samostoyatel'noj raboty studentov* [Design and research activity as one of the ways to improve the quality of extracurricular independent work of students] // Actual problems of the humanities and natural sciences. 2018. No. 1-2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proektno-issledovatel'skaya-deyatelnost-kak-odin-iz-sposobov-povysheniya-kachestva-vneauditornoy-samostoyatel'noj-raboty-studentov> (accessed: 04.05.2022). (In Russ.).
9. Pakhomova N.Yu. *Metod uchebnogo proekta v obrazovatel'nom uchrezhdenii* [Teaching project method in an educational institution] : a guide for teachers and students. ped. universities. Moscow : ARKTI, 2003. 110 p. (In Russ.).
10. *Federal'nyj gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart vysshego obrazovaniya po special'nosti 23.05.05* [Federal State Educational Standard of Higher Education in the specialty 05.23.05] : order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated 10.17.2016 No. 1296 (registered by the Ministry of Justice of Russia on 14.11.2016 No. 44333). (In Russ.).
11. Fisyuk T.T., Zakharova E.Yu. *Optimizaciya vneauditornoj samostoyatel'noj raboty studentov sredstvami proektnoj deyatel'nosti* [Optimization of extracurricular independent work of students by means of project activities] // The world of science, culture, education. 2016. No. 5(60). P. 213–215. (In Russ.).

Информация об авторах

Н.А. Дейнекина – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры «Физика и теоретическая механика»;
О.В. Кравченко – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры «Физика и теоретическая механика».

Information about the authors

N.A. Daynekina – Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Associate Professor, Physics and theoretical mechanics department;
O.V. Kravchenko – Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), Associate Professor, Physics and theoretical mechanics department.

Статья поступила в редакцию 21.01.2022; одобрена после рецензирования 01.02.2022; принята к публикации 20.02.2022.
The article was submitted 21.01.2022; approved after reviewing 01.02.2022; accepted for publication 20.02.2022.

Научная статья

УДК 378.011.3: 316.483

doi: 10.31079/1992-2868-2022-19-2-154-160

АНАЛИЗ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И ВЫЯВЛЕНИЕ ИСТОЧНИКОВ КОНФЛИКТНЫХ СИТУАЦИЙ В ВЫСШЕМ УЧЕБНОМ ЗАВЕДЕНИИ

Ярославна Игоревна Костюк¹, Алексей Валерьевич Барчуков², Юлия Александровна Тюрина³

^{1, 2, 3}Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия

¹yaroslavna_k@mail.ru

²barchukov_alex@mail.ru

³jultur2005@yandex.ru

Аннотация. В статье на основе проведенного анализа системы высшего образования выявлены источники производственных противоречий в высшем учебном заведении и определена необходимость разработки научного инструментария для изучения, а также практического решения трудовых конфликтов, влекущих за собой деструктивные последствия. Основной мерой превентивной защиты работников вуза от источников конфликтных ситуаций должно стать комплексное исследование образовательного процесса в целях обеспечения комфортной социально-психологической составляющей профессиональной деятельности преподавателей, что положительно отразится на качестве образовательных услуг и имидже учебного заведения.

Ключевые слова: высшее образование, демография, пандемия, цифровизация обучения, социально-психологическая ситуация, источники конфликтов, юридическая и психологическая защита

Original article

ANALYSIS OF THE RUSSIAN HIGHER EDUCATION SYSTEM AND IDENTIFICATION OF SOURCES OF CONFLICT SITUATIONS IN A HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTION

Yaroslavna I. Kostyuk¹, Aleksey V. Barchukov², Yulia A. Tyurina³

^{1, 2, 3}Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia

¹yaroslavna_k@mail.ru

²barchukov_alex@mail.ru

³jultur2005@yandex.ru

Abstract. The article, based on the analysis of the higher education system, identifies the sources of production contradictions in a higher educational institution and determines the need to develop scientific tools for studying, as well as practical solutions to labor conflicts that entail destructive consequences. A comprehensive study of the educational process in order to ensure a comfortable socio-psychological component of the professional activities of teachers, which will positively affect the quality of educational services and the image of the educational institution, should become the basis for preventive protection of university employees from sources of conflict situations.

Keywords: higher education, demography, pandemic, digitalization of education, socio-psychological situation, sources of conflicts, legal and psychological protection

Обеспечивая полноценное развитие общества, образование является важной составляющей национальной безопасности, поскольку рассматривается как основа формирования ума, характера и физических способностей личности, и поэтому процветание этой сферы и повышение качества образования должны быть важнейшими приоритетами политики государства. Современный этап российского высшего образования характеризуется тенденциями, которые образуют комбинацию таких постоянных процессов, как реформирование, модернизация и

развитие, что соответственно определяет его содержание и качество. Оценка влияния указанных процессов является актуальной задачей, так как они оказывают воздействие на состояние высшего образования, а эта система, в свою очередь, считается одним из важнейших социальных институтов, определяющих существование и развитие общества, а также фактором стабилизации и гармонизации человеческих отношений.

На сегодняшний день все высшие учебные учреждения РФ перестроили образовательную дея-

тельность согласно основным принципам Болонской декларации в целях интеграции в мировое образовательное пространство и взаимодействия с иностранными учебными организациями, что необходимо выпускникам российских вузов и преподавателям. Процесс реформирования был непродолжительным, поскольку существующая ранее система высшего российского образования включала в свою работу государственные образовательные стандарты, контроль качества, практическую подготовку, сертификацию специалистов, дополнительное обучение, но только в других формах [6].

Существующую систему высшей школы можно рассмотреть через показатели реализуемых образовательных направлений и численности студентов, поступивших на обучение по программе «бакалавр–магистр» при сохраненной на текущий момент программе «специалист». Как видно из данных табл. 1, на 2020 г. реализуются 51 820 образовательных программ высшего образования при количестве обучающихся студентов по различным уровням подготовки более 4 млн чел.

Можно отметить, что в последние годы имеет место увеличение количества образовательных программ, но при этом происходит сокращение количества студентов в 2019 г. по сравнению с 2018 г. на 92 712 чел., а в 2020 г. по сравнению с 2019 г. на 16 284 чел.

На сокращение количества студентов в 2020 г. повлияло снижение количества поступивших абитуриентов и отчисление студентов, так как в 2020 г. по образовательным программам зачислено в вузы 1 043 707 чел., и это свидетельствует о сокращении численности поступивших на 4 % (42 844 чел.) по сравнению с 2019 г. (рисунок).

Множество факторов влияют на движение студенческого контингента, в том числе перемещение с других форм обучения данного образовательного учреждения с программ того же уровня или перевод студентов из других образовательных организаций с программ того же уровня. Наряду с этим основными причинами отчисления студентов являются: неуспеваемость (146 804 чел.), отказ от продолжения обучения (130 234 чел.), просрочка оплаты обучения (59 461 чел.), неудовлетворительные результаты итоговой аттестации (9312 чел.), дисциплинарное отчисление (2822 чел.), болезнь (814 чел.), другие причины (74 499 чел.).

Наряду с этим приемная кампания среднего профессионального образования показывает увеличение количества поступающих, где численность студентов за 2016–2020 гг. выросла на 17,2 % (с 2 850 000 до 3 340 000 чел.). На эту тенденцию повлияли такие факторы, как снижение доходов, возможность не сдавать ЕГЭ, доминирование практической подготовки, меньший срок обучения и, как следствие, более быстрое освоение профессиональных компетенций, гарантирующих потенциальному работодателю выполнение выпускником трудовых функций [8].

Таблица 1

Образовательные программы, реализуемые в 2018–2020 гг. [1]

Образовательная программа	Число реализуемых образовательных программ, ед.			Из них прошли профессионально-общественную аккредитацию работодателями и их объединениями			Численность, чел.		
	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Бакалавриат	26 020	26 579	27 312	2164	2313	2430	2 920 166	2 814 179	2 793 051
Специалитет	3418	3635	3854	257	303	308	730 043	753 393	777 407
Магистратура	15 381	16 283	16 424	1248	1419	1455	541 748	531 673	512 503
Итого	44 819	46 497	47 590	3669	4035	4193	4 191 957	4 099 245	4 082 961

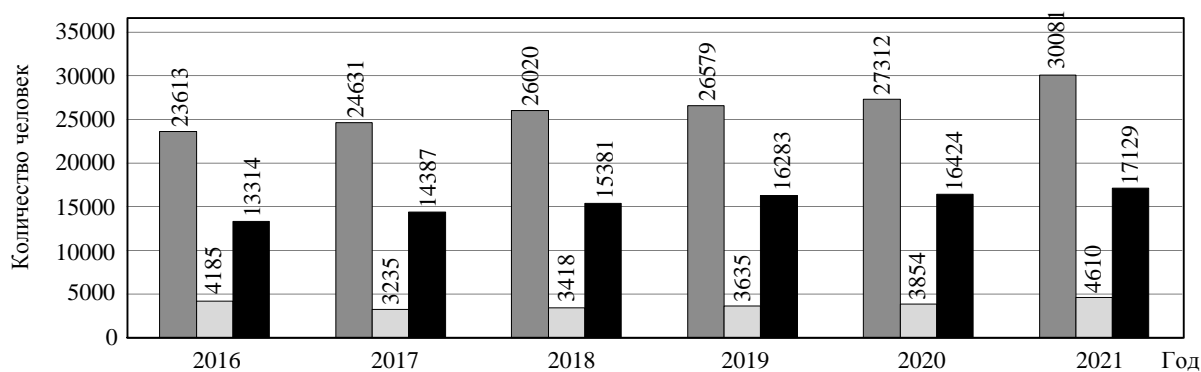

Рисунок. Численность студентов высшей школы в 2016–2021 гг., чел. [1].

На сокращение количества потенциальных абитуриентов и студентов вузов за рассматриваемый период повлиял и демографический кризис в РФ, так как количество родившихся в 1999 г. было в два раза меньше, чем в 1987 г. Однако необходимо отметить положительную динамику: начиная с 2000 г. наблюдается устойчивая тенденция увеличения рождаемости. Можно прогнозировать с высокой долей вероятности, что в силу объективных демографических причин численность студентов вузов в ближайшие годы будет увеличиваться и данное поколение в ближайшие годы будет формировать основной контингент абитуриентов в перспективе [2].

Для характеристики региональной специфики высшего образования следует использовать информацию Федеральной службы государственной статистики РФ, обобщенную авторами статьи в табл. 2.

По данным табл. 2, Дальневосточный федеральный округ по сравнению с другими субъектами РФ является далеко не самым привлекательным для абитуриентов регионом из-за дефицита рабочих мест и перспектив карьерного роста, относительно низких заработных плат, высоких потребительских цен и стоимости жилья, а также некомфортных природно-климатических условий.

Практически все административные территории страны сталкиваются с вышеуказанными проблемами, присущими высшему образованию, но имеют индивидуальную дифференциацию по численности студентов внутри субъекта РФ, которую, например, для Дальневосточного федерального округа можно определить по данным, представленным в табл. 3.

Таблица 2

Распределение численности студентов по программам высшего образования по субъектам РФ на 2015, 2018, 2020 гг. [2]

Субъект Федерации	Всего студентов, чел.			Изменения, %	
	на 2015 г.	на 2018 г.	на 2020 г.	2015/2018	2018/2020
Российская Федерация	4 766 479	4 161 672	4 049 333	-12,69	-2,70
Центральный федеральный округ	1 455 273	1 286 588	1 284 407	-13,11	-0,17
Северо-Западный федеральный округ	464 645	418 528	424 214	-11,02	1,36
Южный федеральный округ	470 719	418 266	395 814	-12,54	-5,37
Северо-Кавказский федеральный округ	256 937	214 201	206 103	-19,95	-3,78
Приволжский федеральный округ	946 023	828 791	798 245	-14,14	-3,69
Уральский федеральный округ	362 126	309 306	290 923	-17,08	-5,94
Сибирский федеральный округ	570 776	491 516	471 585	-16,13	-4,06
Дальневосточный федеральный округ	239 980	194 476	178 042	-18,96	-8,45

Примечание – Для отражения корректных данных на 2015 г. Республика Крым и г. Севастополь отражены в Южном федеральном округе, Республика Бурятия и Забайкальский край – в Дальневосточном федеральном округе, так как позднее были переданы в эти субъекты.

Таблица 3

Распределение численности студентов по программам высшего образования в Дальневосточном федеральном округе на 2015, 2018, 2020 гг. [2]

Субъект ДФО	Всего студентов, чел.			Изменения, %	
	на 2015 г.	на 2018 г.	на 2020 г.	2015/2018	2018/2020
Дальневосточный федеральный округ	239 980	194 476	178 042	-18,96	-8,45
Республика Бурятия	33 574	22 296	20 021	-33,59	-10,20
Республика Саха (Якутия)	26 851	24 309	23 738	-9,47	-2,35
Забайкальский край	26 996	23 154	21 487	-14,23	-7,20
Камчатский край	6396	4863	4383	-23,97	-9,87
Приморский край	54 181	47 595	43 152	-12,16	-9,34
Хабаровский край	55 673	45 862	40 641	-17,62	-11,38
Амурская область	19 361	15 116	14 446	-21,93	-4,43
Магаданская область	4451	3068	2579	-31,07	-15,94
Сахалинская область	8889	5989	5509	-32,62	-8,01
Еврейская автономная область	3148	2053	1947	-34,78	-5,16
Чукотский автономный округ	460	171	139	-62,83	-18,71

В 2020 г. в Дальневосточном федеральном округе максимальное снижение численности студентов произошло в Чукотском автономном округе, Магаданской области, Хабаровском крае и Республике Бурятия. При этом решающим фактором при выборе географического места обучения явилась интересная работа, большая заработная плата, комфортные условия, престижная организация и наличие социального пакета. Поэтому снижение студенческого контингента по Дальневосточному региону остается самым высоким по стране, что не может не отражаться на социально-экономическом развитии субъектов РФ, входящих в этот федеральный округ [7].

Кроме того, сфера образования, как и другие отрасли национальной экономики, вынуждена адаптироваться к функционированию в условиях пандемии и, несмотря на введенные ограничительные меры, полноценно реализовать образовательные программы посредством дистанционной коммуникации с широким использованием цифровых технологий. При этом имеющаяся информационно-образовательная среда вузов не была готова к массовому переходу на дистанционный формат и работала недостаточно эффективно, вузы экстренно тестировали и вводили новые технологии для проведения занятий, а также итоговых аттестаций студентов.

Несомненно, практически все образовательные учреждения столкнулись с этой проблемой, и была проведена колоссальная работа как со стороны руководства учебных заведений, так и самих преподавателей, чтобы деятельность вуза не остановилась. Сложившаяся кризисная ситуация показала, что вузы с классическими образовательными технологиями наиболее сильно пострадали от пандемии, но при этом наглядно продемонстрировала все преимущества дистанционного обучения, что уско-

рило объективную необходимость цифровизации обучения [3].

Новые реалии в образовании стимулировали внедрение инновационных подходов к обучению и расширению навыков работы в IT-сфере, использование цифровых учебно-методических комплексов, компьютерных симуляторов, изменение подхода к подаче методического материала, что потребовало значительных инвестиций в информационно-образовательную инфраструктуру вузов, и в первую очередь в переподготовку и повышение профессиональной квалификации профессорско-преподавательского состава [4].

Итак, учебные заведения должны были увеличить стоимость обучения для достижения в кризисных условиях заявленных стандартов, а также улучшения методической и материально-технической базы, но обновление происходит медленно, имеют место претензии по качеству оказываемых образовательных услуг. По нашему мнению, в обеспечении качества образования доминирующую роль играет педагогический состав, который оказался в сложном положении, обусловленном уменьшением социального и общественного признания важности профессии, старением профессорско-преподавательского состава, дефицитом компетентных молодых кадров и увеличением объема работы преподавателей вуза в условиях кризисных явлений.

Для подтверждения этого умозаключения следует сослаться на официальную статистику Министерства науки и высшего образования РФ о численности персонала и его структуре по стажу работы (без внешних совместителей и работающих по договорам гражданско-правового характера), представленную в табл. 4.

Таблица 4

Распределение персонала по стажу работы (без внешних совместителей и работающих по договорам гражданско-правового характера) [1]

Показатель	Год	Всего	Педагогический стаж, лет						
			нет	до 3	от 3 до 5	от 5 до 10	от 10 до 15	от 15 до 20	20 и более
Численность работников	2017	290 372	343 134	20 014	19 649	41 292	48 855	46 390	114 172
	2020	272 999	303 277	18 232	16 219	36 303	39 865	45 397	116 983
Административный персонал	2017	10 760	17 849	1022	727	1637	1787	1734	3853
	2020	10 257	19 434	899	791	1546	1604	1705	3712
ППС	2017	244 135	943	10 761	13 769	33 336	42 499	41 168	102 602
	2020	221 866	1222	9051	10 201	27 141	33 188	39 702	102 583
Из них функциональный ППС	2017	242 118	896	10 549	13 588	32 985	42 204	40 902	101 890
	2020	219 684	1199	8871	10 093	26 768	32 910	39 378	101 664
В том числе:									
– деканы факультетов	2017	3286	11	27	42	207	495	684	1831
	2020	2629	24	12	33	126	327	560	1571
– заведующие кафедрами	2017	18 023	26	70	158	911	2133	3119	11 632
	2020	15 867	38	47	64	514	1431	2626	11 185

Показатель	Год	Всего	Педагогический стаж, лет						
			нет	до 3	от 3 до 5	от 5 до 10	от 10 до 15	от 15 до 20	20 и более
– директора институтов	2017	924	16	15	12	54	116	168	559
	2020	1001	5	12	21	45	129	189	605
– профессора	2017	33 174	23	263	292	1322	2678	4600	24 019
	2020	29 554	77	225	212	918	1888	3587	22 724
– доценты	2017	121 059	233	1527	4177	16 269	24 943	23 706	50 437
	2020	112 836	320	1062	2966	12 955	19 597	24 145	52 111
– старшие преподаватели	2017	42 848	68	1763	4322	9117	9073	7074	11 499
	2020	38 527	168	1265	3221	8081	7368	6879	11 713
– преподаватели	2017	7331	119	2188	1563	1658	915	503	504
	2020	6359	169	1885	1233	1343	775	487	636
– ассистенты	2017	15 473	400	4696	3022	3447	1851	1048	1409
	2020	12 911	398	4363	2343	2786	1395	905	1119

Из данных табл. 4 следует, что максимальное сокращение численности педагогического состава вузов, осуществляющего образовательную деятельность по программам высшего образования «специалист», «бакалавр–магистр», с 2017 по 2020 гг. произошло за счет персонала со стажем работы от 5 до 10 лет (19 %) и от 10 до 15 лет (20 %). Практически нет изменений по работникам со стажем работы от 20 и более лет (1 %), и можно отметить, что данная группа занимает практически 50 % в общей численности сотрудников вуза.

Таким образом, структурные преобразования системы высшего образования вызвали сокращение студентов и педагогического коллектива, которые определили объективные предпосылки ухудшения социально-психологического климата в учебных подразделениях российских вузов. Кроме того, катастрофическое развитие пандемической ситуации привело к революционным изменениям образовательного процесса, и эти преобразования вызывают непонимание со стороны преподавателей, выливающееся в конфликтные ситуации в учебных подразделениях вузов, значительная часть из которых определяется как профессиональные противоречия, что влечет за собой противодействие внедрению вышеуказанных инновационных подходов. Сложившаяся ситуация требует организационных преобразований, что определяет необходимость адаптации преподавателей к изменению образовательных технологий, так как в последние годы проблема появления конфликтных ситуаций в трудовом коллективе вуза стала достаточно актуальной.

Поскольку функционирование личности в коллективе вуза невозможно без проблем и разногласий, производственные отношения не являются исключением. Один из способов разрешения возникающих спорных ситуаций – это трудовой конфликт, который может быть обусловлен как непо-

средственным столкновением интересов индивидов, так и наличием методического противостояния между работниками в рамках учебного процесса. Деструктивный способ развития и завершения противоречий в трудовых отношениях приводит к конфликтным ситуациям, благоприятными факторами развития подобного процесса являются:

- 1) отсутствие превентивных мероприятий;
- 2) дефицит опыта руководителя в сфере разрешения трудовых споров и возникающих конфликтов;
- 3) плохая организация учебного процесса в вузе;
- 4) выборы по конкурсу при дефиците преподавательских ставок;
- 5) усложнение условий работы и пр.

По нашему мнению, нестабильная психологическая составляющая коллектива учебного подразделения вуза, социально-экономические причины, постоянные коррективы государственных стандартов, инновации в образовательном процессе, пандемия являются основными источниками возникновения конфликтных ситуаций. При этом деструктивным аспектом адаптации сотрудников учебной организации в этих условиях работы является форма психологического насилия в виде травли работника в коллективе с целью его увольнения или неизбрания по конкурсу, которое проявляется в виде разного вида притеснений (негативные высказывания, необоснованная критика, социальная изоляция, распространение ложных сведений и т.п.).

Следовательно, независимо от целевых установок заявленной миссии образовательного учреждения, конфликтная ситуация влияет на работоспособность всех его участников, так как в эмоциональном плане отвлекает от учебного процесса, поскольку в первую очередь обсуждается и разрешается предмет противоречий, и никто не прогнозирует, как это скажется на качестве оказываемых образовательных услуг. При этом у участников

конфликта возникают нервные срывы, психические травмы, неврологические и соматические болезни, инсульт, инфаркт, суицид, что в конечном итоге не способствует комфорту в производственных отношениях внутри образовательной организации.

В целях определения мероприятий, улучшающих социально-психологический климат учебных подразделений вузов, целесообразно рассмотреть основные аспекты профессиональной деятельности преподавателей, принятые в качестве внутреннего фактора повышения качества образовательных услуг, и определить, что можно подвергнуть корректировке, которая будет способствовать росту аккредитационных показателей, а также повышению репутации образовательной организации.

Подводя итоги проведенного анализа российского высшего образования и социально-психологической оценки источников конфликтных ситуаций в учебном заведении, можно сделать следующие выводы.

1. Болонский процесс не дал качественного скачка в образовании, не повысил мобильности студентов, не упростил перехода с одной образовательной программы на другую и не привел к востребованности российских выпускников на мировом рынке, а усложняющаяся с каждым годом система ЕГЭ направляет потенциальных абитуриентов в систему среднего профессионального образования. Согласно приведенной информации (см. табл. 1–4, рисунок) высшее образование РФ переживает не самые лучшие времена, поскольку множество факторов деструктивно влияют на эту систему, среди которых следует выделить демографический кризис, пандемию, социальную обстановку в стране.

2. Структурно-функциональные изменения в образовании, постоянная актуализация содержательных и качественных показателей образовательных программ, а также цифровизация обучения способствовали возникновению кризисных явлений в учебных подразделениях вуза. В этих условиях первоочередная задача проведения эффективного менеджмента, направленного на привлечение и удержание высококвалифицированных научно-педагогических кадров, – выявление источников конфликтных ситуаций, контроль деструктивных процессов, а также постоянные социологические опросы и психологическое сопровождение труда преподавателей.

3. Следует учитывать, что в образовательных организациях важнейшим фактором их конкурентоспособности являются социально-личностные характеристики и профессиональная компетентность педагогических работников. По этой причине руководители вуза не должны игнорировать существование конфликтных ситуаций в учебных подразделениях, поскольку подобная кадровая полити-

ка неизбежно приведет к разрушению трудового коллектива, ухудшению социально-психологического климата, что не лучшим образом скажется на работе и имидже высшего учебного заведения.

4. Конфликтные ситуации определяют деструктивные кризисные явления как для рабочего процесса, так и для здоровья и жизни преподавателей, которые нельзя решить на законодательном уровне, так как для административного и уголовного преследования профессиональных противоречий и противостояний оснований нет. Хотя существуют нормативно-правовые акты, которые защищают права преподавателя, но внесение и закрепление понятия «конфликтная ситуация» в стандарты образовательного заведения необходимо для повышения юридической защиты его сотрудников, что понизит накал профессиональных противоречий в учебных подразделениях, а также позволит внедрить систему превентивной профилактики в трудовом коллективе вуза.

5. Ректорат высшего учебного учреждения играет важную роль в предотвращении конфликтных явлений и должен решать вопросы их устранения посредством грамотной кадровой политики, показателей оценки личностных качеств и постоянной ротации руководителей учебных и структурных подразделений, понятных критериев мотивации преподавателей, а также создания реальной атмосферы заботы о сотрудниках. Учебная организация должна проводить анализ поведения работников в конфликтных ситуациях, мониторинг внутреннего микроклимата трудового коллектива и поддержки корпоративной этики. Для борьбы с конфликтными процессами должна быть задействована вся вертикаль менеджмента вуза, в первую очередь личным примером и введением регламентов взаимоотношений внутри педагогического состава, а также разработкой стандартов наказания за психологическое насилие.

Таким образом, теоретико-методический опыт социологической науки позволяет оценить специфику и предмет производственных противоречий и разработать научный инструментарий для изучения, а также практического решения трудовых конфликтов в высшем учебном заведении, влекущих за собой деструктивные последствия. Необходимо принимать действенные меры для превентивной защиты работников от источников конфликтных ситуаций, и главной задачей решения данной проблемы должно стать комплексное исследование образовательного процесса в целях обеспечения комфортной социально-психологической составляющей трудовой деятельности сотрудников, что положительно отразится на качестве образовательных услуг вуза.

Список источников

1. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Высшее образование, форма № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» за 2018–2020 гг. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/> (дата обращения: 20.08.2021).
2. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 10.12.2021).
3. Петькова Ю.Р. История развития дистанционного образования. Положительные и отрицательные стороны МООС // Успехи современного естествознания. 2015. № 3. С. 199–204. URL: <http://www.natural-sciences.ru/ru/article/view?id=34763> (дата обращения: 03.03.2022).
4. Тамбовцев В.Л., Рождественская И.А. Менеджмент качества высшего образования: что означает «качество» и что означает «высшее образование»? // Управленец. 2020. Т. 11, № 1. С. 2–14.
5. Тюрина Ю.А. Структурно-функциональное изменение в системе государственного управления в России в 2008–2010 гг. // Научные исследования и разработки: менеджмент. 2014. Т. 2, Вып. 2. С. 98–106.
6. Байков Н.М., Березутский Ю.В. Дальневосточный социум: состояние и динамика общественного мнения : монография. Хабаровск : Дальневосточный институт управления – филиал РАНХиГС, 2020. 281 с.
7. Анализ рынка среднего профессионального образования в России. Подготовлен специалистами BusinesStat 2021 г. URL: https://businesstat.ru/news/secondary_vocational_education/ (дата обращения: 11.11.2021).

References

1. *Ministerstvo nauki i vysshego obrazovaniya Rossijskoj Federacii, Vysshee obrazovanie, forma № VPO-1 "Svedeniya ob organizacii, osushchestvlyayushchej obrazovatel'nuyu deyatel'nost' po obrazovatel'nym programmam vysshego obrazovaniya – programmam bakalavriata, programmam specialiteta, programmam magistratury" za 2018–2020 gg.* [Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Higher Education, form № VPO-1 "Information on the organization carrying out educational activities in educational programs of higher education – bachelor's programs, specialist's programs, master's programs" for 2018–2020]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/> (accessed: 20.08.2021). (in Russ.).
2. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki* [Federal State Statistics Service]. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (accessed: 10.12.2021). (in Russ.).
3. *Petkova Yu.R. Istoriya razvitiya distancionnogo obrazovaniya. Polozhitel'nye i otricatel'nye storony MOOS // Uspekhi sovremennogo estestvoznaniya* [The history of the development of distance education. Positive and negative aspects of the MEP // Successes of modern natural sciences]. 2015. No. 3. P. 199–204. URL: <http://www.natural-sciences.ru/ru/article/view?id=34763> (accessed: 03.03.2022). (in Russ.).
4. *Tambovtsev V.L., Rozhdestvenskaya I.A. Menedzhment kachestva vysshego obrazovaniya: chto oznachaet "kachestvo" i chto oznachaet "vysshee obrazovanie"? // Upravlenec* [Higher education quality management: what does "quality" mean and what does "higher education" mean?] // *Manager*. 2020. Vol. 11, no. 1. P. 2–14. (in Russ.).
5. *Tyurina Yu.A. Strukturno-funktional'noe izmenenie v sisteme gosudarstvennogo upravleniya v Rossii v 2008–2010 gg. // Nauchnye issledovaniya i razrabotki: menedzhment* [Structural and functional change in the public administration system in Russia in 2008–2010 // Scientific research and development: management]. 2014. Vol. 2, Is. 2. P. 98–106. (in Russ.).
6. *Baikov N.M., Berezutsky Yu.V. Dal'nevostochnyj socium: sostoyanie i dinamika obshchestvennogo mneniya : monografiya* [Far Eastern society: state and dynamics of public opinion: monograph]. Khabarovsk : Far Eastern Institute of Management – branch of the RANEPА, 2020. 281 p. (in Russ.).
7. *Analiz rynka srednego professional'nogo obrazovaniya v Rossii. Podgotovlen speci-alistami BusinesStat 2021 g* [Analysis of the market of secondary vocational education in Russia. Prepared by BusinesStat experts 2021]. URL: https://businesstat.ru/news/secondary_vocational_education/ (accessed: 11.11.2021). (in Russ.).

Информация об авторах

Я.И. Костюк – старший преподаватель кафедры «Финансы и бухгалтерский учет»;
 А.В. Барчуков – доктор экономических наук, профессор кафедры «Финансы и бухгалтерский учет»;
 Ю.А. Тюрина – доктор социологических наук, профессор кафедры «Философия, социология и право», проректор по воспитательной работе и связям с общественностью.

Information about the authors

Y.I. Kostyuk – Senior Lecturer of the Finance and Accounting Department;
 A.V. Barchukov – Doctor of Science (Economics), Professor of the Finance and Accounting Department;
 Y.A. Tyurina – Doctor of Science (Sociology), Professor of the Department of Philosophy, sociology and law, Vice-rector for Educational work and Public relations.

Статья поступила в редакцию 10.01.2022; одобрена после рецензирования 01.02.2022; принята к публикации 20.02.2022.
 The article was submitted 10.01.2022; approved after reviewing 01.02.2022; accepted for publication 20.02.2022.

Научная статья

УДК 378.013.78:94(470)

doi: 10.31079/1992-2868-2022-19-2-161-167

СМЫСЛОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ В ФОРМИРОВАНИИ ЦЕННОСТЕЙ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Наталья Юрьевна Матвеева

Российский университет транспорта (МИИТ), Москва, Россия, pmatveyev@yandex.ru

Аннотация. В данной статье ставится проблема актуализации смыслового содержания социологического образования в российских вузах. Показано, что теоретические основы исследования смыслов заложены классиками этой науки и получили своё развитие на протяжении XX в. Представлена конкретная методика проведения семинарских занятий по теме «Смыслы Великой Победы», целями которых является освоение категорий «социальная ценность», «социальный смысл», «социальный символ», «культура», «межнациональное единство».

Ключевые слова: социологическое образование, социальные ценности, социальные смыслы, социальные символы, культура, Великая Отечественная война, социологическое мышление

Original article

THE SEMANTIC CONTENT OF THE GREAT VICTORY IN THE FORMATION OF STUDENT YOUTH VALUES

Natalia Yu. Matveeva

Russian University of Transport, Moscow, Russia, pmatveyev@yandex.ru

Abstract. The article discusses the problem of updating the meaning content of sociological education in Russian universities. The theoretical foundations for the study of meanings were laid down by the classics of this science and developed throughout the 20th century. This article offers recommendations for planning and conducting seminars on the topic "meanings of the Great Victory", the goals of which are the development of the categories "social value", "social meaning", "social symbol", "culture", and "inter-ethnic unity".

Keywords: Sociological education, social values, social meanings, social symbols, culture, Great Patriotic War, sociological thinking

Для российского социогуманитарного образования как никогда важно найти подходы к умам и душам молодых людей, студентов. Ведь эта часть образовательных программ направлена не только на освоение конкретной информации, но и на построение общей картины мира, выработку социального мировоззрения. При этом речь не идёт о навязывании молодёжи каких-либо искусственных идеологических конструкций. Необходимо найти путь, с помощью которого люди, вступающие в активную социальную жизнь, смогут осмыслять социальные события и выстраивать собственный взгляд на них, основанный на социологически грамотном, научном подходе. Именно такой подход способен создать основу для социального мировоззрения личности, её устойчивости, готовности к вызовам современного общества [2].

Это говорит о том, что содержание социогуманитарного образования в первую очередь должно отвечать современным принципам и достижениям данной научной области. В этом отношении следует отметить, что огромный пласт социологического знания, разрабатываемый на протяжении XX в. как

отечественными, так и зарубежными мыслителями, в образовательных программах остаётся недостаточно востребованным. По традиции, сложившейся в 1990-е гг., студенты получают систематизированный набор обязательных сведений, хотя и важных, но часто не наполненных живыми, актуальными для страны и личности смыслами. В то же время именно смысловые основы социальности являются той областью научного знания, развитие которой продвинуло вперёд понимание общественных явлений в течение последнего столетия [9].

В этом отношении перспективным принципом университетского социологического образования может стать подход, при котором учебный материал был бы продемонстрирован на примерах определённых социальных смыслов, их взаимосвязи, развития и воздействия на общество.

Поясним данную позицию. Социальное явление, по своему существу, неразрывно связано с теми смыслами, которые в него вкладываются его участниками. Это показано понимающей социологией Макса Вебера [4]. Кроме того, любое социальное явление, согласно идеям Семёна Франка, имеет

сторону смысла. При этом социальный смысл характеризуется объективностью по отношению к индивидуальным сознаниям и формирует общие направления действий людей (выступает в качестве идеи-силы) [13]. Другие направления социологии, такие как феноменология, символический интеракционизм, культуросоциология, также содержат разработку разных аспектов социальных смыслов. Всё это даёт основания для более широкого использования понимающей методологии преподавания социологии, что означает применение метода понимания не только в исследованиях социальных явлений, но и в преподавании социологии.

Безусловно, разработка конкретного наполнения учебных материалов жизненно важными для страны и личности примерами и методиками остаётся непростой задачей. В данной статье поставлена цель дать пример такого наполнения, служащего формированию у молодёжи научного мышления.

Одна из важнейших тем, необходимых для понимания обучающимися значения социальных смыслов в общественной жизни, – это тема Великой Победы. Смысловые основания борьбы советского народа с фашизмом ярко демонстрируют действенное значение культурных ценностей, образующих целостную духовную основу жизни общества. Они показывают важнейшую роль коллективных идей, объединяющих общество и обеспечивающих его идентичность, создающих ценностные основы социального единства.

Для того, чтобы тема смыслов Великой Победы стала основой для практического освоения ряда важнейших социологических категорий, необходимо концептуализировать научную базу того познавательного поля, в котором она лежит. Кратко изложим основы этой сферы научного знания.

Теоретические основы смыслового подхода в социологическом образовании

Социология, согласно традиции, основанной Максом Вебером, есть наука о социальном действии индивида, которое несет в себе субъективный смысл и по смыслу связано с действиями других людей [4]. Смысл – это комплексное понятие, включающее всё подразумеваемое нами, всё, чему мы придаем значение. Но любое значение, будучи элементом сознания, имеет, в свою очередь, две характеристики или составляющие – ценностную и символическую. Ценностная составляющая образует идейное ядро социального действия. Символическая составляющая есть перенесение идеи в объектную сферу и название ее именем или знаком реальности – символом. Иными словами, ценности есть содержание духовной реальности, а символы – это их краткое объективированное обозначение.

Символическое обозначение, конечно, имеют не только ценности, но и другие феномены реальности. Отдельные факты или явления, имеющие

сходство (например, все эмпирические собаки), сливаются в некий общий образ или идею реальности (платоновский «эйдос»), которая получает своё символическое выражение. При этом одна и та же идея может иметь несколько символических обозначений. Так, любое слово языка есть символ определенной реальности или наименование общей идеи этой реальности. Например, вся совокупность реальных собак, независимо от времени, места, породы и т.д., образует идею собаки как таковой. Но эта идея имеет разные языковые символы в разных языках мира. Слова «кучето» (болг.), «der Hund» (нем.), «an madra» (ирланд.), «köpek» (турецк.), «эт» (татар.), «el perro» (исп.) для человека, не владеющего этими языками, не имеют между собой ничего общего. Однако за этими совершенно разными языковыми символами стоит одна и та же реальность – вид животных, который в русском языке назван словом «собака». Символ имеет свойство универсальности, выполняя необходимую функцию обобщения, т.е. объединения явлений одного типа в нашем сознании, без которого невозможна человеческая логика, человеческое мышление вообще.

Но символы объединяют не только реальные, ценностно-нейтральные явления, как, например, всех собак или птиц. Они объединяют также социальные идеи, ценности, представления. В качестве таковых символы несут не только познавательную, но и оценочную нагрузку. Например, символ «2» в качестве школьной оценки означает плохое качество знаний учащегося. Иначе говоря, символы способны сосредоточивать понятия о добре и зле, о вере, о коллективных целях и ценностях. Благодаря этому их свойству символическое обозначение имеют не только реальные предметы, но и социальные институты и представления: коллективные движения, партии (например, коммунизм и его символика), государственность (государственные символы), социальные эмоции и чувства (часто бывают выражены в произведениях культуры и искусства, памятниках, например, Вечный огонь), верования (религиозные символы), принадлежность к группе (например, символы болельщиков определенной команды), статусы (например, символы воинских званий) и иные социальные и культурные характеристики.

Итак, понимание социологической сущности такого важнейшего понятия, как социальное действие, становится невозможным без изучения категорий смысла, ценности и символа. Они выступают в качестве ключевых для социологического анализа любого явления культуры или, иначе говоря, определенного культурно-исторического образования. Это объясняется тем, что явления культуры существуют в качестве особых целостностей коллективных репрезентаций или представлений. Например,

Великая Отечественная война в сознании наших соотечественников предстает в виде культурного единства, *явления культуры*, т.е. определенной целостности идей, смыслов социальных действий, ценностей и символов.

Но разные смыслы, ценности и символы играют неодинаковую роль в жизни обществ. Некоторые из их объединяют людей, другие – разделяют; некоторые служат для понимания обыденных коммуникаций, другие – для понимания жизненных ориентиров и формирования мировоззрения, идентичности, целей личности и общества.

Важно отметить в этой связи, что создатель направления культурсоциологии американский социолог Джеффри Александер, опираясь на теорию религии Эмиля Дюркгейма [7], провел различие между сакральными (священными) и рутинными (обыденными) смыслами и ценностями социальной жизни [1]. Сакральные смыслы иногда существуют незаметно, но показывают свою силу именно в периоды, критически важные для существования сообществ. В такие периоды рутинные смыслы, например экономическая прибыль, политические или экономические интересы социальных групп, личные интересы, отходят на второй план.

Конечно, социология изучает оба типа смыслов и ценностей. Так, феноменология Альфреда Шюца [14], этнометодология Гарольда Гарфинкеля [6] и многие другие теории направлены в первую очередь на анализ повседневных, обыденных и рутинных взаимодействий. Целью такого анализа выступает понимание человеческих коммуникаций и закономерностей их функционирования, ситуаций, в которых нормальные коммуникации разрушаются, а также последствий этого процесса. Нельзя отрицать важности такого рода социального анализа. Однако изучение сакральных смыслов и ценностей даёт понимание исторического процесса и процессов формирования социальных единств, движений, а также возможность прогнозирования на этой основе развития критически важных для общества событий. В данной статье мы обсудим именно второй вариант образовательного контекста.

Преподавание социологических дисциплин и смыслы Победы

Любое культурное явление, насыщенное священными для сообщества смыслами, ценностями и символами, может быть хорошей эмпирической основой для освоения теоретических положений определенных направлений социологии, таких, например, как понимающая социология, культурсоциология, а также для усвоения учащимися ряда понятий, включающего, помимо уже рассмотренных понятий смысла, ценности и символа, также понятия «культура», «коллективные представления», «нарративы». В этой связи тема Великой Отечественной войны и Великой Победы как эле-

мент отечественной культурной традиции представляет значительный интерес как с научной, так и с педагогической точки зрения.

Смысловое и ценностное наполнение этой темы включает в себя рассмотрение важнейших социологических явлений:

- социокультурного контекста и социальной ситуации, сложившихся в период Великой Отечественной войны в Советском Союзе;
- ментальных (архетипических) основ коллективного сознания народа нашей страны;
- политики руководства и политического лидерства в контексте изменений, наложенных социальной ситуацией и вызовами внешней среды;
- межнациональных отношений и единства народов СССР в борьбе с врагом;
- процессов формирования и развития личности, социализации личности в сложившейся социальной ситуации;
- возникновения новых по сравнению с предвоенным периодом формальных и неформальных социальных групп, социальных институтов и организаций;
- развития неформальных структур нового типа, неформального лидерства и т.д.

Как видим, тематика социологического изучения данной темы очень широка. Однако здесь ставится вопрос о возможностях ее применения в образовательном процессе в качестве модели для формирования социологического мышления учащихся. Ниже предлагается тематика и структура проведения конкретного практического (семинарского) занятия в курсе преподавания социологии.

Методика проведения семинарского занятия

Для проведения семинарского занятия предлагается в данном случае использовать методику подготовки и последующей презентации групповых проектов по заранее заданным проблемным темам, раскрывающим социологическое понимание общественных явлений и процессов Великой Отечественной войны, Победы и развития социальных смыслов этих событий, формирования социальной памяти, соответствующих ритуалов. Методика проведения такого занятия предполагает широкую степень самостоятельности, творческого подхода к образовательному процессу как преподавателей, так и студентов. Предлагаемый вариант занятия может быть скорректирован в зависимости от конкретных обстоятельств, например численности студенческой группы, среднего уровня ее социологической компетентности.

Каждая студенческая группа делится на три подгруппы и готовит проекты (в форме презентаций) по следующим темам:

- 1) «Символы борьбы и победы над фашизмом»;
- 2) «Культурные ценности страны как духовная основа Победы»;

3) «Смыслы социальной идентичности и единства народов СССР и их роль в формировании духовной основы Победы».

Каждая подгруппа должна разработать план проекта и распределить между собой обязанности по его выполнению, произвести исследовательский поиск, а затем подготовить выступление на 15–20 минут с использованием иллюстративных материалов. На отдельном слайде в конце презентации необходимо описать, кто из студентов за какую часть работы отвечал, а также указать источники информации. Поощряется включение в проект материалов личных воспоминаний, фотографий, иных документальных источников. Исследования показывают, что молодое поколение знакомо с семейными рассказами, которые составляют содержание личной, индивидуальной исторической памяти нашего народа [12]. Такие рассказы способны создать неформальную атмосферу занятия, исключительно важную с точки зрения формирования социологического мышления.

Поясним научно-дидактическое содержание каждой из предложенных тем. Первая тема посвящена символике борьбы с фашизмом и победы над ним. Символ, как указывалось, – это определенный знак реальности, будь то реальность общественной жизни

или окружающего мира. Важно обратить внимание студентов на проведение социологически грамотных различий между типами символики, использованной во время войны и в настоящее время, проанализировать разницу. Так, обратившись в сеть Интернет с поисковым запросом «Символика Великой Отечественной войны» (картинки), мы можем обнаружить следующие изображения: государственные символы СССР (красное знамя, звезда, герб, гимн), знамена воинских частей, георгиевскую ленточку, ордена и медали, Вечный огонь, форменную одежду военнослужащих времен Великой Отечественной и ее отдельные элементы, а также другие предметы (рис. 1).

Как указывалось, есть различия между символами, распространенными в настоящее время, когда война и победа стали элементами коллективной памяти и исторического прошлого, и символами, которые были действенными орудиями победы во время войны. Например, на старых плакатах времен Великой Отечественной можно найти следующие символы: оружие в руках, военная техника, памятники исторического прошлого нашей страны (памятник Петру I в Петербурге «Медный всадник», памятник Минину и Пожарскому на Красной площади в Москве, Спасская башня), Родина в образе Матери, солдаты, знамена, звезды, имя Сталина (рис. 2).

Рис. 1. Представленность символики Великой Победы и Великой Отечественной войны на современных плакатах

Рис. 2. Представленность символики борьбы против фашизма на плакатах времен Великой Отечественной войны

Кроме художественно-изобразительных средств, можно найти различные рассказы, песни, стихи с использованием символических образов. Так, популярность стихотворения Д.С. Самойлова «Сороковые» можно отчасти объяснить и тем, что оно буквально наполнено символическими образами и передаваемыми с помощью них смыслами:

«Сороковые, роковые,
Военные и фронтовые,
Где извещенья похоронные
И перестуки эшелонные.

...

А это я на полустанке,
В своей замурзанной ушанке,
Где звездочка не уставная*,
А вырезанная из банки».

Как видно из представленных материалов, данная тема не должна вызывать затруднений при поиске информации. Каждый из перечисленных символов имеет свою историю происхождения, а также включен в контекст реальных ситуаций, описанных как документально, так и художественными спосо-

бами. Таким образом, студентам предоставляется широкое поприще поиска и анализа информации, в ходе которого они не только усвоят понятие «символ социальный» на эмпирическом материале, но и приобретут дополнительные аспекты понимания подвига народа-победителя. Они научатся сравнивать эпохи в аспекте их символической репрезентации, поймут разницу между символами, служащими агитации (период войны), и символами памяти (современная эпоха).

Особое внимание следует уделить анализу символики, который должен носить интерпретационный характер. Этот метод предполагает раскрытие смыслов, их истоков, связанных с ними эмоций, воспоминаний, трактовок. Обучение студентов науке интерпретации социальных смыслов является важнейшим навыком, который должен сформироваться у студентов в курсе изучения социологии. Именно интерпретационный анализ помогает понять социальные процессы, включая конфликтные ситуации, и логику их развития. Формирование интерпретационных навыков должно происходить при помощи интерактивных методов – беседы студентов с преподавателем, наводящих вопросов, высказывания мнений.

* Давид Самойлов. Дай выстрадать стихотворение... Стихи. Москва : Правда. Библиотека «ОГОНЕК», 1987. URL: <http://lib.ru/POEZIQ/SAMOJLOW/stihi2.txt>.

Переходя к рассмотрению второй темы («Культурные ценности страны как духовная основа Победы»), следует отметить, что в современной научной и популярной литературе широко используется связанная с этой темой категория «духовный потенциал общества (народа)». Ее содержание выражено в определенных ценностях, идеалах, идеях, теориях, концепциях, программах и лозунгах, общественных символах, взглядах, традициях, привычках, нравах, которые, как правило, базируются на общенациональных ценностях [15]. Поскольку наполнение данной категории чрезвычайно обширно, целесообразно рассмотреть отдельно ценности культуры, повлиявшие на духовное состояние советского общества и обеспечившие его устойчивость к невзгодам и лишениям, сформировавшие его отвагу и боевой дух.

Таким образом, вторая тема посвящена культурным ценностям нашей страны, рассматриваемым в качестве духовной основы Победы. Здесь студенты также имеют широкое поле для творчества. Культурные ценности эмпирически зафиксированы в кино, музыке, песенном творчестве, стихах, художественных произведениях, живописи, архитектуре, нормах морали и нравственности. Например, ценности любви к родине, к матери-земле, патриотизма, сформированные еще в эпоху Древней Руси, являются культурными ценностями, имеющими прямое отношение к народному духу, обеспечившему победу над фашизмом. Ценность дружбы, товарищества, с одной стороны, и предательство как полюс абсолютного зла, с другой, заложенные в национальном сознании нашего народа, также могут быть рассмотрены в рамках данной темы с приведением примеров из истории и литературы.

Считается, что духовную основу победы заложили также ценности справедливости, трудолюбия, социалистические идеалы. Глубоко закономерно, что руководство государства осознало и значение православной веры для укрепления силы духа русского народа [11]. Отметим, что осмысление духовных основ Победы связано с культурными ценностями, воплощенными в истории нашего народа, его литературе, в том числе классической литературе дореволюционного и советского периодов [5].

Для демонстрации данной темы имеется огромное количество как документальных, так и художественных сюжетов. Одним из таких эпизодов было исполнение Седьмой симфонии Шостаковича в блокадном Ленинграде, о котором можно найти яркие высказывания и воспоминания. Так, по воспоминаниям дирижера оркестра, исполнившего симфонию, К.И. Элиасберга, спустя годы его нашли двое туристов из ГДР, которые признались: «Тогда, 9 августа 1942 г., мы поняли, что проиграем войну. Мы ощутили вашу силу, способную преодолеть голод, страх и даже смерть» [5: с. 44].

Как известно, гитлеровцы столкнулись с беспримерным межнациональным единством советского народа [8; 10]. Ценности, связанные с единением народа, коллективным духом, тесно переплетены с третьей темой – «Смыслы социальной идентичности и единства народов СССР и их роль в формировании духовной основы Победы». Но здесь ставится акцент именно на понятие социальной идентичности, чрезвычайно востребованное в современной социологии. Раскрытие этой темы на эмпирическом материале реального сплочения разных народов в борьбе с врагом должно показать, как наличие национальной и культурной идентичности может органически вписываться в идентичность более высокого социального уровня. Так, дважды Герой Советского Союза летчик Ахмет-Хан Султан, сбивший 30 вражеских самолетов, был сыном лакца и крымской татарки. Как вспоминал Р. Гамзатов, на вопрос: «Чей же ты герой?» – Ахмет-Хан Султан ответил: «Я герой не татарский и не лакский. Я Герой Советского Союза!» [3].

Иными словами, задание предполагает практическое применение знаний относительно социальной, национальной и культурной идентичности (или освоение этих знаний на конкретных примерах). Поиск описания ситуаций единства (например, героическая оборона Брестской крепости) и в то же время реализации роли отдельных народов в ходе конкретных боевых задач (например, на Кавказе) является хорошей социологической практикой нахождения путей и способов социального взаимодействия народов. Примеров такого единства можно найти множество.

Задачами практического занятия, выполняемыми при помощи темы 3, является усвоение категории «социальная, культурная идентичность» и формирование способности сопоставлять типы и уровни социальной идентичности, искать пути преодоления межнациональных конфликтов на основе ценностей объединяющего характера.

Подводя итоги, можно сказать, что три рассмотренные тематики – символика, культурные ценности и социальная идентичность – в своей совокупности охватывают несколько важнейших элементов курса социологии, позволяют сформировать как интерес к данной дисциплине, так и основы социологического мышления, необходимые современному выпускнику вуза. Эмпирический же материал Великой Отечественной войны и ее последующего осмысления в народной памяти позволяет находить многочисленные факты, даже проводить учебные социологические исследования. Главное же – он дает основу для освоения социологической интерпретации данного уникального исторического периода, во время которого советское общество сплотилось на основе объединяющих идей и ценностей.

Список источников

1. Александр Дж., Куракин Д.Ю. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 5–40.
2. Анисина Е.А., Надточий Ю.Е. Память о Великой Победе (по результатам социологического исследования в молодежной среде) // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 8. С. 8–14.
3. Бутаев Б. Амет-хан Султан. Москва : Изд-во полит. лит., 1990. 240 с.
4. Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. Москва : Прогресс, 1990. С. 602–643.
5. Воронцов А.В. Духовные основы Великой Победы // Universum: Вестник Герценовского университета. 2010. № 5. С. 37–48.
6. Гарфинкель Г. Исследования по этнометодологии. Санкт-Петербург : Питер, 2007.
7. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни: тотемическая система в Австралии : пер. с фр. В.В. Земсковой ; под ред. Д.Ю. Куракина. Москва, 2018. 808 с.
8. Егорова Л.П. Единство народов СССР в 1941–1945 гг. как национальная идея (на материале художественной литературы) // Вестник Ставропольского государственного университета. Филологические науки. 2009. № 6. С. 191–199.
9. Ерофеева М.А. «Смысл» как элемент социологической теории // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2014. № 1. С. 135–142.
10. Каймаразов Г.Ш. Вклад народов Дагестана в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Вестник института ИАЭ. 2015. № 2 (42). С. 64–87.
11. Козлов М.И. Духовный потенциал советского народа как фактор Победы в Великой Отечественной войне // Наш курс – социализм : сб. Архангельск. (б/г). С. 23–32.
12. Макарова Л.В. Великая Отечественная: что остается в личной памяти? // Социологические исследования. 2015. № 11. С. 107–114.
13. Франк С.Л. Очерк методологии общественных наук. Москва : Берг, 1922. 124 с.
14. Шюц А. Символ, реальность и общество // Шюц А. Мир, светящийся смыслом. Избранное. Москва, 2004. 1056 с.
15. Янаков А.Т. Духовный потенциал российской цивилизации как фактор военной безопасности государства : дис. ... канд. филос. наук. Москва, 2004. 198 с.

References

1. Alexander J., Kurakin D.Yu. *Kul'turnaya travma i kollektivnaya identichnost'* [Cultural Trauma and Collective Identity] // Sociological Journal. 2012. No. 3. P. 5–40. (In Russ.).
2. Anisina E.A., Nadtochiy Yu.E. *Pamyat' o Velikoj Pobede (po rezul'tatam sociologicheskogo issledovaniya v molodezhnoj srede)* [Memory of the Great Victory (according to the results of a sociological study in the youth environment)] // Social and Humanitarian Knowledge. 2016. No. 8. P. 8–14. (In Russ.).
3. Butaev B. *Amet-han Sultan* [Amet-khan Sultan]. Moscow : Publishing house of political literature, 1990. 240 p. (In Russ.).
4. Weber M. *Osnovnye sociologicheskoe ponyatiya* [Basic sociological concepts] // Weber M. Selected works. Moscow : Progress, 1990. P. 602–643. (In Russ.).
5. Vorontsov A.V. *Duhovnye osnovy Velikoj Pobedy* [Spiritual Foundations of the Great Victory] // Universum: Bulletin of Herzen University. 2010. No. 5. P. 37–48. (In Russ.).
6. Garfinkel G. *Issledovaniya po etnometodologii* [Studies in ethnomethodology]. St. Petersburg : Peter, 2007. (In Russ.).
7. Durkheim E. *Elementarnye formy religioznoj zhizni: totemicheskaya sistema v Avstralii* [Elementary forms of religious life: the totemic system in Australia] : per. from French V.V. Zemskova ; ed. D.Yu. Kurakin. Moscow, 2018. 808 p. (In Russ.).
8. Egorova L.P. *Edinstvo narodov SSSR v 1941–1945 gg. kak nacional'naya ideya (na materiale hudozhestvennoj literatury)* [The unity of the peoples of the USSR in 1941 – 1945. as a national idea (based on fiction)] // Bulletin of the Stavropol State University. Philological Sciences. 2009. No. 6. P. 191–199. (In Russ.).
9. Erofeeva M.A. *"Smysl" kak element sociologicheskoy teorii* ["Meaning" as an element of sociological theory] // Bulletin of St. Petersburg University. Sociology. 2014. No. 1. P. 135–142. (In Russ.).
10. Kaimarazov G.Sh. *Vklad narodov Dagestana v pobedu v Velikoj Otechestvennoj vojne 1941–1945 gg.* [The contribution of the peoples of Dagestan to the victory in the Great Patriotic War of 1941–1945] // Bulletin of the IAE Institute. 2015. No. 2 (42). P. 64–87. (In Russ.).
11. Kozlov M.I. *Duhovnyj potencial sovetskogo naroda kak faktor Pobedy v Velikoj Otechestvennoj vojne* [The spiritual potential of the Soviet people as a factor in the Victory in the Great Patriotic War] // Our course – socialism : sb. Arkhangelsk. (b/g). P. 23–32. (In Russ.).
12. Makarova L.V. *Velikaya Otechestvennaya: chto ostaetsya v lichnoj pamyati?* [Great Patriotic War: what remains in personal memory?] // Sociological research. 2015. No. 11. P. 107–114. (In Russ.).
13. Frank S.L. *Ocherk metodologii obshchestvennykh nauk* [Essay on the methodology of social sciences]. Moscow : Berg, 1922. 124 p. (In Russ.).
14. Schutz A. *Simvol, real'nost' i obshchestvo* [Symbol, reality and society] // Schutz A. The world, shining with meaning. Favorites. Moscow, 2004. 1056 p. (In Russ.).
15. Yanakov A.T. *Duhovnyj potencial rossijskoj civilizacii kak faktor voennoj bezopasnosti gosudarstva* [Spiritual potential of the Russian civilization as a factor of the military security of the state] : dis. ... candidate philosophy sciences. Moscow, 2004. 198 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Н.Ю. Матвеева – кандидат социологических наук, доцент.

Information about the author

N.Yu. Matveeva – Candidate of Science (Sociology), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 10.01.2022; одобрена после рецензирования 01.02.2022; принята к публикации 20.02.2022.
The article was submitted 10.01.2022; approved after reviewing 01.02.2022; accepted for publication 20.02.2022.

Научная статья
УДК 378.147:004.9
doi: 10.31079/1992-2868-2022-19-2-168-172

ИНТЕРАКТИВНОСТЬ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ВИРТУАЛИЗАЦИИ: НОВЫЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

Михаил Владимирович Пашков¹, Сергей Дмитриевич Савин²

^{1,2} Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

¹ mihailpashkov@yandex.ru

² ssd_sav@mail.ru

Аннотация. Цифровые технологии расширили возможности профессионального образования, его востребованность, открытость и доступность, сделали образовательный процесс более динамичным, интересным, гибким. Однако образовательный процесс – это не только наличие соответствующего оборудования и технологий, но и соответствующей времени социокультурной среды, основу которой составляет интерактивность. Интерактивность начинает выполнять функции новой образовательной среды в условиях виртуализации, и только при условии интерактивности всех форм проведения занятий – лекций, семинаров, самостоятельной работы и др. – могут быть достигнуты эффективность и качество обучения. Лучшие практики современной образовательной среды должны сочетать в себе культурный фон живого общения и цифровое коммуникативное пространство.

Ключевые слова: образовательная среда, интерактивность, онлайн-обучение, дистанционное образование, коммерциализация

Original article

INTERACTIVITY OF THE LEARNING PROCESS IN THE CONTEXT OF VIRTUALIZATION: NEW REQUIREMENTS FOR SOCIAL AND HUMANITARIAN EDUCATION

Mikhail V. Pashkov¹, Sergey D. Savin²

^{1,2} Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

¹ mihailpashkov@yandex.ru

² ssd_sav@mail.ru

Abstract. Digital technologies have increased the opportunities for vocational education, its relevance, openness and accessibility, made the educational process more dynamic, interesting and flexible. However, the educational process does not only require appropriate equipment and technology, but also a sociocultural environment appropriate to the time, the basis of which is interactivity. Interactivity begins to perform the functions of a new educational environment under the conditions of virtualization and only under the condition of interactivity of all forms of classes – lectures, seminars, independent work, etc. – efficiency and quality of learning can be achieved. The best practices of modern educational environment should combine the cultural background of live communication and digital communication space.

Keywords: educational environment, interactivity, online learning, distance education, commercialization

Основную задачу этой статьи авторы видят в том, чтобы показать, что эффективность и качество процесса обучения зависят не только от уровня технической оснащённости учебного заведения, наличия эффективных онлайн-платформ для обучения, организации учебного процесса и квалификации преподавателя, но также и от включённости обучающегося в конкретную социально-образовательную среду учебного заведения. При этом социально-образовательная среда представляет собой многокомпонентную связь культурно-исторических, человеческих, информационных, учебно-методических и организационных условий, которые формируют коллективную идентичность участников образовательного процесса, так как образова-

тельная среда – это, по сути, система коллективных влияний и условий формирования личности по заданному образцу, а также возможностей для ее развития, содержащихся в социальном и пространственно-предметном окружении [1: с. 109; 2: с. 14].

Университет обязательно включает в себя такую исторически сложившуюся образовательную среду. Ее фундамент составляют традиции университетской жизни, в том числе и неформальные, памятные места, мероприятия (конференции к памятным датам, презентации специальных исследований, посвященных истории вуза, и др.). Как процесс и продукт социальных отношений и коллективных действий и решений они формируют партнерские связи между различными участниками образовательного процесса: студен-

тами, преподавателями, работодателями и административным персоналом. Восприятие университета как места социализации ряда поколений студентов, впитывание духа университетского сообщества как носителя традиций исследовательских школ – значимая мотивационная составляющая, формирующая университетскую идентичность.

Пандемия коронавируса показала, насколько актуальной для обеспечения жизнеспособности образования становится поддержание и воспроизводство университетской идентичности. Обращение к этой проблематике обусловлено несколькими причинами, которые могут поставить под угрозу как творческую самоорганизацию преподавателей и студентов, так и формирование более осознанных, целенаправленных и ответственных в этическом плане практик взаимодействия. Среди этих причин прежде всего обращает на себя внимание набирающая силу коммерциализация образования.

Коммерциализация образования как процесс трансформации образовательной сферы в соответствии с логикой рыночных отношений и ведения бизнеса не только превращает образование в товар или услугу, но и создает условия для преобразования сложившихся ролей студентов и преподавателей на основе принципа коммерческой модели «потребитель–поставщик услуг». Это не только ослабляет их внутреннюю мотивацию к обучению и преподаванию, но и затрудняет развитие отношений сотрудничества между ними. Мотивация к обучению, как справедливо указывают некоторые авторы, представляется особенно важной, поскольку без желания учиться или других побудительных мотивов к участию в обучении бесполезными оказываются и умение педагогов пользоваться гаджетами для обучения, и уровень развития инфраструктуры ИКТ (наличие Интернета и скорость передачи данных), и наличие платформ и программного обеспечения для дистанционного обучения, и умения ими пользоваться всеми участниками процесса [3].

Без достаточной мотивации происходит отчуждение студентов от академического сообщества. Они начинают позиционировать себя не как партнёров в образовательном процессе, а как внешних выгодоприобретателей образования, которые пришли в вуз не за знаниями, а за сертификатом/дипломом. Труд по освоению знаний представляется им в некоторой степени неприемлемым.

Что касается преподавателей, то коммерциализация образования создает предпосылки для изменения мировоззренческих основ преподавательской деятельности. Это обусловлено тем, что преподаватели становятся в основном интересны как производители онлайн-курсов, которые в дальнейшем могут реализовываться без самих преподавателей

или с их минимальным участием. Это может привести как к изменениям преподавательской деятельности в сторону депрофессионализации и потери уровня преподавательских навыков и умений, так и к разобщенности самих преподавателей. Они превращаются в «атомизированных субъектов», не связанных в живое академическое сообщество и тем самым лишенных возможности обсуждать и создавать общие смыслы, цели и стандарты образовательной деятельности вместе со своими коллегами. Взгляд на образование с позиции индивидуализации не только разрушает представление об образовании как об «общественном благе», как о социальном, коллективном действии, но и способствует тому, что образование начинает восприниматься, как частное благо и сугубо индивидуальное действие. А это лишает субъектов образовательного процесса, лишает их отношения самого главного – самой ценности этих отношений и умения их выстраивать, хотя сегодня именно ценностные ориентиры обретают главную роль в образовании.

Нельзя пройти мимо и того факта, что культурно-образовательная идентичность университетов претерпела значительную трансформацию при переходе на дистанционный формат обучения. Так, иногородние студенты, по большей части слушая курсы из дома, нередко даже не приезжают надолго в город, в котором находится вуз, хотя связь университетской и городской среды – это тоже неотъемлемая часть культурно-образовательного пространства. В российских традициях вузовские центры представляют значимую составляющую городской жизни, так как формируют региональное экспертное сообщество, выстраивают контакты с работодателями, в том числе и с органами власти и управления. Работодатели, в значительной части выпускники этого же вуза, не только заключают договоры о практиках, но участвуют и в таких формах образовательного процесса, как мастер-классы, карьерные форумы, советы образовательных программ, комиссии государственной итоговой аттестации и др. Так, на примере участия работодателей в реализации образовательных программ по направлению «Социология» в Санкт-Петербургском государственном университете мы можем отметить, что 2/3 членов ГЭК 2021 г. из числа работодателей являются выпускниками СПбГУ. Нельзя забывать и про кафедральную жизнь, которая развивает и поддерживает личные связи поколений студентов и преподавателей и формирует коллективное единство не только исследовательских групп, но и партнерские отношения по широкому спектру вопросов развития образовательных программ.

Новые социальные условия образовательной среды настоятельно требуют внедрения и новых адаптивных механизмов обучения. При этом следу-

ет, по-видимому, ориентироваться на смешанный формат обучения (blended learning), при котором доля дистанционных занятий, в том числе и онлайн-курсов, будет и после окончания пандемии занимать значительную часть подготовки обучающихся (не менее четвертой части всех занятий). Методика смешанного обучения хороша тем, что сочетает в себе как традиционные составляющие обучения, так и цифровые, и тем самым предоставляет учащимся свободу выбора как способов получения информации, так и своеобразный стиль работы в аудитории и удаленно.

Для того, чтобы осознать себя членом академического сообщества в рамках этого формата обучения, студентам необходим не только физический доступ к устройству со стабильным подключением к сети Интернет и набор умений работать с цифровым контентом, чтобы выполнять онлайн-задания, участвовать в групповой онлайн-работе и онлайн-коммуникации с преподавателями и другими студентами, но и адаптивные курсы, позволяющие прочувствовать социально-образовательную среду и войти в жизнь университета. Часто студенты и преподаватели воспринимают дистанционное обучение всего лишь как способ односторонней передачи содержания учебного курса, а не как онлайн-пространство для интерактивного, двустороннего диалога между студентами и преподавателями или групповой дискуссии и работы. В этом отношении показателен опыт Кении. Исследование, проведенное в Кении, показало, что 72 % опрошенных студентов, проходящих обучение дистанционно, использовали Интернет только для загрузки содержимого курса на свои устройства с целью его последующего изучения в автономном (оффлайн) режиме [4].

Для решения этой проблемы, например, в Санкт-Петербургском государственном университете для обучающихся по всем направлениям бакалавриата в учебных планах предусмотрены онлайн-курсы «Адаптация и обучение в Университете» (базовая часть) и «Университетская жизнь. Основы корпоративной этики» (факультативная часть).

Согласно опросам студентов абсолютное большинство из них чувствуют себя комфортно в процессе дистанционного обучения, но далеко не все считают этот формат обучения эффективным, так как осознают влияние низкой степени вовлеченности в образовательный процесс на результат обучения. Многим обучающимся это позволяет минимизировать собственные требования к учебе, ориентируясь только на формальные показатели подготовки к аттестации [5]. Для эффективного дистанционного обучения необходимы высокая мотивированность студентов и их способность к самоорганизации, самостоятельной выработке практики подготовки в рамках учебной деятельности.

В условиях снижения роли внешних социализирующих факторов вуза многие обучающиеся отмечают, что у них теряется мотивационный стимул, пропадает интерес к занятиям, так как во время дистанционного обучения, когда студент находится дома, на него воздействует много отвлекающих факторов повседневной жизни: от общения с родственниками и друзьями до параллельных дел по интересам. Здесь важно подчеркнуть, что способность использовать Интернет в целях развития своего социального и материального капитала, например посредством обучения, распределяется в обществе неравномерно*.

Заставлять студентов использовать только режим постоянно включенного видео также пока не всегда эффективно, поскольку обучающиеся могут сослаться на плохую связь, проблемы с оборудованием. Кроме того, в больших группах преподаватель не может контролировать, сколько студентов в настоящее время используют камеру, а психологическое давление преподавателя на студентов с требованием постоянного визуального контроля за их присутствием снижает авторитет самого преподавателя, формирует дискомфорт взаимодействия, приводит к низким оценкам работы преподавателя со стороны студентов по итогам курса. Надо помнить, что многие дисциплины носят элективный характер, и выбор студентов ориентирован на те курсы, в которых преподаватель демонстрирует свою «демократичность», готовность к горизонтальному типу отношений «преподаватель–студент», артикулирует индивидуальный подход. Дистанционные формы обучения дают обучающимся больше возможностей в плане выбора дисциплин и дополнительных программ, а также и в плане использования механизма цифрового контроля за действиями самого преподавателя, фиксируя его высказывания, неэтичное поведение, нарушения дисциплины.

В этой связи перед разработчиками онлайн-курсов и технологических решений для реализации дистанционного образования возникает целый ряд новых проблем. Прежде всего, это проблема конкурирующих целей использования Интернета. При прохождении учебы в формате онлайн студенты могут легко переключаться с учебных заданий на использование Интернета в развлекательных целях. Результаты исследования цифрового обучения в

* Все способы использования ИКТ Робинсон и коллеги условно разделяют на две группы: виды деятельности, оказывающие положительное влияние на материальный и социальный капитал человека (деятельность, связанную с работой, обучением и профессиональным развитием, ведением профессиональных социальных сетей, получением информации о здоровом образе жизни), и виды деятельности, не увеличивающие такой капитал человека напрямую (личное использование социальных сетей, развлекательные игры) [6; 7].

Индии, например, показали, что распространенной проблемой среди студентов является переключение внимания с процесса обучения на просмотр фильмов, сериалов и видеороликов, проверку социальных сетей, участие в онлайн-играх. Респонденты поделились, что они быстро «теряют интерес [к учёбе], если имеют возможность бродить по сети» [8]. Стоит отметить, что эта проблема обозначена и в других исследованиях, например в Южной Африке [9] и Гонконге [10]. Для того, чтобы избежать этой проблемы с поддержанием концентрации и мотивации, у студентов должны быть сформированы соответствующие навыки планирования своей деятельности, управления своим временем, установления и соблюдения «границ» между образовательной и свободной онлайн-деятельностью. С другой стороны, учебные онлайн-материалы и задания, а также пользовательский интерфейс и навигация по самому курсу должны быть разработаны так, чтобы помогать студентам поддерживать вовлеченность в процесс обучения и сохранять мотивацию.

В связи с вышесказанным надо понимать, что в условиях дистанционного образования большее значение начинает иметь не только научный авторитет преподавателя, но и коммуникативные компетенции при использовании новых электронных технологий в процессе дистанционных занятий. Вопрос о том, как обеспечить интерактивность дистанционного процесса обучения, – это не столько технический вопрос, но проблема установок самого преподавателя на работу со студентами как с интернет-аудиторией, его методическую подготовленность к этому процессу.

Рутинное использование неинтерактивных методов преподавания и контроля знаний в офлайн-обучении (лекционный формат со слайдами, тестовые задания с вариантами ответов) приводит к тому, что эти методы по инерции воспроизводятся преподавателями и при переходе к онлайн-обучению, несмотря на то, что такой подход не позволяет использовать все возможности ИКТ и мобильных технологий для повышения качества обучения, увеличения вовлеченности студентов и создания более персонализированного, адаптивного образовательного процесса.

В то же время интернет-технологии дают новые возможности содержательного обогащения занятий, особенно в социально-гуманитарном плане. Такие возможности открывают нам примеры высокой популярности интернет-блогеров, которые ведут стримы и делают сюжеты по общественной проблематике (история, культура, политика, биз-

нес, городская среда и др.). Они набирают тысячи и даже миллионы просмотров молодежной аудиторией в неделю, нередко опережая по популярности развлекательный контент. Это говорит о том, что потребность в образовании и экспертном знании в молодежной среде высока, но меняется формат приобретения компетенций.

Преподаватель в дистанционном формате обучения должен быть немного блогером, который держит руку на событийном пульсе, умеет найти и красиво представить актуальную информацию и живые примеры в рамках его предметной сферы. Так, полуторачасовой еженедельный стрим блогера с его аудиторией предполагает его постоянное общение в чате, интернет-голосования по дискуссионным вопросам, короткие подключения экспертов, видеоконтент из Интернета по основным обсуждаемым вопросам. Современному вузовскому преподавателю как публичной персоне также необходимо взять на вооружение эти приемы привлечения внимания дистанционной аудитории. По многим темам можно найти широкий видеоконтент, конкурирующие экспертные точки зрения, разные оценки событий и ситуации в стране и мире. Главное, не раствориться самому как лектору в потоке сторонней информации, которую он представляет публике, важно соблюдать баланс в пользу своей подачи информации, оставаться основной фигурой дистанционного взаимодействия. Интерактивность занятий обеспечивается благодаря вовлеченности студентов в обсуждаемый вопрос и их желанию иметь мнение. Высокий авторитет преподавателя как модератора интернет-коммуникаций во время дистанционных занятий направляет студентов на поиск информации, активизирует навыки применения методов ее обработки и анализа.

В заключение хотелось бы отметить, что если с технико-технологической стороны дистанционный формат обучения достаточно широко представлен в отечественной литературе, то рассмотрение дистанционного образования как социокультурного и политико-экономического феномена, как процесса социальных отношений и коллективных действий и решений, которые детерминированы как глобальными, так и локальными факторами окружающей среды, еще только начинает изучаться. Авторы полагают, что им удалось продемонстрировать некоторые глубинные основания дистанционной формы образования и обратить внимание на те его проблемные области, которые этими основаниями артикулируются и трансформируются.

Список источников

1. Королева Н.Ю., Рыжова Н.И., Трубина И.И. Формирование виртуальной социально-образовательной среды учебного заведения как условие повышения результативности образовательного процесса // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 6.
2. Ясвин В.А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию. Москва, 2001. 365 с.

3. Агранович М., Ермачкова Ю., Ливенец М. Онлайн-обучение в период пандемии COVID-19 и неравенство доступа к образованию // Федерализм. 2020. Т. 25, № 3 (99). С. 188–206.
4. Mutisya D.N., Makokha G.L. 'Challenges affecting adoption of e-learning in public universities in Kenya', E-Learning and Digital Media. 2016. Vol. 13, № 3–4. P. 140–157.
5. Зубарева Е.В., Тучкова И.Г. Сравнение допандемийного и постпандемийного отношения студентов к электронному обучению в вузах на примере изучения иностранного языка // Цифровая социология. 2021. № 4. С. 70–80.
6. Robinson L., Schulz J., Blank G., Ragnedda M., Ono H., Hogan B., Mesch G., Cotten S.R., Kretchmer S.B., Hale T.M., Yan P. Digital inequalities 2.0: legacy inequalities in the information age // First Monday. 2020. Vol. 25, № 7. DOI: 10.5210/fm.v25i7.10842
7. Phutela N., Dwivedi S. A qualitative study of students' perspective on e-learning adoption in India // Journal of applied research in higher education. 2020. Vol. 12, № 4. P. 545–559. DOI: 10.1108/JARHE-02-2019-0041
8. Ruxwana N., Msibi M. A South African university's readiness assessment for bringing your own device for teaching and learning // South African journal of information management. 2018. Vol. 20, № 1. P. 1–6. DOI: 10.4102/sajim. v20i1.926.
9. Feng S., Wong Y.K., Wong L.Y., Hossain L. The Internet and Facebook usage on academic distraction of college students // Computers & education. 2019. Vol. 134. June. P. 41–49. DOI: 10.1016/j.compedu.2019.02.005
10. Тюрина Ю.А. Социодинамика образовательного процесса в России: социологический анализ. Санкт-Петербург: Издательский дом С.-Петербург. ун-та, 2009. 256 с.
11. Соловов А.В., Меньшикова А.А. Коронавирусные зигзаги электронного дистанционного обучения // Высшее образование в России. 2021. Т. 30, № 6. С. 60–69. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-6-60-69

References

1. Koroleva N.Yu., Ryzhova N.I., Trubina I.I. *Formirovanie virtual'noj social'no-obrazovatel'noj sredy uchebnogo zavedeniya kak uslovie povysheniya rezul'tativnosti obrazovatel'nogo processa* [Formation of a virtual social and educational environment of an educational institution as a condition for improving the effectiveness of the educational process] // World of Science, Culture, Education. 2018. No. 6. (In Russ.).
2. Yasvin V.A. *Obrazovatel'naya sreda: ot modelirovaniya k proektirovaniyu* [Educational environment: from modeling to design]. Moscow, 2001. 365 p. (In Russ.).
3. Agranovich M., Ermachkova Yu., Livenets M. *Onlajn-obuchenie v period pandemii COVID-19 i neravenstvo dostupa k obrazovaniyu* [Online learning during the COVID-19 pandemic and inequality of access to education] // Federalism. 2020. V. 25, no. 3 (99). P. 188–206. (In Russ.).
4. Mutisya D.N., Makokha G.L. 'Challenges affecting adoption of e-learning in public universities in Kenya', E-Learning and Digital Media. 2016. Vol. 13, no. 3–4. P. 140–157.
5. Zubareva E.V., Tuchkova I.G. *Sravnienie dopandemijnogo i postpandemijnogo otnosheniya studentov k elektronnomu obucheniyu v vuzah na primere izucheniya inostrannogo yazyka* [Comparison of pre-pandemic and post-pandemic attitudes of students to e-learning in universities on the example of learning a foreign language] // Digital Sociology. 2021. No. 4. P. 70–80. (In Russ.).
6. Robinson L., Schulz J., Blank G., Ragnedda M., Ono H., Hogan B., Mesch G., Cotten S.R., Kretchmer S.B., Hale T.M., Yan P. Digital inequalities 2.0: legacy inequalities in the information age // First Monday. 2020. Vol. 25, no. 7. DOI: 10.5210/fm.v25i7.10842
7. Phutela N., Dwivedi S. A qualitative study of students' perspective on e-learning adoption in India // Journal of applied research in higher education. 2020. Vol. 12, no. 4. P. 545–559. DOI: 10.1108/JARHE-02-2019-0041
8. Ruxwana N., Msibi M. A South African university's readiness assessment for bringing your own device for teaching and learning // South African journal of information management. 2018. Vol. 20, no. 1. P. 1–6. DOI: 10.4102/sajim. v20i1.926.
9. Feng S., Wong Y.K., Wong L.Y., Hossain L. The Internet and Facebook usage on academic distraction of college students // Computers & education. 2019. Vol. 134. June. P. 41–49. DOI: 10.1016/j.compedu.2019.02.005
10. Tyurina Yu.A. *Sociodinamika obrazovatel'nogo processa v Rossii: sociologicheskij analiz* [Sociodynamics of the educational process in Russia: a sociological analysis]. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg. un-ta, 2009. 256 p. (In Russ.).
11. Solovov A.V., Menshikova A.A. *Koronavirusnye zigzagi elektronno distancionnogo obucheniya* [Coronavirus zigzags of electronic distance learning] // Higher education in Russia. 2021. V. 30, no. 6. S. 60–69. DOI: 10.31992/0869-3617-2021-30-6-60-69. (In Russ.).

Информация об авторах

М.В. Пашков – кандидат философских наук, доцент кафедры «Прикладная и отраслевая социология»;
С.Д. Савин – кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социология политических и социальных процессов».

Information about the authors

M.V. Pashkov – Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor, Department of Applied and Industrial Sociology;
S.D. Savin – Candidate of Sciences (Sociology), Associate Professor, Department of Sociology of Political and Social Processes.

Статья поступила в редакцию 18.01.2022; одобрена после рецензирования 01.02.2022; принята к публикации 20.02.2022.
The article was submitted 18.01.2022; approved after reviewing 01.02.2022; accepted for publication 20.02.2022.

Научная статья
УДК 338.485:316.612
doi: 10.31079/1992-2868-2022-19-2-173-179

СТАНОВЛЕНИЕ МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ РОССИИ В УСЛОВИЯХ РАЗВИВАЮЩЕЙСЯ СФЕРЫ ТУРИЗМА: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Сергей Федорович Мартынович¹, Михаил Олегович Орлов², Владимир Алексеевич Ручин³

^{1, 2, 3}Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия

¹sfmatr@mail.ru

²orok-saratov@mail.ru

³r-vl@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается потенциал туризма и его роль в формировании идентичности молодого поколения современной России. Раскрывается гражданское становление личности как социокультурный процесс, устремлённый к сакральному образу, синтезирующему многообразие географических, национальных и религиозных особенностей нашего Отечества. Обосновывается культивирование духовной вовлеченности человека в туристическое путешествие по родному краю.

Ключевые слова: светское, сакральное, мировоззрение, путь, путешествие, идентичность, демография, социализация
Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44127.

Original article

FORMATION OF THE YOUNG GENERATION IN RUSSIA IN THE CONDITIONS OF THE DEVELOPING TOURISM SPHERE: SOCIAL AND PHILOSOPHICAL ASPECT

Sergey F. Martynovich¹, Mikhail O. Orlov², Vladimir A. Ruchin³

^{1, 2, 3}Saratov State University, Saratov, Russia

¹sfmatr@mail.ru

²orok-saratov@mail.ru

³r-vl@yandex.ru

Abstract. The article regards the potential of tourism and its role in shaping the identity of the young generation of modern Russia. The civil formation of professionals is revealed as a socio-cultural process, striving for a sacred image, synthesizing the diversity of geographical, national and religious features of our Fatherland. The cultivation of the spiritual involvement of a person in a tourist trip around his native land is substantiated.

Keywords: secular, sacred, worldview, path, journey, identity, demography, socialization
Acknowledgments: the reported study was funded by RFBR, project number 21-011-44127.

Становление молодого поколения страны происходит в сфере образования, которая представляет собой совокупность институализированных в обществе идей, взглядов, т.е. сфера образования есть социальное пространство в его ценностном выражении. Одна из основных ценностей становления молодёжи – формирование гражданской идентичности. Вот почему процесс подготовки будущего профессионала рассматривается нами, прежде всего, как процесс становления гражданина. Эта сложная и многогранная деятельность в определённом смысле – явление столько же индивидуальное, сколько и социальное, но всегда связанное с личной активностью, ориентированной на некий идеал. Идеалы, как пазлы, формируют ценностную картину социального пространства, а вместе с ним и сферу образования

как тождественную национальной культуре. Устойчивость системы ценностей – неперемное условие длительного и стабильного существования социума, т.е. идеалы выступают как основополагающие элементы строительства цивилизации. Следовательно, социально-педагогические технологии и виды деятельности, определяемые ими, должны выстраиваться в соответствии с национальными особенностями, по существу, с ментальной средой, в которой ценности культивируются.

Ментальная среда имеет огромное значение в современных социокультурных практиках, таких как туризм – процесс познания окружающего мира посредством осмысленной мобильности. Следовательно, туризм – это часть сферы образования, включающий и социально-педагогические технологии.

В этой связи различные формы туристической активности, прежде всего на родных просторах, – суть педагогическая деятельность, построенная на архетипически оформленных представлениях исторической памяти. Педагогическая деятельность вне системы ценностей, только в узко материальном профанном мире, невозможна, так как в конечном итоге утрачивается основополагающая цель, а вместе с ней разрушается гуманистическая природа личности.

Внутренний мир личности всегда испытывает острую потребность в ценностях и смыслах, по существу, представляя собой их спонтанно возникающий, динамично изменяющийся синтез, осуществлённый на основании интенции и выбора. Достижение целей, подчинённых ценностям и смыслам, удовлетворяет потребностям внутренней гармонии. Стать настоящим профессионалом можно только при стремлении личности к высоким идеалам, в результате длительной внутренней работы над собой, когда приобретаемые профессиональные компетенции гармонично сочетаются с гражданской позицией. В этой связи процесс становления молодого человека – не одномоментный, а длительный, сложный и, по степени внутреннего накала, религиозный акт. То есть особое переживание единства со страной, её историей и географией – это вера, сакральное чувство к Отечеству, во имя которого человек совершенствуется. Вот почему пробуждение чувства веры как антропологического качества есть бесконечный ресурс воспитания молодого поколения России, фактор сохранения её целостности, представленной единством материального и духовного, единством бескрайних просторов и исторических событий. И здесь социально-педагогическая технология выходит за пределы чисто рационального толкования процесса обучения и дополняется новым смыслом духовного роста личности.

Таким образом, процесс подготовки профессионала, помимо приобретения компетенций, предполагает внутреннее движение к национальным истокам, воспоминаниям забытого, но притягательного, выраженного, по М. Хайдеггеру, в понятии «зов бытия». Следуя за этим зовом и в пространстве, и во времени, человек, по существу, пребывает во внутреннем и внешнем мирах посредством события. Именно в ходе путешествий по родной стране, затрачивая духовные силы на её познание, молодые люди раскрываются, достигают гармонии, духовно реализуются, подчиняясь выбранному идеалу своей профессии.

Становление личности как путешествия в мире идеального

Человеческая жизнь не что иное, как путешествие, сопряжённое с познанием и самосовершенствованием. Такое путешествие для молодого человека можно соизмерить с целой эпохой, определяющей будущее: и биографию человека, и историю страны. Потребность в путешествии есть со-

циально значимое свойство человека, связанное с рождением личности. В традициях российской цивилизации образование всегда рассматривалось как путь, как движение к высшему образу. Следовательно, и в светском понимании путешествие, дорога к высоким гражданским идеалам также приобретает некий сакральный смысл.

Путешествие в идеальном мире начинается с первых ярких воспоминаний матери, друзей, реки детства, сверкающей в ярких лучах солнца. Это первая покорённая дорога дарит нам малую, а затем большую Родину и её образ, сложенный из мельчайших деталей личных впечатлений. Любой путь есть символ духовного роста и феномен образования, как философская категория открывает нам сущность бытия, как рождение из хаоса неопределённости [5: с. 83]. Следовательно, образование как категория содержит смысловую сторону сущего, охватывая бесконечные горизонты духа, а потому внутренняя работа личности происходит в сакральном пространстве, в нашем случае – культурном пространстве российской цивилизации. Под цивилизацией мы понимаем огромное историко-культурное измерение прошлого и настоящего, сведённое нашей памятью в некий образ, скрепляющий далёкое и близкое в единое целое. Образование обусловлено социокультурными факторами, бесконечно проявляемыми в повседневности, и именно через рутину повседневности приобретает возможность понастоящему прочувствовать события, сохраняемые исторической памятью народа.

Память в нашем исследовании определяется как ключевое условие миропонимания посредством осознания человеком его принадлежности к цивилизации. Идеальная среда цивилизации [3] тесно соединена с личными воспоминаниями родителей, родственников, друзей, которые посредством впечатлений, путешествий по волнам памяти позволяют синтезировать образ страны.

Память отдельного человека, как и его внутреннее бытие, существует на основе целеполагания того «субъективного мирка, который в широком смысле слова мы называем нашей жизнью [4]», позволяет ему развиваться, подчиняясь и личной цели, и целям Отечества, которому он принадлежит. Знания о прошлом – это не только факты, но прежде всего символы цивилизационного пути в его идеальном измерении. Следовательно, без переживания своей истории невозможно двигаться вперёд, подниматься вперёд по ступеням эволюции, а движение всегда есть путь к новой цели. Совокупность идей удерживается волей человека вокруг оси восприятия им идеала. Именно субъективный, нацеленный в будущее идеал есть главный фактор мировоззренческих установок. Бесконечный выбор приоритетов осуществляется в бурном потоке повседнев-

ных событий и заставляет быть человека активным в мире неопределённости. Основа этого бесконечного выбора есть переживание возникающей неудовлетворённости настоящим и несогласие со сложившимися ценностными установками.

Человек изначально рождается в определённой форме культуры и не может забыть это первородное состояние, всегда стремится к нему. Однако любая форма культуры есть только часть исторического многообразия культур и потому может трактоваться только на основе историко-философского подхода к способу и форме человеческого бытия, образу жизни человека, границам его смыслового существования [1]. Человек всегда восходит в культурном смысле от простых форм к более сложным, овладевая миром. Следует особо подчеркнуть важность для развития человечества многозначности культур, так как достижение отдельного народа не позволяет относиться к нему равнодушно. Культурный акт и образовательный акт – модель ассимиляции человеком внешнего мира и, по существу, эти акты тождественны по своей природе. Следовательно, любая цивилизация есть один из способов выражения сущности человечества, его архетипических особенностей, и потому ценностное наполнение цивилизации прямо связано с социокультурным пространством института гражданства.

Универсальность социокультурного пространства воспринимается нами как единство многообразия, в котором отдельные элементы не противопоставляются, а предстают во всём многообразии материальных и духовных ценностей, выраженных в форме идеального бытия. И здесь внутреннее бытие человека не только рационально, но и чувственно нуждается в постоянной гармонизации с социокультурным пространством и соединении с ним в единую целостность.

В этой целостности *интенциональность* – ведущее понятие, отражающее свойство человеческого сознания, поскольку сознание всегда имеет идеальную направленность. Идеи как смысловые структуры удивительно нового рода скрывают в себе «интенциональные бесконечности, представляющие собой нечто совершенно иное, чем реальные вещи в пространстве, которые, вступая в поле человеческого опыта, тем самым не становятся значимыми для человека как личности» [2: с. 105]. Вот почему любой опыт в широком смысле, в том числе опыт путешествия, должен иметь направленность с точки зрения высоких идеалов. Потребительское отношение к путешествию, распространённое сегодня в отдельных сегментах сферы туризма, принижает внутренний мир человека, упрощает жизненные установки, натурализирует их, превращает в простое удовлетворение физиологических потребностей. Вот почему в рамках путеше-

ствия, особенно представителей молодого поколения, следует культивировать стремление к полноте бесконечности, формировать новый способ духовной жизни, «который несет в себе, благодаря любви к идеям, изготовлению идей, идеальному нормированию жизни, бесконечность в горизонте будущего: бесконечность поколений, обновляющихся под воздействием идей» [2: с. 105]. Следует рассматривать туристическое путешествие как культурный акт, и тогда узко потребительский подход к поездке будет наполняться гражданским смыслом.

Социальный и религиозный аспекты сферы туризма

Можно посмотреть на путешествие с исторических позиций, когда тяга людей к путешествиям была средством выживания, наработанным веками и дававшим своеобразный импульс к странствиям. С доисторических времён населявшие Землю племена перемещались с места на место или мигрировали – это самый древний вид перемещения человека. Делали это они на том уровне развития исключительно из биологической необходимости, с целью добычи пропитания или под влиянием некоторых факторов, как-то природно-климатических, например извержение вулкана, разлив реки, или социальных (эпидемия, перенаселение). Со временем человечество распространилось по всем континентам, а путешествия стали осознанными и приобрели характер хозяйственной деятельности. К 1 тыс. до н.э. человечество приобрело большой опыт путешествий по огромным пространствам, что способствовало обмену знаниями и опытом в различных сферах деятельности от социальной до экономической, до социокультурной. Человечество с давних времён и на протяжении всей своей истории стремилось к миропознанию и первопроходничеству.

Научные знания о туризме начали формироваться к середине XIX в., тогда туризм стал рассматриваться как необходимая и неотъемлемая часть социокультурной жизни человека. Понятие «туризм» соотносится по смыслу с понятием «путешествие», известно, что в его основе лежит французское слово «tour», что в переводе означает поездка или прогулка, но туризм более ассоциируется именно с путешествием как со свободным досуговым времяпрепровождением. С одной стороны, он может рассматриваться как средство социально-культурных человеческих коммуникаций, с другой – как антропологическое понятие, которое являет собой отражение глубинных человеческих желаний и потребностей.

Немалую роль в вопросе туризма играет и экономический аспект. На сегодняшний день туризм – это больше потребительская практика, а спрос, как известно, рождает предложение. Туризм как таковой представляет собой целую экономическую отрасль, сочетающую в себе разнообразие смежные

сферы бизнеса. Туристическая индустрия действительно стала глобальной силой экономического роста и развития. Как отмечает ЮНВТО, число международных туристских прибытий в 2018 г. достигло 1,4 млрд, при этом поступления от туризма выросли до 1,7 трлн долл. На 2030 г. прогнозировалось значительное увеличение туристских поездок, минимум до 1.8 млрд международных поездок. Но пандемия коронавируса внесла свои коррективы в развитие туризма. 2020 г. – год кризиса мирового туристского бизнеса и преодоления глобального экономического вызова.

Существует множество видов туризма, которые определяются непосредственно целью поездки. Это может быть рекреационный туризм, лечебно-оздоровительный, образовательный, спортивный и прочие его виды. Особым видом путешествий является религиозный туризм и паломничество. С древнейших времён посещение святых мест с целью поклонения или совершения обрядов играло важнейшую роль в жизни человека. Сегодня ведутся активные споры на тему целесообразности приобщения таких понятий, как религиозный туризм и религиозное паломничество, к общему знаменателю туристического бизнеса. Здесь становится важным дифференцирование таких базисных понятий, как светское и религиозное представление. Религиозный туризм является следствием секуляризации общества и представляет собой некое светское путешествие, предполагающее знакомство с объектами, обладающими историко-культурной ценностью, с религиозными святынями и знаковыми для той или иной религии местами религиозного почитания, при этом непосредственное участие в сакральных ритуалах не принимается. Он носит культурно-познавательный характер, объединяя людей, не чуждых вере, которые хотят расширить свой кругозор и получить эстетическое удовлетворение. Кроме того, религиозный турист ориентирован на комфортные условия проживания и следования по маршрутам, в то время как паломник заранее готов претерпевать всяческие неудобства, большую часть времени он проводит в молитве, и культурно-просветительские экскурсии его не столь интересуют.

Паломничество сильно отличается от религиозного туризма, так как помимо внешнего знакомства с объектом и получения знаний о нём оно предполагает наличие факта так называемой внутренней вовлеченности человека, здесь имеет значение духовная сторона. Смысл паломничества, в том числе гражданского паломничества, заключается не в суетном стремлении увидеть мирское культурное многообразие, а в благочестивом и осознанном желании прикоснуться к святыням своей Родины, приобщиться к святости – это своеобразный путь к Богу и путь к укреплению нашего государства. Ту-

рист может и не соотносить себя с объектом посещения, паломник же приобщён только к той религии, которую исповедует сам. Важно отметить, что гражданский и религиозный туризм ориентирован на разновозрастную категорию потребителей, нежели паломничество, где по большей части преобладают богомольцы зрелого и почтенного возраста. Но главное отличие состоит не в целях, ибо простой турист тоже может поклоняться святыням, и не в способе поклонения, так как турист может оказаться глубоко верующим человеком, нежели формальный паломник, а в сверхцелях, как-то очищение души, приближение к Богу.

Человеком, отправляющимся в путешествие, будь то туристическая или паломническая поездка, движет скрытая жажда удовлетворения своих глубинных потребностей, в этом состоит проявление человеческой сущности с антропологической точки зрения. Но, кроме этого, в туризме сокрыта психологическая и экзистенциальная подоплёка. На первом месте здесь стоит потребность человека в самоопределении, т.е. путешествие не есть самоцель, истинной же целью выступает поиск своего Я. На этом этапе человек обращён внутрь себя, а внешние события служат неким фоном для внутренних переживаний. Только после обретения своего Я человека начинает интересовать происходящее вокруг. Невольно он ассоциирует себя с другими, в надежде найти сходство и ещё более утвердиться в своём Я. Это есть своего рода сегментирование себя, наполнение, за счёт которого человек познаёт свои границы. Здесь происходит осознание необходимости обретения «иного» как нового перспективного средства познания себя, позволяющего открыть новые горизонты в развитии. Но по мере открытия новых горизонтов оказывается, что существуют и другие люди, которые имеют принципиальные отличия и мыслят инаково. Таким образом, происходит структурирование пространства на доступное «своё» и недоступное «чужое». При этом подлинное осознание себя возможно только через встречу с чужим и внешним, которая расширяет границы человеческого Я. Опыт «другого» побуждает нас к преодолению своих границ, указывая не только за свои границы, но и отсылая нас к трансцендентному. Встреча с «другим» часто оказывается весьма травматична для человека, ведь жутко оказаться в чуждых непривычных условиях, которые ко всему прочему могут стать угрозой для самоидентичности. Таким образом, «практики туризма могут рассматриваться как механизм самоидентификации человека путешествующего, образование его как личности. Так, Дин Маккенел считает, что процесс осмотра туристских достопримечательностей помогает человеку сконструировать целостную картину мира из доступных ему обрывочных

впечатлений. Главная цель туриста – укрепление собственной идентичности, утверждение Эго: "Эго – краеугольный камень любой идентичности". Если субъект лишен Эго, он распадается на миллионы несвязных мыслей и впечатлений. Эго – это центр управления и контроля, объединяющий личность в единое целое. Эго отбирает чувственные впечатления и лепит из них реальность» [6: с. 15].

Но туризм не должен реализовываться как набег или посягательство на чужое социально-культурное пространство, а скорее как некое созидательное приобщение. Он должен способствовать развитию межкультурных коммуникаций в условиях глобализации, сохранению культурной идентичности. Идентичность не только культурная, не только гражданская, но и наднациональная, общечеловеческая.

Одно из необходимых условий, которое даёт стимул для путешествий, – это принципиальная неудовлетворённость собой и своим нынешним положением. Прежде чем испытать потребность в переменах, нужно ощутить состояние неполноты, которую можно восполнить только в каком-то особом месте. Именно такое несоответствие между «этой» и «той» реальностью побуждает нас отправиться на поиски себя, заставляет двигаться и совершать поступки, позволяет случиться встречам и событиям. Между тем существует качественное соотношение между нормами человеческого бытия, так что изменения в одних сферах неизбежно отражаются на других.

Современный путешественник стремится к новым эмоциям, впечатлениям и переживаниям, но при этом не выходя за рамки своего комфорта, оставаясь в безопасности. «Особое значение имеет готовность человека к приключениям и риску. В зависимости от нее С. Плог выделил два полярных психографических типа туристов: аллоцентрики – первооткрыватели и психоцентрики, склонные к домоседству, и промежуточную, самую многочисленную группу среднецентриков, сочетающих черты первых двух типов. Они различаются среди прочего географией путешествий» [7: с. 56].

Эти стремления носят своеобразный характер, ибо должны быть как можно ярче и экзотичнее, но при этом быть поверхностными, чтобы в любой момент можно было освободиться и сбросить их, как змеиную кожу. Путешествие невозможно без риска, ведь для подлинной самоидентификации нужно выйти за пределы своей зоны комфорта и отправиться по судьбоносному жизненному пути, где человек играет роль героя, находящегося в центре сакрального пространства. Именно в процессе путешествия мы получаем истинную возможность трансцендирования, именно здесь происходит трансформация человеческого Я, где путешествен-

ник приобретает духовные опыт, статус и харизму. «Кто хочет подлинного трансцендирования, тот ищет катастрофы, идет на войну наемником, становится террористом или сектантом (в ожидании апокалипсиса). Турист хочет маленькой, удобной, управляемой катастрофы, карманного, красиво упакованного Конца Света» [7].

Примером подлинного путешествия является паломничество, но для его осуществления необходимо выполнение некоторых условий. Прежде всего, это напоминание об утраченном для нас навсегда Эдеме, где царит божественная благодать. Без ощущения утраты не было бы стремления к возвращению к истокам. Паломник стремится оказаться в святом месте, где ещё может случиться чудо, для туриста же такие сакральные ценности практически полностью утрачены. Таким образом, истинной целью паломника является своего рода «возвращение в Эдем», прикосновение к божественному, чудесному, благодатному, которое может случиться по-настоящему лишь единожды. Если все условия выполнены, то в процессе обретения сакральных тайн, пройдя личный «Страшный Суд», человек обретает спасение и духовно преображается.

В туристских поездках существует некое интересное соотношение между сакральным и светским, где проведённое в путешествии время выступает неким священным ритуалом, торжеством, а повседневная жизнь рассматривается как нечто профанное и рутинное. Современная жизнь скучна и однообразна, человек вынужден искать способы её трансформации, дабы не впасть в ощущение бессмысленности. В настоящее время за счет постоянного нервного и эмоционального перенапряжения, стрессов, которые побуждают человека на поиски разрядки и компенсации, проявляется такое понятие, как эскапизм. Это черта современного общества, для которого характерно «бегство от реальности». Туриста не интересует повседневность, душа просит праздника, хлеба и зрелищ, при этом важно получить как можно больше впечатлений за уплаченную сумму. Ещё совсем недавно определяющим фактором при выборе направления путешествия был познавательный интерес. В настоящий момент на первый план выходят необычные впечатления как часть туристского продукта, создаваемые целым комплексом инноваций.

Современный туризм – это своего рода вечное повторяющееся человеческое странничество, скитание подсознательно в поисках Бога. Это путешествие как нечто фиктивное, когда у человека недостаёт высоких идей, святого. Становится уже невозможным заново обрести, познать или войти в тот потерянный рай, а потому туризм – в этом смысле ложный путь в бесконечной духовной пустыне в поисках аутентичных ценностей. Быть ко-

ренным местным жителем становится не модно, здесь прослеживается ассоциация с маргинальностью и провинцией, социальной деградацией. Центральной фигурой становится человек-странник, ориентированный на потребление. Люди срываются с места, едут на карнавалы, к озеру, на спортивные матчи, только бы сбежать от окружающей их действительности, и иной возможности обрести веру в себя и свои силы, кроме как столкновение с новым и непознанным, у них нет. Скитаясь по «стандартным» местам, которые утратили свою аутентичность за счёт стандартизации, человека всё больше охватывает состояние фрустрации, что усиливает жажду впечатлений. Сегодняшний туризм – это показатель, прежде всего, социального статуса, он приобрёл роль жизненного стиля или обязательной социальной нормы, за невыполнение которой человек рискует быть отвергнутым или приниженным в обществе.

Роль сферы туризма в современной России

В последние годы деятельность по возрождению государственного суверенитета России, в том числе посредством создания условий для развития внутреннего туризма, привела к определённым положительным результатам. Это позволяет осмысливать и преодолевать важнейшие проблемы развития, да и проблемы самого существования России. Чрезвычайно важны две из них – демографическая тенденция и положение дел в области воспитания молодых поколений россиянок и россиян.

По данным, формируемым в структурах ООН, население Земли, к примеру, в 1951 г. составило 2 млрд 540 млн чел., а население России – порядка 103 млн чел.

В 2016 г. население Земли составило около 7 млрд 398 млн чел., а население России – около 146 млн чел. За эти 66 лет население Земли выросло почти в 3 раза, а население России выросло менее чем на 50 %.

Зафиксирован факт-тенденция: за эти 66 лет произошло существенное сокращение населения России по отношению к населению Земли. В геополитическом смысле, в свете геополитических реалий России это чрезвычайно негативная для сбережения России тенденция.

Учитывая, что демографическая тенденция является интегративной, многофакторной, для её преодоления необходима соответствующая интегративная деятельность государства, общества, личности. Целесообразна интегрирующая производственная, экономическая, социальная, культурная, политическая, идеологическая деятельность, мобилизующая и мотивирующая россиянок и россиян к свободным и сознательным решениям в области соответствующей демографической политики семьи.

Возникает мысль: не следует ли в органах государственного управления и планирования России

создать специальную структуру для систематического исследования, оценивания и планирования программ для осуществления в России интегрирующей деятельности, направленной на более существенный естественный рост населения России? Например, есть определённый дисбаланс в плотности населения в различных регионах страны, что определяет дефицит трудовых ресурсов. Очень часто молодые люди, зная свою страну только по географической карте, не представляют красоту и природное разнообразие своей Родины. И в этом отношении развитие при поддержке государства сферы туризма как социально-педагогической технологии может стать новым импульсом к освоению дальневосточных регионов страны, укреплению связей Севера и Юга, Востока и Запада.

Другая проблема, прямо связанная с проблемой демографической, есть проблема формирования сознания молодых поколений. Если постоянно не держать её в поле зрения личности, общества и государства, то возникает реальная возможность аннигиляции России как геополитической, культурно-исторической реальности, как особого рода цивилизации.

Упования на воспитательную роль рынка или на стихии нашей повседневности, как показывает опыт последних тридцати лет, тщетны. Процессы цифровизации всех аспектов жизни изменяют нашу культуру, т.е. наш способ жизни. Способ отношения россиянок и россиян к природе, обществу, государству, к истории России и мира, способ отношения к самим себе – всё это вписано в непрерывно изменяющийся процесс производства и воспроизводства нашей российской жизни.

Ускорение процессов радикальных изменений современности актуализирует задачу сохранения нашей российской культуры, сохранения, воспроизводства и трансляции опыта нашей жизни.

Колоссальным потенциалом формирования самосознания нашего общества является осознание ценности природы России, её значимости для жизни каждого из нас в нашем настоящем и возможном будущем. Преимущественная концентрация населения нашей страны в нескольких мегаполисах стирает «природу» России как феномен нашего сознания из опыта нашей жизни.

Необходим радикальный многомерный поворот к природным пространствам России. Сибирь и Дальний Восток страны, Север России обогащают опыт нашей жизни, прибавляют к европейской части страны удивительные возможности, открывающиеся во всех сферах нашей активности.

В свете этих возможностей выглядит весьма странной сформировавшаяся практика российского туризма. Ориентация турпотоков на очень бедные своим географическим содержанием южные точки зарубежья парадоксальна. Её, конечно, можно объ-

яснить экономическими, финансовыми, отчасти климатическими соображениями. Но важно осознать особенность этой сферы нашей жизни.

Становление отдельной личности имеет культурный и в определенном смысле сакральный контекст, связанный с активностью субъекта, устремленного к высоким идеям. Деятельность по гармонизации индивидуальной и социальной сторон личности предполагает устойчивое целеполагание, ориентированное на идеал. Гармоничная, сфокусированная на систему ценностей среда – неперемное условие существования любого общества, цивилизации. Такая среда есть своего рода гуманитарная экосистема существования Homo Sapiens. Различные формы коллективной организации суть архетипически оформленные системы ценностей, которые хранятся в кладовых исторической памяти народа и переживаются им как вера в своё Отечество.

Конструктивная направленность переживаний в самосознании молодых людей единства с природой России возможна в контексте соответствующей экономической политики государства, открывающей необходимые возможности в практике владения природными богатствами России, их использования в жизни молодежи, в реальной жизни каждого гражданина России.

Таким образом, становление молодого поколения в условиях развивающейся сферы туризма диктует особое внимание к содержательной стороне путешествий и наполнению этих путешествий гражданским возвышенным смыслом. Переживания юношей и девушек единства исторического и географического богатства нашей страны – неисчерпаемый ресурс воспитания российской молодежи, источник сохранения целостности страны и основание эффективных социально-педагогических технологий.

Список источников

1. Бердяев Н.А. Смысл истории. Москва : Мысль, 1990. 176 с.
2. Гуссерль Э. Кризис европейского человечества и философия // Вопросы философии. 1986. № 3. С. 101–116.
3. Ручин В.А. Образование, воспитание и социализация: сходство и различие понятий // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. 2010. Т. 10, Вып. 4. С. 35–41. (Сер. Философия. Психология. Педагогика).
4. Устьянцев В.Б. Концепт риска в проблемном поле социальных наук // Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. 2016. Т. 16, Вып. 2. С. 165–170. (Сер. Философия. Психология. Педагогика).
5. Хайдеггер М. Европейский нигилизм // Время и бытие. Статьи и выступления : пер. с нем. Москва : Республика, 1993. 447 с.
6. MacCannell Dean. The Tourist: A New Theory of the Leisure Class. Berkley : University of California Press, 1976. 280 p.
7. Plog S.C. Why Destination Areas Rise and Fall in Popularity // The Cornell Hotel and Restaurant Administration Quarterly. 1974. Vol. 14, № 4. P. 55–58.

References

1. Berdyaev N.A. *Smysl istorii* [The meaning of history]. Moscow : Thought, 1990. 176 p. (In Russ.).
2. Husserl E. *Krizis evropejskogo chelovechestva i filosofiya* [The Crisis of European Humanity and Philosophy] // Questions of Philosophy. 1986. No. 3. P. 101–116. (In Russ.).
3. Ruchin V.A. *Obrazovanie, vospitanie i socializaciya: skhodstvo i razlichie ponyatij* [Education, upbringing and socialization: similarity and difference between concepts] // Izv. Sarat. university New Ser. 2010. Vol. 10, Is. 4. P. 35–41. (Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy). (In Russ.).
4. Ustyantsev V.B. *Koncept riska v problemnom pole social'nyh nauk* [The concept of risk in the problematic field of social sciences] // Izv. Sarat. university New Ser. 2016. Vol. 16, no. 2. P. 165–170. (Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy). (In Russ.).
5. Heidegger M. *Evropejskij nigilizm* [European nihilism] // Time and being. Articles and speeches : Per. with him. Moscow : Respublika, 1993. 447 p. (In Russ.).
6. MacCannell Dean. The Tourist: A New Theory of the Leisure Class. Berkley : University of California Press, 1976. 280 p.
7. Plog S.C. Why Destination Areas Rise and Fall in Popularity // The Cornell Hotel and Restaurant Administration Quarterly. 1974. Vol. 14, no. 4. P. 55–58.

Информация об авторах

С.Ф. Мартынович – доктор философских наук, профессор кафедры «Философия»;
М.О. Орлов – доктор философских наук, декан Философского факультета;
В.А. Ручин – кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия культуры и культурологии».

Information about the authors

S.F. Martynovich – Doctor of Science (Philosophy), Professor of the Department of Philosophy;
M.O. Orlov – Doctor of Science (Philosophy), Dean of the Faculty of philosophy;
V.A. Ruchin – Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor of the Department of Philosophy of Culture and Culturology.

Статья поступила в редакцию 11.01.2022; одобрена после рецензирования 01.02.2022; принята к публикации 20.02.2022.
The article was submitted 11.01.2022; approved after reviewing 01.02.2022; accepted for publication 20.02.2022.

Научная статья

УДК 378.016:811:004.9

doi: 10.31079/1992-2868-2022-19-2-180-184

РОЛЬ ТЕХНОЛОГИЙ ЭЛЕКТРОННОГО ОБУЧЕНИЯ В КИТАЙСКОЙ И РОССИЙСКОЙ СИСТЕМАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ БАКАЛАВРОВ НЕЯЗЫКОВЫХ ВУЗОВ)

Ирина Вячеславовна Харина¹, Евгения Федоровна Гладкая¹, Наталья Владимировна Резанова¹,
Чэнь Ци²

¹Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия

²Шаньдунский транспортный университет, г. Цзинань, КНР, 75746110@qq.com

Автор, ответственный за переписку: Ирина Вячеславовна Харина, Kharina.ira@mail.ru

Аннотация. Пострадавшая от эпидемии преподавательская деятельность многих университетов в мире постепенно перешла от традиционного обучения к дистанционному онлайн-обучению. Это выдвигает более высокие требования к способностям самостоятельного обучения студентов и их саморегуляции. В статье основное внимание уделяется особенностям электронного обучения иностранному языку в китайских и российских университетах. С помощью анализа реальных кейсов учащихся проводится сопоставление инициатив китайских и русских учащихся при онлайн-обучении по пяти критериям, а также поиск путей для оптимизации обучения в условиях электронной образовательной среды.

Ключевые слова: электронное обучение, дистанционное обучение, мотивация, цели и методы обучения, самоконтроль

Original article

THE ROLE OF E-LEARNING TECHNOLOGIES IN THE CHINESE AND RUSSIAN SYSTEMS OF VOCATIONAL EDUCATION (ON THE EXAMPLE OF TEACHING FOREIGN LANGUAGES TO BACHELORS OF NON-LINGUISTIC UNIVERSITIES)

Irina V. Harina¹, Evgenia F. Gladkaya¹, Natalya V. Rezanova¹, Chen Qi²

¹Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia

²Shandong Transport University, Jinan, China, 475746110@qq.com

Corresponding author: Irina V. Harina, Kharina.ira@mail.ru

Abstract. Affected by the epidemic, the teaching activities of many universities around the world have gradually moved from traditional teaching to online distance learning. This puts forward higher requirements for the ability of students to learn independently and self-regulate. The article focuses on the features of e-learning in Chinese and Russian universities when teaching a foreign language. Using the analysis of real cases of students, the initiatives of Chinese and Russian students in online learning are compared according to five criteria, as well as finding ways to optimize learning in an electronic educational environment.

Keywords: e-learning, distance learning, motivation, learning goals and methods, self-regulation

Электронное обучение предоставляет новые уникальные возможности для профессионального образования, в том числе и языкового. Онлайн-занятия, которые являются одной из форм электронного обучения, стали широко применяться в связи с массовым переходом образовательных организаций на дистанционные формы работы. Международные, государственные, общественные и личностные потребности в исследовании, сравнении и выяснении потенциала технологий электронного обучения также быстро возрастают. В связи с этим актуализировалась проблема, как повысить результативность применения технологий электронного обучения в дистанционном формате.

Изучение иностранного языка выступает ключевым элементом в процессе модернизации и интернационализации систем образования стран, в том числе Китая и России. Технологии электронного обучения являются факторами обеспечения качества языкового образования как обязательного компонента профессионального образования.

Электронное обучение в данной статье мы понимаем как обучение при помощи информационных и электронных технологий (англ. E-learning, сокращение от англ. Electronic Learning). К электронному обучению относятся:

– удаленное ведение занятий преподавателем посредством программ для организации видеоконференций в сети Интернет;

- самостоятельная работа с электронными материалами с использованием персонального компьютера, мобильного телефона, а также с другими электронными материалами;

- получение консультаций, советов, оценок у удалённого (территориально) эксперта (преподавателя), возможность дистанционного взаимодействия;

- создание распределённого сообщества пользователей (социальных сетей), ведущих общую виртуальную учебную деятельность;

- обучение посредством искусственного интеллекта: различные образовательные приложения и чат-боты [4: с. 37].

Дистанционное обучение имеет свою специфику, связанную с ограничивающими его объективными факторами, такими как географическая отдаленность учителя и учащихся, а также неполноценность коммуникации из-за несовершенства оборудования. В результате этого контроль за учебной группой со стороны преподавателя снижается, а разрыв в обучении между активными и неактивными студентами постепенно увеличивается.

В статье предпринята попытка анализа особенностей электронного обучения в российских и китайских университетах. На основе интервью студентов проводится исследование их самопозиционирования и мотивации при дистанционном освоении дисциплин. Результаты исследования помогут сформулировать конкретные и осуществимые предложения о том, как улучшить процесс онлайн-изучения иностранных языков студентами университета.

Электронное обучение в Китае имеет многолетнюю историю, начиная с 1960-х гг., когда в Пекине и в других основных городах были образованы первые региональные телевизионные университеты (RTVU). Онлайн-образование – одна из самых быстрорастущих отраслей в Китае. В 2015 г. количество китайских пользователей онлайн-образования составило 110 млн человек при рыночной стоимости 114 млрд юаней. К 2018 г. количество онлайн-учащихся выросло на 63 % – до 179 млн человек, а рыночная стоимость удвоилась – до 300 млрд юаней. Эта тенденция, как ожидается, продолжится в будущем. По оценке UBS, рынок увеличится до 714 млрд юаней к 2025 г. [5: с. 17].

В России же началом эпохи электронного обучения можно считать 1993 г., когда был открыт филиал ЕШКО [1: с. 31]. Эта программа позволяла удаленно изучать английский язык с помощью аудиокассет. В данной системе предлагались различные уровни изучения языка. По итогам прохождения курса выдавался сертификат. Многих привлекала эта система, так как она была новой, необычной и более интересной, чем изучение языка на курсах. Электронное обучение в России в большей мере получило свое распространение в резуль-

тате COVID-ограничений и перехода на дистанционный формат работы во всех университетах страны. Доля онлайн-образования в России по сравнению с офлайном традиционно была довольно маленькой – до 10 %. Объем суммарной выручки крупнейших EdTech-компаний России в IV квартале составил 25,9 млрд, что на 69,5 % больше, чем за аналогичный период прошлого года.

Такой большой временной разрыв в истории развития электронного обучения не мог не сказаться и на его роли в системе высшего образования. В российских университетах онлайн-обучение часто копирует учебный процесс в аудитории с той лишь разницей, что преподаватель смотрит на студентов через окно монитора. Далеко не все преподаватели могут использовать специальные онлайн-ресурсы и ограничиваются традиционными видами заданий в онлайн-классе и в самостоятельной работе студентов. Абсолютное большинство студентов не выходят за рамки заданий, выданных преподавателями, и не ищут дополнительных источников информации. Электронные ресурсы при дистанционном формате – это чаще всего электронные учебники, аудио-, видеоматериалы, которые демонстрирует преподаватель, и онлайн-словари.

Дистанционное обучение в китайских университетах часто предполагает, что в дополнение к активному взаимодействию с учителями в онлайн-классе, а затем выполнению домашнего задания, предписанного учебной программой, учащиеся продолжают самообразование на различных онлайн-платформах, где сами для себя формулируют учебный план и контролируют его выполнение. Такая особенность китайского образования влечет за собой ряд проблем.

Формат электронного обучения в Китае позволяет преподавателям публиковать богатые учебные ресурсы, включая видео на иностранном языке и материалы для прослушивания на таких платформах, как «Моок» (Массивный открытый онлайн-курс), так что объем информации, которую студенты получают в процессе дистанционного изучения иностранного языка, в Китае намного выше, чем при обучении в офлайн-режиме. Но из-за разной степени адаптации студентов к этому методу обучения качество большого объема информации в Интернете трудно гарантировать. Кроме того, огромный объем информации в Интернете приводит к тому, что у студентов растёт «информационная тревога» – им кажется невозможным освоить тот объем информации, который предлагают онлайн-ресурсы. Это также с большой вероятностью может вызвать информационную зависимость. В связи с этим дистанционное онлайн-образование выдвигает более высокие требования к самоконтролю студентов, навыкам обучения и т.д.

С другой стороны, российский вариант дистанционного обучения демонстрирует пример минимальной самостоятельности при выборе студентами ресурсов для обучения. Так, исследование И.А. Алешковского с командой соавторов, проведенное по опросам 32 081 студента из вузов, представляющих все федеральные округа РФ, показало следующее. Самые распространённые формы лекционного онлайн-формата – это рассылка текста лекции и презентации к ней на электронную почту студентов, а также рассылка плана лекции и списка литературы для самостоятельного поиска информации и освоения материала. Семинарская работа на дистанционном обучении обычно организована в форме ответов на вопросы преподавателя и отправки их по электронной почте в определённые сроки. Российские преподаватели не используют электронные ресурсы в онлайн-формате до такой степени, что пишут во время онлайн-занятия на обычной физической доске перед камерой [1: с. 87].

Анализ ответов показывает, что активные формы взаимодействия преподавателя и студентов в организации дистанционной работы значительно менее популярны, чем пассивные методы контроля знаний и использования уже готовых наработок с механическим набором оценивания результата. Таким образом, становится очевидным, что роль преподавателя как контролёра процесса дистанционного образования в российском вузе очень высока, что значительно снижает уровень ответственности студентов за результаты своего обучения.

Самодисциплина в онлайн-обучении студентов включает в себя самоуправление, саморегуляцию и самоответственность. Французский ученый Х. Холлек определяет способность к самообучению как «пять уровней способности: определения целей обучения, определения содержания обучения, выбора методов и приемов обучения, мониторинга процесса обучения и оценки результатов обучения» [3: с. 25].

С точки зрения студента, основной уровень оценки эффективности изучения иностранного языка заключается в том, могут ли они выбрать подходящее для них содержание образования, установить четкие и достижимые цели, сформулировать план обучения на определенном этапе, изучать иностранный язык подходящим для них способом и регулярно проверять свои результаты обучения.

Для того чтобы проанализировать различные инициативы, проявляемые студентами в процессе дистанционного изучения иностранного языка, понять их специфические методы, а также проанализировать преимущества и недостатки онлайн-изучения, в данной статье проводятся тематические исследования на основе интервью 40 студентов. В исследовании участвовали 10 китайских студентов 3-го курса факультета русского языка Шань-

дунского университета путей сообщения, 10 китайских студентов 2-го курса факультета английского языка Шаньдунского молодежного университета политических наук¹. С российской стороны принимали участие 20 студентов 2-го курса Дальневосточного государственного университета путей сообщения, изучающих английский язык². В интервью студенты отвечали на вопросы, посвященные развитию навыков онлайн-изучения иностранного языка, разработке индивидуальных учебных планов и методов, мотивации к обучению, самомотивации и самоконтролю, а также мониторингу эффекта после обучения. Время одного интервью составляло около 20 минут.

В ходе интервью с китайскими студентами было установлено, что большинство из них проявили большую инициативу в выборе контента для изучения иностранного языка. Многие студенты выбрали подходящие веб-сайты и приложения для практики в соответствии с их недостатками в разговорной речи, аудировании или словарном запасе. Однако при определении целей обучения большинство студентов демонстрируют сильную утилитарную позицию. Большинство из них учатся «ради экзаменов», а не ради реального знания языка. Это приводит к разрыву между тем, что они изучают в классе с преподавателем, и тем, что содержится в онлайн-курсе. Вплоть до того, что основное внимание студенты уделяют обучению на онлайн-курсах, а не в университетском классе. Например, студент сказал: «На самом деле, я обычно выключаю видео во время записи и трансляции урока, делаю некоторые другие домашние задания. Если преподаватель проводит опрос, студенты напоминают друг другу присоединиться к занятию».

В интервью с русскими студентами мы выяснили, что только малая часть из них использует дополнительные онлайн-ресурсы для изучения иностранного языка. Однако при формулировании целей обучения большинство студентов достаточно конкретны: «Я изучаю иностранный язык для того, чтобы использовать его в своей будущей работе», «Сегодня работа в сфере IT-технологий невозможна без знания иностранного языка, поэтому я учу английский». При этом высокую мотивацию к обучению имеют лишь половина российских студентов. Они говорят о том, что стараются не пропускать занятия, быть активными на уроке, выполняют все задания преподавателя.

¹ Проводила интервью доцент кафедры иностранных языков Шаньдунского университета путей сообщения, кандидат культурологии Чэнь Ци.

² Интервью проводила доцент кафедры «Иностранные языки и межкультурная коммуникация» ДВГУПС, кандидат педагогических наук Харина Ирина Вячеславовна.

Китайские студенты имеют очень сильную внешнюю мотивацию, связанную с экзаменами, что заставляет их использовать методы формального контроля своей успеваемости. Например, студент 1-го курса английского языка отмечает: «Я очень хорошо осознаю себя и понимаю, что не могу себя контролировать, поэтому я участвую во многих группах WeChat. Если мое ежедневное чтение, разговор или другие задания не выполнены, мне нужно отправить 5 юаней в красных конвертах в группе, чтобы я мог заставить себя усердно учиться».

Следующий аспект, который был проанализирован нами, – это методы обучения и составление собственного учебного плана. При выборе методов обучения китайские студенты в значительной степени полагаются на опыт «компьютерного бога» на таких платформах, как shake sound, а не строят собственные планы. Онлайн-платформы для изучения иностранных языков, онлайн-курсы и т.д. превратились из инструментов, помогающих студентам учиться, в основное образовательное поле, где студентам диктуются методы обучения, предоставляется учебный материал и осуществляется внутренний контроль. Во многих случаях эти цифровые ресурсы не контролируются самими студентами, и они редко могут идти в ногу с ритмом онлайн-изучения иностранных языков. Это происходит потому, что китайские учащиеся с раннего возраста привыкают к обучению под руководством учителя, к составлению планов другими и к тому, чтобы другие побуждали их к обучению. В среде дистанционного образования студенты также ищут альтернативу роли «учителя-контролера». Российские студенты в этом смысле похожи на китайских ровесников, мало кто из них всерьез задумывается о методах дистанционного обучения. Большинство студентов следуют образовательному маршруту, предложенному преподавателем. И только небольшая часть студентов может выбирать подходящие для себя методы дополнительного онлайн-обучения. Так, некоторые студенты используют ресурсы для изучения иностранной лексики MemoWorld, Pazzle English и др. Для практики аудирования студенты используют такие ресурсы, как BBC Learning English, Talkenglish.com и т.д.

Последний аспект, проанализированный нами, – это мониторинг результатов своего обучения. В этом смысле китайские студенты очень сильно зависят от формального мониторинга их успехов онлайн-платформой. При прохождении определенных учебных уровней студенты получают некие баллы, похожие на заработанные очки в игре. Это создает иллюзию прогресса в изучении языка, однако на самом деле никак не отражает реального уровня знаний. Российские студенты редко пользуются онлайн-тестами для проверки своих знаний, но

часть из них принимали участие в таких экзаменах, как IELTS и TOEFL, что, несомненно, является объективной оценкой знаний.

Таким образом, существует пять уровней способности к самостоятельному обучению:

- определение целей обучения;
- определение содержания обучения;
- выбор методов и приемов обучения;
- мониторинг процесса обучения;
- оценка результатов обучения.

Все эти уровни взаимосвязаны. Однако в онлайн-обучении иностранным языкам реализация этих уровней далека от реальных.

В результате проведенного анализа интервью российских и китайских студентов мы увидели как общие тенденции, так и принципиальные отличия в особенностях дистанционного обучения в России и Китае. Так, общей тенденцией можно считать сниженную мотивацию к изучению иностранных языков в целом, но при этом высокую внешнюю мотивацию у китайских студентов, обозначенную как «учеба во имя экзаменов». Целеполагание российских студентов больше связано с реальными жизненными потребностями в изучении иностранных языков.

Как китайские, так и российские студенты имеют слабое представление о методах обучения и практически не умеют самостоятельно выстраивать свой учебный план. В этом аспекте русские студенты полностью полагаются на преподавателя и его учебную программу, а китайские студенты на руководство учебной онлайн-платформы.

В аспекте мониторинга своего обучения китайские студенты показывают высокую зависимость от формальных достижений, таких как очки и баллы за прохождение учебных уровней на онлайн-платформе. Российские студенты часто не заинтересованы в независимой оценке своих знаний и лишь по необходимости проходят официальное тестирование по иностранному языку.

Принципиальным отличием в дистанционном обучении в Китае является очень высокий процент студентов, получающих образование на дополнительных онлайн-платформах, не имеющих отношения к университету. Студенты понимают, что им недостаточно традиционного обучения, и они стремятся использовать дополнительные ресурсы. Но на сторонних онлайн-платформах им не хватает руководства со стороны профессиональных преподавателей. Им трудно объективно оценить свой уровень и эффект изучения иностранного языка. Они не могут использовать онлайн-ресурсы в своем собственном опыте обучения, формируя полуавтономное состояние обучения. В Российской системе образования пока еще не велик процент студентов, использующих дополнительные онлайн-ресурсы, но тенденция к активному развитию он-

лайн-образования очевидна. В то же время многие российские преподаватели не в полной мере используют возможности электронного обучения, проводя занятия онлайн.

Основываясь на вышесказанном, мы считаем, что академическим школам (колледжам, университетам) как в России, так и в Китае следует реформировать учебную программу, чтобы она в большей степени соответствовала потребностям учащихся. Необходимо подготовить специалистов, которые были бы готовы работать со студентами в качестве тьюторов, чтобы помогать им проводить

самооценку своих учебных достижений. Эта работа может постепенно нормализовать сочетание онлайн и офлайн-моделей обучения и формировать благоприятную учебную среду для учащихся. Колледжи и университеты могут взять на себя регулирующую роль, которой не хватает в этой части, усилить качество обучения и позволить студентам избавиться от зависимости онлайн-платформ в Китае, а в России использовать эти платформы как инструменты для повышения мотивации к обучению и реализации самообразования.

Список источников

1. Алешковский И.А., Гаспаршвили А.Т., Крухмалева О.В., Нарбут Н.П., Савина Н.Е. Студенты вузов России о дистанционном обучении: оценка и возможности // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 10. С. 86–100. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-10-86-100>.
2. Маслакова Е.С. История развития дистанционного обучения в России // Теория и практика образования в современном мире: материалы VIII Междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, декабрь 2015 г.). Санкт-Петербург : Свое издательство, 2015. С. 29–32. URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/185/9249/> (дата обращения: 28.04.2022).
3. Holec H. Learner training: meeting needs in self-directed learning // Altman H.B. and James C.V. (eds.) Foreign language learning: meeting individual needs. Oxford : Pergamon, 1980. P. 30–45.
4. Li Guofang. Principles for developing learner agency in language learning in a new eduscape with COVID-19 // English Learning. 2020. № 5. P. 33–43.
5. Wang Yiru. Investigation and Research on Chinese Autonomous Learning Ability of Korean Students in China. Dalian : Dalian University of Foreign Languages, 2020.

References

1. Aleshkovsky I.A., Gasparishvili A.T., Krukhamaleva O.V., Narbut N.P., Savina N.E. *Studenty vuzov Rossii o distancionnom obuchenii: ochenka i vozmozhnosti* [Students of Russian universities about distance learning: assessment and opportunities] // Higher education in Russia. 2020. Vol. 29. No 10. P. 86–100. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2020-29-10-86-100>. (In Russ.).
2. Maslakova E.S. *Istoriya razvitiya distancionnogo obucheniya v Rossii* [The history of the development of distance learning in Russia] // Theory and practice of education in the modern world : materials of the VIII Intern. scientific conf. (St. Petersburg, December 2015). St. Petersburg : Own publishing house, 2015. P. 29–32. URL: <https://moluch.ru/conf/ped/archive/185/9249/> (accessed: 04.28.2022). (In Russ.).
3. Holec H. Learner training: meeting needs in self-directed learning // Altman H.B. and James C.V. (eds.) Foreign language learning: meeting individual needs. Oxford : Pergamon, 1980. P. 30–45.
4. Li Guofang. Principles for developing learner agency in language learning in a new eduscape with COVID-19 // English Learning. 2020. No. 5. P. 33–43.
5. Wang Yiru. Investigation and Research on Chinese Autonomous Learning Ability of Korean Students in China. Dalian : Dalian University of Foreign Languages, 2020.

Информация об авторах

И.В. Харина – кандидат педагогических наук;
 Е.Ф. Гладкая – кандидат филологических наук, доцент;
 Н.А. Резанова – кандидат филологических наук;
 Чэнь Ци – кандидат культурологии.

Information about the authors

I.V. Kharina – Candidate of Science (Pedagogical);
 E.F. Gladkaya – Candidate of Science (Philology), Associate Professor;
 N.A. Rezanova – Candidate of Science (Philology);
 Chen Qi – Candidate of Cultural Studies.

Статья поступила в редакцию 11.01.2022; одобрена после рецензирования 01.02.2022; принята к публикации 20.02.2022.
 The article was submitted 11.01.2022; approved after reviewing 01.02.2022; accepted for publication 20.02.2022.

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Научная статья

УДК 94(47)(092)

doi: 10.31079/1992-2868-2022-19-2-185-199

ПАРШИН МИХАИЛ АЛЕКСАНДРОВИЧ – ВЫДАЮЩИЙСЯ ИНЖЕНЕР-ВАГОННИК И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

Ольга Владимировна Авдошкина¹, Константин Михайлович Паршин², Антон Андреевич Потапов³

^{1,3}Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия

²Хабаровск, Россия

¹olga-avdoshkina@yandex.ru

³anton.potapov.kam@bk.ru

Аннотация. Работа посвящена основным этапам жизни и деятельности Паршина Михаила Александровича, инженера вагонной службы, который трудился на Сталинградской, Амурской, Китайско-Чанчуньской и Дальневосточной железных дорогах, а также в советских выборных органах Хабаровского края (исполнительный комитет Железнодорожного районного Совета депутатов трудящихся г. Хабаровска, Краевое управление местной промышленности Совета народных депутатов трудящихся Хабаровского края) и в Хабаровском институте инженеров железнодорожного транспорта. В статье также освещены особенности его деятельности, трудовые подвиги, награды и поощрения за проделанную работу. Значительное внимание уделено исторической обстановке, которая накладывала отпечаток на деятельность Михаила Александровича. Работа ориентирована на широкий круг читателей и призвана показать значимость честного, добросовестного и самоотверженного труда не только в военные, но и в мирные годы.

Ключевые слова: биография, вагонная служба, железнодорожный транспорт, Сталинградская железная дорога, Амурская железная дорога, Дальневосточная железная дорога, Китайско-Чанчуньская железная дорога, Советы народных депутатов

PROBLEMS OF THE FAR EAST

Original article

PARSHIN MIKHAIL ALEXANDROVICH – AN OUTSTANDING WAGON ENGINEER AND A PUBLIC CHARACTER OF THE KHABAROVSK TERRITORY

Olga V. Avdoshkina¹, Konstantin M. Parshin², Anton A. Potapov³

^{1,3}Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia

²Khabarovsk, Russia

¹olga-avdoshkina@yandex.ru

³anton.potapov.kam@bk.ru

Abstract. This article is devoted to the main stages of the life and work of Parshin Mikhail Alexandrovich, a carriage service engineer, who had been working on the Stalingrad, Amur, Chinese-Changchun and Far Eastern Railways, as well as in the Soviets elected bodies of the Khabarovsk Territory (Executive committee of Railway District Council of Workers' Deputies of Khabarovsk, the Regional Administration of Local Industry of the Council of People's Deputies of Workers of the Khabarovsk Territory) and in Khabarovsk Institute of Railway Engineers (KhabIIZhT). The article also highlights the features of his activities, labor exploits, awards and incentives for the work done. The article pays attention to historical background and developments of Mikhail Alexandrovich's work. The work addresses to reading public and shows an importance of honor and self-sacrificing labor not only during the difficult war years, but also in peacetime.

Keywords: biography, carriage service, railway transport, Stalingrad Railway, Amur Railway, Far Eastern Railway, Chinese-Changchun Railway, Soviet of People's Deputies

Взгляд на историю «снизу», сквозь призму биографии конкретных людей в конкретных обстоятельствах позволяет глубже понять, а порой и полностью изменить представления об исторических событиях. Кроме того, такой подход дает возможность осознать свою причастность, к общему ходу истории. Мы все являемся участниками историче-

ского процесса, но далеко не всегда осознаём свою связь с ним: значимые вехи истории воспринимаются оторванными от нашей «реальной» жизни.

Эти причины побуждают, в том числе, и к исследованию родословной своей семьи. Немаловажно здесь и то, что таким образом возможно сохранить семейную историю для потомков и отдать

дань памяти своим предкам. Ведь без них не было бы нашего настоящего и будущего.

Эта статья посвящается биографии Паршина Михаила Александровича, инженера вагонной службы, общественного деятеля Хабаровского края.

Для работы над статьёй использованы документы личного архива Михаила Александровича, материалы архивов Дальневосточной, Забайкальской железных дорог, Государственного архива Хабаровского края, Российского государственного архива экономики, Российской государственной библиотеки, сведения Комитета по управлению железнодорожным районом Хабаровска.

Михаил Александрович родился 8 (22) января 1916 г. в селе Костино-Отделец Борисоглебского уезда Тамбовской губернии Российской империи, в семье крестьян-середняков [1; 2].

Отец, Паршин Александр Егорович, крестьянин по происхождению, промышлял отходничеством и в зимнее время трудился в Воронеже на вагоноремонтном заводе. Мать, Паршина Анна Максимовна, также крестьянка, занималась сельским хозяйством и работой по дому. Кроме Михаила, в семье были и другие дети: сёстры Клавдия (1909 г.р.), Мария (1912 г.р.), Анна (1920 г.р.); братья Иван (1914 г.р.) и Константин (1918 г.р.) [3].

Во время Гражданской войны Александр Егорович вступил в Рабоче-Крестьянскую Красную Армию (РККА), возглавил красногвардейский отряд, состоявший из рабочих его вагоноремонтного завода. Отличился во время боёв за Воронеж, был награждён. Однако в 1920 г. умер от тифа [3].

Маленький Михаил с братьями и сёстрами остался на иждивении матери. Семья столкнулась с острой нуждой: в хозяйстве имелась одна коза, лошадей и иного скота не было; средства механизации на селе отсутствовали. Дети с раннего возраста были заняты тяжёлым трудом на земле.

В 1924 г. Михаил поступил в начальную школу, где учился до 1928 г. Шанс продолжить обучение появился в 1932 г., в открывшейся годом ранее в селе семилетке, которую он окончил спустя пару лет. Всё это время параллельно с занятиями он продолжал трудиться на селе и помогать матери, сёстрам и братьям. После вступления семьи в колхоз в начале 1930-х гг. успел поработать и там [2].

Получив от председателя сельсовета удостоверение для выдачи паспорта, молодой Михаил пробовал попасть во 2-ю военную школу лётчиков Красного Воздушного Флота в г. Борисоглебске. Там он получил отказ: не прошёл отбор по здоровью. По его воспоминаниям, он не был принят из-за слишком большого для самолётной кабины роста – 1,78 м.

В 1934 г. он поступил в Борисоглебскую школу ученичества при вагоноремонтном заводе, где прошёл обучение по специальности слесаря-вагон-

ника шестого разряда [4]. За отличную учёбу юноша был премирован «Грамотой Ударника». После получения специальности в октябре 1935 г. отделом подготовки кадров Юго-Восточной железной дороги его направили на работу в Сталинградский вагонный участок, на ст. Сарепта [2]. Там Михаил Александрович трудился последующие два года. За это время он прошёл путь от осмотрщика вагонов до вагонного мастера, вступил в комсомол и обучился на курсах комсомольских пропагандистов при политотделе дороги (рис. 1). Летом 1937 г. трудовым коллективом был избран председателем комитета профсоюза вагонного депо и дорожных комсомольских мастерских [5].

Рис. 1. Паршин Михаил Александрович. Фото второй половины 1930-х гг. (на петлицах знак младшего начальствующего (командного) состава НКПС – старшего осмотрщика вагонов) [4]

Во время одного из отпусков в доме отдыха Михаил Александрович познакомился с Козьминой Натальей Фёдоровной (18.08.1916 г.р.), родом из казачьей станицы Зубриловки. К этому моменту она окончила училище метеорологов в г. Ростове-на-Дону. В апреле 1937 г. молодые люди вступили в брак.

В это время Сталинград уже стал мощным промышленным центром и крупным транспортным узлом. Это обусловило значительный оборот вагонов, большой объём погрузки, выгрузки и перевалки на Сталинградской железной дороге, образован-

ной 30 июня 1936 г. Среди рабочих, в том числе железнодорожников, развилось стахановское движение, проводились социалистические соревнования. Однако, как и в других отраслях народного хозяйства, имели место и негативные тенденции: «предельчество», «псевдоударничество». На дорогах орудовали банды воров и грабителей [6].

На страницах газеты «Сталинградский железнодорожник» активно освещались происходящие события; порой там появлялись заметки о вредительстве на том или ином участке дороги. Иногда же вскрывались случаи явной клеветы об этом. Так, бригадир Г. Кувакин, работавший в вагонном депо ст. Сарепта, писал о том, как его по навету коллег обвинили во вредительстве и отстранили от работ более чем на полгода. Впоследствии его оправдали [7].

В подобной ситуации оказался и Михаил Александрович, работавший в том же вагонном депо. В октябре 1937 г. в «Сталинградском железнодорожнике» опубликована заметка: «В Сарептском вагоно-ремонтном пункте орудуют враги». В ней было заявлено, что старший по смене Паршин отстранил от работы двух вагонных мастеров, отказавшихся сопровождать в пути вагон с порезом шейки колёсной пары; за это решение он обвинялся во вредительстве [8]. Положение дел осложнялось тем, что весь октябрь 1937 г. на Сталинградской железной дороге происходило систематическое невыполнение плана погрузки вагонов (среди всех железных дорог по стране она занимала последние места (23–34)) [9]. Навет мог легко обернуться следствием и суровым наказанием [6: с. 145–146]. Выходом для Михаила Александровича стал призыв на службу в РККА в октябре 1937 г.

Впоследствии, уже в 1938 г., «Сталинградский железнодорожник» признал свою ошибку и непричастность к описываемым событиям Михаила Паршина [10]. Однако тот был уже в семи тысячах километрах к востоку от Сарепты и Сталинграда, в совершенно иных обстоятельствах.

В связи с началом строительства Байкало-Амурской магистрали и других железных дорог в 1930-х гг. на Дальнем Востоке было расквартировано несколько соединений Особого корпуса железнодорожных войск [11: с. 10]. В их число входил и 1-й эксплуатационный железнодорожный полк. В 1937 г. он находился на ст. Сковородино Амурской железной дороги. Именно в это соединение в качестве специалиста-вагонника и был направлен Михаил Александрович.

Трудиться и нести службу ему предстояло в сложной предвоенной обстановке Дальнего Востока. Амурская железная дорога, образованная в 1936 г., являлась рокадной – проходящей вдоль границы, в ряде мест на расстоянии пары километров. По дру-

гую сторону, в Маньчжурии, с 1932 г. стояли японские войска [12: с. 31–32]. Подобное соседство, провокации и нарушения границы, шпионаж и стратегическая важность Транссиба – единственной магистрали между азиатской и европейской частями СССР, привели к установлению запретной пограничной зоны, в которую была включена железная дорога от г. Иркутска до ст. Хабаровск [13]. Такой порядок обуславливал повышенный контроль НКВД за местным населением и служащими, а также за соблюдением регламента и качества выполняемых работ на транспорте.

До весны 1938 г. Михаил Александрович служил красноармейцем. В это же время, в феврале, в далёком Сталинграде у него родился сын – Вячеслав. С мая месяца Михаил Паршин параллельно службе работал осмотрщиком вагонов на ст. Сковородино. В августе он был повышен в звании до отделённого командира. Уже в феврале 1939 г. он стал кандидатом в члены Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) (ВКП (б)); в конце лета совмещал военную службу с работой старшим инженером-вагонником в г. Свободная [14].

В 1938 г. произошли боевые столкновения между войсками СССР и армией Японской империи в Приморье у озера Хасан, где превосходящие силы японских милитаристов стремились занять господствующие высоты. Как вспоминал Михаил Александрович, для усиления советских войск, бившихся на озере Хасан, был направлен воинский литерный поезд с танками из Сибири. Охраной стратегического эшелона занимались отряды НКВД, они же следили за качественным обслуживанием состава. На ст. Сковородино вскрылась неисправность одного из вагонов, не позволявшая вести поезд дальше.

Нужно отметить, что в 1930-е гг. серьёзной проблемой являлись поломки осей и колёсных пар вагонов. В соответствии с п. 225 Правил технической эксплуатации железных дорог (ПТЭ) редакции 1936 г. запрещалось ставить в поезда вагоны, имеющие неисправные колёсные пары [15]. По оценкам технических специалистов, именно с негодностью последних было связано до 46 % всех ремонтов вагонов с изъятием, т.е. с отцепкой [16]. В выступлении на совещании железнодорожников 23 апреля 1936 г. остроту этой проблемы подчёркивал тогдашний народный комиссар (нарком) путей сообщения Л.М. Каганович [17: с. 57, 90–95]. Необходимость сокращения отцепок вагонов в пути по неисправности и улучшения качества безотцепочного ремонта сохранялась в дальнейшем – такое требование имелося и в приказе наркома путей сообщения № 231/Ц от 20 мая 1938 г. [18].

По воспоминаниям Михаила Александровича, у одного из вагонов того литерного поезда обнаружилась неисправность колёсной пары. Длитель-

ность текущего ремонта с отцепкой по нормам Народного комиссариата путей сообщения (НКПС) должна была занимать от 30 минут [19] до 3 с половиной часов, однако фактическое время могло доходить до 7 часов [17: с. 94]. В описываемой ситуации это подорвало бы своевременность доставки военной техники к месту боевых действий на озере Хасан.

При ремонте неисправного вагона Михаил Александрович применил новый, стахановский, но не опробованный на практике метод безотцепочной замены колёсной пары, сокращающий время ремонта в несколько раз. Использование этого метода позволило обеспечить своевременную доставку груза к месту боёв, когда счёт шёл на часы. Согласно характеристикам с Амурской железной дороги он первым внедрил в производство это нововведение [20].

За отступление от существовавшего порядка ремонта в случае последующей поломки вагона в пути можно было попасть под обвинение в срыве воинских перевозок и, следовательно, под действие статей 58⁷ (вредительство) или 58⁸ (терроризм) Уголовного кодекса РСФСР, по которым высшей мерой наказания являлся расстрел [21]. И всё же Михаил Александрович, осознавая риск, без какой-либо героики взял на себя эту ответственность.

За внедрение нового метода замены колёсных пар при безотцепочном ремонте указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 ноября 1939 г. Паршин Михаил Александрович награждён орденом «Знак Почёта» [22; 23] (рис. 2). Для вручения

награды он был приглашён в Москву, в Кремль, на встречу отличившихся командиров РККА с Председателем Президиума Верховного Совета СССР Михаилом Ивановичем Калининым (рис. 3).

В это же время на Амурской железной дороге была выпущена технологическая карта с заголовком: «Укрупнённый ремонт вагонов без отцепки по методу орденосца тов. Паршина». Она содержала указания по безотцепочной смене колёсной пары: для двухосных товарных вагонов длительность ремонта составляла 15 минут; для четырёхосных товарных вагонов – 30 минут. Также в неё были включены сведения о смене аппаратного бруса двухосного товарного вагона в течение 25 минут [24] (рис. 4).

Рис. 2. Изображение ордена «Знак Почёта»

Рис. 3. Фотография участников встречи с Калининым Михаилом Ивановичем в Кремле: шестой слева во втором ряду – Калинин М.И.; пятый слева в первом ряду – Паршин М.А. [4]

Рис. 4. Общий вид технической страницы № 1.
Укрупнённый ремонт вагонов без отцепки по методу орденоносца тов. Паршина [4]

В ноябре 1939 г. военная служба Михаила Александровича была окончена. Он остался работать на Амурской железной дороге, теперь уже в должности начальника пункта технического осмотра на вагонном участке ст. Магдагачи. В мае 1940 г. его повысили до начальника сектора ремонта вагонов Вагонной службы в г. Свободном [14].

В это же время он неоднократно публиковался в местной газете «Амурский железнодорожник»: критиковал положение дел на дороге, ратовал за внедрение передовых методов на производстве [25; 26]. Участвовал в социалистических соревнованиях по лучшей организации безотцепочного ремонта вагонов [27], регулярно выступал в местной школе стажановского опыта [28].

С целью повышения квалификации Михаил Александрович был направлен руководством дороги на Центральные среднетехнические курсы НКПС в Москве, на которые поступил 1 ноября 1940 г. Обучение продлилось год. Защитив курсовой проект на «отлично», он стал техником первого класса по вагонной специальности [29].

Начало Великой Отечественной войны Михаил Александрович встретил в Москве. Вернуться на Амурскую железную дорогу он смог только в октябре 1941 г. По прибытии командованием дороги назначен начальником вагонного депо ст. Куйбы-

шевка-Восточная (ныне Белогорск). В декабре 1942 г. принят в ВКП (б), а в феврале 1943 г. повышен до заместителя начальника Вагонной службы Амурской железной дороги в Свободном [5]. С октября 1944 по февраль 1945 г. исполнял обязанности начальника Вагонной службы Амурской железной дороги, после вернулся на предыдущую должность [30].

В 1942 г. по вызову из Сталинградской области к нему приехали жена Наталья Фёдоровна и сын Вячеслав. Отец Натальи Фёдоровны, казак по происхождению, остался работать кучером скорой помощи на ст. Филоново Сталинградской железной дороги и погиб во время бомбёжек фашистов в 1942–1943 гг. после отъезда дочери на Дальний Восток.

В это же время оба брата Михаила Александровича, Иван и Константин, воевали на фронтах Великой Отечественной войны. Иван пропал без вести в феврале 1943 г. [31] на Ленинградском фронте. Константин после окончания войны работал нормировщиком машинотракторной станции в с. Костино-Отделец [32].

Если братья Михаила Александровича терпели нужду и тяготы непосредственно на фронте, то он работал на износ в далёком тылу. По железным дорогам Дальнего Востока на запад в годы войны

было доставлено 400 тыс. вагонов с 10 млн т грузов (47,1 % внешних поставок в СССР, плюс отечественная продукция). Также с востока на запад следовало значительное количество воинских эшелонов. Обрато на Дальний Восток направляли по-рожные вагоны, которые также приходилось об-служивать и ремонтировать. Трудовая обстановка осложнялась нехваткой рабочих рук в связи с мо-билизацией железнодорожников – к 1943 г. число рабочих и служащих на Амурской магистрали со-кратилось на 14,5 % [33].

По воспоминаниям М.А. Паршина, он и сотова-рищи беспрестанно ремонтировали бронепоезда, санитарные поезда, товарные вагоны, полувагоны, прерывая работу только на сон (там же, в депо, не уходя домой). Тяжёлый и самоотверженный труд вознаграждался соответствующим образом. В 1942–1945 гг. Михаил Александрович был неод-нократно – с периодичностью от пары недель до полугода – премирован 50–100 % должностного оклада (составлявшего от 1000 до 2000 рублей). Премии назначались за выполнение и перевыпол-нение плана, правительственных заданий по пере-возкам и измерителей [34] – показателей качества работы железнодорожного транспорта, скорости оборота и нагрузки подвижного состава [35].

Кроме денежных поощрений, были и другие награды. В 1943 г. железные дороги были военизи-рованы, введены персональные звания для желез-нодорожников. В связи с этим в августе 1944 г. приказом наркома путей сообщения Л.М. Кагано-вича Михаилу Александровичу было присвоено звание инженера-майора тяги [36]. Также в октябре 1944 г. за образцовую работу и выполнение социа-листических обязательств ко дню железнодорож-ника Михаил Александрович награждён значком «Отличный вагонник» [34: с. 43].

В феврале 1945 г. Амурская железная дорога получила переходящее Красное знамя НКПС. За труд и инициативу, способствовавшую этому, Ми-хаил Александрович был дважды (в феврале и ап-реле того года) премирован 1000 рублей [37: с. 27]. Но это было лишь затишье перед бурей, ведь с мая по август 1945 г. на Дальний Восток и в Забайкалье было направлено до 136 тыс. вагонов с войсками и военными грузами [33]. А это означало только од-но: вагонникам предстояло ещё очень много тяжё-лой, но столь нужной для Родины работы.

Венцом столь напряжённого труда с 1941 по 1945 г. стало награждение Михаила Александрови-ча медалью «За доблестный труд в Великой Отече-ственной войне 1941–1945 гг.» в июле 1946 г. [5].

27 августа 1945 г. у М.А. Паршина родился вто-рой сын, Константин. Но увидеть его не удалось: ещё 26 августа Михаил Александрович приказом заместителя наркома путей сообщения тов. Гарни-ка был назначен в состав оперативной группы Ки-

тайско-Чанчуньской железной дороги (КЧЖД). Этот приказ был передан срочной телеграммой с пометкой «вручить немедленно» [38]. Уже 27 авгу-ста он откомандирован в распоряжение начальника группы Журавлёва Александра Фёдоровича [39]. Последний в 1942–1945 гг. руководил Приморской железной дорогой, а с 1945 по 1950-е гг. был управляющим КЧЖД [12]. Отметим, что, по вос-поминаниям семьи Паршиных, Михаил Алексан-дрович был командирован в Китай ещё до начала войны с Японией.

14 августа 1945 г. между СССР и Китаем было подписано Соглашение о КЧЖД, преобразованной из Китайско-Восточной и Южно-Маньчжурской железных дорог и переходившей в совместное управление китайской и советской сторон. Несмот-ря на то, что 1 сентября 1945 г. было открыто регу-лярное движение по новообразованной дороге, по-ложение дел на ней оставляло желать лучшего. От-ступавшие в ходе советского наступления японские войска действовали по принципу «выжженной зем-ли»: на западной и восточной линиях КЧЖД были разрушены железнодорожные мосты, депо, линии связи и сигнализации; были разобраны и вывезены станционные пути, уничтожены постройки на 57 станциях и разъездах [40].

На восстановлении железной дороги были за-действованы 7 эксплуатационных железнодорож-ных полков; впоследствии с августа по ноябрь 1945 г. они были усилены 886 гражданскими спе-циалистами [40], в число которых вошёл и Михаил Александрович. В момент прибытия «весь вагон-ный парк и оборудование вагонных депо были при-ведены в полную негодность» [41]. Как он впо-следствии вспоминал, кроме собственно зданий и путей, ничего более не было: всё оборудование ли-бо вывезли, либо уничтожили японцы.

В подобных условиях М.А. Паршин и начал свою трудовую деятельность в Маньчжурии, где проработал заместителем начальника вагонной службы КЧЖД в Харбине до мая 1946 г. (рис. 5). За это время он успел выполнить спецзадание, за ко-торое в декабре 1945 г. был награждён медалью «За победу над Японией» [5].

Рис. 5. Изображение пряжки Михаила Александровича с КЧЖД

После вывода частей Советской армии из Маньчжурии в мае 1946 г. там началась Гражданская война между гоминдановскими войсками и Народно-Освободительной Армией Китая (НОАК). В начале 1947 г. Маньчжурия была разделена надвое: север, включая г. Харбин, и Ляодунский полуостров находились под контролем НОАК, а центр и юг – под контролем Гоминьдана [40]. В это сложное и опасное время состоялась вторая командировка Михаила Александровича в северо-восточный Китай. Она продлилась с января по сентябрь 1947 г. В этот раз он работал уже начальником Вагонной службы КЧЖД [32]. По его воспоминаниям, из 38 отправленных с ним специалистов-железнодорожников домой вернулась только половина.

К весне 1947 г. были восстановлены главные железные дороги в зоне контроля НОАК на севере Маньчжурии; их роль была значительна во время стратегического наступления НОАК во второй половине 1947 г. [40].

Последний, третий раз Паршин Михаил Александрович был командирован на КЧЖД с марта 1948 по январь 1949 г. [5]. За этот период советские железнодорожники в северо-восточном Китае провели большую работу – восстановили 120 крупных и средних мостов и 15 тыс. км железнодорожного полотна [40].

Труд Михаила Александровича кратко обозначен в характеристике от управляющего КЧЖД А.Ф. Журавлёва так: «За период работы на дороге, в условиях заграницы, показал себя технически грамотным, дисциплинированным, инициативным

руководителем (Вагонной. – прим. авторов) Службы. <...> Принимал участие в обеспечении воинских перевозок Народно-Освободительной Армии и в восстановительных работах железных дорог Маньчжурии» [42].

В дружественном письме от товарищей с КЧЖД вклад М.А. Паршина был описан следующим образом: «Вы, Михаил Александрович, добились того, что программа всех заданий по вагонному хозяйству не только выполнялась в срок, но и перевыполнялась, благодаря чему в настоящее время на дороге имеется в прекрасном состоянии как вагонный парк, так и всё вагонное хозяйство» [41] (рис. 6).

23 февраля 1955 г. за упорный труд в Маньчжурии М.А. Паршин был награждён медалью «Китайско-советская дружба» с удостоверением к ней за подписью Мао Цзэдуна [43] (рис. 7, 8).

В перерыве между командировками за границу Михаил Александрович направлялся на ответственные участки, которые надо было вывести из трудного положения. В мае 1946 г. он был назначен инспектором Министерства путей сообщения (МПС) по вагонному хозяйству Амурской железной дороги. В конце сентября того же года приказом начальника округа железнодорожных войск утверждён руководителем Михайло-Чесноковского вагоноремонтного завода [34: с. 9, 10], а уже 4 декабря повышен в должности и переведён на работу замначальника Вагонной службы Дальневосточной железной дороги (ДВЖД). На этом месте он трудился между правительственными командировками в Китай и после их окончания [37: с. 2, 45].

Рис. 6. Совместное фото Михаила Александровича и его товарищей с КЧЖД: первый слева в первом ряду – Паршин М.А. [4]

Рис. 7. Изображение медали «Китайско-советская дружба»

Рис. 8. Общий вид удостоверения к медали «Китайско-советская дружба»: а – оригинал; б – перевод [4]

В сентябре 1950 г. приказом МПС ему присвоено звание директора-подполковника тяги. В 1952 и 1953 гг. за долгую работу на железной дороге, инициативу и выполнение капитального, среднего и годового ремонта вагонов он награждён медалями «За трудовое отличие» и «За трудовую доблесть» [37: с. 54, 61]. В 1953 г. он был награждён значком «Ударник сталинского призыва». Положение об этой награде гласило: «Значок <...> выдаётся лучшему ударнику – отличнику железнодорожного транспорта, являющемуся примерным гражданином социалистического отечества...» [44].

В 1950-е гг. на ДВЖД имелся дефицит оборудования и специалистов, материально-техническая база станочного парка находилась на довоенном уровне; дорога являлась дотационной. Менялся технологический уклад: продолжали активно внедряться автосцепка, четырёхосные вагоны и роликовые, шариковые подшипники; уходили в прошлое буфера на грузовых вагонах [45]. Отвечать на эти вызовы приходилось, в том числе, и Михаилу Александровичу.

Для повышения уровня знаний и технической грамотности в 1949 г. он поступил во Всесоюзный заочный техникум железнодорожного транспорта в Москве; закончил его в 1954 г. [46].

Современные знания о технических новинках позволили ему более эффективно работать над вопросами развития и модернизации вагонного хозяйства ДВЖД. В 1949–1954 гг. плановые ремонт и оборот вагонов на вверенном ему участке работ успешно выполнялись на 100 и более процентов [37: с. 54–57, 63, 67].

В 1954–1957 гг. он был направлен руководством дороги на учёбу в Хабаровский институт инженеров железнодорожного транспорта (ХабИИЖТ) с отрывом от производства. В то время на механическом факультете была собрана группа техников со всего Дальнего Востока и Восточной Сибири для повышения квалификации на 3-годичных курсах. Именно в этой группе и обучался Михаил Александрович [47]. Его реальный дипломный проект заключался в смене колёсных пар всего состава при переходе с отечественной колеи (1520 мм) на европейскую (1435 мм). Именно поэтому защита диплома была организована на приграничной ст. Гродеково Приморской железной дороги, как раз в месте проезда железнодорожных составов из СССР в Китай. Дипломный проект был защищён в присутствии трудового коллектива вагонного депо на «отлично». В итоге он получил квалификацию инженера путей сообщения по специальности «Вагоны и вагонное хозяйство».

В августе 1957 г. по окончании учёбы в ХабИИЖТе Михаил Александрович был назначен на должность участкового ревизора безопасности движения Хабаровского отделения дороги, где проработал до лета следующего года. Затем он был повышен до заместителя начальника Хабаровского отделения дороги, где руководил вагонным хозяйством, пассажирскими перевозками и отделом рабочего снабжения [37: с. 77–79].

К сожалению, к 1960-м гг. на работе ДВЖД ещё сказывались существенные недостатки организационного и материального характера. С 1950 по 1960 г. на дороге произошло более 90 случаев схода поездов. Ответственными за аварии признавались машинисты и их помощники, работники служб движения и пути, локомотивного хозяйства.

Основными причинами крушений были нарушения правил производства маневровых работ, ошибки регулирования движения вагонов, неисправность пути и подвижного состава. Руководством дороги были приняты меры по повышению безопасности движения, в результате чего в следующем десятилетии количество аварий сократилось вдвое [45: с. 56].

Один из таких случаев оказал влияние на дальнейшую судьбу М.А. Паршина. По его воспоминаниям, весной 1961 г. произошло крушение поезда с пшеницей на ст. Ин, за что ему был объявлен выговор (однако, согласно личному делу из архива ДВЖД, произошёл сход хоппер-дозаторной вертушки на перегоне Хор–Верино [48]). Из-за спорного решения руководства дороги по этому вопросу в конце июня он был вынужден покинуть свою должность. МПС в то время, по воспоминаниям ветеранов железнодорожного транспорта, являлось «государством в государстве». Поэтому партийные организации не смогли содействовать в разрешении этой ситуации. По личной просьбе Михаила Александровича его перевели на должность начальника вагонного депо ст. Хабаровск-II [37: с. 84–85].

Благодаря значительному опыту работы в вагонном хозяйстве М.А. Паршин вывел рядовое отстающее предприятие в число передовых всего за полгода работы [49], за что депо было присуждено переходящее Красное знамя МПС.

Такого опытного специалиста, как Михаил Александрович, уже давно заметили органы советской власти. С целью укрепления руководящих кадров ему предложили перейти на соответствующую его уровню должность. Решением Железнодорожного районного совета депутатов трудящихся г. Хабаровска от 29 декабря 1961 г. он был утверждён председателем исполнительного комитета Железнодорожного районного совета депутатов трудящихся (райисполкома) [50]. Работа на железной дороге окончилась, началась его руководящая работа в выборных советских органах и органах народного хозяйства.

В начале 1960-х гг. Хабаровск являлся четвёртым по площади городом РСФСР. В городе функционировало более ста фабрик и заводов; в промышленности было задействовано 50 тыс. человек; значительное количество продукции поставлялось на экспорт как в европейские, так и в азиатские страны [51].

В 1962 г. население Железнодорожного района составляло 98 тыс. человек. В районе находились крупные промышленные и транспортные предприятия: завод им. Горького, аэропорт, автопарк, железнодорожные узлы Хабаровск-I и Хабаровск-II и др.

За время работы Михаила Александровича председателем райисполкома было сделано немало. В 1962 г. были открыты Дом пионеров и школы-интернаты (ныне детско-юношеский центр «Восхожде-

ние») и новое здание средней школы № 81 (ныне гимназия № 6) по ул. Ленинградской, стадион «Заря» в пос. им. Горького; в 1963 г. сдано в эксплуатацию здание для швейной фабрики на пр. 60-летия Октября (ныне ЗАО «АЛИ»). Эта фабрика вошла в состав объединения «Восток» – крупнейшего швейного предприятия на востоке страны.

В 1964 г. в районе ул. Промышленной на месте бывшего Хабаровского производственного объединения пассажирского автотранспорта (ХПОПАТ) построены ремонтные мастерские с административным корпусом и отделом эксплуатации. Была произведена реконструкция взлётно-посадочной полосы в аэропорту, что позволило принимать самолёты дальней авиации; задействовано здание аэровокзала (на его месте сейчас новый международный терминал), аэропорта малой авиации местных авиалиний.

М.А. Паршин содействовал и сохранности памятников архитектуры. По его воспоминаниям, в 1960-х гг. в действовавшем Христорождественском соборе по ул. Ленинградской произошёл пожар. Михаил Александрович как председатель райисполкома организовал ход спасательных работ, за что получил партийное взыскание и благодарность патриарха.

В целом за 1962–1965 гг. в Железнодорожном районе были проведены «большие работы по благоустройству и озеленению, по расширению и улучшению деятельности торговых организаций, школ и детских учреждений» [52]. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 7 января 1966 г. М.А. Паршин был награждён почётной грамотой Президиума Верховного Совета за многолетнюю активную работу в советских и хозяйственных организациях [53] (рис. 9).

Итоги работы в райисполкоме наглядно свидетельствовали, что Михаилу Александровичу можно было доверить более ответственное начинание. В январе 1966 г. Исполнительный комитет Хабаровского краевого совета депутатов трудящихся (крайисполком) утвердил его на должность начальника Краевого управления местной промышленности крайисполкома [54].

Это управление было организовано решением крайисполкома № 16 от 15 января 1966 г. В его подчинение был выделен ряд предприятий Хабаровского края: прибороремонтный завод, комбинат по переработке вторичного сырья, фабрика по выпуску нестандартной мебели, райпромкомбинат р-на им. П. Осипенко, завод «Эмальпосуда», конструкторско-технологическое бюро, комсомольский завод «Металлист» и др. (всего 11). География подчинённых предприятий охватывала Хабаровск, Вяземский, Бикин, Комсомольск-на-Амуре, Николаевск-на-Амуре [55].

Рис. 9. Почётная грамота Президиума Верховного Совета РСФСР [4]

Управление занималось вопросами обеспечения выпуска товаров народного потребления с использованием местного сырья. Ряд предприятий относились к заводам двойного назначения и выпускали продукцию как для гражданских, так и для военных нужд. Например, Бикинский горпромкомбинат производил конные упряжи для погранвойск. По предложению Михаила Александровича был введён в эксплуатацию промкомбинат по вторичной переработке пуха-пера на подушки и другие изделия для нужд армии.

На 1 января 1970 г. в подчинении управления находились 7 предприятий краевого, 5 предприятий районного подчинения, проектно-конструкторское бюро и строительно-монтажный участок – всего 14 предприятий [55]. В этом году Михаил Александрович был награждён юбилейной медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина» [56].

Период 1960–1970-х гг. характеризовался развитием индустриальной базы Дальнего Востока, обу-

словленной переориентацией вектора развития страны на восток, необходимостью освоения удалённых территорий, а также нараставшей напряжённостью отношений с Китаем. Последнее требовало, в том числе, развития выпуска военной продукции, что предопределяло двойственный характер многих производств.

Немаловажным являлось и закладывание промышленного потенциала для строительства Байкало-Амурской магистрали (БАМ), широко развёрнутого с 1974 г. Следует отметить, что со второй половины 1970-х гг. оба сына Михаила Александровича, Вячеслав и Константин, находились именно на этой стройке века. Вячеслав работал заместителем начальника управления механизации треста Мостострой-8 (ныне АО «Дальмостострой»). Организация строила мосты через реки Амгунь, Амур, Бурей, Зей и др. Константин как один из лучших инспекторов Дирекции строительства БАМа в 1984 г. стал почётным пассажиром первого пасса-

жирского поезда БАМа от Комсомольска-на-Амуре до Тынды.

За годы работы Паршина Михаила Александровича Краевое управление местной промышленности получило бурное развитие. Было построено и реконструировано 58 цехов, мастерских участков. За 10 лет развития управления объём производства по выпуску продукции вырос более чем в 2,5 раза; а в 1976 г. изготовлено товара на 357 тыс. рублей сверх плана [57; 58].

Необходимо отметить, что в 1958–1976 гг. Михаил Александрович также занимался общественной работой, неоднократно избирался депутатом районного, городского, краевого советов [56].

В 1977 г. он ушёл на пенсию в качестве пенсионера республиканского значения. Однако в 1978 г. был приглашён на работу в ХабИИЖТ начальником первой части [59]. В связи с наличием богатого жизненного опыта неоднократно приглашался кафедрой «Вагоны» и военной кафедрой для чтения лекций по развитию вагонного хозяйства на Дальнем Востоке и организации ремонтно-восстановительных работ в критических ситуациях.

В 1984 г. за многолетний труд на транспорте награждён значком «Почётный железнодорожник» [59].

В конце 1996 г. окончательно ушёл на пенсию. Умер в 1998 г.

Молодость Михаила Александровича выпала на трудную, но героическую эпоху. В те годы он самоотверженно трудился на благо Родины; упорная работа (его и других железнодорожников) внесла свою лепту в Победу в Великой Отечественной войне. Закалённый в суровых условиях характер позволил и дальше действовать с должной отдачей уже на другом, более высоком уровне ответственности: в условиях заграницы, а затем на руководя-

щих постах Хабаровского края. Такой путь является примером того, что по-настоящему ценен и почетен лишь доблестный, честный труд.

К сожалению, деятельность обычных людей на больших или малых должностях не всегда своевременно оценивается должным образом. И одна из целей данной статьи – показать, что самоотверженно трудиться на благо Родины и общества можно и нужно в любых обстоятельствах, не только на линии фронта или в условиях войны, но и в спокойные, мирные годы.

Другой урок, который можно вынести из биографии Михаила Александровича Паршина, – это необходимость беспрестанного стремления к знаниям. И во время работы в колхозе в юности, и в годы напряжённого труда на Дальневосточных железных дорогах он учился или параллельно с работой, или непосредственно на практике. Именно знание своего дела и постоянное развитие в профессии позволили Михаилу Александровичу добиться высоких результатов.

Жизненный путь Михаила Александровича стал примером для всех членов семьи Паршиных, связавших свою судьбу с железной дорогой. Сыновья, внуки, правнук обучались в ХабИИЖТе (ныне Дальневосточный государственный университет путей сообщения). Общий стаж работы всех членов семьи Паршиных на железных дорогах Дальнего Востока составляет более 200 лет, что является их гордостью и заслугой.

Уместно закончить статью о Паршине Михаиле Александровиче словами его товарищей по Китайско-Чанчуньской железной дороге, пожелавших ему использовать знания и опыт «для работы на благо всего человечества» [41], что он и претворил в жизнь.

Список источников

1. Метрическая книга церкви Богоявленской села Костино-Отдельца Борисоглебского уезда о рождении 1915–1916 гг. // Государственный архив Воронежской области. Ф. И-281. Оп. 3. Д. 197. С. 190.
2. Автобиография от 29.09.1941 // Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 1884. Оп. 132. Ед. хр. 740. С. 8.
3. Автобиография от 17.10.1978 // Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС). Архив отдела кадров. Д. 243. С. 6.
4. Удостоверение об окончании Борисоглебской школы ученичества (от 09.10.1935) // Личный архив М.А. Паршина.
5. Личный листок по учёту кадров // РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 132. Ед. хр. 740. С. 2–3.
6. Ополёв М.Н. Развитие трудовых традиций железнодорожников Нижнего Поволжья в 1928–1941 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. В 2 ч. Ч. 2. Тамбов : Грамота, 2012. № 11 (25). С. 143–149.
7. Кувакин Г. В Сарепте клеветников не привлекают к ответственности // Сталинградский железнодорожник (далее – СЖ). 1938. 8 мая. № 103 (544).
8. В Сарептском вагоноремонтном пункте орудуют враги // СЖ. 1937. 6 октября. № 231 (372).
9. Выполнить план погрузки // СЖ. 1937. 29 октября. № 250 (391).
10. Письмо из редакции газеты «Сталинградский железнодорожник» от 04.03.1938 // Личный архив М.А. Паршина.
11. Иванов А.П. К вопросу истории создания и деятельности Особого корпуса железнодорожных войск и его соединений // 85 лет ОКЖДВ и 1-й отдельной ордена Александра Невского Кёнигсбергской железнодорожной бригады : материалы военно-исторической конф. Петергоф : ВИ ЖДВ и ВОСО, 2017. С. 10.

12. Тесельская И.П., Ципкин Ю.Н., Ежеля У.В. Железные дороги советского Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) : монография. 2-е изд., перераб. и доп. Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2014. 193 с.
13. Зайцев Ю.М. Контрразведывательные мероприятия по защите объектов военной инфраструктуры на Дальнем Востоке СССР // Россия и АТР. 2008. № 2. С. 128–138.
14. Личный листок по учёту кадров // Объединённый архив (г. Чита) отдела архивов Службы управления делами Забайкальской железной дороги (ЗАБ ж.д.). Ф. 28. Оп. 94/1ЛД. Д. 4979. С. 22–23.
15. Аксёнов И.Я. Пособие для изучения Правил технической эксплуатации железных дорог СССР. Москва : Государственное транспортное железнодорожное изд-во, 1945. С. 207–208.
16. Бродовский А.Л. Вагонное хозяйство. Москва : Трансжелдориздат, 1934. С. 147–148.
17. Каганович Л.М. Год подъёма и ближайшие задачи железнодорожного транспорта. Стенограмма речи на совете при народном комиссаре путей сообщения 23 апреля 1936 г. Москва : Трансжелдориздат, 1936. 136 с.
18. Приказ народного комиссара путей сообщения от 20 мая 1938 г. № 231/Ц «Об уроках зимней работы 1937–1938 гг., новом подъёме железнодорожного транспорта и подготовке к зиме 1938–1939 гг.» // Кричевский С.О. Железнодорожный транспорт в важнейших документах. Москва : Трансжелдориздат, 1940. С. 252.
19. Петрович Г.И. Ремонт железнодорожных вагонов. Москва : Трансжелдориздат, 1935. С. 12.
20. Аттестация на врид. начальника вагонного депо ст. Куйбышевка Паршина Михаила Александровича // Отдел архивов службы управления делами Дальневосточной железной дороги (ДВЖД). Ф. 730. Оп. 4лд. Д. 2481. С. 11.
21. РСФСР. Уголовный кодекс. Москва : Юридическое изд-во НКЮ Союза ССР, 1941. С. 29, 31–32.
22. О награждении работников Амурской железной дороги : указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 ноября 1939 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1939. 31 декабря. № 40.
23. Привет орденосцам Амурской пограничной магистрали! // Амурский железнодорожник (далее – АЖ). 1939. 26 ноября. № 268 (1064).
24. Техническая страница № 1. Укрупнённый ремонт вагонов без отцепки по методу орденосца тов. Паршина // Личный архив М.А. Паршина.
25. Паршин М. Работать без остатка // АЖ. 1939. 22 октября. № 242 (1038).
26. Широко распространить стахановские методы труда // АЖ. 1939. 12 декабря. № 281 (1077).
27. Киржнер, Паршин. Кто лучше организует укрупнённый ремонт вагонов без отцепки от поезда // АЖ. 1939. 14 декабря. № 282 (1078).
28. Паршин М. Школа стахановского опыта. Как я организовал укрупнённый ремонт вагонов без отцепки от поезда // АЖ. 1940. 3 февраля. № 27 (1120).
29. Свидетельство техника I класса ж.-д. транспорта (копия) // РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 132. Ед. хр. 740. С. 4.
30. Приказ начальника Амурской железной дороги (АмЖД) № НГЛ/592 от 2.10.1944; выписка из приказа начальника АмЖД № НГЛ/140 от 12.03.1945 // Объединённый архив (г. Чита) отдела архивов Службы управления делами ЗАБ ж.д. Ф. 28. Оп. 94/1ЛД. Д. 4979. С. 37, 44.
31. Паршин Иван Александрович. Память народа. – URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_dopolnitelnoe_donesenie62339259/ (дата обращения: 23.02.2022).
32. Автобиография от 02.04.1954 // РГАЭ. Ф. 1884. Оп. 132. Ед. хр. 740. С. 5.
33. Тесельская И.П., Ципкин Ю.Н. Роль железных дорог Дальнего Востока в достижении Победы // Россия и АТР. 2010. № 2. С. 36–46.
34. Объединённый архив (г. Чита) отдела архивов Службы управления делами ЗАБ ж.д. Ф. 28. Оп. 94/1ЛД. Д. 4979.
35. Васильев Н.Н. Технический железнодорожный словарь. Москва : Государственное транспортное железнодорожное издательство, 1941.
36. Выписка из приказа народного комиссара путей сообщения № 216 от 24.08.1944 «О присвоении персональных званий заместителям, начальникам Вагонных служб Дальневосточного направления» // Отдел архивов службы управления делами ДВЖД. Ф. 730. Оп. 4лд. Д. 2481. С. 22.
37. Отдел архивов службы управления делами ДВЖД. Ф. 730. Оп. 4лд. Д. 2481.
38. Выписка из телеграфного указания округа. Из Читы Упр ЗБК № 003070 70 25|8 23-00 // Отдел архивов службы управления делами ДВЖД. Ф. 730. Оп. 4лд. Д. 2481. С. 29.
39. Выписка из приказа начальника АмЖД № НГЛ/483 от 27.08.1945 // Отдел архивов службы управления делами ДВЖД. Ф. 730. Оп. 4лд. Д. 2481. С. 30.
40. Романова Г.Н. Экономические связи СССР и Китая в сфере железнодорожного транспорта в 30–40-е гг. XX в. // Россия и АТР. 2015. № 2. С. 139–156.
41. Личное письмо от товарищей с КЧЖД // Личный архив М.А. Паршина.
42. Характеристика на Начальника Вагонной Службы К.Ч.ж.д. Паршина Михаила Александровича // Отдел архивов службы управления делами ДВЖД. Ф. 730. Оп. 4лд. Д. 2481. С. 49.
43. Удостоверение к медали «Китайско-советская дружба» (перевод) // Личный архив М.А. Паршина.
44. Положение о значке «Ударник Сталинского призыва» // Личный архив М.А. Паршина.
45. Ежеля У.В. Дальневосточная железная дорога во второй половине XX века: свершения, проблемы и их решение (социально-экономический аспект) : монография. Хабаровск : Изд-во ДВГУПС, 2009. 111 с.
46. Личный листок по учёту кадров // Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф. Р-137. Оп. 28. Д. 2021. С. 2–3.
47. Характеристика на студента 136 группы техников Паршина Михаила Александровича // Отдел архивов службы управления делами ДВЖД. Ф. 730. Оп. 4лд. Д. 2481. С. 70.
48. Выписка из приказа начальника Дальневосточной железной дороги от 03.05.1961 г. № 126/Н «О сходе хопперов балластной вертушки на перегоне Хор–Верино» // Отдел архивов службы управления делами ДВЖД. Ф. 730. Оп. 4лд. Д. 2481. С. 81.

49. Характеристика на председателя исполкома Железнодорожного районного Совета депутатов трудящихся тов. Паршина Михаила Александровича от 12.01.1962 г. // ГАХК. Ф. П-35. Оп. 104. Д. 590. Л. 7.
50. Решение Железнодорожного районного Совета депутатов трудящихся гор. Хабаровска (7-я сессия 8-го созыва) от 29.12.1961 г. «Об утверждении председателем райисполкома тов. Паршина Михаила Александровича» // Отдел архивов службы управления делами ДВЖД. Ф. 730. Оп. 4лд. Д. 2481. С. 86.
51. Хабаровск шестидесятых: Время надежд / ред.-сост. А.П. Врублевский. Хабаровск : РИА «Юпитер», 2013. 176 с.
52. Характеристика на тов. Паршина Михаила Александровича – председателя исполкома Железнодорожного районного Совета депутатов трудящихся города Хабаровска от 15.12.1965 // ГАХК. Ф. П-35. Оп. 104. Д. 590. Л. 12.
53. Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 07.01.1966 «О награждении Почётной Грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР Паршина М.А.» // ГАХК. Ф. П-35. Оп. 104. Д. 590. Л. 14.
54. Выписка из решения Исполнительного комитета Хабаровского краевого Совета депутатов трудящихся № 39 от 15.01.1966 г. «О начальниках управлений исполкома краевого Совета депутатов трудящихся» // ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 28. Д. 2021. Л. 12.
55. Предисловие к описи № 10 фонда «Краевое управление местной промышленности» Р-550 // ГАХК. Ф. Р-550.
56. Дополнение к личному листку по учёту кадров // ГАХК. Ф. П-35. Оп. 104. Д. 590. Л. 1-2.
57. Характеристика на начальника управления местной промышленности крайисполкома т. Паршина Михаила Александровича от 05.01.1977 // ГАХК. Ф. П-35. Оп. 95. Д. 469. Л. 2.
58. Характеристика на начальника управления местной промышленности крайисполкома т. Паршина М.А. от 18.05.1977 // ГАХК. Ф. Р-137. Оп. 28. Д. 2021. Л. 24.
59. Наградной лист // ДВГУПС. Архив отдела кадров. Д. 243. Л. 10.

References

1. *Metricheskaya kniga cerkvi Bogoyavlenskoy sela Kostino-Otdelca Borisoglebskogo uезда o rozhdenii 1915–1916 gg.* [The church book of Bogoyavlenskaja church of Kostino-Otdelca village of Borisoglebsk uезд] // The State Archive of Voronezh Region. F. I-281. Op. 3. D. 197. P. 190. (in Russ.).
2. *Avtobiografiya ot 29.09.1941* [Autobiography from 29.09.1941] // Russian State Archive of Economics (RGAE). F. 1884. Op. 132. Ed. hr. 740. P. 8. (in Russ.).
3. *Avtobiografiya ot 17.10.1978* [Autobiography from 17.10.1978] // Far East State Transport University (DVGUPS). The archive of the staff office. D. 243. P. 6. (in Russ.).
4. *Udostoverenie ob okonchaniі Borisoglebskoj shkoly uchenichestva (ot 9.10.1935)* [Postgraduate's certificate of factory apprenticeship school of Borisoglebsk from 09.10.1935] // Parshin Mikhail Aleksandrovich's personal archive (in Russ.).
5. *Lichnyj listok po uchjotu kadrov* [Personal personnel record sheet] // RGAE. F. 1884. Op. 132. Ed. hr. 740. P. 2–3. (in Russ.).
6. Opalev M.N. *Development of railwaymen's labour traditions within Lower Volga Region in 1928–1941 // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kulturologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki.* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice]. V 2 ch. Ch. II. Tambov : Gramota, 2012. No. 11 (25). P. 143–149. (in Russ.).
7. Kuvakin G. V *Sarepte klevetnikov ne privilekayut k otvetstvennosti* [At the Sarepta depot slanderers are not held accountable] // Stalingradskij zheleznodorozhnik (SZh) [Stalingrad Railway Worker]. 08.05.1938. No. 103 (544). (in Russ.).
8. V *Sarepskom vagono-remontnom punkte oruduyut vragi* [Enemies are operating in the Sarepta depot] // SZh. 06.10.1937. No. 231 (372). (in Russ.).
9. *Vypolnit plan pogruzki* [It is necessary to fulfill the loading plan] // SZh. 29.10.1937. No. 250 (391). (in Russ.).
10. *Pismo iz redakcii gazety «Stalingradskij zheleznodorozhnik» ot 04.03.1938* [The letter from Editorial staff of Stalingrad Railway Worker from 04/03/1938] // Parshin Mikhail Aleksandrovich's personal archive (in Russ.).
11. Ivanov A.P. *K voprosu istorii sozdaniya i deyatelnosti Osobogo korpusa zheleznodorozhnyx vojsk i ego soedinenij* [Questions of the history of the creation and activity of the Special Corps of Railway Troops and its formations] // Materialy Voenno-istoricheskoy konferencii: «85 let OKZhDV i 1-oj otdelnoj ordena Aleksandra Nevskogo Kyonigsbergskoj zheleznodorozhnoj brigady» [Materials of the Military-historical Conference: «85 years of the OKZHDV and the 1st separate Order of Alexander Nevsky of the Konigsberg Railway Brigade»]. Petergof : VI ZhDV i VOSO, 2017. S. 10. (in Russ.).
12. Teselskaya I.P., Cipkin Yu.N., Ezhelya U.V. *Zheleznye dorogi sovetskogo Dalnego Vostoka v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945)* [Railways of the Far East during the Great Patriotic War (1941–1945)] : monografiya. 2-e izd., pererab. i dop. Khabarovsk : Izd-vo DVGUPS, 2014. 193 p. (in Russ.).
13. Zajcev Yu.M. *Kontrrazvedyvatelnye meropriyatiya po zashhite obektov voennoj infrastruktury na Dalnem Vostoke SSSR* [Counterespionage actions on military infrastructure defending process at the Soviet Union Far East (1930)] // Russia and the Pacific. 2008. № 2. P. 128–138. (in Russ.).
14. *Lichnyj listok po uchjotu kadrov* [Personal personnel record sheet] // Obedinyonnyj arxiv (Chita) otdela arxivov Sluzhby upravleniya delami Zabajkalskoj zheleznoj dorogi (ZAB zh.d.). F.28. Op. 94/1LD. D. 4979. P. 22–23. (in Russ.).
15. Aksenov I.Ya. *Posobie dlya izucheniya Pravil texnicheskoy ekspluatatsii zheleznyx dorog SSSR* [Manual for studying the rules of technical operation of the railways of the USSR]. Moscow : Gosudarstvennoe transportnoe zheleznodorozhnoe izdatelstvo, 1945. P. 207–208. (in Russ.).
16. Brodovskij A.L. *Vagonnoe xozyajstvo* [Carriage economy]. Moscow : Transzheldorizdat, 1934. P. 147–148. (in Russ.).
17. Kaganovich L.M. *God podyoma i blizhajshie zadachi zheleznodorozhnogo transporta. Stenogramma rechi na sovete pri narodnom komissare putej soobshheniya 23 aprelya 1936 g.* [The year of rise and the nearest tasks of railway transport. Transcript of a speech at the Council under the People's Commissar of Railways from 23.04.1936]. Moscow : Transzheldorizdat, 1936. 136 p. (in Russ.).
18. *Prikaz narodnogo komissara putej soobshheniya 20 maya 1938 g. № 231/Cz «Ob urokax zimnej raboty 1937–1938 gg., novom podyome zheleznodorozhnogo transporta i podgotovke k zime 1938–1939 gg.»* [Order of the People's Commissar of Railways

form 20.05.1938 № 231/Cz «On the lessons of winter work in 1937–1938, a new rise of railway transport and preparation for the winter of 1938–1939 years» // Krichevskij S.O. *Zheleznodorozhnyj transport v vazhnejshix dokumentax* [Rail transport in the most important documents]. Moscow : Transzheldorizdat, 1940. P. 252. (in Russ.).

19. Petrovich G.I. *Remont zheleznodorozhnyx vagonov* [Repair of railway cars]. Moscow : Transzheldorizdat, 1935. P. 12. (in Russ.).

20. *Attestaciya na vrid. nachalnika vagonnogo depo st. Kujbyshevka Parshina Mihaila Aleksandrovicha* [Attestation for interim chief of depot of Kujbyshevka station Parshin Mikhail Aleksandrovich] // Otdel arxivov sluzhby upravleniya delami Dalnevostochnoj zheleznoj dorogi (DVZhD). F. 730. Op. 4ld. D. 2481. P. 11. (in Russ.).

21. *RSFSR. Ugolovnyj kodeks* [Criminal Code of the RSFSR]. Moscow : Yuridicheskoe izdatelstvo NKYu Soyuza SSR, 1941. P. 29, 31–32. (in Russ.).

22. *Ukaz Prezidiuma Verhnovnogo Soveta SSSR «O nagrazhdenii rabotnikov Amurskoj zheleznoj dorogi» 23 noyabrya 1939 g.* [The edict of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR “Rewarding employees of the Amur Railway” from 23.11.1939] // *Vedomosti Verhnovnogo Soveta SSSR* [The gazette of Supreme Soviet of the USSR]. 31.12.1939. No. 40. (in Russ.).

23. *Privet ordenonosctsam Amurskoj pogranichnoj magistrali!* [Greetings to the order-bearers of the Amur border railway] // *Amurskij zheleznodorozhnik* [Amur Railway Worker] (AZh). 1939. 26 noyabrya. No. 268 (1064). (in Russ.).

24. *Tehnicheskaya stranicza № 1. Ukрупnyonnyj remont vagonov bez otcepki po metodu ordenonoscza tov. Parshina* [Technical page № 1. Enlarged repair of wagons according to the method of the order bearer comrade Parshin] // Parshin Mikhail Aleksandrovich’s personal archive (in Russ.).

25. *Parshin. Rabotat bez ostatka* [Work without rest] // AZh. 22.10.1939. No. 242 (1038). (in Russ.).

26. *Shiroko rasprostraniti staxanovskie metody truda* [Widely disseminate Stakhanov’s methods of labor] // AZh. 12.12.1939. No. 281 (1077). (in Russ.).

27. Kirzhner, Parshin. *Kto luchshe organizuet ukрупnyonnyj remont vagonov bez otcepki ot poezda* [Who better organizes the integrated uncoupled repair of wagons] // AZh. 14.12.1939. No. 282 (1078). (in Russ.).

28. Parshin. *Shkola stahanovskogo opyta. Kak ya organizoval ukрупnyonnyj remont vagonov bez otcepki ot poezda* [The school of Stakhanov’s experience. How I organized an enlarged repair of cars without uncoupling from the train] // AZh. 03.02.1940. No. 27 (1120). (in Russ.).

29. *Svidetelstvo texnika I-go klassa zh.d. transporta (kopiya)* [The copy of first class technician certificate] // RGAE. F. 1884. Op. 132. Ed. hr. 740. P. 4. (in Russ.).

30. *Prikaz nachalnika Amurskoj zheleznoj dorogi (AmZhD) № NGL/592 ot 2.10.1944* [Order of the head of the Amur railway № NGL/592 from 02/10/1944]; *vypiska iz prikaza nachalnika AmZhD № NGL/140 ot 12.3.1945* [extract from the Order of the head of the Amur railway № NGL/140 from 12.03.1945] // *Obedinyonnyj arhiv* (Chita) *otdela arxivov Sluzhby upravleniya delami ZAB zh.d.* F.28. Op. 94/1LD. D. 4979. P. 37, 44. (in Russ.).

31. Parshin Ivan Aleksandrovich. *Pamyat naroda* [People’s memory]. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_dopolnitelnoe_donesenie62339259/ (accessed: 23.02.2022). (in Russ.).

32. *Avtobiografiya ot 02.04.1954* [Autobiography from 2.04.1954] // RGAE. F. 1884. Op. 132. Ed. hr. 740. P. 5. (in Russ.).

33. Teselskaya I.P., Cipkin Yu.N. *Rol' zheleznyh dorog Dal'nego Vostoka v dostizhenii Pobedy* [The role of the Far Eastern railroads in the Victory] // *Russia and the Pacific*. 2010. No. 2. P. 36–46. (in Russ.).

34. *Ob"edinyonnyj arhiv (g. CHita) ot dela arxivov Sluzhby upravleniya delami ZAB zh.d* [United Archive (Chita) of the Archives Department of the ZAB Railway Administration Service]. F. 28. Op. 94/1LD. D. 4979. (in Russ.).

35. Vasilev N.N. *Texnicheskij zheleznodorozhnyj slovar* [Technical railway dictionary]. Moscow : Gosudarstvennoe transportnoe zheleznodorozhnoe izdatelstvo, 1941. (in Russ.).

36. *Vypiska iz prikaza narodnogo komissara putej soobshheniya № 216 ot 24.08.1944 «O prisvoenii personalnyh zvanij zamestitelyam, nachalnikam Vagonnyh sluzhb Dalnevostochnogo napravleniya»* [Extract from the Order of the People's Commissar of Railways № NGL/140 «Assignment of personal titles to the heads of carriage services of the Far East direction» from 24.08.1944] // Otdel arxivov sluzhby upravleniya delami DVZhD. F. 730. Op. 4ld. D. 2481. P. 22. (in Russ.).

37. *Otdel arxivov sluzhby upravleniya delami DVZhD* [Archives Department of the DVZHD Affairs Management Service]. F. 730. Op. 4ld. D. 2481. (in Russ.).

38. *Vypiska iz telegrafnogo ukazaniya okruga* [Extract of an telegraphic indication of the district]. *Iz Chity Upr ZBK № 003070 70 25* 8 23-00 // Otdel arxivov sluzhby upravleniya delami DVZhD. F. 730. Op. 4ld. D. 2481. S. 29. (in Russ.).

39. *Vypiska iz prikaza nachalnika AmZhD № NGL/483 ot 27.08.1945* [extract from the Order of the head of the Amur railway № NGL/483 from 27/08/1945] // Otdel arxivov sluzhby upravleniya delami DVZhD. F. 730. Op. 4ld. D. 2481. P. 30. (in Russ.).

40. Romanova G.N. *Ekonomicheskie svyazi SSSR i Kitaya v sfere zheleznodorozhnogo transporta v 30–40-e gg. XX v.* [Economic ties of USSR and China in the railway industry in the 1930's–1940's] // *Russia and the Pacific*. 2015. No. 2. P. 139–156. (in Russ.).

41. *Lichnoe pismo ot tovarishhej s KChZhD* [The personal letter from comrades from Chinese Changchun Railway] // Parshin Mikhail Aleksandrovich’s personal archive (in Russ.).

42. *Harakteristika na Nachalnika Vagonnoj Sluzhby K.Ch.zh.d. Parshina Mihaila Aleksandrovicha* [Characteristic for the head of the Carriage Service of Chinese Changchun Railway Parshin Mikhail Aleksandrovich] // Otdel arxivov sluzhby upravleniya delami DVZhD. F. 730. Op. 4ld. D. 2481. S. 49. (in Russ.).

43. *Udostoverenie k medali «Kitajsko-sovetskaya družba» (perevod)* [Translation of the certificate for the medal "Sino-Soviet friendship"] // Parshin Mikhail Aleksandrovich’s personal archive (in Russ.).

44. *Polozhenie o znachke «Udarnik Stalinskogo prizyva»* [Position on the badge "Drummer of the Stalinist call"] // Parshin Mikhail Aleksandrovich’s personal archive (in Russ.).

45. Ezhelya U.V. *Dalnevostochnaya zheleznyaya doroga vo vtoroj polovine XX veka: sversheniya, problemy i ix reshenie (socialno-ekonomicheskij aspekt)* [Far Eastern Railway in the Second Half of the 20th Century: Accomplishments, Problems and Their Solutions (Socio-Economic Aspect)] : monogr. Khabarovsk : Izd-vo DVGUPS, 2009. 111 s. (in Russ.).

46. *Lichnyj listok po uchyotu kadrov* [Personal personnel record sheet] // The State Archive of the Khabarovsk Territory (GAHK). F. R-137. Op. 28. D. 2021. P. 2–3. (in Russ.).
47. *Harakteristika na studenta 136 gruppy tehnikov Parshina Mihaila Aleksandrovicha* [Characteristic for the student of technic group number 136 Parshin Mikhail Aleksandrovich] // Otdel arxivov sluzhby upravleniya delami DVZhd. F. 730. Op. 4ld. D. 2481. P. 70. (in Russ.).
48. *Vypiska iz prikaza nachalnika Dalnevostochnoj zheleznoj dorogi ot 03.05.1961 g. № 126/N «O shode xopperov ballastnoj vertushki na peregone / Hor–Verino»* [Extract of the order of the head of Far East Railway № 126/N “derailment of the hopper-ballast turntable on the Khor–Verino block” from 03/05/1961] // Otdel arxivov sluzhby upravleniya delami DVZhd. F. 730. Op. 4ld. D. 2481. P. 81. (in Russ.).
49. *Harakteristika na predsedatelya ispolkoma Zheleznodorozhnogo rajonnogo Soveta deputatov trudyashhixsya tov. Parshina Mihaila Aleksandrovicha ot 12.01.1962 g.* [Characteristic for the Chairman of the Executive Committee of Zheleznodorozhnyi district Soviet Parshin Mikhail Aleksandrovich from 12.01.1962] // GAHK. F. P-35. Op. 104. D. 590. L. 7. (in Russ.).
50. *Reshenie Zheleznodorozhnogo rajonnogo Soveta deputatov trudyashhixsya gor. Habarovska (7-ya sessiya 8-go sozyva) ot 29.12.1961 goda «Ob utverzhdenii predsedatelem rajispolkoma tov. Parshina Mihaila Aleksandrovicha»* [The solution of Zheleznodorozhnyi district Soviet of Khabarovsk (the seventh session, the eighth calling) “The approval of Comrade Parshin Mikhail Aleksandrovich as the chairman of the Executive committee of Zheleznodorozhnyi district Soviet” from 29.12.1961] // Otdel arxivov sluzhby upravleniya delami DVZhd. F. 730. Op. 4ld. D. 2481. P. 86. (in Russ.).
51. *Habarovsk shestidesyatyh: Vremya nadezhd* [Khabarovsk in the sixties: a time of hope] / red.-sost. A.P. Vrublevskij. Khabarovsk : RIA «Yupiter», 2013. 176 s. (in Russ.).
52. *Harakteristika na tov. Parshina Mihaila Aleksandrovicha – predsedatelya ispolkoma Zheleznodorozhnogo rajonnogo Soveta deputatov trudyashhixsya goroda Habarovska ot 15.12.1965* [Characteristic for the Chairman of the Executive Committee of Zheleznodorozhnyi district Soviet of Khabarovsk Parshin Mikhail Aleksandrovich from 15.12.1965] // GAHK. F. P-35. Op. 104. D. 590. P. 12. (in Russ.).
53. *Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta RSFSR ot 7.01.1966 «O nagrazhdenii Pochyotnoj Gramotoj Prezidiuma Verhovnogo Soveta RSFSR Parshina M.A.»* [The edict of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR “Rewarding Parshin M.A. with the Honorary Certificate of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR” from 23.11.1939] // GAHK. F. P-35. Op. 104. D. 590. P. 14. (in Russ.).
54. *Vypiska iz resheniya Ispolnitelnogo komiteta habarovskogo kraevogo Soveta deputatov trudyashhixsya № 39 ot 15.01.1966 g. «O nachalnikah upravlenij ispolkoma kraevogo Soveta deputatov trudyashhixsya»* [The extract of the solution of Executive Committee of Khabarovsk Territory Soviet № 39 «Heads of Executive committee departments of Khabarovsk Territory Soviet» from 15.01.1966] // GAHK. F. R-137. Op. 28. D. 2021. P. 12. (in Russ.).
55. *Predislovie k opisi № 10 fonda «Kraevoe upravlenie mestnoj promyshlennosti» R-550* [Preface to the list of files № 10 of the fond № R-550 «Khabarovsk Territory Department of local industry»] // GAHK. F. R-550. (in Russ.).
56. *Dopolnenie k lichnomu listku po uchyotu kadrov* [Annex to the personal personnel record sheet] // GAHK. F. P-35. Op. 104. D. 590. P. 1–2. (in Russ.).
57. *Harakteristika na nachalnika upravleniya mestnoj promyshlennosti krajispolkoma t. Parshina Mihaila Aleksandrovicha ot 05.01.1977* [Characteristic for the Head of the Khabarovsk Territory Department of local industry Parshin Mikhail Aleksandrovich from 05.01.1977] // GAHK. F. P-35. Op. 95. D. 469. P. 2. (in Russ.).
58. *Harakteristika na nachalnika upravleniya mestnoj promyshlennosti krajispolkoma t. Parshina M.A. ot 18.05.1977* [Characteristic for the Head of the Department of local industry of executive committee of a krai Parshin Mikhail Aleksandrovich from 18.05.1977] // GAHK. F. R-137. Op. 28. D. 2021. P. 24. (in Russ.).
59. *Nagradoj list* [Prize paper] // DVGUPS. The archive of the staff office. D. 243. P. 10. (in Russ.).

Информация об авторах

О.В. Авдошкина – кандидат исторических наук;
 К.М. Паршин – почётный пассажир первого поезда Байкало-Амурской магистрали от станции Комсомольск до станции Тында, сын Паршина Михаила Александровича;
 А.А. Потапов – студент Электроэнергетического института, правнук Паршина Михаила Александровича.

Information about the authors

O.V. Avdoshkina – Candidate of Science (History);
 K.M. Parshin – the honorary passenger of the first train of the Baikalo-Amur mainline from Komsomolsk station to Tynda station, Parshin Mikhail Alexandrovich’s son;
 A.A. Potapov – student of Power Engineering Institute, Parshin Mikhail Alexandrovich’s great-grandson.

Статья поступила в редакцию 14.01.2022; одобрена после рецензирования 01.02.2022; принята к публикации 10.02.2022.
 The article was submitted 14.01.2022; approved after reviewing 01.02.2022; accepted for publication 10.02.2022.

Научная статья
УДК 325.3:39(571.6)
doi: 10.31079/1992-2868-2022-19-2-200-205

БЫТ И ХАРАКТЕР НАРОДНОСТЕЙ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ КОЛОНИЗАЦИИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ

Светлана Владимировна Гончарова

Дальневосточный государственный медицинский университет, Хабаровск, Россия, goncharova_s@mail.ru

Аннотация. В статье главным образом рассматриваются социально-экономические аспекты хозяйственного освоения территорий в период восстановления экономики, разрушенной интервенцией и Гражданской войной на российском Дальнем Востоке. Особое место отведено осмыслению процессов колонизации и переселенческого движения, которые в 20-х гг. XX в. приобретают организованный и плановый характер.

Ключевые слова: В.К. Арсеньев, переселение, Дальний Восток России, коренные малочисленные народы, колонизация, Е.И. Титов

Original article

LIFE AND CHARACTER OF NATIONALITIES IN THE CONTEXT OF THE COLONIZATION PROBLEMS OF THE RUSSIAN FAR EAST

Svetlana V. Goncharova

Far Eastern State Medical University, Khabarovsk, Russia, goncharova_s@mail.ru

Abstract. The article mainly examines the socio-economic aspects of the economic development of territories during the period of economic recovery destroyed by the intervention and civil war in the Russian Far East. A special place is given to the understanding of the processes of colonization and resettlement movement, which in the 20s of the twentieth century acquire an organized and planned character.

Keywords: V.K. Arseniev, resettlement, Russian Far East, indigenous peoples, colonization, E.I. Titov

Российская империя во второй половине XIX в., присоединив огромные дальневосточные территории, стала тихоокеанской державой, которой предстояло сыграть значительную роль в Восточной Азии. Вместе с тем новые владения, представлявшие обширные территории с малочисленным населением, поставили российское правительство перед необходимостью решения совершенно новых экономических и политических задач. Одним из основных направлений внутренней политики России на Дальнем Востоке стала колонизация.

Между тем долгое время этот регион во многом оставался для властей далекой, дикой окраиной, малоизученной территорией, к которой в полном смысле слова можно применить выражение «terra incognita». Сведения о Приамурье и Дальнем Востоке оставались крайне скудными и бессистемными, в то время как потребности дальнейшего экономического и культурного развития региона вызвали необходимость более точного изучения территории и, прежде всего, его естественных богатств.

Наибольшую остроту и актуальность вопросы хозяйственного освоения территорий приобрели в

период восстановления экономики, разрушенной интервенцией и Гражданской войной на российском Дальнем Востоке. В это время колонизация становится одной из первоочередных задач, стоящих перед советским правительством. В 20-х гг. процессу колонизации и переселенческому движению стремились придать организованный и плановый характер. Понятие «колонизация» рассматривалось как «регулируемое, государственное мероприятие плановой государственной политики» [16: с. 6].

Между тем переселенческое движение, практически прекратившись к 1917 г., в 1918–1922 гг. возобновилось, а с 1923 г. стало возрастать. С конца 1924 до начала 1930 г. переселилось 130,3 тыс. человек [18: с. 6]. К 1925 г. колонизационная проблема «стала основной и приобрела характер совершенно практической, насущной и срочной задачи в цепи основных больших вопросов развития производительных сил края» [7: с. 3].

Дальневосточным исполнительным комитетом были выработаны и утверждены перспективный 10-летний и оперативный планы колонизации. Первоочередными вопросами были количествен-

ный и качественный состав переселенцев, направление колонизации (сельскохозяйственное, промышленное, смешанное), землеустройство, концессионная политика, права и льготы переселенцев, рабочий вопрос.

Для объединения имеющейся информации и проводимых исследований с 1922 г. начинает издаваться журнал «Экономическая жизнь Дальнего Востока», на страницах которого освещались теоретические и практические вопросы экономики и экономической политики Д.В.О. Журнал стал общественной трибуной, предоставив право заинтересованным лицам высказывать свою точку зрения на «различные народно-хозяйственные проблемы». Внимание к исследовательской работе расширило область естественно-исторических вопросов, связанных с колонизацией: исторический обзор развития территории в прошлом, учёт её естественных производительных сил, расчет эксплуатации этих сил в будущем [10: с. 46].

Решению научных, экономических и практических задач колонизации были во многом посвящены многолетние исследования Владимира Клавдиевича Арсеньева. Дальневосточный период жизни ученого совпал со временем интенсивного освоения данных территорий, активного включения местного населения в процесс колонизации и экономических преобразований. Считая заселение российского Дальнего Востока одной из важнейших стратегических задач государства, он рассматривал колонизацию как одно из приоритетных направлений своей исследовательской деятельности. В своих трудах исследователь приводит комплексные сведения о климате, геологии, географии, экономике, статистике, истории и населении региона.

В советский период география его экспедиций расширилась, маршруты охватили не только Приамурье, но и северные территории края (экспедиция на Камчатку 1918 г.; в Гижигинский район Охотско-Камчатского края 1922 г.; поездка на Командорские острова 1923 г.; Анюйская экспедиция 1926 г.; экспедиция Хабаровск–Советская Гавань 1927 г.). Материалы этих исследований стали основой докладов и публикаций, посвященных непосредственно проблемам и перспективам колонизации дальневосточных территорий («Естественно-исторические факторы колонизации Дальнего Востока»; «Население Дальнего Востока как производительный фактор» (1926); «Колонизационные перспективы Дальнего Востока» (1927)).

В 1924 г. В.К. Арсеньев, будучи в Москве, выступил с докладом о положении Дальнего Востока на совместном заседании Бюро съездов по изучению производительных сил СССР и Военного бюро Госплана. В своем выступлении он попытался

предостеречь новые власти от повторения ошибок, допущенных в политике заселения дальневосточных территорий царским правительством. Принимая во внимание, что одной из самых серьезных ошибок дореволюционной колонизационной политики был слабый учет, а подчас и совершенное отсутствие учета хозяйственного признака при заселении края, он считал необходимым, чтобы переселенцы попадали в условия, близкие условиям места их выхода [14: с. 599].

Значительную роль в решении задач планирования хозяйственной, административной, культурно-социальной и исследовательской работы сыграла первая конференция по изучению производительных сил Дальнего Востока (1926), в её организации и работе активное участие принял В.К. Арсеньев. Работа конференции была тесно связана с деятельностью комиссии по изучению естественных производительных сил России, созданной при Академии наук еще в 1918 г. Среди задач народно-хозяйственного строительства и планомерного освоения естественных ресурсов страны у комиссии были и конкретные планы в области изучения производительных сил страны.

Одним из центральных вопросов конференции было изучение человеческих ресурсов региона как важнейшего фактора производства. Основными рассматриваемыми проблемами секции «Человек», согласно программе конференции, были изучение человека как субъекта производства и как части органической природы; производительное значение различных антропологических и этнографических групп населения; баланс между деятельностью человека и окружающей средой. Решение этих задач было тесно связано с колонизационной и переселенческой политикой, проводимой государством.

Выпуск статей этой секции открывает материал В.К. Арсеньева «Население Дальнего Востока как производительный фактор», являющийся сокращенным вариантом работы, опубликованной в сборнике «Экономика Дальнего Востока» (1926). Позднее дополненный и расширенный труд был издан отдельной книгой «Быт и характер народностей Дальневосточного края» (1928).

Вероятно, значимость данных, содержащихся в этих публикациях, была связана с актуальностью и востребованностью сведений о сорока двух этносах, проживающих на малоизученной территории, где шел процесс интенсивного хозяйственного освоения и развития экономики. Можно сказать, это был первый и единственный раз, когда научный труд ученого трижды был издан при его жизни. К уникальности этих публикаций относится и то, что они были подготовлены в соавторстве с Е.И. Титовым, знакомство с которым, возможно, произошло в 1924 г.

Елпидифор Иннокентиевич Титов, исследователь-этнограф, занимался изучением культуры орочен и эвенков в Забайкалье, а также обращался к вопросам метисации народов, проживающих на российском Дальнем Востоке [17: с. 84]. Позднее два исследователя опубликовали три совместные работы. Недостаток источников не позволяет точно определить, что послужило основой их коллективного творчества. Для Арсеньева это был единственный опыт написания научных статей в соавторстве с другим ученым.

Информационно все три публикации по существу являются вариантами одной работы, которая первоначально была опубликована в сборнике «Экономика Дальнего Востока» (1926), посвященном анализу развития и хозяйственных возможностей одной из значительных по территории и богатой естественными ресурсами частей СССР. Авторы статьи единственные поставили во главу угла проблемы, связанные с населением, сосредоточив свое внимание на характеристике хозяйств как переселенцев, так и коренных жителей региона.

Рассматривая население Дальнего Востока как производительный фактор, В.К. Арсеньев и Е.И. Титов впервые разделили его на этнографические группы и выявили наиболее перспективные с колониационной точки зрения.

Среди славян-переселенцев наиболее перспективными, по их мнению, были великороссы. Такие черты характера великоросса, как консервативность, приспособляемость, завоевательные стремления и умение подойти к туземцу, делали из него замечательного колонизатора [6: с. 54].

Менее удачными колонистами считались переселенцы-украинцы. Они, переселившись на наиболее плодородные земли в Южно-Уссурийском крае, занимались исключительно земледелием и не использовали имеющиеся природные богатства. Малороссы, по мнению исследователей, привыкли жить в других климатических условиях и были мало пригодны для колонизации таёжных районов [4: с. 33]. Не имея иных доходов, хозяйства украинцев, страдавшие от неурожая и наводнений, не были экономически крепкими. В отличие от них старообрядцы, оценивая выше доход от соболевания, «на земледелие смотрели как на подсобный промысел, предпочитая покупать муку у соседей-землеробов, чем заниматься этим делом в ущерб выгодному и весьма доходному звероловству» [4: с. 38]. Наименее пригодными для колонизации таёжных районов были белорусы.

Мнение исследователей мало повлияло на политику правительства. Из 36,7 тыс. плановых переселенцев на долю европейской части РСФСР приходилось 8,6 тыс., Украины – 11,2 тыс., Белоруссии – 5,1 тыс. человек [11: с. 34].

Другой большой этнографической группой, которую выделили Арсеньев и Титов, были китайцы, корейцы и японцы, чья деятельность по-прежнему имела сильное влияние на процесс колонизации дальневосточных территорий и носила в основном хищнический характер.

В 20-е гг. XX в. численность корейцев составляла 110–150 тыс., китайцев 50–70 тыс. человек [9: с. 17]. Проблема использования иностранной рабочей силы на советском Дальнем Востоке рассматривалась под иным углом зрения, считалось, что «рабочий какой угодно страны может свободно прикладывать свой труд, при соблюдении всех законов о труде» [13: с. 12]. Иную позицию занимал В.К. Арсеньев, считая, что только принимаемые государством меры могли бы остановить движение многочисленных иммигрантов, чья хищническая деятельность наносит большой экономический вред.

Проанализировав территорию расселения, быт и экономику дальневосточных народов, В.К. Арсеньев совместно с Е.И. Титовым выделил из них наиболее жизнеспособных: великороссы, китайцы, якуты и чукчи. Другие коренные народы, по его мнению, нуждались в заботе и государственной помощи.

Исследователь считал коренное население одним из важнейших факторов в деле колонизации. «Из всех производительных сил Дальнего Востока туземцы представляют собой самое ценное богатство. ... Колонизация страны первобытной и дикой возможна только при наличии здорового и экономически крепкого туземного населения. Только с помощью их колонисты сумеют освоить естественные ресурсы страны, позаимствовав многое у соседей-аборигенов. Поэтому в задачу колонизации должно входить, прежде всего, устройство туземного населения на местах, того населения, которое уже сумело приспособиться к климату и обстановке» [4: с. 31, 32].

Для решения этих задач необходимы были комплексные, систематические исследования, так как удаленный и слабозаселенный регион оставался малоизученной территорией. Поэтому в указанный период, по мнению многих исследователей и экономистов (Арсеньев В.К., Целищев М.И., Ярмош А., Ярилов А.А. и др.), важнейшей задачей стала организация плановой научно-исследовательской работы на Дальнем Востоке. Это позволило бы не только наиболее точно определить колониационную емкость и запасы естественных богатств региона, но и сэкономить значительные финансовые средства. Председатель Дальплана М.И. Целищев считал, что «исследовательская работа является первой предпосылкой к правильной постановке колониационной проблемы Дальнего Востока» [13: с. 5]. По мнению В.К. Арсеньева, исследования только

тогда будут практичными, когда они научны, поэтому наибольшее значение имела регулярность научной работы, её преемственность, систематичность и планомерность [2: с. 17].

Владимир Клавдиевич на основе многолетних исследований предложил разграничить всю территорию Дальневосточного края на определенные районы, развитие которых было связано с тем или иным видом колонизации. По мнению Арсеньева, сельскохозяйственная колонизация была возможна только в Южно-Уссурийском крае, для северных же частей Забайкалья, Амурской и Приморской областей колонизация должна была носить смешанный характер: промышленно-земледельческого типа. Здесь объем сельского хозяйства должен быть определен нуждами промышленности. Чисто промышленный, или промысловый, тип колонизации более всего подходил к природно-климатическим условиям районов Крайнего Севера. При этом, по мнению Арсеньева, необходимо было предусмотреть размещение части пришлого населения на работах в горной, лесной и рыбной промышленности. Эти предложения были близки к принципам, положенным в основу районирования Госпланом: небольшие финансовые затраты и учет производственной специализации района [2: с. 17].

В своих трудах Арсеньев подробно проанализировал состав и экономическое положение различных групп населения российского Дальнего Востока: славян-переселенцев, иммигрантов из соседних стран и коренных жителей. Он одним из первых начинает рассматривать население Дальнего Востока как производительный решающий фактор в развитии экономики края.

В.К. Арсеньев занимал прямо противоположную позицию, считая, что знания, умения и навыки коренных народов могли бы не только помочь крестьянам-переселенцам освоиться на новых местах, но и сыграть значительную роль в колонизации края. Более того, он полагал, что без помощи коренных жителей не были бы открыты месторождения нефти на Сахалине, золото в Приамурье, перевалы через горные хребты и удобные для заселения районы. Во многом благодаря им Россия вела большую торговлю мехами со всем миром; что наиболее значимым для колонизации является не столько добытая коренными жителями пушнина, как освоенные ими большие безлюдные пространства таёжных районов Сибири и Дальнего Востока [3: с. 23].

Он одним из первых выступил за уравнение прав и наделение землей аборигенов, защиту их от произвола переселенцев. По мнению исследователя, «эти недоразумения не кончатся до тех пор, пока инородцы не будут приобщены к русскому населению и наделены землей наравне с нашими кре-

стьянами» [19: с. 1]. Наиболее удачными, с его точки зрения, были бы удаленные таежные участки, которых избегали русские крестьяне. Изолированность и бездорожье не пугали коренных жителей, так как они в совершенстве владели традиционными способами передвижения: летом – на лодках, зимой – на нартах. А близость лесов являлась источником их экономического благополучия, основу которого составляли охота и рыболовство.

Уже в дореволюционный период Арсеньев начинает рассматривать коренных жителей как производительную силу, способную сыграть значительную роль в колонизации Дальнего Востока. Он считал, что защита их прав должна стать делом государственным. Проблема коренных жителей посвящена специальная работа исследователя «Вымирание инородцев Амурского края», где ученый не только раскрыл причины их бедственного положения, но и предложил ряд мер, необходимых для изменения ситуации. В первую очередь, по его мнению, нужно было наделить земельными и рыболовными участками оседлые народы и отвести охотничьи территории кочевым, «предоставив инородцам развиваться самим из рыболовов и охотников в огородники и земледельцы, помогая осторожно примерами и отнюдь их не насилуя» [3: с. 17]. Подобную позицию занимал и известный русский ученый Д.Н. Анучин, который писал, что «незнакомство с этнографическими данными, непонимание быта, состояния и потребностей народа было у нас уже причиной многих административных ошибок как по отношению к инородцам, так и к собственной русской народности...» [1: с. 31]. Съезд врачей согласился с изложенными Арсеньевым необходимыми мерами для устранения факторов, способствующих вымиранию инородцев, что было отмечено в его резолюции, которая, к сожалению, в основном осталась на бумаге.

Арсеньев был одним из немногих, кто считал, что перспективными формами хозяйств на Дальнем Востоке могут быть оленеводство и молочное скотоводство, чья продукция была бы конкурентоспособной в Восточной Азии. Оленеводство имело не только колонизационное, но и государственное значение, его развитие необходимо было поддерживать наравне со скотоводством. Развитие последнего, по мнению исследователя, должно было избавить «русский Дальний Восток от печальной необходимости выписывать мясо и кожи из Маньчжурии и Западной Сибири» [4: с. 41]. Эти предложения, высказанные В.К. Арсеньевым в докладе «Колонизационные перспективы Дальнего Востока», вызвали немало возражений, тем не менее после обсуждения многие положения вошли в резо-

люцию первой конференции по изучению производительных сил Дальнего Востока.

Между тем в центре научных интересов ученого на протяжении тридцати лет были проблемы этнографии, прежде всего коренного населения. К неоспоримым заслугам Владимира Клавдиевича в этой области относится четкая характеристика расселения народов Дальнего Востока России, изучение их истории, условий жизни и быта, материальной и духовной культуры. Его этнографические

исследования характеризуют ученого как человека, не равнодушного и глубоко заинтересованного в судьбе изучаемых народов.

Особую актуальность это приобрело после революции, когда одной из центральных задач колонизации стало развитие хозяйств коренных народов как наиболее продуктивного использования природных ресурсов. На коренных жителей стали смотреть как на лучшую часть богатств северных территорий [15: с. 54].

Список источников

1. Анучин Д.Н. О задачах русской этнографии : (Несколько справок и общих замечаний). Москва : Русская типо-лит., 1889.
2. Арсеньев В. Задачи исследовательских работ на Дальнем Востоке // Экономическая жизнь Дальнего Востока. Хабаровск, 1925. № 2.
3. Арсеньев В.К. Вымирание инородцев Амурского края : труды 1-го съезда врачей Приамурского края 23–28 августа 1913 г. в г. Хабаровске // Материалы по изучению Приамурского края. Вып. 20. Хабаровск, 1914.
4. Арсеньев В.К. Колонизационные перспективы Дальнего Востока // Производительные силы Дальнего Востока : тезисы докладов / Дальневосточная краевая плановая комиссия. Хабаровск, 1926. Вып. 5.
5. Арсеньев В.К., Титов Е.И. Быт и характер народностей Дальневосточного края. Хабаровск : Книжное дело, 1928.
6. Арсеньев В.К., Титов Е.И. Население Дальнего Востока как производительный фактор // Экономика Дальнего Востока. Москва, 1926.
7. Гамарник Я.Б. Советская колонизация Д.В.О. // Экономическая жизнь Дальнего Востока. Хабаровск, 1925. № 9.
8. К программе конференции // Экономическая жизнь Дальнего Востока. Хабаровск, 1925. № 3.
9. Мевзос Г.М. Население Дальнего Востока, его состав и изменения // Производительные силы Дальнего Востока : тезисы докладов / Дальневосточная краевая плановая комиссия. Хабаровск, 1927. Вып. 5.
10. Прохоров Н.И. Естественно-исторические и географические пути колонизации на Дальнем Востоке // Экономическая жизнь Дальнего Востока. Хабаровск, 1924. № 9.
11. Рыбаковский Л.Л. Население Дальнего Востока за 150 лет / отв. ред. И.В. Бестужев-Лада; АН СССР, Ин-т социологии. Москва : Наука, 1990.
12. Тарасова А.И. Владимир Клавдиевич Арсеньев. Москва : Наука, 1985.
13. Целищев М. Перспективы колонизации Дальнего Востока // Экономическая жизнь Дальнего Востока. Хабаровск, 1925. № 1.
14. Шевченко В. Последний перевал // Арсеньев В.К. Избранные произведения. Т. 2. Хабаровск, 1998.
15. Ярилов А.А. Колонизация и переселение // Труды государственного колонизационного научно-исследовательского института. Т. 1. Москва, 1924.
16. Ярилов А.А. Пути колонизационного строительства // Труды государственного колонизационного научно-исследовательского института. Т. 1. Москва, 1924.
17. 100 лет со дня рождения Е.И. Титова, этнографа, поэта и литературного критика (1896–1937) // Календарь знаменательных дат Читинской области на 1996 год. Чита : Читинская областная научная библиотека, 1996.
18. ГАКХ. Ф. 724. Оп. 1. Ед.хр. № 8.
19. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Ед.хр. № 289.

Reference

1. Anuchin D.N. *O zadachah russkoj etnografii : (Neskol'ko spravok i obshchih zamechanij)* [About the tasks of Russian ethnography: (Several references and general remarks)]. Moscow : Russian type-lit., 1889. (In Russ.).
2. Arsenyev V. *Zadachi issledovatel'skih rabot na Dal'nem Vostoke* [Tasks of research in the Far East] // Economic life of the Far East. Khabarovsk, 1925. No. 2. (In Russ.).
3. Arsenyev V.K. *Vymiranie inorodcev Amurskogo kraja : trudy 1-go s"ezda vrachej Priamurskogo kraja 23–28 avgusta 1913 g. v g. Habarovske* [Extinction of aliens of the Amur Region: proceedings of the 1st Congress of doctors of the Amur Region on August 23–28, 1913 in Khabarovsk] // Materials on the study of the Amur Region. Issue 20. Khabarovsk, 1914. (In Russ.).
4. Arsenyev V.K. *Kolonizacionnye perspektivy Dal'nego Vostoka* [Colonization prospects of the Far East] // Productive forces of the Far East : abstracts of reports / Far Eastern Regional Planning Commission. Khabarovsk, 1926. Is. 5. (In Russ.).
5. Arsenyev V.K., Titov E.I. *Byt i harakter narodnostej Dal'nevostochnogo kraja* [Life and character of the peoples of the Far Eastern Region]. Khabarovsk : Book Business, 1928. (In Russ.).
6. Arsenyev V.K., Titov E.I. *Naselenie Dal'nego Vostoka kak proizvoditel'nyj faktor* [Population of the Far East as a productive factor] // Economics of the Far East. Moscow, 1926. (In Russ.).
7. Gamarnik Ya.B. *Sovetskaya kolonizaciya D.V.O.* [Soviet colonization D.V.O.] // Economic life of the Far East. Khabarovsk, 1925. № 9. (In Russ.).
8. *K programme konferencii* [To the conference program] // Economic life of the Far East. Khabarovsk, 1925. No. 3. (In Russ.).
9. Mevzos G.M. *Naselenie Dal'nego Vostoka, ego sostav i izmeneniya* [Population of the Far East, its composition and changes] // Productive forces of the Far East : topics of reports / Far Eastern Regional Planning Commission. Khabarovsk, 1927. Issue 5. (In Russ.).

10. Prokhorov N.I. *Estestvenno-istoricheskie i geograficheskie puti kolonizacii na Dal'nem Vostoke* [Natural-historical and geographical ways of colonization in the Far East] // Economic life of the Far East. Khabarovsk, 1924. No. 9. (In Russ.).
11. Rybakovsky L.L. *Naselenie Dal'nego Vostoka za 150 let* [Population of the Far East for 150 years] / Ed. by I.V. Bestuzhev-Lada; USSR Academy of Sciences, Institute of Sociology. Moscow : Nauka, 1990. (In Russ.).
12. Tarasova A.I. *Vladimir Klavdievich Arsen'ev* [Vladimir Klavdievich Arsenyev]. Moscow : Nauka, 1985. (In Russ.).
13. Tselishchev M. *Perspektivy kolonizacii Dal'nego Vostoka* [Prospects of colonization of the Far East] // Economic life of the Far East. Khabarovsk, 1925. No. 1. (In Russ.).
14. Shevchenko V. *Poslednij pereval* [The Last pass] // Arsenyev V.K. Selected works. Vol. 2. Khabarovsk, 1998. (In Russ.).
15. Yarilov A.A. *Kolonizaciya i pereselenie* [Colonization and resettlement] // Proceedings of the State Colonization Research Institute. Vol. 1. Moscow, 1924. (In Russ.).
16. Yarilov A.A. *Puti kolonizacionnogo stroitel'stva* [Ways of colonization construction] // Proceedings of the State Colonization Research Institute. Vol. 1. Moscow, 1924. (In Russ.).
17. *100 let so dnya rozhdeniya E.I. Titova etnografa, poeta i literaturnogo kritika (1896–1937)* [100 years since the birth of E.I. Titov, ethnographer, poet and literary critic (1896–1937)] // Calendar of banner dates of the Chita region for 1996. Chita : Chita Regional Scientific Library, 1996. (In Russ.).
18. *GAKKH* [GAKH]. F. 724. Op. 1. Ed.hr. No. 8. (In Russ.).
19. *RGIA DV* [RGIA DV]. F. 702. Op. 5. Ed.hr. No. 289. (In Russ.).

Информация об авторе

С.В. Гончарова – кандидат исторических наук.

Information about the author

S.V. Goncharova – Candidate of Science (History).

Статья поступила в редакцию 15.12.2021; одобрена после рецензирования 10.01.2022; принята к публикации 01.02.2022.
The article was submitted 15.12.2021; approved after reviewing 10.01.2022; accepted for publication 01.02.2022.

Научная статья

УДК 636.294.03(571.62)

doi: 10.31079/1992-2868-2022-19-2-206-210

ОЛЕНЕВОДСТВО ЭВЕНОВ ОХОТСКОГО РАЙОНА В 1930-Е ГОДЫ

Галина Теодоровна Титорева

Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, Хабаровск, Россия, mazo2005@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы развития оленеводческой отрасли Охотского района Хабаровского края в 1930-е гг., в переходный период от традиционного способа хозяйствования к социалистическому. Анализируются проблемы оленеводства, связанные с новыми политическими и социально-экономическими реалиями времени. Материал статьи основывается на архивных данных, отражающих состояние традиционного жизнеобеспечивающего промысла эвенов на начальном этапе советизации и коллективизации в Охотском районе и позволяющих понять противоречия и сложности этих процессов. Автор прослеживает динамику развития оленеводства в 1930-е гг., изменение его традиционной специализации и переход к продуктивному животноводству.

Ключевые слова: Прихотье, оленеводство, эвены, 1930-е гг., коренные народы Севера

Original article

REINDEER HERDING OF THE EVENS OF THE OKHOTSK REGION IN THE 1930S

Galina F. Titoreva

Khabarovsk Regional Museum named after N.I. Grodekov, Khabarovsk, Russia, mazo2005@mail.ru

Abstract. The article covers development of the reindeer herding industry of the Okhotsk economy of the Khabarovsk Territory in the 1930s, during the transition from traditional economy to the socialist one. Analysis of the problem of reindeer breeding associated with the emergence of threats and the socio-economic realities of the time. Material of the article is found in archival data, reflecting the state of Evens conditional life-supporting industry at the initial stage of Sovietization and collectivization in the Okhotsk region and allowing us to understand the contradictions and complexity of the processes. The author traces the dynamics of development of reindeer husbandry in the 1930s, changes in its average specialization and transformation towards productive animal husbandry.

Keywords: Okhotsk region, reindeer herding, Evens, 1930s, indigenous peoples of the North

Традиционное хозяйство эвенов Прихотья носило комплексный характер и включало охотничий промысел, оленеводство и рыболовство. Однако основной отраслью хозяйства издавна был оленеводческий промысел. Эвены Охотского района* занимались мелкотабунным транспортным оленеводством, от которого зависели все другие отрасли хозяйства. К местам охоты и рыбалки, находящимся часто за сотни километров от района кочевания, можно было добраться исключительно на олене. Олень служил единственным способом доставки продуктов и других товаров в тайгу. С ранних лет каждый эвен имел своего учика – личного оленя, который служил ему и другом, и ежедневным средством передвижения.

Кроме того, оленьи шкуры служили материалом для постройки жилища, изготовления различных предметов домашнего обихода, пошива одежды и выючных сумок, без которых невозможно кочевание семьи. Мясо домашнего оленя спасало таежников

в трудные периоды. В благополучное время своих оленей резали только по особым случаям, а питались мясом диких оленей, горных баранов и других таежных животных. Таким образом, оленеводство объективно являлось ведущей отраслью хозяйства охотских эвенов и во многом определяло образ жизни этноса. Поговорка «без оленя нет эвена» была актуальна во все времена.

Традиционно семьи оленеводов Охотского района владели небольшими стадами. Содержать и выпасать в тайге многочисленные стада оленей было трудно и неэффективно. Нормальное существование семье могли обеспечить 40–50 оленей. Богатым оленеводом считался эвен, имеющий стадо около 100 голов. И только единицы из сородичей владели стадами в 1000 и более оленей [2: с. 16–17]. В этом случае стадо делили на более мелкие группы до 300 голов, которые паслись отдельно, и для их обслуживания использовали наемный труд бедных родственников.

С приходом на Север советской власти и началом процесса коллективизации в оленеводстве произошли существенные изменения. Коллективизация в

* С 1930 по 1934 г. Охотский район входил в состав Охотско-Эвенского округа. В 1934 г. он стал частью Нижнеамурской области, а с 1938 г. – Хабаровского края.

Охотском районе началась в 1930 г., и хотя она затронула все направления хозяйственной деятельности региона, сложнее всего она проходила именно в оленеводстве. Специфика промысла, требующая постоянных перемещений в труднодоступных и отдаленных районах, затрудняла учет населения и оленей, усложняла организационную деятельность партийных и хозяйственных органов [12: с. 16].

Главная проблема состояла в обобществлении оленей. Первые коллективные хозяйства в Охотском районе создавались в форме артели или коммуны, которые требовали объединения всех личных оленей. Лишив эвенков самого ценного, на чем строилось их материальное и семейное благополучие, партийные и советские деятели поставили под угрозу и саму идею коллективизации, и, в некоторых случаях, жизнь людей. Через 2 года такой механизм обобществления частной собственности был признан ошибочным и колхозникам вернули часть личных оленей [13].

Объединение малочисленных стад оленей, принадлежавших беднякам, оказалось малоэффективным, новые хозяйственные образования были нежизнеспособными. Кроме того, оленеводы, формально передавая оленей в колхозное стадо, все равно воспринимали их как собственных и распоряжались ими по-прежнему. Успех коллективизации и достижение ее экономической эффективности виделся в экспроприации больших стад оленей состоятельных владельцев – «кулаков» и «феодалов». И в этом процессе тоже было много ошибок и «перегибов». Все оленеводы, имеющие больше 300 оленей, были зачислены в разряд кулаков, члены их семей лишались социальных и политических прав [3: л. 3]. Не принималось во внимание, что некоторые из семей заработали это состояние собственным упорным трудом.

Богатые оленеводы отказывались передавать свои стада колхозам. Одни уводили их далеко на север, в труднопроходимую тайгу, другие начали убой оленей на мясо и продажу их живьем. Этот процесс принял массовый характер и повлек значительное сокращение поголовья оленей в районе. Восстановление количества оленей и развитие отрасли руководство района видело в организации оленеводческих совхозов, переводе бедняцких и середняцких хозяйств на коллективные формы, расширении сети ветеринарно-врачебных пунктов [9: л. 21а].

В 1932 г. было проведено экспедиционное обследование оленного хозяйства, исследование флоры и фауны и землеустройства Охотского района. Это должно было способствовать более эффективному и грамотному ведению хозяйственно-экономической деятельности вновь создаваемых колхозов и совхозов. К началу 1932 г. в Охотском районе числилось 400 частных оленеводческих хозяйств, в среднем на 1 хозяйство приходилось 58 оленей [11: л. 8а].

К сожалению, полных и точных статистических данных, экономических показателей, позволяющих дать объективную характеристику оленеводческой отрасли Охотского района в 1930-е гг., не имеется. Мы располагаем лишь отрывочными сведениями, которые, тем не менее, дают представление о состоянии отрасли в этот период и о важных социально-экономических процессах, повлиявших на дальнейшее развитие промысла.

В 1932 г. в Охотском районе было всего 23 000 оленей при общей численности населения в 2200 человек, т.е. на одного жителя приходилось в среднем 10,4 оленя. Для сравнения, в соседних Аяно-Майском и Тугуро-Чумиканском районах стада домашних оленей насчитывали по 7000 голов [8: л. 71а]. Из 23 000 оленей в Охотском районе в колхозах содержалось 3120 оленей, что составляло 13,6 %, остальные принадлежали частным владельцам [8: л. 72а].

В целях повышения рентабельности оленеводческой отрасли на 1933 г. в Охотском районе планировалось организовать опорно-оленеводческую станцию около с. Арка. Создать при ней опытные племенные стада (аркинское – 400 голов, бургахчанское – 600 голов). А также открыть ветврачебный пункт в Охотске и ветфельдшерский пункт в Улье [8: л. 87а]. Однако многие планы развития оленеводства оставались лишь на бумаге. Больше внимания в этот период уделялось рыболовецкой отрасли как менее затратной, но более рентабельной и товарной. Так, в 1935 г. валовой доход от оленеводства составил 985 776 руб., в то время как от рыболовства – 3 172 932 руб. [5: л. 54]. Удельный вес оленеводства в доходах колхозов Охотского района в 1935 г. составил 21,67 %, однако в некоторых колхозах, например в Арке и на Юдоме, он был значительно выше: 48 и 41 % соответственно [6: л. 13а].

Благоприятные для развития оленеводства тенденции наметились в середине 1930-х гг. В 1934 г. состоялся первый съезд оленеводов Охотского района. Его делегатам было поручено предоставить сведения о количестве оленей в колхозах с разделением на половозрастные группы, о падежах от болезней и хищников, о потерях животных и результатах отела. Кроме того, делегаты должны были передать съезду указы от колхозов [9: л. 22]. Следующий съезд оленеводов Охотского района состоялся в 1936 г.

На съездах обсуждались проблемы отрасли, общие для всего рассматриваемого периода, в том числе: 1) отсутствие специалистов, техников-оленеводов; 2) неукomплектованность стад проверенными пастухами; 3) слабое руководство со стороны правления колхозов; 4) большие непроизводительные потери оленей; 5) отсутствие связи; 6) отсутствие круглогодичного транспортного сообщения; 7) отсутствие ветпомощи на местах.

Коллективное обсуждение проблем, тормозящих развитие оленеводства, введение новых механизмов

стимулирования работников и кредитования колхозов, внимание районных органов власти к потребностям оленеводов позволили северной отрасли, пусть незначительно, но увеличить темпы своего развития. В 1935 г. была изменена система оплаты труда пастухов, в зависимости от состояния стада, его сохранности, упитанности животных и других показателей. Были введены нормы выработки приплода, отхода оленей, введен зооветминимум [1: л. 55]. Постановлением Президиума Охотского РИКа были утверждены цены на реализацию оленей колхозами и частниками.

В целях разведения высококачественного оленевого стада было решено полностью использовать отпускаемые кредиты на приобретение племенного скота, постройку каралей, зооветобслуживание и «культурное ведение хозяйства» [10: л. 19].

В середине 1930-х гг. была выработана структура руководства и организации в оленеводческих бригадах. Все поголовье колхозных оленей разбивалось на стада до 500 голов в каждом. Внутри стада выделяли группы рабочих оленей, молодняка, важенков и, в случае необходимости, стадо больных оленей.

Руководил работой всех стад колхоза бригадир. Он являлся членом правления колхоза и отчитывался перед общим собранием оленеводов и правлением о состоянии дел в хозяйстве. Бригадир подчинялись все пастухи данного колхоза, он имел право назначать, перемещать и снимать работников. В обязанности бригадира входило: правильная расстановка рабочей силы, разработка маршрутов кочевков, учет оленей, контроль за случной и отельной кампаниями, выбраковка и забой оленей, инструктаж пастухов всех стад.

В каждое стадо назначался старший пастух, у которого в подчинении были пастухи, чумработница и ученик. Оплата работников исчислялась в трудоднях и зависела от количества окармливаемых оленей, их качества, упитанности, сохранности поголовья оленей и молодняка в частности. Все работники делились на 5 категорий, для каждой из которых был определен размер трудодня: 1-я категория: 1,5–1,75 (бригадир); 2-я: 1,25 (старший пастух); 3-я: 1,00 (пастух); 4-я: 0,75 (чумработница); 5-я: 0,5 (ученик).

Норма выпаса оленей устанавливалась на съезде пастухов для каждого колхоза в отдельности. За сверхплановые показатели проводилось премирование пастухов. Например, в Юдомском колхозе по итогам 1935 г. бригадир И.К. Алексеев получил двух оленей и 300 руб., старший пастух Е.И. Безносков – одного оленя и 250 руб., пастухи Д. Громов и В.Е. Безносков по 1 оленю и 200 и 150 руб. соответственно, чумработницы А. Андреева и Е. Громова по 50 руб. [6: л. 4–6].

Учет оленей в районе вплоть до 1940-х гг. оставался формальным, плохо налаженным. Это подтверждают и архивные материалы, в которых фигу-

рируют разные данные по статистике одного и того же периода. В одном из решений президиума Охотского райисполкома 1938 г. указывалось, что «учетом оленей в районе из года в год никто не занимался, ограничиваясь представлением сводок сельсоветами» [7: л. 188]. Тем не менее по имеющимся данным нами составлена таблица численности поголовья оленей в Охотском районе в 1930-е гг. (табл. 1).

Таблица 1

Численность оленей в Охотском районе в 1931–1938 гг.

Год	1931	1932	1934	1935	1937	1938
Количество	23 000	23 000	27 986	21 347	24 160	27 245

Даже делая поправку на неточности в подсчете оленей, можно сделать вывод, что на протяжении всего рассматриваемого периода численность поголовья в районе менялась незначительно. Тем не менее очевидна тенденция увеличения количества оленей к концу 1930-х гг.

Динамику изменения численности поголовья оленей в разных национальных советах за 10 лет (с середины 1920-х гг. до середины 1930 гг.) отражают данные табл. 2 [6: л. 8].

Таблица 2

Сравнительная сводка оленьего поголовья по данным переписи 1926 г. и по состоянию на 01.01.1936 г. по Охотскому району

Наименование совета	1926 г.	1935 г.	%
Аркинский	734	2485	238,5
Бургахчанский	2656	2962	11,5
Юдомский	1844	3917	112,4
Ульинский	933	2980	219,3
Ульбейский	5635	2036	- 63,9
Хейджанский	7821	5568	- 28,8
Уракский	499	481	- 3,6
Инской	12	303	242,0
Приисковский	22	615	269,5
Булгинский	22	–	–
Ново-Устинский	4	–	–
Итого	20 182	21 347	–

Эти данные подтверждают зависимость численности оленепоголовья от темпов коллективизации в разных территориальных группах. Так, в Аркинском и Ульском подрайонах, где были организованы первые колхозы, количество оленей возросло более чем на 200 %, а в среде горных эвенов, на Ульбее и Хеджане, где оставалась многочисленной прослойка кулаков и коллективные хозяйства сложились значительно позже, численность оленей сократилась почти вдвое.

По социальным группам общее количество оленей Охотского района распределялось следующим образом (табл. 3) [4: л. 121].

Таблица 3

Поголовье оленей на 01.01.1936 г.

Название нацсельсовета	Социальные группы				Хозяйственные организации	Всего
	Колхозы	Индивид. колхозники	Единоличники	Кулаки		
Инской	259	44	–	–	–	303
Хейжанский	20	248	3808	1592	–	5568
Ульбейский	178	591	275	992	–	206
Приисковский	–	137	–	–	460	597
Резидентский	–	–	18	–	–	18
Уракский	287	158	–	–	36	481
Аркинский	1797	402	193	92	–	2484
Бургахчанский	2371	235	106	250	–	2962
Юдомский	3061	480	376	–	–	3917
Ульинский	829	1343	808	–	–	2980
Итого	8802	3638	3085	2926	496	21 346

С середины 1930-х гг. в Охотском районе был взят курс на продуктивное оленеводство, требующее значительного увеличения поголовья животных. Добиться этого планировалось за счет приобретения оленей на средства кредитов и экспроприации стад богатых оленеводов. Однако в этом деле существовало много проблем. Помимо субъективных причин, таких как намеренное уничтожение оленей кулаками, недостаток опытных, ответственных пастухов и пр., наращиванию оленепоголовья мешали и объективные факторы, такие как непродовольственные потери и привлечение оленей на грузоперевозки.

К непродовольственным потерям относятся гибель животных от болезней и волков, а также потери оленей в тайге. Так, в 1934 г. от копытницы и других болезней в районе погибло 727 оленей, от волков – 98, потеряно 647 голов. В 1935 г. от болезней умерло 1038 оленей, от волков – 180 и потеряно было 880 оленей. Итого за 2 года было утрачено 3560 животных, что составляет около 15 % всего поголовья [6: л. 13].

Второй причиной сокращения поголовья оленей в Охотском районе были грузоперевозки. Все товары, продукты, инвентарь и пр. доставлялись исключительно на оленях. Расстояние от пунктов – от 100 до 500 км. Кроме обслуживания своего района, перевозили грузы якутских организаций. Также оленям приходилось участвовать в подвозке лесо-

материалов, хозработам и обслуживании пастухов. Вместо плановых 3 рейсов за зиму делали до 6 рейсов. Каждый год объемы строительства и хозяйственных работ возрастали, и рабочих оленей не хватало. Поэтому в грузоперевозках участвовали все колхозные олени, даже важенки, в то время как в личных стадах только 30–40 % оленей привлекалось на эти работы. Соответственно и падеж животных в колхозных стадах был значительно выше. Для решения проблемы зимой 1935/36 г. во всех колхозах были назначены техники-оленоводы, ответственные работники РИКа, в функции которых вменялось «проводить в жизнь мероприятия по сохранению оленьего поголовья» [6: л. 3].

Таким образом, оленеводство эвенов Охотского района претерпело в 1930-е гг. значительные изменения. От традиционно транспортной специализации оно перешло к продуктивному направлению. Коллективизация в отрасли и организация колхозов в этот период на многие годы определили стратегию развития оленеводства в Охотском районе. Являясь в досоветский период ведущей отраслью хозяйства, в 1930-е гг. оленеводство уступило свои позиции рыболовству и охоте. В этот период были заложены основы зоотехнической и ветеринарной службы района, начала формироваться система организации и структура руководства в оленеводческих хозяйствах.

Список источников

1. Государственный архив Хабаровского края. Ф. 682. Оп. 1. Д. 43.
2. Кибер А.Э. Краткие замечания о ламутах, тунгусах и юкагирах // Сибирский вестник. Санкт-Петербург, 1823. Ч. 3. Кн. 17. С. 13–19.
3. Муниципальный архив Николаевского района (МАНР). Ф. 276. Оп. 1. Д. 8.
4. МАНР. Ф. 276. Оп. 1. Д. 18.
5. МАНР. Ф. 276. Оп. 1. Д. 19.
6. МАНР. Ф. 276. Оп. 1. Д. 24.
7. МАНР. Ф. 276. Оп. 1. Д. 27.
8. МАНР. Ф. 291. Оп. 1. Д. 12.
9. МАНР. Ф. 291. Оп. 1. Д. 14.
10. МАНР. Ф. 291. Оп. 1. Д. 16.

11. МАНР. Ф. 291. Оп. 1. Д. 18.

12. Пикалов Ю.В. Асеев А.А. Коренные малочисленные народы Дальнего Востока СССР в 1922–1941 гг.: социальное развитие. Хабаровск : РИОТИП, 2009. 240 с.

13. Титорева Г.Т. Проблемы коллективизации в Охотском районе в 1030-е гг. // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2015. № 2. С. 202–206.

References

1. *Gosudarstvennyj Arhiv Habarovskogo kraja* [The State Archive of the Khabarovsk Territory]. F. 682. Op. 1. D. 43. (In Russ.).

2. Cyber A.E. *Kratkie zamechaniya o lamutah, tungusah i yukagirah* [Brief remarks on lamuts, tunguses and yukaghirs] // *Siberian Bulletin*. St. Petersburg, 1823. Part 3. Book 17. P. 13–19. (In Russ.).

3. *Municipal'nyj arhiv Nikolaevskogo rajona (MANR)* [Municipal Archive of the Nikolaevsky district (MAND)]. F. 276. Op. 1. D. 8. (In Russ.).

4. *MANR* [MAND]. F. 276. Op. 1. D. 18. (In Russ.).

5. *MANR* [MAND]. F. 276. Op. 1. d. 19. (In Russ.).

6. *MANR* [MAND]. F. 276. Op. 1. D. 24. (In Russ.).

7. *MANR* [MAND]. F. 276. Op. 1. D. 27. (In Russ.).

8. *MANR* [MAND]. F. 291. Op. 1. D. 12. (In Russ.).

9. *MANR* [MAND]. F. 291. Op. 1. D. 14. (In Russ.).

10. *MANR* [MAND]. F. 291. Op. 1. D. 16. (In Russ.).

11. *MANR* [MAND]. F. 291. Op. 1. D. 18. (In Russ.).

12. Pikalov Yu.V. Aseev A.A. *Korennye malochislennye narody Dal'nego Vostoka SSSR v 1922–1941 gg.: social'noe razvitie* [Indigenous peoples of the Far East of the USSR in 1922–1941: social development]. Khabarovsk : RIOTYPE, 2009. 240 p. (In Russ.).

13. Titoreva G.T. *Problemy kollektivizacii v Ohotskom rajone v 1030-e gg.* [Problems of collectivization in the Okhotsk region in the 1030s.] // *Social and humanitarian sciences in the Far East*. 2015. No. 2. P. 202–206. (In Russ.).

Информация об авторе

Г.Т. Титорева – кандидат искусствоведения, заведующий научно-исследовательским сектором этнографии.

Information about the author

G.F. Titoreva – Candidate of Art History, Head of the Research Sector of Ethnography.

Статья поступила в редакцию 12.12.2021; одобрена после рецензирования 01.02.2022; принята к публикации 20.02.2022.
The article was submitted 12.12.2021; approved after reviewing 01.02.2022; accepted for publication 20.02.2022.

Научная статья

УДК 325.1

doi: 10.31079/1992-2868-2022-19-2-211-216

ПРОБЛЕМЫ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ И СПОСОБЫ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Натан Григорьевич Менделев¹, Анатолий Михайлович Шкуркин², Екатерина Леонидовна Луценко³

¹Дальневосточный институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Хабаровск, Россия

^{2,3}Дальневосточный государственный университет путей сообщения, Хабаровск, Россия

²shkurkinam@mail.ru

³luce-ekaterina@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблем незаконной миграции и способов её распространения. Авторы полагают, что для успешной реализации решений, направленных на эффективное развитие Дальневосточного федерального округа, обеспечение безопасности на его территории, уже сегодня необходимо разработать долгосрочную государственную стратегию в отношении мигрантов на территории Российской Федерации.

Ключевые слова: миграция, миграционная политика, незаконная миграция, преступление, миграционные процессы

Original article

PROBLEMS OF ILLEGAL MIGRATION AND WAYS TO OVERCOME THEM

Natan G. Mendeleev¹, Anatoly M. Shkurkin², Ekaterina L. Lutsenko³

¹Far Eastern Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Khabarovsk, Russia

^{2,3}Far Eastern State Transport University, Khabarovsk, Russia

²shkurkinam@mail.ru

³luce-ekaterina@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the problems of illegal migration and ways of their distribution. The authors believe that for the successful implementation of decisions aimed at the effective development of the Far Eastern Federal District, ensuring security on its territory, it is already necessary to develop a long-term state strategy for migrants on the territory of the Russian Federation today.

Keywords: migration, migration policy, illegal migration, crime, migration processes

В условиях глобализации XXI в. незаконная миграция стала одним из главных вызовов современности. Это вызов для государств, для межгосударственных отношений, реальная угроза стабильности стран и регионов мира. При этом незаконная миграция представляет угрозу не только сама по себе. Она тесно связана с такими формами трансграничной преступности, как международный терроризм, торговля оружием, незаконный оборот наркотиков и торговля людьми [11]. Процесс незаконной международной миграции в той или иной мере затрагивает все мировое сообщество, оказывая влияние на экономическую, политическую, социальную сферы жизни общества, а также сферу борьбы с преступностью. По данным федеральных статистиков, в 2021 г. по Российской Федерации количество прибывших составило 4 911 566 человек. Заметно, что показатель миграционного прироста в 2021 г. заметно снизился. Например, в 2020 г. он равнялся 261 948 человек, в 2021 г. –

211 878 человек. Главными причинами этого явления надо считать сокращение потока с Украины (13 776 человек в 2021, против 178 274 в 2016 г.) и массовое возвращение украинцев из России (122 954 человека в 2021, против 59 455 в 2020 г.).

Больше всего в 2021 г. в Россию прибыло граждан Таджикистана – 67 929, Казахстана – 72 141 и Узбекистана – 55 378. При этом 819,6 тыс. живут нелегально.

На сегодняшний день одной из главных проблем России остается нашествие нелегальных мигрантов из Средней Азии. Чтобы избежать этих трудностей, российские власти внесли поправки в законопроект, регулирующий миграционные процессы в стране. Согласно внесенным изменениям начиная с 1 января 2014 г. порядок въезда, выезда и нахождения на территории РФ полностью изменился.

Иностранному гражданину не сможет находиться без визы на территории России более 90 суток из 180 дней. До вступления в силу поправок правило о

90-дневном пребывании в Российской Федерации уже действовало, однако практика показала его неэффективность. Закон можно было легко обойти. Мигрант по истечении срока безвизового пребывания выезжал за пределы России буквально в соседний Казахстан на несколько часов, а затем спокойно возвращался в РФ [7]. На данный момент обойти временное ограничение станет гораздо сложнее. Единственный способ его обойти – это получить разрешение на временное проживание либо оформить разрешение на работу или патент [3]. Согласно новому законопроекту человек, который пробыл в России 90 дней, в последующие 90 дней не сможет вновь въехать в страну, т.е. в течение года мигранту полгода придется в любом случае находиться вне российской территории. Если же правило будет нарушено, приезжему могут запретить повторный въезд на срок до трех лет [15]. Практика не нова, она уже давно действует в отношении иностранных граждан, которые получают для въезда в Россию многократные визы.

Далее отметим, что для противодействия незаконной миграции применяются различные меры, основными из которых являются:

- 1) усиление мер ответственности за организацию незаконного ввоза мигрантов;
- 2) совершенствование работы пограничных служб;
- 3) ограничение случаев незаконного трудоустройства путем осуществления контроля за рынком труда [4], применения административных, уголовных и гражданско-правовых санкций против работодателей;
- 4) применение санкций к перевозчикам, т.е. транспортным компаниям, которые ввезли нелегального мигранта по суше, воде или воздуху;
- 5) усиление ответственности иностранных граждан за незаконное пребывание в стране;
- 6) контролирование численности лиц с незаконным статусом посредством высылки либо миграционных амнистий;
- 7) более широкое использование каналов законной миграции;
- 8) усиление международного взаимодействия;
- 9) оказание финансово-экономической помощи странам происхождения незаконных мигрантов.

В настоящее время в миграционной сфере действует более 800 нормативно-правовых актов, в которых часто используются термины и понятия, не раскрытые в законодательстве. Несовершенство действующей системы управления миграционными процессами привело к следующей совокупности негативных проявлений.

1. Вместе с незаконной миграцией в Российскую Федерацию проник радикальный исламский фундаментализм, тесно связанный с экстремизмом и тер-

роризмом, борьбой против представителей традиционных течений ислама; усилилась внутриконфессиональная и межконфессиональная напряженность.

2. За последние пять лет преступность среди иностранцев увеличилась на 15 %, при этом количество преступлений против жизни и здоровья граждан России выросло на три четверти.

3. Нелегальная миграция используется организованными преступными группами и экстремистскими националистическими организациями в преступных целях; маршруты и налаженные каналы нелегальной миграции используются в качестве путей наркотрафика и перевозки оружия.

4. Возросла социально-экономическая нагрузка на российских налогоплательщиков (иммигранты пользуются медицинскими услугами в общественных медицинских учреждениях, их дети посещают общественные школы, увеличиваются расходы муниципалитетов на поддержание правопорядка); возросла нагрузка на ЖКХ (в силу перенаселенности занимаемых жилых площадей с целью сэкономить на аренде), на транспорт и коммуникации, на сферу услуг.

5. Не учитывается опыт стран Европейского союза и США по созданию селективной миграции, где оптимизируются потоки трудовой миграции в национальных [5] (прежде всего, геополитических и экономических) интересах, предъявляются соответствующие требования к приезжающим, квотируется въезд из разных стран и др.

6. Отсутствуют прогнозы состояния и потребностей рынка труда, не определяются возрастные структуры, образование, уровни квалификации и иные параметры привлекаемых трудовых ресурсов, отсутствует механизм организованного набора трудовых ресурсов в странах – экспортерах рабочей силы [6].

Для успешного решения проблем, связанных с миграцией, например упорядочения рынка труда, повышения налогооблагаемой базы, снижения уровня преступности, необходим постоянный мониторинг правоприменительной практики, анализ текущего состояния и прогноз развития миграционных процессов [7]. Такая комплексная задача предполагает осуществление, в первую очередь, мер политического, правового, организационного и иного характера при условии координации усилий федеральных органов государственной власти, органов власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления и гражданского общества в соответствии с законодательством, регламентирующим отношения в сфере миграции. Ее конечная цель – противодействие угрозам безопасности государства, которые несет в себе неконтролируемое перемещение населения, что является одной из сложнейших национальных задач [11]. С учетом общественного мнения в последние годы

органами российского государства сделан ряд шагов по решению проблем, связанных с нелегальной миграцией. Отражением возросшего внимания к проблемам миграции явилось принятие Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации до 2025 г., задающей основные направления как для законодателей, так и для министерств и ведомств [10].

Необходимо отметить, что Федеральное собрание уделяет постоянное внимание проблемам совершенствования и гармонизации миграционного законодательства. При этом основной акцент в законотворческой деятельности делается на совершенствовании миграционного законодательства Российской Федерации в части [12], касающейся вопросов предупреждения и пресечения незаконной миграции, правового регулирования трудовой деятельности в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства. Так, принятыми законами устанавливается либо усиливается уголовная ответственность за пересечение государственной границы Российской Федерации иностранцем или лицом без гражданства, въезд которому не разрешен по основаниям, предусмотренным законодательством Российской Федерации [13], и за организацию незаконного въезда, пребывания или незаконного транзитного проезда через территорию Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства. Установлена также административная ответственность приглашающей стороны за непринятие мер по материальному, медицинскому и жилищному обеспечению приглашенного иностранного гражданина или лица без гражданства в период его пребывания в Российской Федерации.

Часть принятых законов направлена на совершенствование законодательства Российской Федерации в области адресно-справочного учета граждан Российской Федерации и миграционного учета иностранных граждан и лиц без гражданства, обеспечение социально-бытовых гарантий трудовым мигрантам и т.д. [1]. Тем не менее в целях противодействия незаконной миграции необходимо продолжить осуществление организационно-правовых мер, направленных:

1) на разработку новых комплексных критериев оценки эффективности миграционной политики, мониторинга правоприменения норм миграционного законодательства. При этом необходимо учитывать не только экономические, но и социальные, демографические, этнополитические, культурные и иные последствия миграции для развития регионов;

2) оптимизацию трудовой миграции, в том числе через создание механизма и порядка определения потребности России в иностранных работниках, а также внедрение предлагаемых программ трудовой миграции, включая оргнабор, а также со-

здание балльной системы отбора для получения вида на жительство и стимулирование миграции на жительство бизнесменов, инвесторов и молодежи;

3) ужесточение мер в отношении злостных нарушителей миграционного законодательства, в отношении которых ранее уже выносились решения о депортации либо административном выдворении за пределы территории Российской Федерации и ограничении им права въезда на территорию Российской Федерации сроком до 10 лет;

4) расширение взаимодействия и усиление координации при осуществлении согласованных мер противодействия нелегальной миграции, предусмотренных межгосударственными соглашениями [14], с заинтересованными органами и ведомствами государств – участников СНГ;

5) установление режима въезда граждан государств – участников СНГ (кроме стран Таможенного союза) на территорию России исключительно по заграничным паспортам;

6) систематическое проведение территориальными органами МВД и ФМС России оперативно-профилактических мероприятий и специальных операций, направленных на выявление и пресечение нарушений миграционного законодательства Российской Федерации.

Федеральной службе безопасности Российской Федерации с учетом перспектив движения миграционных потоков необходимо провести укрепление государственной границы Российской Федерации в особо уязвимых местах [8].

Основными тенденциями современной миграционной ситуации в России, а вместе с тем и проблемами внутренней миграции можно считать расширение зоны оттока населения, сокращение зоны его притока и постепенное усиление поляризации территории страны по результативности миграционных потоков. С одной стороны, идут «центростремительные» перемещения населения, с другой – происходит сокращение населения Дальневосточного федерального округа, некоторых регионов Сибири и Европейского Севера.

Региональная специфика миграционных процессов Дальневосточного федерального округа определяется тем, что вопросы противодействия незаконной миграции здесь имеют особенное значение, поскольку Дальневосточный округ является одним из самых неблагоприятных субъектов РФ с низким демографическим балансом ввиду низкой плотности населения, неосвоенности территорий, удаленности от центральной, более населенной части страны, вместе с тем с высокой миграционной активностью населения. Анализ миграционной ситуации в Дальневосточном федеральном округе позволяет сделать выводы о том, что на Дальнем Востоке России миграционные процессы проявляются

с особой остротой. Они происходят на фоне продолжающегося быстрого демографического роста и стремительного экономического развития Китайской Народной Республики.

С открытием российских границ и активизацией торговых и внешнеэкономических отношений с восточным соседом поток китайских мигрантов, прибывающих на территорию Дальневосточного федерального округа, постоянно растет. Они все активнее включаются в экономическую жизнь региона, используя при этом как легальные, так и нелегальные способы. Квалификация нелегально занятых мигрантов из ближнего и дальнего зарубежья оценивается как низкая. Учитывая высокий образовательный уровень и квалификацию встречного потока россиян, выезжающих из страны, обмен складывается не в пользу России – наша страна теряет высококвалифицированные ресурсы, а получает рабочую силу средней и низкой квалификации. Если не предпринимать усилий, направленных на сдерживание миграционного оттока из наиболее важных с геополитической и экономической точек зрения регионов России – в первую очередь из приграничных районов Дальневосточного федерального округа – Россия потеряет проживающее там население. Это будет настоящая катастрофа для геополитической стабильности России. Сокращение населения Дальневосточного федерального округа может привести к подрыву целостности России, вызвать реальную угрозу ее суверенитету, экономической безопасности, а также поставит под сомнение вопрос касательно места России на мировой арене как сверхдержавы. При этом Россия располагает огромным опытом в области территориального расселения населения, накопленным еще в XIX и XX вв., который возможно частично учесть и использовать сегодня с позиции воздействия на первую группу факторов.

В этих условиях стратегической целью развития Дальнего Востока должно стать формирование развитой экономики и комфортной среды обитания населения, а также достижение не менее чем среднероссийского уровня социально-экономического развития. Реализация в Дальневосточном федеральном округе широкомасштабных социально-экономических проектов потребует привлечения в регион значительных трудовых ресурсов. Несмотря на малочисленность местного населения и нехватку трудовых ресурсов, в субъекты Российской Федерации, расположенные в Дальневосточном федеральном округе, приток мигрантов продолжится не только из КНР, но и из стран ближнего и дальнего зарубежья. Для успешной реализации решений, направленных на эффективное развитие Дальневосточного федерального округа, обеспечение безопасности на его территории уже сегодня необхо-

димо разработать долгосрочную государственную стратегию в отношении мигрантов на территории Российской Федерации.

Для того чтобы миграционные потоки в Дальневосточном федеральном округе из фактора, формирующего угрозу национальной безопасности, стали фактором созидательным, соответствующим целям развития региона, необходима взвешенная государственная политика, направленная на решение, прежде всего, таких комплексных задач, как:

- 1) закрепление населения в субъектах региона;
- 2) привлечение мигрантов из других районов России на Дальний Восток;
- 3) установление эффективной системы контроля за иностранными гражданами, прибывающими в регион [9].

В целях стабилизации численности населения в ближайшей перспективе и обеспечения его роста в дальнейшем необходимо преодоление негативных тенденций в демографическом развитии. При этом следует уделить особое внимание установлению статуса и обеспечению гарантий государственной поддержки «зоны оседлости» в южных районах Дальнего Востока.

Следует разработать схемы расселения «избыточного» населения из северных в южные районы четырех приграничных субъектов Дальневосточного федерального округа: Амурской и Еврейской автономных областей, Приморского и Хабаровского краев. Необходимо подготовить и принять федеральные законы «О развитии Дальнего Востока и Забайкалья», «Об обеспечении безопасности Дальнего Востока Российской Федерации», «Об особом статусе субъектов Дальнего Востока».

В целях осуществления системного контроля над въездом, выездом и пребыванием на территории Дальневосточного федерального округа иностранных граждан и натурализацией мигрантов необходимо предусмотреть следующие мероприятия:

- 1) создать эффективно действующие миграционные инспекции в Хабаровском и Приморском краях, Амурской и Еврейской автономных областях;
- 2) разработать законодательный порядок регулирования временной приостановки юридическим лицам, привлекавшимся к административной ответственности, оформления приглашений для иностранных граждан, а также о сроках задержания иностранных граждан без документов и содержания их под стражей до установления личности;
- 3) определить категории иностранных граждан, подлежащих регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей без образования юридического лица; решить вопросы о создании специально оборудованных мест для содержания иностранных граждан, подлежащих выдворению, и иностранных граждан, задержанных без документов, удостове-

ряющих личность, а также о создании единой региональной компьютерной базы миграционной службы МВД России, пограничной службы ФСБ России и таможенных органов [2].

Необходимо также проведение комплексных научных исследований количественной и качественной оценки незаконной миграции в регионе как одного из элементов системы угроз национальной безопасности. Вопрос нелегальной иммиграции для

России является сегодня судьбоносным. Без ответа на него проблемы наркотрафика, этнической преступности и межнациональных конфликтов не имеют видимого решения. Будучи одним из главных факторов провоцирования внутривнутриполитической напряженности, проблема нелегальной миграции в обозримой перспективе станет весомым фактором политической мобилизации населения.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации: в редакции федеральной конструкции закона № 6-ФКЗ от 30 декабря 2008 г. и № 7-ФКЗ от 30 декабря 2008 г. // СЗРФ. 2009. № 4.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон : [принят Гос. Думой 30.12.2001 № 19-ФЗ; в ред. федер. закона от 23.07.2013 № 249-ФЗ] // СЗРФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон : [принят Гос. Думой 18.12.2001 № 174-ФЗ; в ред. федер. закона от 03.02.2014, с изм. от 18.03.2014 (с изм. и доп., вступ. в силу с 15.02.2014)] // СЗРФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
4. Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей. URL: <http://www.un.org>. (дата обращения: 19.03.2014).
5. О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации : федер. закон : [принят Гос. Думой 18.07.2006 № 109-ФЗ; в ред. от 28.12.2013] // СЗРФ. 2006. № 30. Ст. 3285.
6. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : федер. закон : [принят Гос. Думой 25.07.2002 № 115-ФЗ; с изм. и доп. вступ. в силу 10.01.2014] // СЗРФ. 2002. № 30. Ст. 3032.
7. О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию : федер. закон : [принят Гос. Думой 15.08.1996 № 114-ФЗ; с изм. и доп., вступает в силу 10.01.2014] // СЗРФ. 1996. № 34. Ст. 4029.
8. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон : [принят Гос. Думой 28.12.2004 № 187-ФЗ] // СЗРФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 13.
9. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 г. : утв. Президентом РФ 13 июня 2012 г. URL: <http://base.garant.ru/70188244/> (дата обращения: 19.03.2014).
10. Государственная программа «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» от 29 марта 2013 г. № 466-п. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 19.03.2014).
11. Ларионов И.А. О некоторых мерах предупреждения организации незаконной миграции // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 366. С. 250.
12. Мухатаев А. Сколько в России мигрантов // Коммерсантъ Власть. 2013. № 37.
13. Никитенко И.В. Опыт взаимодействия Федеральной миграционной службы и подразделений полиции при обеспечении миграционной безопасности в Дальневосточном федеральном округе России // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2010. № 1. С. 188.
14. Шаповалов А. Пора на работу // Коммерсантъ. 2012. № 189 (4974). 15 с.
15. Россия изменила порядок пребывания в стране для выходцев из Средней Азии: Центрально-Азиатский информационный портал «News-Asia». URL: <http://www.news-asia.ru/view/tj/5730> (дата обращения: 02.03.2014).

References

1. *Konstituciya Rossijskoj Federacii* [The Constitution of the Russian Federation] : as amended by Federal Construction Law No. 6-FKZ of December 30, 2008 and No. 7-FKZ of December 30, 2008) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2009. No. 4. (In Russ.).
2. *Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah* [Code of the Russian Federation on Administrative Offenses] : feder. the law : [adopted by the State Duma on 30.12.2001 No. 19-FZ; as amended by Feder. Law of 23.07.2013 No. 249-FZ] // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 1 (Part 1). Article 1. (In Russ.).
3. *Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii* [Code of Criminal Procedure of the Russian Federation] : feder. the law : [adopted by the State Duma on 18.12.2001 No. 174-FZ; as amended by Feder. the law of 03.02.2014, with amendments. from 18.03.2014 (with amendments and additions, intro. effective from 15.02.2014)] // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2001. No. 52 (part I). Article 4921. (In Russ.).
4. *Mezhdunarodnaya konvenciya o zashchite prav vsekh trudyashchihsya-migrantov i chlenov ih semej* [International Convention on the Protection of the Rights of All Migrant Workers and Members of Their Families]. URL: <http://www.un.org>. (accessed: 03/19/2014). (In Russ.).
5. *O migracionnom uchete inostrannyh grazhdan i lic bez grazhdanstva v Rossijskoj Federacii* [On migration registration of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation] : feder. the law : [adopted by the State Duma on 18.07.2006 No. 109-FZ; as amended. dated 12.28.2013] // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2006. No. 30. St. 3285. (In Russ.).
6. *O pravovom polozhenii inostrannyh grazhdan v Rossijskoj Federacii* [On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation] : feder. the law : [adopted by the State Duma on 25.07.2002 No. 115-FZ; with amendments and additions. introduction. effective 10.01.2014] // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2002. No. 30. St. 3032. (In Russ.).

7. On the procedure for leaving the Russian Federation and entering the Russian Federation : feder. the law : [adopted by the State Duma on 15.08.1996 No. 114-FZ: with amendments and additions, enters into force on 10.01.2014] // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. No. 34. St. 4029. (In Russ.).

8. *O vnesenii izmenenij v Uголовный кодекс Rossijskoj Federacii, Uголовно-процессуальный кодекс Rossijskoj Federacii i Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah* [On Amendments to the Criminal Code of the Russian Federation, the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and the Code of the Russian Federation on Administrative Law Violations] : feder. the law : [adopted by the State Duma on 12/28/2004 No. 187-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2005. No. 1 (Part 1). Article 13. (In Russ.).

9. *Koncepciya gosudarstvennoj migracionnoj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 g.* [The concept of the state migration policy of the Russian Federation for the period up to 2025] : approved. By the President of the Russian Federation on June 13, 2012 URL: <http://base.garant.ru/70188244/> (accessed: 03.19.2014). (In Russ.).

10. *Gosudarstvennaya programma "Social'no-ekonomicheskoe razvitie Dal'nego vostoka i Bajkal'skogo regiona"* [State program "Socio-economic development of the Far East and the Baikal region"] dated March 29, 2013 No. 466-R. URL: <http://www.consultant.ru> (accessed: 19.03.2014). (In Russ.).

11. Larionov I.A. *O nekotoryh merah preduprezhdeniya organizacii nezakonnoj migracii* [On some measures to prevent the organization of illegal migration] // Vestnik Tomsk State University. 2013. No. 366. P. 250. (In Russ.).

12. Mukhataev A. *Skol'ko v Rossii migrantov* [How many migrants in Russia] // Kommersant Power. 2013. № 37. (In Russ.).

13. Nikitenko I.V. *Opyt vzaimodejstviya Federal'noj migracionnoj sluzhby i podrazdelenij policii pri obespechenii migracionnoj bezopasnosti v Dal'nevostochnom federal'nom okruge Rossii* [Experience of interaction between the Federal Migration Service and police departments in ensuring migration security in the Far Eastern Federal District of Russia] // Oikumena. Regional studies. 2010. No. 1. P. 188. (In Russ.).

14. Shapovalov A. *Pora na rabotu* [Time to go to work] // Kommersant. 2012. No. 189 (4974). 15 p. (In Russ.).

15. *Rossiya izmenila poryadok prebyvaniya v strane dlya vyhodcev iz Srednej Azii: Central'no-aziatskij informacionnyj portal "News-Asia"* [Russia has changed the order of stay in the country for immigrants from Central Asia: Central Asian information portal "News-Asia"]]. URL: <http://www.news-asia.ru/view/tj/5730> (accessed: 02.03.2014). (In Russ.).

Информация об авторах

Н.Г. Менделев – кандидат социологических наук, доцент;

А.М. Шкуркин – доктор философских наук, профессор;

Е.Л. Луценко – кандидат социологических наук, доцент.

Information about the authors

N.G. Mendelev – Candidate of Science (Sociology), Associate Professor;

A.M. Shkurkin – Doctor of Science (Philosophy), Professor;

E.L. Lutsenko – Candidate of Science (Sociology), Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 10.01.2022; одобрена после рецензирования 01.02.2022; принята к публикации 20.02.2022.
The article was submitted 10.01.2022; approved after reviewing 01.02.2022; accepted for publication 20.02.2022.

1. В журнале печатаются рукописи, как правило, не публиковавшиеся ранее.

2. Все поступившие в редакцию статьи проходят рецензирование.

3. Публикация статей бесплатная.

4. Требования к рукописи, представляемой в редакционную коллегию, размещены на официальном сайте журнала – <http://www.eastjournal.ru/docs/author.htm>

5. Материалы, не имеющие научного аппарата или неправильно оформленные, не соответствующие указанным выше правилам, не рассматриваются. Рукописи не возвращаются.

6. К рукописи должны прилагаться следующие сведения об авторе: ФИО, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, рабочий адрес, телефон, e-mail.

7. К рассмотрению принимаются материалы, поступившие только на официальную электронную почту журнала: journal@festu.khv.ru.

1. The journal publishes materials which have not been published before.

2. The articles submitted to the editorial board undergo a reviewing procedure.

3. The publication is free of charge.

4. The requirements for manuscripts submitted to the editorial board – <http://www.eastjournal.ru/docs/author.htm>

5. Materials without substantiated research support or not corresponding to the rules mentioned higher will not be considered. Manuscripts will not be returned.

6. The following data about the author should be attached to the manuscript: first name, middle name initial, last name, academic degree, academic title, place of employment, postal address, work address, home address, office phone number, home telephone number, fax, e-mail.

7. Please address the materials to the following e-mail: journal@festu.khv.ru

Наш журнал распространяется по подписке и поступает в розничную продажу.

Подписку на журнал можно оформить по каталогу АО «Почта России». Подписной индекс – ПП959.

Научное издание

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Научно-теоретический журнал

Том XIX

Выпуск 2, 2022

Под общей научной редакцией Ю.М. Сердюкова

Редактор *Т.М. Яковенко*

Технический редактор *И.А. Нильмаер*

План 2022 г. Поз. 12.6. Подписано в печать 15.06.2022 г. Дата выхода в свет 29.06.2022 г.
Усл. печ. л. 25,3. Зак. 81. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–60 экз.). Цена 450 р.

Отпечатано в издательстве ДВГУПС.

Адрес издательства и типографии: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47.